

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

**КРІЗЬ ПРИЗМУ ПАМ'ЯТІ І ЧАСУ:
ОДЕСЬКИЙ РІШЕЛЬЄВСЬКИЙ ЛІЦЕЙ
У СПОГАДАХ СУЧАСНИКІВ**

До 200-річчя від дня заснування

Одеса
2017

УДК 94(477.74-21):373.58:82-94
ББК 63.3(4Ук-4Од-2О)521-7
К823

*Рекомендовано до друку Вченою радою
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
Протокол № 7 від 28 березня 2017 р.*

О. О. Синявська – автор передмови, історичного розділу, упорядник спогадів та коментарів – кандидат історичних наук, доцент, доцент кафедри історії України ОНУ імені І. І. Мечникова.

В. М. Хмарський – відповідальний редактор – доктор історичних наук, професор, проректор ОНУ імені І. І. Мечникова.

Рецензенти:

І. С. Гребцова – доктор історичних наук, професор, професор кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;

В. Г. Кушнір – доктор історичних наук, доцент, декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;

Л. Г. Білоусова – кандидат історичних наук, заступник директора Державного архіву Одеської області.

К823 Крізь призму пам'яті і часу: Одеський Рішельєвський ліцей у спогадах сучасників / автор-упорядник О. О. Синявська. – Одеса: Бондаренко М.О., 2017. – 298 с.: іл.

ISBN 978-617-7424-34-4

В книзі зібрані мемуари, присвячені Одеському Рішельєвському ліцею, за період з 1820-х років і до перетворення ліцею в університет. Спогади, які є цінним джерелом для вивчення історії навчального закладу, передають відчуття епохи, атмосферу ліцею, його колорит, специфіку, віддзеркалюють моральні установки, поведінку та суспільні погляди професорів, повсякдення ліцействів.

Книга розрахована на науковців, істориків, краєзнавців, усіх, хто цікавиться історією Одеси.

УДК 94(477.74-21):373.58:82-94
ББК 63.3(4Ук-4Од-2О)521-7

ISBN 978-617-7424-34-4

© О. О. Синявська, 2017

З М І С Т

Передмова.....	5
Одеський Рішельєвський ліцей: віхи історії.....	11
<i>Народження.....</i>	11
<i>Від французького лоску до обрусіння.....</i>	14
<i>Перша спроба модернізації.....</i>	16
<i>Трансформації: початок «нової ери».....</i>	21
<i>У пошуках нового статусу.....</i>	26
<i>На шляху до університету.....</i>	30
<i>Сумароков А.</i> Воспоминания об Одесском Ришельевском лицее с 1820 по 1828 г.....	35
<i>К чествованню памяти Пушкина.</i> <i>Из воспоминаний А. Сумарокова и Н. Тройницкого.....</i>	83
<i>Внутренняя жизнь Ришельевского лицея</i> <i>в 20-х годах XIX века.....</i>	87
<i>Записки Николая Никифоровича Мурзакевича.....</i>	93
<i>Греч Н. И.</i> Воспоминания о Дмитрие Максимовиче Княжевиче.....	117
<i>Селецкий П. Д.</i> Одесса и адъюнкт-профессорство.....	124
<i>Шершеневич И. Г.</i> Из памяти одесского старожила.....	130
<i>Чижевич О. О.</i> Город Одесса и одесское общество.....	137

<i>Филиппов М. А.</i> Профессоры брата Бруны. Из воспоминаний.....	142
<i>Маркевич А. И.</i> Поправки и дополнения к статье «Профессоры брата Бруны».....	153
<i>Скальковский К.</i> Первая Одесская гимназия. Детство и юность.....	157
Воспоминания <i>Е. Ф. Клименко</i>	162
Воспоминания о Ришельевском лицее бывшего студента <i>Н. Е. Славинского</i>	182
<i>Докс В. Ф.</i> Воспоминания о Ришельевском лицее.....	198
Воспоминания бывшего студента Ришельевского лицея 1857-1861 г. <i>Александра Бржосниовского</i>	202
<i>Кочубинский А.</i> Из личных воспоминаний.....	229
<i>Лысаковский К.</i> Мемуары о Ришельевском лицее и Ришельевской гимназии конца 50-х – начала 60-х годов.....	238
Ришельевский лицей. Воспоминания <i>М. В. Шимановского</i>	265
Коментарі.....	271
Іменний покажчик.....	292

***Ми захоплюємося старовиною,
але живемо сучасністю.
Овідій***

П Е Р Е Д М О В А

Важко уявити Одесу без вулиці Дерибасівської. Саме тут, на головній вулиці південної красуні, в самому її серці, розташований непоказний з першого погляду двоповерховий будинок, розтягнутий на півкварталу між вулицями Дерибасівською і Ланжеронівською, що фасадом виходить на Катерининську. Одесити знають: саме у цьому приміщенні у першій половині XIX ст. розташовувався Рішельєвський лицей – перший осередок освіти і науки Одеси та всього південного регіону. Тут бував знаменитий О. С. Пушкін, викладав видатний Д. І. Менделєєв, навчався відомий Г. Г. Маразлі.

Початок досліджень історії Рішельєвського лицю сміливо можна відносити ще до періоду існування цього навчального закладу, адже перша праця «Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея» (Одеса, 1857), автором якої був інспектор лицю Й. Г. Михневич, з'явилася як перша історіографічна рефлексія на існування лицю. І хоча цю працю неодноразово піддавали критиці за офіціоз та казенний патріотизм навіть його сучасники, наукова цінність її залишається безперечною.

З того часу історіографічний інтерес постійно зростав, активізуючись напередодні різноманітних ювілеїв. Так, до першого 25-літнього ювілею спадкоємця Одеського Рішельєвського лицю – Новоросійського університету – було видано ґрунтовне дослідження професора О. І. Маркевича «Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета» (Одеса, 1890), в першому розділі якого, на основі вивчених архівних матеріалів, вчений докладно відтворив історію перетворення лицю на університет. До першої чверті існування університету та 80-ліття лицю була видана збірка «Ришельевский лицей и Императорский Новороссийский университет. Сборник, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета» (Одеса, 1898), у передмові якої значилося, що це перший досвід видання матеріалів до історії лицю і університету, який планувалося продовжити, але плани редакційного комітету так і не

були здійснені. Натомість у 1903 році побачило світ дослідження ліцеїста 1853 року випуску М. І. Ленца «Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский лицей. 1804-1817» (Одеса, 1903).

Із присвячених історії Одеського Ришельєвського ліцею досліджень радянської доби вирізняється праця історика, професора Одеського державного університету А. Г. Готалова-Готліба «Ришельевский лицей – предшественник Новороссийского (Одесского) университета. Историографическое исследование. Ч.1. (1818-1837 гг.)» (Одеса, 1940). Екскурси в історію ліцею зустрічаються і на сторінках ювілейних університетських видань.

На сучасному етапі інтерес до вивчення історії Одеського Ришельєвського ліцею зростає. Зокрема, відзначимо змістовний нарис під назвою «Ришельєвський лицей як попередник університету в Одесі» у ґрунтовному виданні до 150-річчя першого вищого навчального закладу у південному регіоні України – Одеського національного університету імені І. І. Мечникова («Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова: история та современность (1865–2015)»; Одеса, 2015).

Істориків, краєзнавців та й просто небайдужих до історії Ришельєвського ліцею цікавило все – від урядової політики щодо ліцею як навчального закладу підвищеного типу до повсякденного життя ліцеїстів. У цьому аспекті значну допомогу дослідникам надають як офіційні документи – різноманітні укази, статuti, протоколи, особові справи тощо, так і наративні джерела, серед яких особливе місце належить спогадам.

Саме спогади, будучи оповідним джерелом, вигідно відрізняються від інших різновидів мемуарної літератури як самим жанром, його законами і специфікою, так і більшою суб'єктивністю, зумовленою тим, що вони повніше відбивають індивідуальність автора, його симпатії чи антипатії. Особливість їх полягає в тому, що стрижнем подачі інформації, її організації, форми і структури виступає сам автор, через призму поглядів якого відбиваються й оцінюються всі факти, події, свідком або учасником яких він був сам чи дізнався про них з інших джерел.

Історіографи Ришельєвського ліцею давали різні оцінки діяльності цього навчального закладу, намагаючись визначити періоди злету і занепаду, потребу та специфіку реформування, простежити

формування викладацького корпусу, особливості навчального процесу, співвіднести наукові заняття з розвитком прикладних наук. Комплексний аналіз аспектів функціонування ліцею дає можливість визначити декілька періодів в історії його діяльності, які досить нерівномірно висвітлені у мемуарній літературі.

Перший період визначається першим двадцятиліттям ліцею – це найбільш насичений пошуками «свого» обличчя період, який, за висловом відомого історика А. Г. Готалова-Готліба, розпочинає «французька ера», а завершує підготовка докорінної зміни системи навчання з метою наближення до університетської. Цей період є найбільш віддаленим, а, отже, і найменш висвітленим в мемуарній літературі. Найбільш ґрунтовними спогадами про цей час є спогади вихованця ліцею Олександра Сумарокова, опубліковані за ініціативою самого автора у газеті «Одесский вестник» у 1885 році. Він – яскравий представник середнього стану, потрапив до ліцею у віці 12 років і навчався в період з 1820 по 1828 рік. Провчившись два роки у початковому училищі, О. Сумароков був зарахований до Педагогічного інституту ліцею, після закінчення якого певний час у пошуках роботи перебував в самому ліцеї, тому його спогади наповнені інформацією як про організацію навчального процесу в епоху абата Ніколя – Ремі Жилле – А. Гейнлета, так і внутрішнє життя ліцеїстів.

Другий період в історії Рішельєвського ліцею хронологічно визначаємо 1837 – 1856 роками і характеризуємо як період реформування структури ліцею, навчальної системи та змісту освіти, внаслідок чого сформувалася основа для функціонування ліцею як вищого навчального закладу. Цей період в основному представлений спогадами викладачів ліцею і про викладачів ліцею. Пальму першості у цьому блоці віддаємо спогадам М. Н. Мурзакевича, в яких поєднано як власні спогади автора (про період його викладацької діяльності в Рішельєвському ліцеї), так і загальна інформація про заснування, устрій, внутрішній розпорядок в ліцеї до 1830-х років. Досить оригінальною є запропонована М. Н. Мурзакевичем періодизація історії Рішельєвського ліцею: період Ш.-Д. Ніколя він називає «стародавнім» періодом, управління Р. Жилле, І. Орляя та І. Дудровича – «середньовіччям», а з призначенням Н. Ф. Покровського на посаду попечителя Одеського навчального округу розпочався, на його думку, «новий» період в історії ліцею –

саме в цей період автор мемуарів розпочав свою ліцейську кар'єру. У своїх спогадах М. Н. Мурзакевич, здається, концентрував увагу абсолютно на всіх аспектах життя ліцею, подаючи інформацію без зайвого захоплення, а часто навіть занадто критично.

Третій період в історії Рішельєвського ліцею розпочинається з активної діяльності попечителя М. І. Пирогова, який не тільки узагальнив думки викладацької частини ліцею щодо перетворення його на університет, а й активізував цей процес як на рівні ліцею та одеської громадськості, так і на рівні міністерства народної освіти. До цього періоду відноситься найбільша кількість спогадів бувших студентів Рішельєвського ліцею, зібраних стараннями професора Новоросійського університету І. А. Линниченка. Ще напередодні 100-літнього ювілею у вченого народилася ідея видати другий том збірки «Ришельевский лицей и Императорский Новороссийский университет. Сборник, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета». На прохання професора були написані спогади про навчання в ліцеї його сучасників – професорів Новоросійського університету Є. Ф. Клименка та М. В. Шимановського, директора поштово-телеграфного музею в Санкт-Петербурзі М. Є. Славинського, гласного Одеської думи В. Ф. Докса, завідувача музею в Новоросійському університеті О. П. Бржосніовського, викладача Ромненської гімназії К. Лисаковського. Всі вони переважним чином торкалися останнього десятиліття в історії Рішельєвського ліцею, а оцінки, що звучали в цих текстах, були достатньо строкатими. На жаль, здійснити свою ідею І. А. Линниченко так і не зміг, підготовлене видання так і не побачило світ, адже країна стояла на порозі великих політичних потрясінь. У 1919 році професор залишив Одесу назавжди, зібрані ним матеріали зберігаються тепер серед паперів в його особистому фонді в Державному архіві Одеської області.

У сучасному джерелознавстві виділяють два типи спогадів: мемуари-«сучасні історії» та мемуари-автобіографії. Мемуари-«сучасні історії» (в англомовній історіографії – Contemporary History) розглядаються як вид джерела особового походження, метою якого є індивідуальна фіксація суспільно значущих подій з метою передачі їх нащадкам. Очевидно, що мемуари-«сучасні історії» вже на момент написання розраховані на публікацію. Та все ж, майже завжди, автори цього виду мемуарів планують їхнє опублікування за якийсь час по тому, хоча іноді публікація відбувається відразу. Проміжок часу між

створенням і публікацією мемуарів залежить від різних причин: як від особистої зацікавленості автора, так і від зовнішніх чинників (сприятливих або ні – суспільної потреби у мемуарах, цензурних заборонах тощо). Мемуари-автобіографії мають на меті встановлення вторинних соціальних зв'язків мемуариста в «еволюційній єдності». Мемуари-автобіографії мають зазвичай внутрішньо-родинні (фамільні) цілі та призначаються для безпосередніх нащадків. Автори мемуарів-автобіографій намагаються передати не історичний, а індивідуальний досвід, що пояснює довільний відбір інформації у відповідності з поглядами особи мемуариста.

Прикметною особливістю спогадів сучасників Одеського Рішельєвського ліцею є те, що вони відносяться до обох типів – як написані спеціально для публікації, так і вплетені в контекст спогадів про особисте життя. До першої групи віднесемо спогади О. Сумарокова, Є. Клименка, М. Шимановського, М. Славинського, В. Докса, О. Бржосніовського, К. Лисаковського, адже написані вони були спеціально для публікації. Переважна більшість інших мемуарів відноситься до другої групи – автори згадують час перебування в лицейі або на тлі загальних спогадів про своє життя в Одесі (Й. Шершеневич, О. Чижевич, П. Селецький), або в контексті власної автобіографії (М. Мурзакевич, К. Скальковський). Є декілька спогадів, які утворюють третю групу – мемуари про знакових осіб, що зіграли визначальну роль в історії лицейі – спогади М. Греча про Д. М. Княжевича, М. Філіппова про братів П. К. і Г. К. Брунів, О. Кочубинського про М. І. Ленца.

Отже, дане археографічне видання має на меті ознайомити читачів з найбільш колоритним зрізом джерельного матеріалу до історії Одеського Рішельєвського лицейі – спогадами його сучасників. Враховуючи окреслені вище особливості мемуарної літератури, зовсім не випадковою є назва книги – «Крізь призму пам'яті і часу: Одеський Рішельєвський лицей у спогадах сучасників». Адже спогади є цінним джерелом для вивчення історії лицейі, передають не тільки хронологічний фактаж подій лицейського життя, перелік предметів та інформацію про викладачів, а і висвітлюють найголовніше – «смак» епохи, атмосферу лицейі, його колорит, специфіку, віддзеркалюють моральні установки, поведінку та суспільні погляди професорів, повсякдення лицейістів. Правдивість, фактографічність, і поряд із цим щирість викладених думок та почуттів крізь призму пам'яті і часу

викликає інтерес, захоплення, іноді невдоволення, сумніви, однак ніколи й нікого не залишає байдужим до минулого.

Структурно видання складається із двох частин. Перша включає передмову та оглядову статтю під назвою «Одеський Рішельєвський лицей: віхи історії». Передмова акцентує увагу на особливості мемуарної літератури для вивчення історії Одеського Рішельєвського лицю. Оглядова стаття має на меті провести читача по головних стежках історії навчального закладу, послідовно розглянути процес його народження, періоди трансформації і модернізації, перетворення в університет.

Основна частина складається із самих спогадів та коментарів до них. Всього у книзі зібрано 18 мемуарів, які розташовані у хронологічній послідовності і дають уявлення про життя лицю, особливості навчального процесу, характеристику викладачів та повсякдення лицейців з 1820-х років до перетворення навчального закладу в університет. У публікаціях збережені стиль, авторські назви текстів, поділи на розділи (підрозділи).

Спогади мають різні джерела їх створення. В одних випадках вони ґрунтуються лише на пам'яті автора, в інших – на записах, які вів автор у процесі описуваних подій, нерідко мемуаристи зверталися до документів, архівних матеріалів, періодики. У такому випадку в текстах наведені авторські примітки, оформлені підрядковими посиланнями з латинською нумерацією.

Коментарі містять коротку довідку про кожного з авторів та його текст, необхідні пояснення та уточнення. Бібліографічна інформація про місце і час публікації для раніше вже опублікованих спогадів та про зберігання архівних матеріалів розміщується в коментарях після заголовку. Біографічні дані особистостей – викладачів, лицейців, попечителів тощо – наводяться у коментарях у зв'язку з їх першим згадуванням у тексті на сторінці, що відмічена курсивом в іменному покажчику.

Маємо надію, що дане видання буде корисним та стане у нагоді науковцям, історикам, краєзнавцям, і всім тим, хто цікавиться історією Одеси.

***В дійсності не історія належить нам,
а ми належимо історії.***

Ганс Гадамер

ОДЕСЬКИЙ РІШЕЛЬЄВСЬКИЙ ЛІЦЕЙ: ВІХИ ІСТОРІЇ

Народження.

Днем народженням Рішельєвського ліцею традиційно вважається 2 (14) травня 1817 року – день, коли було затверджено Статут та штат навчального закладу. Відповідно указу ліцей створювався на базі Одеського комерційного училища та Одеського благородного інституту, заснованих в перше десятиліття XIX ст., і отримував назву «Рішельєвський» в пам'ять про заслуги герцога А.-Е. Рішельє на освітянській ниві в Одесі та краї.

Першим директором Рішельєвського ліцею став абат Шарль Домінік Ніколь, знаний в Одесі педагог, соратник герцога Рішельє, директор Одеського благородного інституту, автор «Начертаний правил виховання в обоих Одесских благородных институтах»¹ та проекту заснування ліцею. Його заступником став колецький асесор і близький друг абата Ремі Аксиф'євич Жилле. Саме він очолив підготовку до повноцінного функціонування ліцею. Значну підтримку у справі відкриття Рішельєвського ліцею надав одеський градоначальник О. Ф. Ланжерон, який очолив тимчасове правління ліцею і особисто піклувався про вирішення адміністративних та господарських питань.

Офіційне відкриття ліцею відбулося 7 січня 1818 року за присутності міської адміністрації та одеської громадськості. З урочистою промовою виступили голова правління ліцею О. Ф. Ланжерон, заступник директора Р. Жилле, викладачі І. Жаданов, П. Мальчевський, І. Дудрович, А. Піллер. Промови звучали французькою, італійською, російською, грецькою мовами, латиною, що було дуже символічним для ліцею, його викладачів та майбутніх вихованців. Розташовувався ліцей у приміщенні бувших Одеської комерційної гімназії та Одеського благородного інституту по вулиці Гімназійній (сучасна Дерибасівська).

¹ Начертание правил воспитания в обоих Одесских благородных институтах. Одесса, 1814.

Рішельєвський ліцей став першим навчальним закладом підвищеного типу в межах українських земель і другим за часом створення ліцеєм в Російській імперії після Царськосельського. За словами сучасників, звістка про відкриття ліцею викликала у першого міністра Франції сльози радості. Рішельє тут же написав листа подяки мешканцям Одеси, а згодом подарував ліцею своє генерал-губернаторське грошове утримання, залишене Олександром I за Рішельє на час його перебування у Франції.

Відкриття Рішельєвського ліцею в Одесі мало широкий громадський резонанс. Педагогічний авторитет абата Ніколя сприяв тому, що титулована знать, місцеві військові і цивільні чиновники, купці – всі, хто міг дозволити собі витратити чималі гроші на освіту дітей (1200 рублів асигнаціями на рік) – охоче віддавали своїх синів до ліцею під опіку абата. Аристократія, російська і іноземна, поставилася до нового ліцею з великим ентузіазмом: на виховання в Одесу стали посилати дітей як з великих міст, так і з провінцій.

Організаційні засади Рішельєвського ліцею були визначені Статутом², за яким для керівництва навчальною та господарською частинами створювалося Правління з широким колом повноважень, проте адміністративно ліцей був підпорядкований попечителю Харківського навчального округу і не отримав цілковитої самостійності.

Система освіти в ліцеї включала декілька рівнів: початковий «підготовчий» рівень для дітей від 8 до 10 років; середній «літературний» рівень для юнаків від 10 до 16 років і завершальний рівень «вищих наук» для молодих людей від 16 до 18 років. Початкове училище при ліцеї складалося з двох класів. Навчання було безкоштовним, а випускники користувалися правом продовжувати освіту в Педагогічному інституті або в зовнішніх класах ліцею. В ліцеї було відкрито дев'ять професорських кафедр: філософії; математики і фізики; російської, латинської і грецької риторики, словесності, граматики; італійської мови та словесності; французької граматики та географії, французької словесності та історії; військових наук. Протягом 1818 – 1820 років в ліцеї існувало чотири класи: підготовчий, граматичний, словесний, риторичний, а в 1820 році розпочав роботу п'ятий клас – філософії.

² Образование и устав Ришельевского лицея в Одессе. СПб, 1818. 88 с.

Для викладання фахових дисциплін, близьких до тих, що вивчали в університетах, при ліцеї були створені додаткові училища – комерційних наук та училище правознавства і політичної економії. Для викладання в них запроваджувалися посади професорів правознавства, політичної економії, комерції та німецької мови. Невід'ємною частиною Рішельєвського ліцею став Педагогічний інститут, що був заснований з метою підготовки наставників для ліцею. У нього щорічно могли вступати 24 вихованця, які безкоштовно отримували освіту, але після закінчення повного курсу навчання повинні були прослужити в ліцеї чотири роки на посаді наглядачів і два роки на посаді ад'юнктів. Таким чином передбачалося, що ліцей отримає блискучих педагогів, здатних зберегти традиції і працювати на благо навчального закладу, якому вони зобов'язані своїм вихованням і освітою.

Корпус вихованців ліцею складався з трьох окремих частин: пансіонерів, вихованців Педагогічного інституту та «сторонніх» вихованців. З вихованців Педагогічного інституту формували відділення (класи) нарівні з пансіонерами. Пансіонери і вихованці Педагогічного інституту разом створювали «внутрішні» класи, оскільки вони постійно перебували в ліцеї, їх загальна кількість дорівнювала 120 особам. «Сторонні» вихованці проживали в місті, а до ліцею ходили тільки на заняття. Вони складали «зовнішні» класи із загальною кількістю учнів не більше 250 осіб. Термін навчання у «внутрішніх» класах ліцею становив 10 років, у «зовнішніх» класах – 8 років. Фактично внутрішні класи ґрунтувалися на принципах колишнього Благородного інституту, а зовнішні – колишньої Комерційної гімназії. Іноді ліцеєм у вузькому сенсі слова називали тільки внутрішні класи. Якщо пансіонерами ліцею були діти із забезпечених родин поміщиків, чиновників чи купців, то зовсім іншим був склад вихованців Педагогічного інституту, де навчалися переважно сини незначних чиновників, обер-офіцерів, а також деяких ліцейських посадових осіб. Утримувались вони за рахунок стипендії герцога А.-Е. Рішельє. Згодом деякі вихованці Педагогічного інституту отримали можливість після закінчення ліцею продовжувати освіту в університетах за ліцейський рахунок.

Таким самим неоднорідним був і педагогічний склад Рішельєвського ліцею. Найближче до Ш. Д. Ніколя знаходилися його креатури – заступник директора, професор французької словесності

та історії Р. Жилле, професор французької граматики і географії, викладач римо-католицького Закону Божого абат Ф. Буавен та професор математики і фізики А. О. Віард, вихованець знаменитої Паризької політехнічної школи, колишній офіцер інженерних частин наполеонівської армії і кавалер ордена Почесного легіону. До «французької групи» Ш. Д. Ніколя також входили ад'юнкти та викладачі Н. Ф. Нодо, Ж. Лоран, Ж.-Б. Буше, Ж. Лельєвр, Б. Маржерен. Інше коло викладачів складало колишні вчителі Благородного інституту та Комерційної гімназії, в минулому переважно вихованці Харківського університету. Після відкриття ліцею посаду викладача філософії отримав І. І. Дудрович, а посаду професора комерційних наук – І. Д. Жаданов. Протягом наступних п'яти років колишній студент Харківського університету, вчитель Комерційної гімназії, а потім ад'юнкт О. І. Ковалевський був призначений на посаду професора російської, латинської та грецької словесності; магістри Харківського університету Є. М. Шкляревич та Т. Ф. Гриневиц – відповідно на посади ад'юнкта і викладача російської та латинської словесності та професора латинської і російської риторики³. До середини 1820-х років викладацький корпус Рішельєвського ліцею поповнився новими обличчями, а французи виїхали з Одеси (останнім залишив ліцей А. О. Віард у 1827 році). Серед них був і Ш. Д. Ніколь, якого звинуватили в прозелітизмі та звільнили зі служби. Як адміністратор він так і не зміг пристосуватися до умов існування російської бюрократичної системи, і поплатився за це відстороненням від посади директора Рішельєвського ліцею. На початку 1820-х років абат Ніколь став ректором Паризької академії, заснованої на базі Паризької колегії св. Варвари⁴.

Від французького лоску до обрусіння.

Після відставки Ніколя його покровитель граф О. Ф. Ланжерон швидко втратив інтерес до ліцею. У 1820 році він відмовився від посади одеського градоначальника, а значить і від головування в Правлінні. Обов'язки президента Правління протягом наступних трьох років виконували градоначальники М. Я. Трегубов, генерал-майор

³ Михневич И. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея. Одесса, 1857. С.72-75.

⁴ Юрченко П., Яковлев В. Аббат Николь и первые годы Ришельевского лицея // Ришельевский лицей и Императорский Новороссийский университет. Сборник, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Одесса, 1898. С. 68.

Є. Ф. Гекель, граф О. Д. Гур'єв. У грудні 1819 року, після від'їзду з Одеси абата Ніколя, Р. Жилле став спочатку виконуючим обов'язки директора, а з січня 1820 року був призначений на посаду директора Рішельєвського ліцею⁵. Два першочергових завдання стояли перед новим директором: збереження репутації ліцею як зразкового виховного закладу та вирішення питання щодо адміністративного підпорядкування ліцею. Намагаючись вирішити перше завдання, Р. Жилле в червні 1821 року підписав «Правила для інспекторів и надзирателей»⁶, головна мета яких – налагодити дисципліну в ліцеї. Складнішим виявилось друге завдання. Усунення абата Ніколя з ліцею не знищило ґрунту для конфлікту між попечителем Харківського навчального округу і керівництвом ліцею. Р. Жилле, ставши директором, опинився у вельми складних обставинах. З одного боку, він прагнув в цілому зберегти запровадженій абатом устрій ліцею; з іншого – йому потрібно було знайти компроміс з попечителем.

Протягом перших п'яти років існування Рішельєвського ліцею в Одесу з ревізіями було направлено трьох візитаторів Харківського університету. Донесення З. Я. Карнеєва, В. Я. Джунковського, Д. Т. Мізка послужили підставою для записки «О расстройстве Ришельевского лицея, требующем перемены Устава и Директора», а 10 жовтня 1821 року за поданням Комітету міністрів Олександр І підписав указ, згідно з яким Головному Правлінню училищ дозволено приступити до розробки нового Статуту. Ремі Жилле був звільнений з посади директора Рішельєвського ліцею⁷. Місце директора отримав Йозеф Алоїз фон Гейнлет (1769 - 1856), який до того часу недовго обіймав посаду директора училищ Ліфляндської губернії. Він прибув до Одеси і приступив до виконання своїх обов'язків на початку березня 1822 року⁸. На відміну від своїх попередників, цей директор не мав ніякого педагогічного досвіду. Йому взагалі важко було спілкуватися з викладачами та вихованцями, адже він майже не знав російської мови, а французькою розмовляв з сильним німецьким акцентом. Між ним, викладачами і членами Правління ліцею склалися відверто неприязні стосунки, не користувався він повагою і серед вихованців.

⁵ Маркевич А. И. Реми Жилле // Ришельевский лицей... Одесса, 1898. С.75.

⁶ Держархів Одеської обл. Ф.44 (Ришельевский лицей). Оп. 1 (1821). Спр. 31. Арк.2-10зв.

⁷ Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп.1 (1821). Спр.37. Арк.8-9.

⁸ Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп.1 (1822). Спр.35. Арк.2-3.

Чотири роки директорства А. Гейнлета в Рішельєвському ліцеї характеризувалися занепадом виховних традицій абата Ніколя, які сприймалися тодішнім суспільством як зразкові. Через це у першій половині 1820-х років чисельність пансіонерів в ліцеї знизилася настільки, що указом від 2 жовтня 1822 року, всупереч вимогам Статуту, пансіонерів було дозволено приймати не тільки в початковій, але й в усі інші класи⁹. Незважаючи на такі кардинальні заходи, кількість вихованців Рішельєвського ліцею значно скоротилася: якщо в 1822 році в ліцеї здобували освіту 272 особи (105 пансіонерів та 167 учнів зовнішніх класів), то вже в 1823 році – тільки 236 осіб (відповідно 91 пансіонер та 145 учнів зовнішніх класів)¹⁰.

Ситуація дещо поліпшилася у квітні 1823 року із запровадженням посади управляючого Рішельєвським ліцеєм. Ним став начальник південних військових поселень генерал-лейтенант І. І. Вітт, діяльність якого поклала край втручанням харківського попечителя у ліцейські справи. І хоча управляючий особисто нечасто бував в ліцеї, передоручивши безпосередній нагляд за справами навчального закладу своїм помічникам з особливих доручень С. І. Фінікову, а згодом А. А. Суходольському, у його канцелярії був підготовлений проект реформування навчальної частини ліцею. Цей проект так і не був втілений в життя, хоча окремі положення були враховані при подальших перетвореннях.

У лютому 1825 року А. Гейнлет був змушений залишити ліцей. Виконання обов'язків директора граф І. І. Вітт доручив професору І. І. Дудровичу, а влітку 1825 року призначення на посаду директора отримав князь О. Шаховський, який раптово помер, так і не прибувши до Одеси.

Перша спроба модернізації.

Корінні зміни в ліцеї пов'язані з іменем Івана Семеновича Орлая (1770 – 1829), який був призначений директором указом від 12 серпня 1826 року¹¹. Уродженець Закарпаття, І С. Орлай належав до своєрідної закарпатської діаспори, яка склалася в Російській імперії на рубежі XVIII - XIX століть та висунула зі свого середовища ряд видатних державних і громадських діячів. Новий директор був людиною з широким колом інтересів, займався медициною, історією,

⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. СПб, 1875. С.1687.

¹⁰ Михневич И. Исторический обзор... Одесса, 1857. С.101.

¹¹ Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп.1 (1826). Спр. 13. Арк 3-3зв.

педагогікою. До призначення в ліцей І. С. Орлай вже мав чималий педагогічний досвід. Крім того, що йому ще в молодості довелося вчителювати, він у 1821 - 1826 роках обіймав посаду директора Ніжинської гімназії вищих наук князя О. Безбородька. Прихильник класичної освіти, І. С. Орлай виступав проти схоластики в навчально-виховній роботі з учнями, палко обстоював поширення нових методів навчальної роботи, вимагав індивідуального підходу до учнів.

Отримавши нове призначення, І. С. Орлай відразу ж почав клопотатися про розширення повноважень директора ліцею, зокрема, в управлінні ліцеєм. Йому першому з директорів ліцею було надано головування як у навчальній, так і в господарській частині. Наступним, не менш важливим завданням, ніж здобуття цілковитого керівництва, для І. С. Орлая в Рішельєвському ліцеї стала реорганізація його структури. Підготовлений директором проект Статуту Рішельєвського ліцею¹² мав за мету прирівняти ліцей до інших навчальних закладів такого ж типу та спирався на попередній освітній проект І. С. Орлая - «Мнение о преобразовании училищ в России» (опублікований заходами М. О. Лавровського тільки у 1879 році).

Велику увагу І. С. Орлай приділив організації та змісту навчально-виховного процесу. Структурно Рішельєвський ліцей складався з трьох частин: власне ліцею, гімназії та початкового училища, при цьому ліцейське відділення за змістом освіти відповідало двом університетським факультетам - філософському і юридичному. Директор прагнув, щоб навчальні програми склалися на основі наступності. Окрім основних ліцейських дисциплін (філософії, логіки, права, історії), Іван Семенович надавав великого значення вивченню мов, використовуючи досвід Ніжинської гімназії. З цією метою утворювалися окремі відділення для вивчення граматики, синтаксису, риторики, поезики і естетики, де вихованці ліцею та гімназії могли спільно отримувати ґрунтовну мовну підготовку. В системі такого рівня філологічної освіти домінантне становище стало належати викладанню російської мови та літератури, а не іноземних мов. Обов'язковим було вивчення грецької мови та літератури. Також учні мали можливість обрати для вивчення одну з іноземних мов (німецьку, французьку чи італійську). Нова навчальна програма частково впроваджувалася в

¹² Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп. 1 (1827). Спр.1. Арк. 1-27зв.

ліцеї з грудня 1827 року¹³, а остаточно була затверджена міністерством освіти в лютому 1828 року¹⁴.

Відбулися суттєві зміни в статусі вихованців Рішельєвського ліцею. І. С. Орлай відмовився від ізоляції пансіонерів ліцею та учнів «зовнішніх» класів. Фактично це означало ліквідацію станової диференціації учнів і руйнацію замкнутого характеру ліцею, що сприяло зростанню кількості вільних слухачів. Усіх вихованців розподілено по одинадцяти класах: три класи початкового училища, чотири гімназійних, чотири ліцейських із двома відділеннями. Учнів переводили з класу в клас не через два роки, а щорічно і після складання переводних іспитів. Навчальний рік розпочинався 1 серпня і закінчувався на початку липня. Внаслідок цих змін кількість пансіонерів ліцею скоротилася і після 1828 року вже не перевищувала 65-66 осіб; натомість кількість «зовнішніх» вихованців збільшилася до 216 осіб у 1828 році, 230 осіб у 1830 році, 313 осіб у 1832 році¹⁵.

В період директорства І. С. Орлая у ліцеї гостро постало питання укомплектування педагогічного колективу кваліфікованими викладачами. У 1826 році ліцей залишили деякі педагоги, які, на думку директора, не відповідали своїм посадам: професор латинської та російської словесності І. Ф. Гриневич, наглядач Г. О. Богаєвський, ад'юнкт А. К. Бабичев. І. С. Орлай відмовився від практики обов'язкової служби в ліцеї випускників Педагогічного інституту. У 1829 році його вихованці здобули дозвіл разом з пансіонерами продовжувати освіту на філософському чи юридичному відділенні ліцею.

Директор багато зусиль витрачав на пошуки педагогів, віддаючи перевагу молодим університетським випускникам. Серед них, зокрема, кандидат Петербурзького університету І. А. Андрієвський (у 1828 – 1831 роках – професор російської словесності, за дорученням І. С. Орлая додатково викладав слов'янську граматику, основи риторики і правила поетики), кандидати Московського університету М. Д. Курляндцев (професор фізико-математичних наук у 1827 – 1835 роках, викладав на філософському відділенні та у вищих гімназійних класах, виконував обов'язки вченого секретаря) та П. В. Архангельський (професор правознавства та політичної економії

¹³ Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп. 1 (1827). Спр. 24. Арк. 11-17.

¹⁴ Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп. 1 (1828). Спр. 34. Арк. 1-4.

¹⁵ Михневич И. Исторический обзор... Одесса, 1857. С.101-102.

у 1825 – 1838 роках, викладав на юридичному відділенні). Є відомості, що І. С. Орлай протегував деяким із своїх підлеглих, зокрема, земляку-закарпатцю професору І. І. Дудровичу (саме він першим отримав посаду вченого секретаря) та сербу професору П. О. Симоновичу¹⁶.

Діяльність І. С. Орлая на посаді директора Рішельєвського ліцею важко переоцінити. Завдяки йому в ліцеї було вдосконалено навчальні програми, розроблено новий проект статуту, в якому висунуті прогресивні вимоги щодо освіти й виховання. Він не тільки змінив характер навчального процесу в ліцеї, а зробив перший важливий крок на шляху до перетворення ліцею у вищий навчальний заклад, відокремивши ліцейські класи від гімназійних.

І. С. Орлай помер 27 лютого 1829 року. Посада директора довгий час залишалася вакантною, а директорські обов'язки виконували спочатку перший інспектор І. І. Вінтер (колишній керуючий одеської митницею), а після його смерті в 1831 році – професор І. І. Дудрович. Тільки в 1832 році був призначений новий директор – Микола Іванович Сініцин (1800 – 1844), в минулому військовий моряк і викладач Морського корпусу.

З 1830-х років безпосередніми керівниками ліцею ставали попечителі новоствореного Одеського навчального округу, від їх активності та адміністративних здібностей залежав стан справ у навчальному закладі. З іменем першого попечителя Никифора Федоровича Покровського, який очолював округ у 1830-1836 роках, пов'язано реформування гімназійних класів Рішельєвського ліцею. Зокрема, було встановлено сім гімназійних класів і скасовано раніше запроваджену І. С. Орлаєм систему філологічних класів, де практикувалося вивчення мов окремо від інших предметів: відтепер вивчення мов стало звичайними навчальними дисциплінами. Ліцейські класи філософського і юридичного відділень залишилися без змін¹⁷.

Багато зусиль попечитель доклав до загального поліпшення стану педагогічного корпусу ліцею. Н. Ф. Покровський опікав найбільш здатних вихованців ліцею, які пізніше зайняли кафедри в рідному навчальному закладі. У роки його попечительства в ліцеї з'явилися молоді обдаровані вчені та викладачі: літературознавець

¹⁶ Мурзакевич Н. Автобиография. СПб, 1886. С.79.

¹⁷ Михневич И. Исторический обзор... Одесса, 1857. С.44.

М. П. Розберг, природознавець О. Д. Нордман (у 1834 році став директором Одеського ботанічного саду), архімандрит Порфірій (Успенський). Окремо слід згадати братів Г. К. і П. К. Брунів. Старший – Генріх Карлович Брун (1806 - 1854) – здобув освіту в Петербурзькій медико-хірургічній академії, університетах Дерпта, Берліна, Гейдельберга, Геттінга. Кандидат філософії Дерптського університету, доктор філософії Геттінгенського університету. З 1832 року в Рішельєвському ліцеї обійняв посаду професора фізико-математичних наук, викладаючи фізику з основами хімії, а згодом, після смерті професора М. Д. Курляндцева, зайняв кафедру математики. Пилип Карлович Брун (1804-1880) вищу освіту здобув на філософському факультеті Дерптського університету, а звання доктора філософії – в Єнському університеті. Разом з братом у 1832 році зарахований на службу до Рішельєвського ліцею, спочатку на посаду ад'юнкта, а через два роки – викладача історичних наук. Сучасники відзначали його надзвичайну ерудованість та енциклопедизм. В ліцеї П. К. Брун читав курси загальної історії, статистики, порівняльної географії та історії географічних відкриттів. З 1835 року він – член Одеського статистичного комітету, регулярно публікував статистичні розвідки на сторінках «Новороссийского календаря» та шпальтах «Одесского вестника».

Насиченим було суспільне життя Рішельєвського ліцею. В першій чверті ХІХ ст. ліцей був осередком масонського руху. В Одесі в цей час існувало близько семи масонських лож, до складу найбільш відомої із них – «Понт Евксинський» – входило чимало ліцейських викладачів¹⁸. Студенти ліцею організували літературне товариство, читали твори О. Пушкіна, О. Грибоєдова, декламували вірші різними мовами, читали власні твори. Надзвичайною пам'яткою, що свідчить про культурні смаки ліцеїстів, є журнал «Ареопаг: журнал літератури, критики, наук и художеств». Його створення було розпочато 1828 року вихованцями старших класів і тривало декілька років. Примірники журналу представляли собою рукописні зошити, які готувалися щомісячно, а у 1830 році навіть двічі на місяць. Відомі

¹⁸ Рябінін-Скляревський О. О. Масони Рішельєвського ліцею // Архів: Документ. Історія. Сучасність. Одеса, 2001. С.136.

імена ще активних учасників видання – А. Магденка, М. Тройницького та А. Ушакова¹⁹.

Трансформації: початок «нової ери».

29 травня 1837 року затверджено новий Статут Рішельєвського ліцею²⁰, що за структурою, навчальними планами та програмами наблизив ліцей до вищого навчального закладу. Ліцей остаточно відокремився від гімназії, однак, зв'язок між ними залишився, оскільки обидва заклади й надалі очолювала одна людина – директор ліцею, а гімназія вважалася закладом для підготовки юнаків до вступу в ліцей. До того ж гімназія працювала в приміщенні ліцею і стала першою в Одесі гімназією – Рішельєвською.

Органами управління ліцеєм стали Рада та Правління, де головував директор. До обов'язків Ради ліцею входили: обрання професорів і ад'юнктів; складання розкладу курсів і розподіл навчальних годин; обговорення заходів по вдосконаленню викладання; розгляд методик і посібників, які використовувалися в навчанні; розпорядження навчальними і допоміжними засобами (бібліотекою і кабінетами). До складу Ради входили, крім директора, інспектор і всі професори. До складу Правління, яке займалося переважно господарськими та юридичними справами, входили попечитель навчального округу, його помічник, директор та інспектор ліцею.

За Статутом ліцей складався з двох відділень — юридичного і фізико-математичного. На юридичному відділенні викладалися такі предмети, як латина, римське право, енциклопедія та історія правознавства, російське законодавство, практичне судочинство, а на фізико-математичному – чиста і прикладна математика, фізика і фізична географія, природнича історія, хімія, технологія, комерція. Загальними для студентів обох відділень предметами були: філософія, російська словесність, загальна і російська історія, загальна і російська статистика.

При ліцеї був створений Інститут східних мов, метою якого була підготовка службовців-перекладачів, обізнаних з арабською, перською і турецькою мовами. Основу інституту складало Училище

¹⁹ Гребцова И. С. Новороссийский университет в развитии благотворительности в Одессе (вторая половина XIX – начало XX ст.). Одесса, 2009. С.25.

²⁰ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1-е: 1825-1839. 2-е изд. СПб., 1875. С.640-649.

східних мов, що існувало в Одесі у 1829 - 1838 роках. Починаючи з четвертого класу його вихованці, крім предметів власне гімназичного курсу, починали додатково вивчати під керівництвом двох вчителів східні мови, а потім, ставши студентами ліцею, продовжували навчання вже під наглядом професора. Студенти інституту були зобов'язані слухати лекції з усіх предметів юридичного відділення, за виключенням лише латини.

Загальний термін навчання в ліцеї дорівнював 3 рокам, складався з трьох курсів та розподілявся на півріччя (семестри). Вступні іспити і прийом до числа студентів відбувалися перед початком чергового академічного року, що розпочинався з 1 серпня. Канікули («вакації») призначалися двічі на рік: влітку з 20 червня по 1 серпня, а взимку з 20 грудня по 12 січня. Академічний рік закінчувався урочистим актом; тут виголошувалися наукові промови викладачів, зачитувався річний звіт про стан справ ліцею, випускники отримували атестати, відбувалося нагородження студентів медалями за наукові твори. Ліцеїсти, які успішно закінчили повний курс навчання, вступаючи на цивільну службу, користувалися правом на чин XII класу (губернського секретаря), або могли отримати перший офіцерський чин на військовій службі.

Новий Статут запроваджувався у дію з 1 січня 1838 р. Безпосереднім втіленням його у життя мав зайнятися Дмитро Максимович Княжевич, призначений 1837 р. попечителем Одеського навчального округу. Він досить активно взявся за впровадження нового Статуту у дію. Була проведена реформа навчальної частини Рішельєвського ліцею, затверджені «Правила, котóryми должны руководствоваться преподаватели лицея в способе преподавания предметов каждого»²¹, які визначали форму та зміст лекційних курсів. Порядок викладання, передбачений «Правилами...» набрав чинності й загалом зберігався принаймні протягом 1840-х років. Тоді ж була запроваджена посада помічника інспектора для здійснення нагляду за студентами, розроблені та опубліковані «Правила для студентов Ришельевского лицея»²².

Подбав Д. М. Княжевич і про розширення кола предметів, що викладалися в ліцеї: у 1838 році була заснована кафедра сільського

²¹ Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп.1 (1839). Спр. 98. Арк.3-10.

²² Гребцова И. С. Новороссийский университет... Одесса, 2009. С.29-30.

господарства і лісоводства на фізико-математичному відділенні, а у серпні 1840-го року попечитель підготував «План преобразования учебной части лицея»²³, в якому висунув пропозицію заснувати третє відділення – економічне чи камеральне (за зразком німецьких університетів), де було б зосереджено викладання природничих і господарських наук. Загалом Д. М. Княжевич передбачав підсилити енциклопедичний загальноосвітній характер навчання та розширити обсяг викладання деяких загальних предметів.

Пропозиції Д. М. Княжевича впроваджувалися в життя поступово, і тільки у листопаді 1841 року імператор затвердив новий розклад навчальних предметів у ліцеї, згідно з яким поряд з юридичним і фізико-математичним відділеннями утворювалося третє – камеральне. На юридичному відділенні мали викладатися: церковне право, римська словесність, енциклопедія та історія правознавства, російське законодавство, практичне судочинство, римське законодавство, судова медицина і політична економія (під назвою «державного господарства»), на фізико-математичному відділенні: чиста математика, прикладна математика, астрономія, фізика і фізична географія, хімія, природнича історія, огляд російських законів; на камеральному відділенні: політична економія («державне господарство») і торгівля, фізика і фізична географія, хімія, природнича історія, сільське господарство, огляд російських законів. Загальними для усіх відділень предметами були визнані: богослов'я і церковна історія, філософія, російська словесність, всесвітня історія і статистика з порівняльною географією та історією подорожей і відкриттів, російська історія і статистика з окремим викладанням російських старожитностей, німецька і французька мови. Новий розклад навчальних предметів розглядався як доповнення до положень Статуту 1837 року й запроваджувався у дію терміном на 3 роки, після чого мав бути затверджений остаточно²⁴. Новозасноване камеральне відділення прийняло перших студентів вже у 1842/43 академічному році, а незабаром стало найчисленнішим за кількістю слухачів ліцейським відділенням.

Саме під час попечительства Д. М. Княжевича в ліцеї склалося блискуче коло викладачів, завдяки яким навчальний заклад пережив

²³ Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп.2.(1840). Спр.105. Арк.1-40зв.

²⁴ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVI (1841). Отд.II. СПб., 1842. №15010.

період розквіту в першій половині 1840-х років. До цього покоління належали математики Г. К. Брун і В. В. Петровський, історики П. К. Брун і М. Н. Мурзакевич, фізик В. Є. Левтеропуло, латиніст П. В. Беккер, філолог К. П. Зеленецький, натураліст О. Д. Нордман, хімік Х. Г. Гассгаген, орієнталіст В. В. Григор'єв, юристи В. А. Линовский, М. О. Соловйов.

Д. М. Княжевич пішов з життя раптово, під час поїздки до столиці у службових справах. Наступниками його на посаді попечителя навчального округу були Г. П. Волковський (1845), М. М. Бугайський (1846 - 1854) і П. Г. Демидов (1855 - 1856). У цей період ліцей продовжував приваблювати велику кількість студентів, а отже мав міцну соціальну репутацію, сформовану, перш за все, стараннями Д. М. Княжевича.

З 1844 до 1852 роки посаду директора ліцею обіймав Олександр Григорович Петров, колишній директор Київської гімназії. Директорство в ліцеї він поєднував з посадою помічника попечителя навчального округу. У березні 1845 року Радою ліцею за ініціативою попечителя був утворений особливий комітет у складі професорів П. О. Симоновича, Й. Г. Михневича, Г. К. Бруна і В. А. Линовського²⁵ для розгляду пропозицій викладачів ліцею щодо покращення навчального процесу. Діяльність комітету завершилася низкою рішень, що були затверджені Радою ліцею: зберігалися три існуючі відділення, але відбувався деякий міжфакультетський перерозподіл предметів, направлений на скасування або «зосередження» викладання (фактичне об'єднання) окремих дисциплін. Відтепер були об'єднані російські старожитності з російською історією, порівняльна географія та історія подорожей і відкриттів – з всесвітньою історією; метеорологію слід було читати разом з фізичною географією, енциклопедію правознавства замість трьох років, а римське право замість двох років викладати лише рік тощо. Всі зміни запроваджувалися у дію з 1846/1847 навчального року.

31 травня 1845 року опубліковані нові «Правила испытаний для перевода и выпуска студентов Ришельевского лицея»²⁶, які уточнювали порядок проведення іспитів та умови переходу з курсу на курс і випуску з ліцею. Важливим нововведенням стало написання

²⁵ Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп.2.(1845). Спр.60. Арк.28-35зв, 65-70, 84-96.

²⁶Правила испытаний для перевода и выпуска студентов Ришельевского лицея, утверждённые Министром народного просвещения мая 31-го дня, 1845 года. Одесса, 1845.

студентами для отримання випускного атестату курсових творів, тему яких можна було обрати самостійно або отримати від викладача. Важливим засобом заохочення студентів ліцею до самостійних наукових занять вважалося добровільне написання ними творів на здобуття золотих і срібних медалей. Теми для написання цих творів оголошувалися напередодні кожного академічного року: як правило, одна з них присвячувалася математично-природничим наукам, а інша – гуманітарним. Для заохочення студентів найбільш вдалі твори видавалися друком.

У другій половині 1840-х – початку 1850-х років склалися непрості відносини всередині викладацького корпусу. Навколо попечителя М. М. Бугайського сформувалося оточення з найближчих до нього професорів – Г. К. Бруна, В. А. Линовського, В. Є. Левтеропуло. Гурток своєрідних опозиціонерів склали відомі своєю схильністю до дисципліни М. Н. Мурзакевич, професор східних мов В. Н. Кузьмін та інспектор Г. І. Соколов. Швидше за все з їх ініціативи в Рішельєвському ліцеї була проведена ревізія товаришем міністра народної освіти сенатором А. С. Норовим в період з 7 грудня 1852 по 3 січня 1853 року, результати якої виявилися незадовільними. Відповідальним за порушення, виявлені столичним ревізором в Рішельєвському ліцеї, визнано О. Г. Петрова, якого звільнили з посади директора та помічника попечителя. Зате відомий своєю бездоганною репутацією, твердим і діяльним характером професор М. Н. Мурзакевич у грудні 1852 року став виконуючим обов'язки директора, а в лютому наступного року був затверджений на цій посаді. У ліцеї він працював з 1838 року: спочатку на посаді ад'юнкта, а в 1840 році був затверджений на посаді професора російської історії і статистики.

Під час директорства М. Н. Мурзакевича відбулася зміна поколінь у викладацькому корпусі. У цей час ліцей залишили професори В. В. Петровський, А. Я. Комарницький, В. А. Линовський, В. Є. Левтеропуло. На зміну їм прийшли молоді викладачі О. М. Богдановський, О. В. Лохвицький, О. І. Георгієвський, М. С. Власьєв, С. С. Муравйов, М. І. Максимов, М. П. Смирнов, К. І. Карастельов, Р. В. Орбинський, які прагнули в своїй діяльності використовувати новітні наукові досягнення, відповідно до чого будували і свої лекції. Як відзначали мемуаристи, в останне

десятиліття існування ліцею різниця у змісті та методах викладання «старих» та «молодих» викладачів була разючою.

У пошуках нового статусу.

У 1853 – 1856 роках, в умовах Кримської війни, Рішельєвський ліцей переживав не кращі часи. Одним з епізодів воєнних дій було бомбардування Одеси англо-французькою ескадрою 10 квітня 1854 року. Серед захисників міста відзначилися хоробрістю двоє ліцеїстів – В. Скоробогатий і Є. Демінітру, які у розпал бою здійснювали зв'язок між батареєю прапорщика О. П. Щеголева і начальником оборони міста генералом Д. Є. Остен-Сакеном. За виявлену хоробрість вони були зараховані на військову службу портупей-прапорщиками і нагороджені знаками військового ордену Св. Георгія. Згідно з розпорядженням міністра народної освіти імена В. Скоробогатого і Є. Демінітру були записані золотими літерами на дошці в актовій залі ліцею разом із стислим описом їхніх подвигів та нагород²⁷.

Під час та після Кримської війни загострилися недоліки ліцейської освіти, що привертало увагу не тільки викладачів, а й студентів ліцею. Молоді люди віддавали перевагу навчанню в університетах та інших вищих навчальних закладах, які на відміну від ліцею перебували на віддалі від театру воєнних дій і давали можливість отримати в цілому більш ґрунтовно і більш престижну освіту.

Очевидною була необхідність змін в ліцеї і для його керівників. Навесні 1856 року попечитель Одеського навчального округу П. Г. Демидов подав на розгляд міністру народної освіти доповідну записку, в якій пропонував створити в ліцеї словесно-педагогічне, фізико-математичне та природничо-камеральне відділення, а юридичне відділення закрити, адже право можна було вивчати в найближчих університетах; термін навчання студентів передбачалося продовжити до чотирьох років²⁸. Таким чином, ліцей отримав би вид спеціального навчального закладу для підготовки вчителів, технологів, агрономів. Однак ці пропозиції не знайшли підтримки в Петербурзі, а за декілька місяців відбулася чергова ротація. З початком ліберальних реформ Олександра II влада прагнула залучити на чиновницьку службу прогресивно налаштованих громадських

²⁷ Михневич И. Исторический обзор... Одесса, 1857. С.123.

²⁸ Маркевич А. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. С.9-10.

діячів, і на посаду попечителя Одеського навчального округу було призначено видатного медика і педагога Миколу Івановича Пирогова.

Посаду попечителя Одеського навчального округу М. І. Пирогов обіймав у 1856 – 1858 роках. Перш за все увагу попечителя привернула навчальна частина ліцею. В жовтні 1856 року М. І. Пирогов направив відповідний запит Раді ліцею і практично відразу ж отримав відповідь. Викладачі Рішельєвського ліцею вказували на відсутність ґрунтовної професійної підготовки студентів як головну ваду системи навчання і пропонували ряд заходів, здатних його подолати, зокрема, провести перерозподіл навчальних предметів з зосередженням загальних дисциплін на перших курсах та продовження терміну навчання до чотирьох років. Кращим засобом подолання недоліків ліцею викладачі вважали перетворення його в університет.

Витоки ідеї заснування в Одесі університету сягають періоду попечительства Д. М. Княжевича. Історіографи Новоросійського університету вказують на існування так званого «Проекту» перетворення ліцею в університет, складеного Д. М. Княжевичем. Саме цей проект восени 1844 року попечитель повіз в Петербург на розгляд начальства, але по дорозі помер, через що проект залишився нездійсненим. Відшукати текст проекту або бодай згадки про нього серед паперів Д. М. Княжевича не вдалося ні його сучасникам, ні наступникам²⁹. Беззаперечним у даному випадку залишається факт, що Д. М. Княжевич мав репутацію реформатора, адже саме йому належала честь впроваджувати в життя нововведення в навчальній частині Рішельєвського ліцею на рубежі 1830 – 1840-х років.

Тож не дивно, що в інтелектуальному середовищі Одеси і зокрема Рішельєвського ліцею другої половини 1850-х років ідея перетворення ліцею на університет була надзвичайно актуальною, що і знайшло виявлення в доповідних записках ліцейських викладачів. Пропозиції знайшли відгук у М. І. Пирогова, і вже 20 січня 1857 року він подав міністру народної освіти доповідну записку «О ходе образования в Новороссийском крае и о вопиющей необходимости преобразования учебных заведений», в якій піддав різкій критиці всю систему навчання та виховання в Російській імперії загалом та в південному регіоні зокрема і вимагав докорінних змін у цій галузі.

²⁹ Маркевич А. Двадцатипятилетие... Одесса, 1890. С.4-5.

Попечитель бачив два засоби для подолання недоліків: один – «радикальний і вірний», а інший – «тимчасовий і паліативний». Під першим засобом розумілося перетворення Рішельєвського ліцею в університет з трьома факультетами: історико-філологічним, фізико-математичним та медичним. Тимчасовий засіб, на думку М. І. Пирогова, включав покращення ліцейського курсу навчання шляхом надання йому більш професійного характеру та продовження терміну навчання до 4-х років. Аргументуючи необхідність заснування в Одесі університету, попечитель вимагав забезпечити тісний зв'язок між загальною і спеціальною освітою, актуалізував питання практичного значення отриманої ліцеїстами освіти. Джерело грошових витрат на заснування університету, крім штатної суми, М. І. Пирогов вбачав у встановленні збору за хліб, який вивозять за кордон не тільки з Одеси, а й з інших портів Чорного та Азовського морів (за його підрахунками попередня сума за 10 років значно перевищила б 16 000 рублів), пожертвування дворянства та міста³⁰.

Найбільш суттєвою перешкодою у справі перетворення ліцею на університет виявилася нестача коштів. Щоб обійти цю перешкоду, особливий комітет під головуванням директора ліцею П. В. Беккера у складі інспектора Й. Г. Михневича, викладачів О. М. Богдановського, М. П. Смирнова, Р. В. Орбинського підготував у липні 1857 року новий проект, що передбачав відмову від занадто дорогого медичного факультету та заснування університету в складі трьох факультетів: історико-філологічного, фізико-математичного та юридичного³¹.

Важливе значення мав перехід ліцею до новозбудованих приміщень по вулиці Дворянській у 1857 році. Під час урочистої церемонії відкриття М. І. Пирогов виступив з промовою про символічність ліцейського новосілля, що має знаменувати собою початок корінної перебудови навчального закладу³². Нові ліцейські приміщення підходили для розміщення в них майбутнього університету.

Втім, думки щодо необхідності створення в Новоросійському краї університету виходили не тільки від викладачів ліцею та попечителя

³⁰ Докладная записка «О ходе образования в Новороссийском крае и о вопиющей необходимости преобразования учебных заведений», 1857 // Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения / Отв. редактор А. Н. Алексюк. М., 1985. С.56-70.

³¹ Маркевич А. И. Двадцатипятилетие... Одесса, 1890. С.36-37.

³² Пирогов Н. И. Новоселье лицея // Одесский вестник. 1857. 12 сентября.

М. І. Пирогова. У 1857 році літератор Н. В. Кукольник звернувся до міністерства народної освіти з проектом заснування Азовського університету в Таганрозі. З боку М. І. Пирогова ця пропозиція зустріла рішучий опір. Попечитель наполягав на тому, що університет повинен виникнути саме на базі ліцею. Серед викладачів ліцею було чимало однодумців М. І. Пирогова – директор П. В. Беккер, виконуючий обов'язки інспектора, а потім і директора ліцею професор О. М. Богдановський, викладачі М. П. Смирнов, М. С. Власьєв, Р. В. Орбинський.

У роки попечительства М. І. Пирогова відбулася спроба запровадити студентське самоврядування в ліцеї. За спогадами сучасників М. І. Пирогова, він справляв на студентів позитивне враження своєю освіченістю, часто особисто розмовляв зі студентами, беручи до уваги їх думки, що позитивно впливало на поведінку ліцеїстів. Клопотаннями М. І. Пирогова в ліцеї було створено студентський Совісний суд, в обов'язки якого входили розгляд та попередження проступків ліцеїстів, затверджено його склад та регламент діяльності. Від М. І. Пирогова вийшла ще одна пропозиція – створення загальних ліцейських зборів, своєрідного клубу студентів і викладачів на зразок Академічної мусси при Дерптському університеті³³. У січні 1858 року попечителем затверджені нові «Правила» для студентів Рішельєвського ліцею.

Розуміючи значення і вплив друкованого слова, М. І. Пирогов в 1858 році передав Рішельєвському ліцею право на видання газети «Одесский вестник», яка раніше видавалася при канцелярії генерал-губернатора. Довгий час «Одесский вестник» редагував колишній ад'юнкт ліцею О. Г. Тройницький. Прогресивні настрої, що панували в стінах ліцею серед його викладачів і студентів, в епоху реформ отримали можливість вилитися на сторінках преси. Редагували «Одесский вестник» в цей період викладачі ліцею О. І. Георгієвський та О. М. Богдановський³⁴.

Як бачимо, на посаді попечителя Одеського навчального округу М. І. Пирогов розвинув бурхливу діяльність. Але його погляди на необхідність надання університетам самостійності, запровадження самоврядування, розглядалися урядом як протест проти існуючих

³³ Держархів Одеської обл. Ф. 44. Оп. 3 (1857). Спр.101. Арк.1-2.

³⁴ Гребцова И. С. Новороссийский университет... Одесса, 2009. С.41-44.

форм правління та чиновницьке свавілля. Внаслідок цього у 1858 році М. І. Пирогова переведено на посаду попечителя Київського навчального округу.

На шляху до університету.

Вакантне місце попечителя в Одесі зайняв М. Р. Ребіндер, який, цілком поділяючи переконання свого попередника М. І. Пирогова про бажаність перетворення ліцею в університет, тим не менше, був упевнений, що цей задум є нездійсненним, а тому вирішив взятися за проведення змін в самому ліцеї. У доповідних записках генерал-губернатору графу О. Г. Строганову і міністру народної освіти Є. П. Ковалевському попечитель пропонував влаштувати в ліцеї історико-філологічне, фізико-математичне та юридичне відділення (припускаючи можливість і камерального), з поглибленим вивченням на всіх відділеннях професійних предметів, додаванням четвертого року навчання, наданням ліцею права на присудження наукових ступенів, а також з підвищенням платні викладачам. Як справедливо зазначав історик О. І. Маркевич, в дійсності М. Р. Ребіндер ставив за мету влаштувати університет, тільки під назвою ліцею³⁵. До цього тільки додамо, що проект М. Р. Ребіндера за багатьма позиціями повторював попередній проект М. І. Пирогова.

У період з 1859 по 1862 роки попечителем Одеського навчального округу був призначений М. М. Могилянський. Оскільки справа перетворення ліцею на університет затягувалася, серед викладачів Рішельєвського ліцею все більше міцніло переконання в необхідності заходів, спрямованих на покращення змісту навчання в ліцеї. 28 липня 1859 року професор О. М. Богдановський подав до Ради свої пропозиції щодо деяких змін навчальної частини ліцею³⁶, які підтримали більшість викладачів ліцею. В результаті в 1859/1860 академічному році запроваджено новий навчальний розклад, за яким викладання загальних предметів обмежувалося першими двома курсами з тим, щоб третій курс навчання на кожному відділенні ліцею присвячувався опануванню виключно спеціальних дисциплін. Таким чином, О. М. Богдановському, хоч і з великим запізненням, вдалося, нарешті, здійснити те, що пропонували найбільш далекоглядні викладачі ще в 40-х роках XIX ст.

³⁵ Маркевич А. Двадцятипятилетие... Одесса, 1890. С.39.

³⁶ Держархів Одеської обл. Ф.44. Оп.3 (1859). Спр.100. Арк.2-2зв,4.

На початку 1860-х років актуалізується питання заснування університету в південному регіоні підросійської України. Головною проблемою залишалося формування матеріальної бази майбутнього університету. М. М. Могилянський підготував доповідну записку з обґрунтуванням кошторису перетворення в університет Рішельєвського ліцею. За підрахунками попечителя, для повноцінного існування університету потрібна була сума близько 65 тисяч рублів. Значну частину коштів (близько 8 тисяч рублів) було пожертвовано дворянами Херсонської губернії та Бессарабії, але для реалізації проекту наявних коштів не вистачало. Тоді попечитель запропонував задіяти внутрішні резерви ліцею, а це близько 18 тисяч рублів. Відсутню суму, на його думку, міг додати уряд. Взявши за основу пропозиції попечителя, Рада Рішельєвського ліцею підготувала проект Новоросійського університету у складі чотирьох факультетів (відділень): словесного з поділом на філологічне та історико-політичне відділення, юридичного, фізико-математичного та камерально-агрономічного³⁷.

Справа зрушила з місця тільки тоді, коли до клопотань попечителя та ліцейських викладачів приєднався генерал-губернатор граф О. Г. Строганов. Такий недолік як нестача матеріальних коштів, на думку генерал-губернатора, не повинен зупинити розпочату справу. Замість трьох факультетів О. Г. Строганов запропонував заснувати університет з двома факультетами – юридичним та камерально-агрономічним, а в подальшому за умови збільшення коштів передбачалося заснування словесного та фізико-математичного факультетів. Особливо відзначимо той факт, що саме в проекті О. Г. Строганова вперше проєктований вищий навчальний заклад отримав назву Новоросійського університету.

Проте несподівано справа заснування університету в Одесі опинилася під загрозою. Виникла ідея влаштувати університет в сусідньому з Одесою місті Миколаєві. Її безпосереднім автором став Миколаївський військовий губернатор віце-адмірал Б. О. Глазенап, пропозицію якого підтримав міністр народної освіти О. В. Головнін. На думку влади, тихе і маленьке місто Миколаїв мало низку переваг для університетського життя перед галасливою і вільнодумною Одесою. До

³⁷ Историческая записка о состоянии и действиях Ришельевского лицея с 1 сентября 1860 по 30 августа 1861 года. Одесса, 1861. С.3-4.

того ж на початку 1862 року міністерству народної освіти від морського відомства були передані приміщення штурманської роти та навчальні корпуси з астрономічною обсерваторією в Миколаєві, які планувалося відвести для майбутнього університету. Для узгодження цього питання в Миколаїв направлений помічник попечителя Харківського навчального округу К. Фойгт. В результаті перевірки ним було складено звіт попечителю та проект статуту Новоросійського університету в Миколаєві у складі трьох факультетів: історико-філологічного, фізико-математичного та юридичного³⁸.

Проти заснування університету в Миколаєві була налаштована вся одеська громадськість. На шпальтах газети «Одесский вестник» розгорнулася жвава дискусія щодо місця та міста заснування університету, програмовою для одеситів стала стаття І. Сокальського «В каких городах лучше быть университетам: в больших или не больших?»³⁹. За влаштування університету в адміністративному центрі південного краю висловилися генерал-губернатор та попечитель навчального округу.

Врешті-решт, доводи на користь Одеси перемогли і 10 червня 1862 року Олександр II видав указ про заснування Новоросійського університету в Одесі. Рішення на користь Одеси було прийнято імператором не в останню чергу через зовнішньополітичні події, зокрема, звістку про те, що австрійський уряд для посилення свого впливу на Балканах має намір створити Слов'янський університет у Загребі. За таких умов відкриття університету в Одесі повинно було, на думку уряду, протистояти культурному наступу Австрії та сприяти посиленню позицій Російської імперії серед південних слов'ян. Ще одним аргументом на користь Одеси послужив той факт, що саме Одеса для відкриття університету мала солідну наукову базу і відповідні приміщення.

Честь відкриття Новоросійського університету належить наступнику М. М. Могилянського на посаді попечителя Одеського навчального округу – А. А. Арцимовичу, який зарекомендував себе як здібний організатор та адміністратор. У 1865 році він здійснив ряд перетворень в обох одеських гімназіях. Будучи прихильником скасування станових обмежень для навчання дітей у школах різних

³⁸ Проект устава и штата Императорского Новороссийского университета в г. Николаеве. СПб, 1862. 75 с.

³⁹ Одесский вестник. 1862. 27 марта.

типів, він перетворив привілейовану Рішельєвську гімназію при ліцеї в навчальний заклад, який могли відвідувати представники всіх станів і віросповідань.

Торкнулися зміни і самого Рішельєвського ліцею. У звіті про стан і діяльність ліцею за 1862 рік вказувалося, що викладачі і студенти з нетерпінням чекали нового статусу ліцею. Враховуючи скорочення тривалості 1862/63 академічного року для пристосування ліцейських приміщень під потреби університету, а також беручи до уваги наявність значної кількості вакантних кафедр, за пропозицією А. А. Арцимовича всі ліцейські викладачі погодилися на збільшення кількості їх лекцій з метою передчасного закінчення навчального року. У квітні 1863 року заняття в ліцеї були закінчені, а в першій половині травня відбулися іспити. Рішельєвська гімназія в тому ж році була остаточно відділена від ліцею та переведена в інше приміщення. Підготовка до відкриття університету повністю завершилася в серпні, але університет так і не відкрився. В 1863 році спалахнуло Польське повстання і російський уряд зіткнувся з низкою складних політичних і фінансових проблем. Через це Державна рада висловилася за відкладення відкриття Новоросійського університету на рік.

Заняття в ліцеї відновилися, але навчальний заклад переживав не кращі часи: вакантними залишалися кафедри політичної економії та статистики, всесвітньої історії, російської словесності, історії російського права та державного права і огляду законів, фізики і фізичної географії, філософії. Загальна кількість студентів була дуже низькою: наприкінці 1863/1864 академічного року в ліцеї навчалося 55 студентів: на юридичному відділенні – 41, на камеральному – 11, на фізико-математичному – 3⁴⁰. Не змінилася ситуація і в наступному 1864/1865 академічному році: в ліцеї було 20 викладачів і всього 27 студентів.

У лютому 1864 року міністр народної освіти увійшов до Державної ради з поданням про бажаність відкриття Новоросійського університету з 1 серпня 1864 року. Під приводом неможливості перегляду державного бюджету на поточний рік, часом відкриття університету було визначено 1 травня 1865 року. 11 липня 1864 року Олександр II підписав указ про відкриття в Одесі замість

⁴⁰ Историческая записка о состоянии и действиях Ришельевского лицея с 1 сентября 1863 по 30 августа 1864 года. Одесса, 1864. С.119.

Рішельєвського ліцею Імператорського Новоросійського університету з трьома факультетами: юридичним, історико-філологічним та фізико-математичним, на загальних підставах Університетського статуту 1863 року⁴¹.

Лекції в ліцеї тривали до березня 1865 року, у квітні були проведені випускні іспити, а 1 (13) травня 1865 року відбулося урочисте відкриття Новоросійського університету. Завершилася офіційна історія університетського попередника – Рішельєвського ліцею.

⁴¹ Маркевич А. Двадцатипятилетие... Одесса, 1890. С.103.

***Спогади – це не минуле.
Це в першу чергу його чуттєва частина:
образи, почуття і враження.***

А. Сумароков¹

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОДЕССКОМ РИШЕЛЬЕВСКОМ ЛИЦЕЕ с 1820 по 1828 г.

Вступление

Читая в разных периодических изданиях воспоминания о разных учебных и воспитательных заведениях, я подумал: неужели воспоминания о бывшем Ришельевском лицее, таком своеобразном и воспитательном заведении, единственном в своем роде, заслуживают менее интереса чем рассказы о былом какой-нибудь семинарии или бурсы? Ведь столько замечательных деятелей обязаны лицее своим образованием! Вполне убежденный что в моих воспоминаниях найдется много любопытного и поучительного, я решился, не смотря на свои преклонные лета, спустя 57 лет после моего пребывания в лицее, взяться за перо и воспроизвести с некоторою подробностью все, что было в моем времени в этом заведении. Может быть многим покажется неуместным, что я слишком резко выставляю на вид некоторых из своих начальников и профессоров; на это скажу, что, если бы я ограничился только перечнем их имен и указанием преподаваемых ими предметов, не для чего было бы писать воспоминания. Хотя мои воспоминания не история, которая ничего не скрывает, но все-таки и я должен говорить без оглядки, рассказывая все как было, не скрывая ничего, поэтому, лежа руку на сердце, могу смело сказать, что я в моих воспоминаниях, благодаря своей счастливой памяти, выставил сущую правду. Конечно, если бы я вел записки или дневник, то рассказать мог бы еще полнее. Относительно же того, что я вел некоторые лица, не принадлежащие лицее, должен заметить, что это сделано мною для полноты рассказываемого и, по моему мнению, для большей занимательности. Не мог я так же не привести некоторых обстоятельств, случившихся по моем выходе из лицея. Я почел бы себя вполне неблагодарным, если бы я умолчал о

всем том, что сделал для меня барон Шабо, совершенно посторонний для меня человек. Этого я никогда не забуду! – Да и в самом деле, очень нужно ему было брать уроки у меня? Из всего видно было что он хотел мне помочь и поставить на ноги, но сделал это осмотрительно и с первого моего шага в свет доказал мне: *il faut casser l'amande pour avoir le noyau*, без труда ничего не приобретешь, и я трудился, прослуживши сорок лет.

Теперь мне остается надеяться, что найдется снисходительный читатель, который оценит мой труд, и я не буду принужден сказать: *oleum et opera perdidit*.

I.

Начну с самого начала, т.е со дня моего поступления в лицей. Мне тогда было 12 лет от роду. Я поступил в это учебное заведение в январе 1820 г.² Мне не трудно было привыкать к классной дисциплине, ибо я до того был два года в начальном училище, состоявшем при лицее и поэтому был принят во второй класс в число воспитанников Педагогического института. Надобно сказать, что лицей состоял из пансионеров своекоштных и из воспитанников педагогического института, которые не превышали числа 24¹ и содержались на 3260 талеров, уступленных Дюком де-Ришелье и составлявших пожалованную ему аренду по указу 15 апреля 1811 года, а по указу 7 января 1817 года она продолжена на 12 лет. Здесь кстати будет сказать, что это за отделение лицея. Вот, что о нем говорилось в уставе, написанном на французском языке и напечатанном в Париже в 1817-м году. «Воспитательные заведения тогда только процветать могут, если им не приходится призывать наставников извне: главный элемент их благосостояния заключается в некоторой традиции принципов, чувствований знакомых только детьми одного и того же семейства. Следовательно, лицей через присоединение к нему педагогического института должен, так сказать, возрождаться из самого себя. Поэтому будет воспитываться

¹ Всех воспитанников как педагогического института, так и пансионеров назначалось 120. Они жили внутри заведения на полном содержании, с платою 1.200 р. асс. в год. Для городских жителей было особое отделение; дети их, посещающие классы, составляли внешний лицей; также профессора внутреннего лицея им читали лекции попеременно, комплект учеников полагался в 250 и они не носили форменной одежды; но впрочем не воспрещалось носить оную желающим. Всех классов, как во внутреннем, так и во внешнем лицее было пять. В первом отделении полагалось по 24 воспитанника в каждом классе.

бесплатно некоторое число молодых людей, которые воспользовавшись, как и ожидать следует, благодеянием образования, будут обязаны в течении нескольких лет возвратить заведению то, что они от него получили. Таким образом будет составлен рассадник превосходных преподавателей, проникнутых одним духом, считающих себя детьми того дома, который служил им матерью в продолжении нескольких лет и лицей сделается корпорацией, воодушевленную этим школьным патриотизмом, который столь сильно способствует благосостоянию учебных заведений».

В том же уставе сказано: воспитанники Педагогического института по окончании курса наук будут оставаться в лицее еще шесть лет. В первые четыре года они будут исполнять должность надзирателей, а в последние два они будут назначаться в адъюнкты профессоров. После этого они будут иметь исключительное право на занятие всех должностей в лицее.

Но все это впоследствии осталось мертвой буквой; ибо в течении моего восьмилетнего пребывания было только два адъюнкта и два надзирателя из воспитанников Педагогического института.

Теперь скажу нечто о начальном училище, в котором я начинал свое образование³. В нем обучали началам русского языка, арифметике, чистописанию и закону Божию. Оно состояло из двух классов; в первый класс введена была метода Ланкастера известным в то время Ганри, преемником его был Антон Францович Завадовский, долго подвизавшийся на этом поприще. В втором классе был учителем незабвенный Дмитрий Фомич Жуков^{II}, первый просветитель и образователь одесского юношества. Он был ходячая энциклопедия наук и искусств, законодатель вкуса и с него все брали пример, как одеваться и как вести себя в обществе. Никто тщательнее его не причесывал волосы на голове, а la кок (тогда была такая мода, обыкновенно чуб завивался кольцом^{III}. Вот мой первый классный

^{II} Он был студентом студентом Харьковского университета; впоследствии был учителем истории в Одесской гимназии, в Институте благородных девиц. Умер он в Керчи в должности смотрителя училища.

^{III} Недаром поэт Нахимов сказал:
С пречудным встретился детиною
Петуший гребень у него
На голове ослиной

учитель. Он преподавал русскую грамматику, арифметику и чистописание. Уроки продолжались по два часа утром и по два часа после обеда; но так как у него тогда было много частных уроков, то он распоряжался таким образом: бывало придет в класс в свое время, даст нам какое-нибудь занятие, и, отправляясь на частный урок, приказывает нам сидеть тихо, заставивши старшего ученика наблюдать за порядком и отмечать шумевших. По возвращению Д. Ф. расправлялся прежде всего с замеченными в шуме и шалостях учениками; а прочих обделял конфетами. Этот уход из класса он практиковал чаще всего после обеда, в том предположении что начальство отдыхало в объятиях морфея. Но иногда случалось, что в отсутствии Жукова приходил инспектор, и на вопрос где ваш учитель, смело отвечали только, что вышел: с этим он и уходил из класса^{IV}. Вот так-то проходило время, и так-то мы учились. Да забыл еще сказать, что в этом классе преподавал закон Божий приснопамятный отец Иоанн Воронич, известный в то время всей Одессе^V.

Теперь буду говорить, чему я учился, и кто меня учил, во втором классе лицея; там преподавали закон Божий, русскую и французскую грамматику, географию, арифметику и чистописание. Закон Божий преподавал архимандрит Феофил (о нем придется говорить впоследствии подробнее) по бывшей тогда в употреблении краткой священной истории, из которой у меня осталось в памяти начало «Бог создал мир в шесть дней так прекрасно и великолепно как мы оный теперь видим». Французскую грамматику преподавал Лельевр, а географию Нодо, но как учебники в то время были дороги и редки, то грамматику незабвенного Ломонда диктовали в классе. Забавно было видеть как некоторые из нас, и я в том числе, не умея ни читать, ни писать по-французски писали диктуемое русскими буквами; а потом с помощью товарищей, подготовленных дома, выучивали уроки, конечно ничего не понимая, профессору, который выходил из себя,

^{IV} При этом я вспомнил какой маневр практиковался, по рассказам современников, в 20 годах, в Харьковской гимназии. Бывало учителя приходили на урок в круглой шляпе, а картузы прятали в карман сюртука или фрака; посидев с часок в классе один из них по уговору ставил свою шляпу на кафедру, надевши картуз уходил из гимназии на частный урок и приходил за несколько минут до окончания лекции. Если случалось, что заходил директор, то он, видя шляпу на кафедре, не спрашивал об отсутствии учителя. Конечно, это происходило оттого, что уроки продолжались по два часа, как утром так и после обеда, а классы были немногочисленны и жалование весьма ограничено.

^V После смерти его уроки закона Божия перешли к законоучителю лицея.

слыша такое варварское произношения; не мешало-бы, по моему мнению, спросить, от чего это происходило, и взглянуть на наши тетрадки, но он этого не делал; а был только строг и высказателен; мы его очень боялись, да мало кто его понимал; а оттого выходили недоразумения, по-русски он не знал ни слова. В особенности он не любил, что бы ему прямо смотрели в глаза. Бывало, когда выдаешь ему урок, особенно когда его твердо знаешь, то с уверенностью и глядишь ему в глаза; вдруг он закричит скороговоркой и топя ногами: *baissz les yeux*; не понимая, что он говорит, еще пуще раскрываешь глаза, разъяренный француз выходя из себя, кричит и велит встать на колени. Впоследствии мы узнали, что он требовал чтобы опустили глаза. О преподавателе географии Нодо скажу, что он был презанимательный чудак по своей наружности: лысый беззубый старикашка; урок его служил нам развлечением, мы делали что хотели; но когда уже пересолим, то он начинает метаться и кричать, и мы на время утихаем. Особенно ему не нравился один косоглазый и рябой воспитанник, который его допекал пуще всех. Заметив его в шалости, m-г Нодо кричит старшему, который записывал шалунов на особую записку для представления инспектору: «*maig quez-moi celui qui koso smotrit*». Больше о нем нечего сказать; так же как и о прочих преподавателях этого класса.

Я застал еще директора аббата Николя⁴, который по изгнанию иезуитов из России, должен был оставить Россию, в числе прочих, принадлежа к этому ордену. Приехав во Францию, он был обласкан Людовиком XVIII и занял должность *Grand Aumonier du Roi*^{VI}. Несмотря на краткое мое пребывание при нем в лицее я могу сказать о нем следующее.

Наружность его была располагающая, речь мягкая, черты лица внушающие уважение, доброта неописанная, не слышно было, что бы он крикнул на кого-нибудь; бывало, если он делает замечание или выговор, то так тихо, что тот едва слышит, к кому обращается речь; словом сказать, он нам был нежным отцом и попечительной матерью; ничто не ускользало от его внимания. Он всегда был с нами, и если случалось что по нездоровью он не явился, то мы с беспокойством спрашивали что это значит. Он не был фанатиком, и каждое воскресенье и праздник присутствовал при Божественной литургии в

^{VI} Милостынероздаватель.

нашей церкви; а по окончании богослужения совершал мессу для католиков. Он пользовался особенным благоволением императора Александра Павловича и уважением многих влиятельных особ, дети которых воспитывались в лицее: князя Петра Михайловича Волконского, графа Штакельберга, князя Четвертинского, пять сыновей которого были в нашем заведении^{VII}, и многих других, которых я не припомню. Рассказывали, что когда император Александр Павлович был в Одессе, кажется в 1818 году, то он осчастливил аббата Николая следующим знаком своего благоволения. В один из дней пребывания своего в Одессе, он посылает к нему князя Петра Михайловича Волконского с орденом св. Анны второй степени, украшенной алмазами, с тем, что бы князь возложил его незаметно на аббата. Князь приходит к нему и без доклада тихо входит в его кабинет, узнав что он там, незаметно подкрадывается на цыпочках и незаметно возлагает аббату орден на шею; но блеск алмазов изменяет; Николая оборачивается с удивлением и, увидя князя, спрашивает, что это значит? – Тот отвечает: это подарок государя императора. Аббат снял орден и поцеловал его, сказал Волконскому: передайте государю, что я не заслужил такой великой милости. – Полагаю, что будет уместным, если я расскажу, что случилось со мною в то время. В день, назначенный для посещения лицея государем императором Александром Павловичем, нас собрали всех – как воспитанников внутреннего, так и воспитанников внешнего лицея в актовую залу; в числе последних был и я; но как я был в форменной одежде, то меня поставили в ряд своекоштных воспитанников. Государь проходя мимо нас, обратил милостивое внимание на меня и приблизившись ко мне ущипнув за правый рукав мундира, изволил сказать «однако тонкое сукно». Щипка этого я никогда не забуду.

Теперь буду продолжать прерванное об аббате Николае, и начну с его деятельности в исполнение своей служебной обязанности; при этом скажу, что поступившие от отъезде его за границу директора, уже не следовали его примеру, разве отчасти Реми Жилле⁵, бывший при нем старшим инспектором; другие стали вводить свои порядки и тем ускорили падение такого примерного учебного заведения, хотя в некотором случае и своеобразного. Аббат Николь ежедневно посещал

^{VII} Замечательно, что при них был дядька поляк, почтенный старичек.

классы, обедал и ужинал с нами; а ночью ходил с потаенным фонарем, обходил спальни и больницу, и если замечал, что кто-то из воспитанников лежал на постели не так как было указано, то осторожно будил его и ласково предлагал переменить положение, а если кто был раскрыт, то сам укрывал его^{VIII}. Он обедал с нами в общей столовой ежедневно, за особым столом, с секретарем правления, но им подавали те же блюда, что и нам, исключая постных дней, конечно только для аббата, в которые и воспитанники из католиков пользовались особым столом, как у них положено, и тогда им накрывался особый стол. Надобно заметить, что некоторое время при мне, года три или четыре, все профессора и адъюнкты, живущие в зданиях лицея, кроме законоучителя, архимандрита обедали и ужинали тоже вместе с нами; для них ставился стол посреди столовой. Пред каждым прибором стоял графинчик с красным бордосским вином^{IX}, а на маленьком столике сбоку соленая закуска и водка. Впрочем, и у прибора каждого из нас стояла большая рюмка такого же вина. Инспектора и надзиратели сидели за одним столом из воспитанниками. Обед состоял из 3-х сытных блюд, а ужин из 2-х свежеприготовленных блюд. Белого хлеба сколько угодно. Хлеб доставлял по подряду известный в то время Жульен^X. Хлеб имел вид круглого калача, всегда был хорошо выпечен и очень вкусный, мякиша почти не было; каждый день подавался свежий. Ржаного хлеба мы не видали, правда некоторые из нас, привыкши к этому хлебу дома, просили служителей давать нам его взамен белого, конечно, чтобы не видели надзиратели. В воскресенье и в праздники прибавляли пирожное или фрукты, арбузы и дыни. Столовое белье переменялось два раза в неделю. Завтрак состоял зимою и осенью из говяжьего супа с манной крупой; а в прочее время года нам давали: или теплое молоко, редиску с свежим маслом, яйца всмятку, в низших классах по два на каждого, а высших по четыре, или виноград, или по половине небольшого арбуза; хлеба как за обедом и ужином сколько угодно. В постные дни по стакану сбитня с хлебом, чаю тогда не знали. Во время масленицы подавали вместо завтрака

^{VIII} Воспитанник должен был лежать на постели протянувши ноги, а руки сложив крестообразно, положив левую руку на правое плечо, а правую руку на левое плечо.

^{IX} Тогда Одесса была порто-франко, вино и все заграничное было дешево.

^X Замечательно, что сын этого Жульена на общественном бале танцевал с графиней Воронцовой в первой паре французскую кадрили.

блины, а за ужином варенье с творогом. Впрочем, мимоходом скажу, что масленицу мы знали по блинам и вареникам; уроки же не прекращались во всю сырную неделю.

Кажется, в 1824 году попечитель Харьковского учебного округа, в ведении которого состоял тогда лицей, обозревая это заведение и узнав о количестве блюд, даваемых нам за обедом, приказал добавить одно блюдо за обедом, так, чтобы в будни мы имели четыре блюда; а в воскресенье и праздники пять блюд. Этот благодетель был Карнеев⁶ и мы благословляли его. На обед полагалось 30 минут, а на ужин 20 минут. Во время обеда и ужина приносили классные журналы с отметками; их пересматривал директор, делая замечания и выговор мало успевающим и дурно ведущим себя воспитанникам. Директор, получивши рапорт от старшего воспитанника из каждого класса, что все кончили обед или ужин, ударом столового ножа о стол давал знак вставать и читать молитву, которую перед обедом и ужином читали воспитанники по очереди, журналы уносились теми воспитанниками, которые приносили в столовую. Во время обеда один из воспитанников последнего класса на особо устроенном месте и сидя на возвышении, читал по назначению инспектора места из истории: за обедом – русской, а за ужином – всеобщей на французском языке; в то время в столовой была совершенная тишина, слышно было только стук вилок; разговаривать не позволялось. Мы постили только в великий пост и то только первую и последнюю недели в среды и в пятницы, в день поминовения главы Иоанна Крестителя и Воздвижения Креста. Мелкой рыбы нам не давали^{XI}. В последние годы моего нахождения в лицее у нас был главным поваром отставной матрос, бывший повар адмирала Сенявина, и тогда стол наш заметно расширился и стал разнообразнее. Полдник состоял из куска белого хлеба з водой. Прибавлю здесь еще относительно питья воды, которую нам позволяли пить только в назначенное время за завтраком, обедом и ужином, за полдником, после обед от 1 до 3-х часов, т.е до начала полдников, а после этого воды мы не видали.

Одежда наша состояла из синего суконного с фалдами мундира со стоячем черным плисовым воротником, с красной выпушкой и из таковых же суконных панталон без выпушки. Летом суконные

^{XI} По бывшей тогда дешевизне, в Одессе постные блюда приготавливались на прованском масле.

панталоны заменялись серыми демикотонными; черный шелковый галстук и пестрая пикейская жилетка^{XII}. Фуражка с козырьком темно-синего сукна, под цвет мундира, с плюсовым околышком и красною выпушкой. Шинель темно-синего сукна с капюшоном, подбитою до половины черной байкой. Четыре пары сапог опойковых. При французской династии, я разумею о директорах, подрядчиком, доставлявших нам обувь, был француз m-r Ширмер, а при немецкой – Ваинледер. То же было и с починкою нашего платья: француза Валод заменил немец колонист.

Носильное и постельное белье переменили два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам. Белое не мылось в заведении, на это был подрядчик m-r Larcher. Вот такое было распределение времени в течении всей недели:

Летом мы вставали в пол шестого утра, а зимою в 6-ть часов, на умывание и одевание полагалось 20 минут. Потом в сопровождении инспекторов и надзирателей шли в церковь на молитву, и каждый класс становился на своем месте: зимою церковь была не топлена и мы дрожали от холода; здесь архимандрит, наш законоучитель, читал утренние молитвы, по прочтению которых мы отправлялись в классы, по принадлежности, и приготовляли уроки до пол девятого, от пол девятого до пол одиннадцати часов профессорская лекция, от пол одиннадцатого до двенадцати приготовление к урокам.

От 12-ти до 2-х обед и отдохновение. От 2-х до 3-х рисование или приготовление к урокам, от 3-х до 5-ти часов профессорская лекция, от 5-ти до пол шестого полдник и отдохновение; с пол шестого до семи часов приготовление к урокам, от 7-ми часов и до пол девятого ужин и отдохновение, от пол девятого до девяти часов духовная беседа, молитва и ночлег.

На вечернюю беседу собирались все воспитанники в сопровождении инспекторов и надзирателей, иногда и директор присутствовал. Беседу эту и вечерние молитвы читал архимандрит ежедневно. Он преимущественно объяснял тексты из Евангелии.

^{XII} По этому поводу я скопал тогда стишки :
Я росту двух аршин, я Апполона сын,
И круглое лицо имею, и арфою его владею
Ношу мундир я синий, читаю все как Плиний
И пестренький жилет, люблю весь свет.
Тогда мне было 14-т лет, когда я это написал.

После этого воспитанники в сопровождении надзирателей отправлялись по-парно в спальни.

Летом в сезон купания мы вставали получасом раньше и после молитвы отправлялись купаться в сопровождении инспекторов и надзирателей. До прихода нашего к берегу моря, отправившиеся прежде нас туда служители, приготавливали для нас уже место; потом вот что происходило: 10-ть служителей с принесенными с собою веревками, на которых были нанизаны четырехугольные куски пробкового дерева, чтобы веревки держались поверх воды, в рубашках входили в море, и держали веревки на поверхности воды, обозначая границы для купания воспитанников: для низших классов одно расстояние, а для высших другое. Строго воспрещалось переплывать свою границу. Нарушивший это правило лишался нескольких дней купания. Мы раздевались на бревнах, сложенных на берегу и одевали коротенькие до колен демикотонные панталоны, и шли по песку в море, здесь берег был низкий. Лакеи, принесшие белье, оберегали нашу одежду; инспектора и надзиратели не купались с нами, но, сидя на бревнах, наблюдали за нами и давали знак выходить из воды. Зимой мы обмывались в умывальных комнатах, бывших при каждой спальне; особой бани не было – француз строил лицей! Впрочем, кроме того каждую субботу, после вечерней беседы, в спальне младшего возраста приходила пожилая женщина, она же и кастелянша, стригла ногти и мыла шею и головы, что нам особенно не нравилось, когда она терла намыленную фланелью и потом обмывала теплой водой. Большею части из нас не нравилась эта процедура и мы старались увернуться, но аргусы – надзиратели этого не позволяли, да и Катерина Ивановна была неумолима. Впрочем, это как и все хорошее, было со временем оставлено. Спальни для каждого класса были отдельные, в них всю ночь горела лампа. Для надзирателей было особое помещение в тех же спальнях, состоящее из коморки аршина четыре длины и три ширины с окном на улицу и отгороженною филенчатою перегородкою, в три аршина вышины, окрашенной желтою краскою; тут были и двери с замком. Прежде для каждого воспитанника была подобная коморка, но гораздо меньше, и в ней помещалась кровать, табурет и маленький шкаф; впоследствии же нашли это неудобным и

уничтожили эти перегородки^{XIII}, и образовалась зала, в которой просторно помещалось 24 кровати, по числу воспитанников. Надзирательские помещения остались в прежнем виде.

Распределение времени в воскресенье и праздники было следующим: вставали летом и зимой в 7-мь часов утра, в 8 часов была обедня, после завтрака; потом все воспитанники отправлялись в порядке в свои классы, где каждое воскресенье писали отсутствующим родителям письма; для низших классов письмо было написано на доске, одного содержания; написанные письма относились надзирателями к инспекторам, по принадлежности, и те, приложив еженедельные отметки, и делая свои замечания, по усмотрению, отправляли чрез канцелярию к родителям. Живущим же в Одессе родителям, родственникам и опекунам отправлялись только одни отметки. Но порядок этот соблюдался только до назначения другого директора после Реми Жилле, заступившего место аббата Николая в 1821 году.

В первое воскресенье каждого месяца воспитанникам дозволялся отпуск из заведения для свидания с родителями, родственниками, опекунами и близко знакомыми. Отпуск начинался со сдачи писем, с позволения инспектора, и продолжался до 6-ти часов вечера. Билет, полученный от инспектора, ему же и возвращается. Воспитанники возвращались в назначенный срок, в сопровождении тех, у кого они провели время. В этот день происходило литературное собрание в актовом зале. На это собрание приглашались посторонние лица и присутствовали, по желанию, лица, пришедшие с воспитанниками. Собрание начиналось в 7 часов и оканчивалось в 10. Здесь воспитанники на разных языках декламировали избранные стихотворения, читали свои сочинения, по назначению профессоров^{XIV}, танцевали французскую кадрили, гавот, матлот под руководством известного в то время Буша, который, не обинуясь, могу сказать, был безобразен как сатир^{XV}, а легок как зефир. При танцах наблюдалось, чтобы танцующие за дам воспитанники были в башмаках и черных чулках. Здесь же

^{XIII} При директоре Гейнлете.

^{XIV} В этом лицей опередил все учебные заведения.

^{XV} Говорили, что он женился на окончившей курс наук институтке; если это правда, то верно ее прельстили его ноги, а не лицо; или она присмотрелась к нему, когда он давал ей в институте уроки танцев.

происходило состязание на рапирах между учениками 5-го класса, т. е. последнего, под наблюдением учителя фехтования Певеротти. Кроме того, воспитанники пели кантанты по-русски и по-итальянски. Стихи писались профессорами, по принадлежности; а музыку к ним сочинял учитель музыки Пахман, о нем придется еще упомянуть^{XVI}; а также под его аккомпанемент на флейте, разыгрывались избранные музыкальные пьесы на фортепиано и скрипке^{XVII}.

Публику угощали прохладительными: оршадом и лимонадом. Иногда вечер продолжался и доле положенного времени. Зал был всегда полон посетителями. Надобно еще заметить, что почти каждое воскресенье генерал-губернатор граф Ланжерон в 12 часов, то есть в обеденное время, посещал лицей и отправлялся прямо в столовую, где его уже ожидали: директор, инспектора, надзиратели и все воспитанники; отведывал кушанья; и помню с каким аппетитом он, бывало, съедал полную тарелку супу, который был всегда особенно хорош. Все стояли, покуда один из инспекторов, погромогласнее, не прочтает ежедневных отметок всех воспитанников, подробно, по предметам, и не провозгласит имена получивших первые места в классе, по принадлежности.

Воспитанники, удостоенные первых мест, получали из рук графа ленты, которые привязывались бантом к правой руке; цвета лент были: белый, голубой, зеленый, малиновый и синий^{XVIII}. Потом мы садились за стол и граф уходил. Получившие первые места воспитанники тогда не обедали в заведении, а вместе с директором, который тоже не обедал с нами в 3 часа, отправлялись обедать к генерал-губернатору. По окончанию обеда, при отбытии каждый воспитанник получал по большому свертку с конфетами, да, забыл еще сказать, что иногда граф, при чтении отметок, делал замечания малоуспевающим, с обычным *ma foi*; а особенно если встречались дети знакомых ему родителей. Это поощрение прекратилось с назначением генерал-губернатором графа Воронцова, который невзлюбил, не известно почему, лицей, и ни разу днем не был до окончания мною курса наук. Его камарилья ему в этом подражала, из угождения; замечательно, что ни один из воспитанников лицея, не

^{XVI} Если я не ошибаюсь, сын его занимает важный пост в Петербурге в настоящее время.

^{XVII} Он был виртуозом на флейте.

^{XVIII} Ленты эти носились всю неделю.

был принят в его канцелярию^{XIX}. Кстати, скажу здесь, граф Воронцов не очень был счастлив в выборе людей для своей канцелярии, другие места занимали не особо сведущие деятели. Конечно, были и исключения.

Не могу, чтобы не сказать еще чего-нибудь о незабвенном аббате Николя, для полноты рассказа. Каждое воскресенье и каждый праздник, по тогдашнему выражению, нас водили гулять. Отпусков, кроме первого воскресенья каждого месяца и больших праздников, как-то Светлого Христова воскресенья, Рождества Христова и Троицы, не было; да и те не так праздновались, как теперь: Светлый Праздник три дня, Рождество и Троица по два дня. Каникулы продолжались 15 дней, с 1-го по 15-е июля, и только в последнее время; конечно уроков не было и каждый из нас мог заниматься чем хотел; но все-таки мы сидели в классах под надзором; послеобеденное время, как и в воскресенье и в праздники, назначалось на прогулку, преимущественно на хутор, принадлежащий лицейу и отстоящий в 4 верстах от города.

Вот что сказано в упомянутом выше уставе лицейя относительно отпусков и вакаций: «Частые и долгие перерывы занятий не нужны ни для здоровья, ни для счастья воспитанников; разве это окажется

^{XIX} Здесь я позволю себе сделать маленькое отступление, когда я кончил курс обучения, то не имея никаких средств, к содержанию себя, я стал приискивать себе подходящую должность. Наконец, случай мне поблагоприятствовал: граф Воронцов, к которому мне приказано явиться лично, взявши от меня докладную записку, приказал мне на другой день явиться в его канцелярию. Не зная ничего, что случилось в течении прошедшей ночи, я отправляюсь на следующий день утром в канцелярию и прошу допустить меня к правителю канцелярии; мне говоря, что его еще нет. Не говоря ни слова, я отправляюсь к нему домой. Представившись ему, я объясняю ему причину своего прихода. На это он отвечает, что граф Воронцов рано утром отправился под Варну, тогда была война с турками, и что он ничего не знает о его обещании дать мне место; при этом он присовокупил с иронией: «Вы-с, молодой человек-с, не по той дороге ходите-с»; этим он намекнул мне на то, что мне следовало, прежде чем быть у графа, явиться ему, но на это я возразил: «Нас учили в лицее всегда ходить по прямой дороге», и с тем раскланявшись, ушел. Конечно, я, хоть мне было 19-ть лет, не мог думать, чтобы Воронцов, получивши такое важное назначение, мог подумать обо мне и сделать какое-либо распоряжение.

Правитель канцелярии был Михаил Иванович Лекс, в последствии товарищ министра внутренних дел. У него была привычка почти к каждому слову прибавлять частичку с. Не потому-ли, что его фамилия кончалась на с? Однако, впоследствии, по взятии Варны (1828 г.) и по возвращению графа Воронцова в Одессу, на вторично подданную ему докладную записку я был определен в канцелярию комиссии, учрежденной для разобранья претензий русских подданных к турецкому правительству, возникших по случаю войны, но здесь я остался не долго; на мое место назначили чиновника из министерства иностранных дел.

необходимым только для профессоров, тогда их, в этом случае, могут заменить адъюнкты и учение в лицее никогда не будет прервано». Какая противоположность с теперешним распределением учебного времени и занятий! Теперь какая-то гигиена явилась, о которой тогда и не слышно было; между тем не особенная смертность была между учащимися^{xx}. Как подумаешь, сколько времени пропадает даром с этими перерывами, получасовыми и минутным. Конечно, может быть, мое суждение слишком смело и не уместно, но я скажу: *je donne mon opinion non comme donne, mais comme mienne*, как сказал какой-то французский мыслитель (я предлагаю свое мнение не как хорошее, но как свое); но все-таки нахожу, что часовой урок не достаточен, хоть и число учеников ограничивается сорока учениками. Ведь надо объяснить и задать следующий урок и спросить учеников; на это все 55 минут, да и те не сполна, покуда ученики усядутся. От этого и происходит, что учитель успеет спросить самое ограниченное число в одном классе учеников и что поэтому встречаются такие злосчастные, что им приходится целую треть не сдавать уроков; а между тем, для проформы пишут им отметку, по какому-то соображению, и по большей части гадательно. По уставу средних учебных заведений 1828 г. полагалось на урок полтора часа вместо 2-х часов, как было прежде, и в нашем лицее это тоже соблюдалось, несмотря на то, что в каждом классе полагалось по 24 воспитанника.

Но я слишком увлекся; а потому стану продолжать начатое о прогулке нашей на лицейский хутор. Пока проходили по улицам, то шли по парно, в порядке и аббат Николя ехал впереди нас почти шагом; но лишь только подходили к крепости, она была за городом, мы бросались бежать в рассыпную за его коляской и окружали его, тогда он приказывал кучеру сдерживать лошадей, шутил, разговаривал с нами; некоторых воспитанников 1-го класса сажал попеременно в экипаж, и так во всю дорогу до хутора. Шествие это представляло как бы одно семейство. Пришедши на хутор, мы все

^{xx} Могу привести в пример, что у нас в лицее, в течении 8-летнего моего прибывания там, умер один только воспитанник, заболевший горячкой, и только потому, что отец заболевшего не захотел исполнить предостережение доктора и взять его для пользования. Это случилось с сыном знаменитого полковника Черноморского казачьего войска Порохни; другой сын его, окончил курс! в одесском лицее и дослужился до генерала. О нем сказал в своем путешествии по Кавказу кавалер Дамба, французский консул в Тифлисе, в двадцатых годах, что когда он был в Одессе и посетил лицей, то он там видел, сына одного из потомков, этих буйных запорожцев, *desrendants de ced fiers Zaporogues*.

садились на установленные на площадке, близ домика, скамейки для отдыха; через несколько времени давали каждому по куску белого хлеба и сыра, а если виноград был уже зрел, то и по большой кисти винограда. По окончании этого полдника, который продолжался минут 20, нам позволяли встать и гулять по саду, купаться и удить рыбу; запрещалось только рвать незрелые плоды и уходить в соседний сад. Впрочем, это было трудно, так как мы оставались под наблюдениями инспекторов и надзирателей. Аббат-же отправлялся отдыхать в домик в 8-м часу вечера, таким же порядком мы отправились домой. Вот как при аббате Николя проходило наказание розгами^{xxi}, конечно, воспитанников меньшего возраста: обыкновенно виноватого приводили в его комнату на экзекуцию и больше 5-ти или 6-ти розг он не получал, когда он уже был готов отправиться в класс, еще со слезами на глазах, ему приносили на блюдечке варенье, и когда он ел, то аббат читал нотацию; а Васька слушает, да ест. Подобное случалось из воспитанниками, отправляющимися в больницу на утреннюю визитацию доктора в 10 часов. Туда надобно было проходить директорские покои; некоторые свободно проходили, а других останавливал аббат и спрашивал о болезни; конечно, боль головы играла главную роль; директор, заметив, что болезнь была притворная^{xxii}, советовал лучше идти в класс и не терять времени; при этом приказывал своему камердинеру подать больному для подкрепления чашку чая с сухариками, приговаривая: от этого вам будет легче. Чай тогда был редкий напиток, особенно в Одессе.

Упомянув о больнице, не могу не сказать чего-нибудь о докторе. В то время эту должность занимал Спиридон Анастасиевич Карузо, прославившийся своею операцией, состоя в эскадре адмирала Сенявина. Это подробно описано, сколько мне помнится, в книге «Письма морского офицера Броневского», изданной не помню в каком году, составляющей библиографическую редкость. Карузо долго оставался при лицее и дослужился до чина действительного статского советника. Он и в городе пользовался репутацией искусного врача и писал, как и другие медики того времени, аршинные рецепты.

Инспекторами при аббате Николя в высших классах был Реми Жилле, а в низших аббат Боавен (Boivin), уехавший по изгнанию

^{xxi} Это наказание не полагалось по уставу лицея.

^{xxii} Главная цель, чтобы попасть в больницу, была куриная порция.

иезуитов. Это был не особенно замечательный старичок. С отъездом аббата Николя оставили лицей и уехали за границу французы: надзиратель Бутилье, не знавший ни слова по-русски, учитель рисования Маржрен, учитель фехтования, кавалер св. Людовика Рибато и даже портной Валат, чинившей нашу одежду; остался только профессор математических наук, воспитанник политехнической школы в Париже, и тоже кавалер св. Людовика Виард. О нем будет сказано подробней в своем месте. Не прощу себе, если не скажу, о той заботливости, которую имел аббат Николя к своим подчиненным и о его бескорыстии. Так как надзиратели получали ограниченное жалованье 550 р. в год, то он к нему прибавлял часть из своего жалования.

II.

По отбытии аббата Николя за границу, в должность директора вступил старший инспектор, надворный советник Реми Жилле. Это был замечательный человек по своей многосторонней деятельности и отличному образованию. Кроме педагогической деятельности, он подвизался еще и на военном поприще, что доказал орденом св. Владимира с бантом, украшавший его грудь. Говорили, что он в Отечественную войну командовал отрядом калмыков. Кроме своей прямой обязанности, он преподавал французскую литературу в 4-м классе. Отчасти он продолжал начатое аббатом Николя, но не с такой энергией и самоотвержением, и потому не так шло уже дело; на многое обращалось гораздо меньше внимания. Он был необыкновенно строг и неприступен, и его прозвали воспитанники Очаковым, не зная всю силу такой аналогии. Наружность его была не особенно замечательна: так себе сухенький, среднего роста старичок, лет 50-ти с лишком; речь его была приятна; костюм же был оригинален: светло-серый суконный фрак, черные панталоны, белый кисейный галстук, высокое жабо и белый пикейный жилет, сшитый шалью; и так каждый день; в другом костюме я его не помню. Его руки, на которые он обращал, как видно, особенное внимание, подобно Наполеону 1-му, были безукоризненной белизны; на указательном пальце правой руки он носил большой массивный золотой перстень с гербом своей печати, что обращало особенно наше детское внимание. Определяя телесные наказания, он был жесток; впрочем, употреблял их очень редко, зато метко; число ударов назначалось иногда до ста; минимум же было пятьдесят. Он всегда присутствовал сам при

эзекуции, которая проходила на аутодафе: в комнату, для этого назначенную, приходили три драбанта, отставные солдаты, и приносили с собой орудие казни и скамейку для положения на оной осужденного; скамейку эту окружали кандидаты в случае не исправления. Когда все было готово, то Реми Жилле, давая знак начинать, имел обыкновение стоять с боку и держать в руках развернутый фуляровой платок и вперив в землю глаза, при каждом ударе розг то приподнимал, то опускал платок, вероятно, они считали удары.

Подумаешь, какой был век! В заведении, в котором воспитывались дети благородных только родителей, мало того, дети министров, князей, и вдруг такое истязание. Надобно заметить, что с выбытием Реми Жилле телесные наказание сделались гораздо реже и не такие жестокие, а вскоре и вовсе прекратились. Воспитанники высших классов освобождались от этого позорного наказания, они сажались в карцер на хлеб и на воду. Кроме телесного наказания, были еще следующие для воспитанников высших классов: лишение одного или двух блюд за обедом, выучивание стихов от 50 до 60 за раз, в рекреационное время; шалунов ставили во время уроков или в угол, или на колени. Надобно заметить здесь, что наказание ставить учеников учебных заведений на колени отменено при министре народного просвещения графе Уварове в 1839 году, в виду того, что это наказание вредно для золотушных детей. Лишение же одного или двух блюд во время обеда воспитанников отменено как в казенных заведениях, так и в частных, Одесского учебного округа по распоряжению бывшего попечителя Княжевича, тоже кажется в 1839 году.

Буду продолжать еще о Реми Жилле. Не знаю, сам ли он подал в отставку, но в 1824 году у нас был уже новый директор, фон-Гейнлет⁷, занимавший эту должность в Рижском домском училище.

После выбытия Реми Жилле, были назначены из министерства народного просвещения два чиновника для проверки отчетов по денежной части^{xxiii}. Чиновники эти открыли, что неизвестно куда подевались 50 тысяч рублей, полученные Реми Жилле из строительного комитета на какие-то поправки в зданиях лицея. На вопрос этих чиновников, куда им употреблена эта сума, он не дал

^{xxiii} Вероятно был донос; а может быть при вступлении нового директора это открылось.

никакого определительного указания, так что прямо приписали ему, что он утаил эту сумму и присвоил ее себе, за что его и следовало отдать под суд. Все, слышавшие об этом поступке Реми Жилле, прямо удивлялись, не предполагая, чтобы человек таких преклонных лет и слышавший за примерную честность свою, человеком честным и бескорыстным, посягнул на такой предосудительный поступок.

Скажут: как же чиновники, ведущие счетную часть в лицее, ничего об этом не знали; да и не удивительно, был один только бухгалтер, который записывал суммы денег, о которых ему передавали, а об этих 50 тысяч не было ни слуху, ни духу; сам Реми Жилле получил их, конечно, при бумаге, расписался где следует и дело в шляпе. Но дело было не так. По возвращении из комитета с полученною суммою 50 тысяч Реми Жилле застаёт у себя какое-то влиятельное лицо, коротко знакомое, которое узнав о полученных им деньгах, стало просить занять их ему на несколько дней, по неотложной надобности, обещая возратить без промедления, хорошо понимая какие это деньги. Реми Жилле склоняется на его просьбу и отдает ему эти деньги, даже без расписки, на честное слово; но генерал не исполнил своего обещания и умер; а с ним вместе и полученные деньги... Тогда так говорила вся Одесса, и даже называла имя этого генерала; но я не решаюсь воспроизводить его только по одной молве.

И так вся вина в недостатке денег пала на Реми Жилле. Надобно заметить, что во время своей молодости, живя в Петербурге, он состоял воспитателем у детей многих знатных особ, между прочим у Бутурлина, который узнав о постигшем участие прежнего воспитателя его детей, и уверенный в его беспримерной честности, предложил уплатить 50 тысяч в семь сроков, с тем, чтобы Реми Жилле был освобожден от взыскания и заслуженного наказания; на это изъявлено согласие от кого следует и честнейший Реми Жилле с незапятнанной честью сошел в могилу. Вот уже по-русски Бутурлин отблагодарил воспитателя своих детей. Пример достойный подражания.

Первое обращение к нам нового директора фон-Гейнлета было по-французски (по-русски он мало знал) *Je suis venu comme un voleur pour voler vos coeurs* (я пришел как вор, чтобы похитить ваши сердца), мудрено что-то; ну да, чему и удивляться ведь он был немец, а известно, что немец выдумал обезьяну, так и ему все ни по чем. Его

произношение было убийственное для нас, привыкших к чистому прононсу. Он сочинил для нас будничный костюм, вероятно по образцу существующего в той рижской школе, которою он управлял: суконный темно-серого сукна фрак, такого же цвета панталоны и картузы. Костюм этот очень нам не нравился, особенно серый картуз, похожий на арестантский, он был без козырька. Однажды, когда нам выдавали фуражки синего и серого, Гейнлет приходит в наш класс, и подойдя сбоку к каждому воспитаннику, кричит *criez plus* (кричите больше); недоумеваем чего от нас хочет немец, что бы мы кричали; наконец, он не дождавшись ответа, берет первый попавшийся картуз и указывает на него; тогда оказалось, что он спрашивал о картузах; *gris et blue (bonnet)*, синяя и серая фуражка.

Уморительную фигуру представлял он из себя, когда во время какого-нибудь торжественного собрания, в актовом зале, взойдет бывало на кафедру, в парике, вероятно для пущей важности (в обыкновенное время он его не носил), он тогда походил на Фонтенелла, заседающего во французской академии. При этом Гейнлет надевал директорский мундир, в котором едва была видна его голова за воротником выше ушей; правда, тогда все носили такие воротники *colets montes*, как говорят французы^{xxiv}. Речь, которую он собирался читать, он выкладывал в почти аршинную папку^{xxv}, за которой, приподняв перед собою, он становился невидимым; только и были слышны звуки, исходящая оттуда. Речь, конечно, он говорил по-немецки, и поэтому мало кто его понимал.

Он был охотник до разных церемоний и празднеств. Однажды, когда поминали день смерти Дюка де Ришелье, основателя и благодетеля лицея, было назначено собрание в актовом зале в 7 часов вечера, в присутствии директора, инспекторов, надзирателей и воспитанников; здесь произносились речи, читались стихи на русском и итальянском языках, пели кантанты, сочиненные профессорами, тоже на этих языках, и положенные на музыку учителем Пахманом. Может быть, и Гейнлет что-нибудь читал, но я не помню. Эта церемония была в 1825 году; но все-таки у меня осталось в памяти

^{xxiv} От этого сложилась и поговорка: *du temps des colets montes*; по нашему - при царе Горохе.

^{xxv} Произведение знаменитого и единственного переплетчика Штолпе в середине 20-х годов, в Одессе. Я помню еще и теперь, что он жил в Красном переулке. Фигура его была преуморительна.

несколько стихов из кантанты, сочиненной профессором Ковалевским, и из произнесенных им стихов.

Из кантанты:

*Великий незабвенный
Муж достойный Ришелье,
Ты скончал свое бытие...*

Из стихов:

*Ты Одесса Юга слава,
Берегов Эвксинских честь;
Горда, пышна, величава
Ты вещай, не он ли есть
Всей красы твоей виною?...
Так, его, его рукою
Ты взлелеяна, как дочь;
Наслаждайся счастьем, миром,
Ты слывешь Сидоном Тиром
И Афинами теперь....*

Все это прекрасно, но что выдумал Гейнлет. Он велел поставить среди залы катафалк, обтянутым черным сукном, и на нем черный гроб, покрытый флером и украшенный гербами Дюка де Ришелье; воспитанников педагогического института, числом 24-х, расставил вокруг с зажженными восковыми свечами, вроде факелов; и все они, в том числе и я, стояли все время, покуда продолжалось пение, чтение речей и декламация стихов, потом разошлись мы по своим местам, и на этом окончилась церемония.

В 1826 году, в августе или сентябре месяце, не помню, после окончания конференции в Аккермане^{xxvi}, уполномоченные паши султаном Махмудом приезжали в Одессу, им отвели дом купца Крамарева на Преображенской площади, один из лучших домов в то время; давали в честь их балы и особые представления в театре, как-то оперы: «*Italina in Algeri*» (Итальянка в Алжире) и «*Turco in Italia*» (Турок в Италии). Не знаю, по какому случаю им захотелось быть в лицее. Получивши известия о дне, в котором эти уполномоченные будут в лицее, изобретательный Гейнлет сочинил следующую церемонию: велел собраться в актовом зале всех воспитанников, в сопровождении инспекторов и надзирателей; а так же и профессоров

^{xxvi} А может быть и прежде.

в мундирах, а сам облачился в тот знаменитый свой мундир, о котором говорилось выше, не забывши надеть и парик; потом распорядился так: чтобы воспитанники 5 класса встретили турецких сановников у входа в зал с зажженными свечами, которые остались от церемонии, о которой выше сказано, и проводили бы их до назначенных им кресел. Когда паши сели, им подали трубки^{xxvii}; покуривши немного и отдавши трубки служителям, которые их приняли подобострастно на коленях и склонясь до земли, они захотели удалиться; но через переводчика им предложили осмотреть заведение; до их выхода их залы, мы отправились в порядке по классам.

Они проходили по всем классам, были в библиотеке; но особенное внимание их обратил физический кабинет; а опыты с пневматической и электрической машиною их крайне удивили. Затем они оставили заведение. Интересно, что эти опыты производил исправляющий должность профессора адъюнкт Тройницкий⁸, один из воспитанников Педагогического института при лицее. Хоть он один оправдал начертанное незабвенным аббатом Николая в уставе Ришельевского лицея касательно Педагогического института^{xxviii}! Не могу умолчать, чтобы не сказать несколько слов об этом замечательном человеке. Оставивши лицей, он проходил в Одесском институте благородных девиц разные должности и был несколько лет издателем «Одесского Вестника» и заслужил особенное внимание графа Воронцова. Переехавши в Петербург на службу по министерству внутренних дел, он достиг высокого звания товарища министра и, наконец, члена государственного совета. Теперь его уже нет в живых; но я ставлю себе в обязанность, при этом случае, вспомнить о его благородном характере, и что он доказал собой, что не у всех honores mutant mores. Не говоря о том, что он всегда с участием отзывался на мои письма, скажу еще то, что, будучи членом

^{xxvii} Надобно заметить, что с пашами вошла в залу многочисленная свита, человек 40: одни несли чубуки с богатыми мунштуками, другие шли с разными принадлежностями для курения.

^{xxviii} Да я запомнил В. А. Золотова, который короткое время был адъюнктом по русской словесности, содержал в Одессе пансион для мальчиков, а потом уехал в Петербург и ознаменовал себя изданием учебников; а в особенности переводом на русский язык грамматики Летелье. Кроме многих непростительных ошибок прославил себя переводом следующей фразы, которая осталась у меня в памяти: selon la Genese он перевел как следуя Женезу, принявши слово genese за собственное имя человека, вместо книги Бытия.

государственного совета, в бытности свою в Елисаветграде, узнав, что я живу в этом городе, не дождавшись моего визита, посетил меня прежде, отставного учителя гимназии, в моей скромной квартире; не забыв, что мы воспитывались в одном заведении вместе. Мир праху твоему, благородный человек!

Выше я упомянул о купце Крамареве. Это замечательный человек и особенно памятный одесситам. О нем рассказывали следующее: беглый крестьянин графа Орлова, в начале этого столетия бежал и после некоторого времени очутился в Константинополе, нажившись там при Дюке де Ришелье, приехал в Одессу, записался в купцы первой гильдии и стал заниматься торговлей. Однажды приезжает в Одессу граф Орлов, вероятно, дед теперешних Орловых и, встретивши случайно Крамарева на улице, шедшего пешком, велит остановиться кучеру и говорить стоявшему на запятках лакею: попроси ко мне этого господина; тот подходит. Вдруг Орлов с иронией обращается к нему: «Мишка, ты меня не узнаешь, а я так тебя сейчас узнал, становись на запятки, поедем ко мне, там ты мне все расскажешь». Крамарев, ошеломленный этою речью, говорит графу: «Помилуйте, вы ошибаетесь, я не имею чести вас знать; а сам я не тот, за кого вы меня принимаете: я одесский первой гильдии купец...». Орлов тут прерывает его и говорит: «Пустяки, я ничего знать не хочу, ты мой бывший раб, моя потерянная вещь, и я, нашедши ее, имею право взять ее опять к себе. Нечего раздобаривать, делай, что тебе велят, не то насильно заставлю». Нечего было делать, с Орловым плохи шутки, это было в то время, когда право сильного брало вверх над всем, и Крамарев становится на запятки. Граф велит кучеру ехать прямо к Дюку; а лакею приказывает наблюдать, чтобы пленник не ушел. Подъехавши к дому Ришелье, Орлов выходит из экипажа, идет туда без доклада и зовет с собой Крамарева, который за ним следует в сопровождении лакея. Оставивши их в передней, граф входит в зал и встречает Дюка, выходящего к нему навстречу. После обычного приветствия, Орлов говорит Дюку по французски: я привез отысканную мною в Одессе пропажу, к крайне моему удивлению. Позвольте вам показать ее, и с этим приглашает Ришелье в переднюю. Дюк входит и кого же он видит: первой гильдии купца, Михаила Антоновича Крамарева; обратившись к Орлову, он спрашивает: «Что это значит, граф?» – «Это мой бывший камердинер, крепостной Мишка, который от меня

бежал и пропал без вести очень давно. Теперь же, нашедши его, как свою собственность, я имею право взять обратно к себе». – «Не делайте этого, – возражает Дюк, – Вы осрамите наше юное купечество, которое мне стоило столько трудов собрать». «Я согласен, – отвечает Орлов, подумавши немного, – но с тем, чтобы Крамарев заплатил за себя выкуп, 100.000 руб. асс. Он богат, ему не трудно». На это отвечает Ришелье: «Это ваше дело, и я оставляю вас вдвоем кончить дело». При этом Дюк вошел в зал. Когда Орлов остался наедине с Крамаревым, приказавши всем выйти, то, обратившись к нему, сказал: «Сколько лет ты от меня скрывался, нажил состояние; а все-таки судьба отдала тебя в мои руки, и опять ты крепостной, и опять ты Мишка, и еще хуже, отправивши тебя в деревню, я прикажу употреблять тебя на самые тяжкие работы. Выбирай любое: или 100 тыс. руб выкупу или с тобой будет то, что я говорил». На это Крамарев с волнением отвечает: «Помилуйте в. с., опять скажу, я не тот, за кого вы меня принимаете; конечно вы вольны сделать со мною, что хотите, мне с таким вельможей не бороться...». Тут граф возражает: «Перестань отнекиваться, или деньги, или становись опять на запятки и поедем ко мне, и я сегодня же отправлю тебя в деревню под строгим конвоем. Я ничего знать не хочу. Никто не может отнять у меня моей собственности». Крамарев видит, что от Орлова не отделаться, начинает торговаться (как он делал впоследствии когда отдавал племянницу замуж); но это не помогает. Граф стоит на своем, Крамарев становится на колени и со слезами на глазах предлагает 60 тыс. Граф соглашается. Тогда Орлов идет об этом сообщить Дюку, предварительно призвав вестового и своего камердинера, наказывая стеречь и не выпускать Крамарева. Ришелье посылает за полицеймейстером. Приезжает полицеймейстер, ему передают Крамарева и объясняют, в чем дело. Ему Дюк приказывает отправиться вместе с Крамаревым и получить от него 60.000 для передачи графу Орлову, доставивши ему эти деньги здесь, согласно его желанию. Через несколько времени приезжает полицеймейстер и этим кончается дело с Крамаревым.

Приведши этот эпизод, я не могу умолчать, чтобы не рассказать то, чему я был свидетелем. По окончании курса наук в лицее в 1828 г., я жил некоторое время в Одессе и рыскал, отыскивая какую либо

должность^{XXIX}. Однажды в приемный день, кажется во вторник, прихожу к графу Воронцову с докладной запиской. В огромной зале помещались все посетители, которых граф принимал по очереди. Мне еще нужно было ждать. Подходить, между прочими, какой-то мужик и бух графу в ноги. Чиновник, стоявший близко его, поднимает, а Воронцов, обратившись к нему милостиво, спрашивает: «В чем состоит твоя просьба?» – «В. с., – отвечает тот, – Михаил Антонович Крамарев договорил меня вывести из его двора сор и навоз за 25 р. асс. Работу я окончил в три дня, и стал просить условленную плату; он вдруг, рассердившись, начал меня бранить, приговаривая, видишь какой, я сам в 3 дня не заработаю 25 р.; а ты мужик, хочешь получить такие большие деньги; нет, не думай, довольно с тебя 15 р. Я стал его просить, умолять, все напрасно; он еще стал грозить, что велит меня вытолкать со двора; при этом он выразил, ступай жаловаться к кому хочешь. Волею неволею я взял 15 р. и пришел жаловаться к вам, явите божескую милость, прикажите Крамареву отдать 10 руб., ведь я работал день и ночь». Граф, выслушав эту жалобу, обращается к правителю канцелярии Лексу и говорит ему: «Михаил Иванович, дайте этому бедняку на мой счет 10 р. и скажите ему, чтобы он пошел к Крамареву и сказал ему, что я, по его бедности, заплатил за него». Если этот исполнитель исполнил желание графа, то Крамареву пришлось проглотнуть слишком горькую пилюлю! Вообще Воронцов не любил Крамарева за его поступки; да и был ли кто в Одессе, кто его любил! Так неудивительно, какой слух пошел по его смерти. Говорили что, когда М. А. умер, то на другой день после его погребения нашли его могилу разрытую, а тело выброшено из богатого гроба и как будто вложена была в рот копейка и положен билетик с надписью: «Это тебе недоплаченные проценты за квартиру»^{XXX}. Не стану этого утверждать, но такова была всеобщая молва.

Буду продолжать свой рассказ о фон Гейнлете. Не помню, в какой-то высокаторжественный день он захотел нам дать праздник. Вот мы собрались в назначенное время в зал в шесть часов вечера;

^{XXIX} Об этом говорить в моих воспоминаниях в другом месте.

^{XXX} Поводом к этому было то, что Крамарев требовал аккуратного взноса в условленный срок, денег за квартиру; при этом, если удавалось, он старался выходить в тот день из дому; и когда ему приносили деньги уже на другой день, то он требовал один процент прибавки, смотря по сумме денег.

воспитанники пропели кантату, сочинение того же домашнего пииты Ковалевского; из неё осталось в памяти несколько стихов^{XXXI}:

*Россия кроткий гений
Наш Александр отец,
Услышь сей глас хвалений
От искренних сердец
Ты наше счастье, радость....*

После этого начались танцы; музыка была приглашена из города. Не танцующие ходили по залу и разговаривали. Вдруг замечается какая-то суматоха, Гейнлет о чем-то хлопочет; что же мы видим: на полу с правой стороны залы, отступивши на три аршина от стены, рисуют мелом букву А в несколько аршин длинной, это нас удивляет, танцы прекращаются; один у другого спрашивает, что это будет. Вдруг директор приказывает музыке идти к тому месту, а подозревая одного из надзирателей, говорит ему что-то по-немецки. Тот суетится и бегаёт по залу собирать воспитанников низшего класса. В зале водворяется тишина, все чего-то ожидают. Надзиратель, собравши воспитанников, ведёт их к тому месту, где нарисована буква А. Гейнлет стоит на черте, отличающей эту букву от буквы Л; потом делает надзирателю знак разделить воспитанников на два отделения, чтобы одно отделение заходило направо, а другое налево, и велит музыке играть какой-то марш; а сам, растопырив руки, командует, чтобы под музыку, маршировали по начертанной букве; когда воспитанники доходят до начала буквы, он их останавливает и приказывает разойтись; а музыке идти на свое место, и танцы продолжают. Потом нас угостили ужином, после этого мы отправились по своим местам; но уже не в том порядке, как было когда-то. Марширование по букве А долго нас занимало, и мы удивлялись этой выдумке нашего изобретательного директора, и если бы я не был очевидцем, уверю, что я не поверил бы, когда бы мне стали рассказывать что-нибудь подобное. Замечательно, что во время управления лицеем фон Гейнлетом был назначен попечителем инспектор резервной канцелярии граф Витт^{XXXII}. Он выпросил у Государя это назначение, наскучив своею резиденцией в Елисаветграде, да еще и по другой причине, интересуясь частыми

^{XXXI} Надобно заметить, что с вступлением Николая I-го на престол, эта самая кантанта пелась в торжественных случаях; но только с переменою имени.

^{XXXII} С того времени, это заведение отошло от ведения харьковского попечителя.

свиданиями с одной особой, как говорила стоустая молва. Сначала граф приезжал только по временам в Одессу, для обозрения лицея, но он нас не очень беспокоил своим посещением. Потом испросил Высочайшее соизволение на перевод его штаба в этот город. Впрочем, в течении последних лет моего нахождения в лицее я его видел только один раз. Он вошел к нам в класс, в уланском сюртуке, без оружия, с хлыстиком в правой руке, его сопровождал фон Гейнлет. Они о чем-то крупно разговаривали, по-французски, и граф горячился; слышны были только слова; *il faut tacher, mon cher*. После сделанного нами приветствия наклона головы, он поклонившись спросил по-французски: хорошо-ли вас кормят? мы отвечали просто, что очень довольны, без присовокупления *Excellence*. О титулах мы не имели никакого понятия; знали только: *Mon sieur le Directeur, M-r le Professeur, M-r l'inspecteur*, отец архимандрит; а русских профессоров звали по имени и отчеству. При этом не могу не вспомнить следующего: не помню в котором году был назначен градоначальником в Одессу граф Гурьев^{xxxiii}. Он в качестве градоначальника председательствовал в правлении лицея. По приезде, через несколько времени, он посетил лицей. Входит он в 4-ый класс, в котором я тогда находился, в сопровождении директора Гейнлета, и бросив грозный взгляд на нас, голосом Стентора возглашает: «Здравствуйте ребята»; он верно думал, что вошел в школу кантонистов, но ошибся, на его возглас он не получил никакого ответа; после слов *messieurs* или господа эти слова нам показались странными, поэтому мы не отвечали. Генерал рассердился, и попавши первую лежащую на парте тетрадь, схватил ее, развернул и потом, бросив на прежнее место, уходя, сказал, что писать не умеют. Не нашел сделать лучшего замечания! Через несколько времени директор приходит и спрашивает нас, отчего градоначальник вышел такой сердитый из нашего класса, не захотел, по его приглашению посетить прочие классы и оставить заведение? Мы сказали, что вероятно от того, что мы не отвечали на его приветствие, и не думали, что оно относится к нам.

Здесь оканчиваются мои воспоминания о Гейнлете. Временно занял его место, по случаю оставления им заведения, в конце,

^{xxxiii} Сын известного в то время Гурьева, который, как говорили, ел гречневую кашу, приготовленную на шампанском вине. Кажется, он был министром финансов.

кажется, 1826 года, профессор философии Дудрович⁹, брат известного в то время Андрея Ивановича Дудровича, профессора Харьковского университета. Говорили, что наш Дудрович преподавал философию, метафизику, право естественное и народное по запискам своего брата, написанным по-латыни, а им переведенным для нас на русский язык. Исправляя должность директора, он не вводил ничего нового, был для нас добр и не придирчив. Помню, я вошедши однажды в воскресный день, зимою в наш класс, в котором так было накурено табаком, что, как говорится, можно топор повесить, он вместо того, что бы дать нам нагоняй, с иронической насмешкой сказал: не стыдно ли господа, напылили, как будто маленькие дети. Может быть, оттого был снисходителен к курению, что сам не выпускал почти трубки изо рта, разве только на лекции. О его преподавании ничего особенного сказать не могу; нельзя не признаться, однако, что часто на его лекциях мы спокойно спали: сухая материя и только; впрочем, из логики мною еще: *baclus in angulo, ergo pluit*, а другого не спрашивай.

III.

Теперь поговорю еще о некоторых профессорах, в особенности о нашем законоучителе архимандрите Феофиле¹⁰, лице замечательном. Начну с профессора Виарда¹¹, о котором выше упомянуто. Он отличался своеобразным характером, и оставался неизменным по день выбытия. Он отвергал, в особенности, всякую подчиненность, и не признавал поэтому начальства. Предан был только одной науке и исполнял свой долг по прямому убеждению. О нем придется еще говорить в другом месте.

Профессор русской и греческой словесности Александр Иванович Ковалевский¹². Он преподавал теорию словесности по тогдашним жалким руководствам, а греческий язык по тоненькой грамматике, кажется Мартынова; для переводов служила 1-я часть хрестоматии Якобса. Вспомнил я, что случилось однажды, когда еще был во 2 классе. Во время урока греческого языка (здесь проходили грамматику), приходит в сопровождении инспектора, известный в то время и замечательный своей учености Александр Скарлатьевич Стурдза, проживающий в Одессе, и, узнавши, что преподается, пожелал остаться и попристутствовать при уроке; ему предложили кресло, которое всегда стояло в каждом классе для директора или инспектора. Не помню, какую переводили и разбирали фразу, так, так

что коснулось до падежей. Профессор останавливает на одном месте воспитанника и спрашивает: «Какой это падеж?» Тот отвечает. Вдруг Стурдза обращается к нему и говорит, а как будет «творительный»; на это Ковалевский встает и обращаясь к нему говорит: «Ваше превосходительство, в нашей грамматике творительного падежа *нема*». Конечно, всё это сказано с малорусским акцентом. Услышав это, Стурдза улыбнулся, встал, поклонился нам, и вышел из класса в сопровождении инспектора. Это сказано было тем профессором, о котором аббат Николя говорил: «Я этого господина не желал бы иметь у себя даже лакеем». Профессоров и адъюнктов назначал Харьковский училищный комитет с утверждения попечителя учебного округа. Они слыли у нас под названием *харьковиензыс*, а равно и студенты тамошнего университета.

Еще не все сказалось о профессоре Ковалевском. При преподавании русской словесности он страшно мучил нас, заставлял каждую субботу представлять во время урока непременно каждому из нас по одному стихотворению из своего сочинения и прочитывать в классе; потом он эти произведения нашей молодой музы брал с собой и уже возвращал с своими замечаниями в роде следующих:

*Стихи сия кудрявы, гладки,
Читать их можно без поправки*

Стихи же, которые он одобрял, заставлял переписывать, исправивши их сам.

Нужно было видеть наш класс в субботу, в ожидании Ковалевского. Кафедру и парты мы убрали живыми цветами, сорванными в наших садиках^{xxxiv}. Александр Иванович, садясь на кафедру, ухмылялся, краснел и говорил: «Настоящий Парнас, а я Аполлон»; в действительности, он походил более на Пегаса. После этого происходило чтение стихов.

Профессор риторики и теории красноречия Илья Федорович Гриневиц¹³, магистр этико-филологических наук в Харьковском

^{xxxiv} Каждый класс имел особый двор для гулянья; тут-то мы разводили садика, где садили цветы и сеяли даже огурцы, если оставалось место. Кстати скажу здесь, у нас класс с классом не общался; коридоры отделялись запертыми на замок решетками, как будто в монастыре. Если, например, случалось одному брату, находящемуся в нашем классе, передать что-нибудь своему брату, состоявшему в низшем классе, то для свидания с ним он должен был просить разрешения инспектора. Мы были все вместе только в церкви и в столовой.

университете. Говорили, что магистерство приобретено им за *rescipia*; но чего люди не говорят! Он был оригинал в своем роде и чему нас только не учил, кроме положенного по уставу, и этике, и герменевтике, и филологии; из этого всего у меня осталось в памяти: *Quid est philologia – philologia est scientia*, и все это диктовалось и еще по-латыни. Ну уже диктовкой он нам досаждал! Теорию красноречия он читал по Блеру, в переводе на русский язык; книг не было, да и трудно было их достать, не так, как теперь, что их уже так много, что беспрестанно меняют в ущерб бедным ученикам; ну, конечно, диктовка заменяла это; а урок продолжался два часа, времени довольно; вот он бывало и диктует из Блера целый час, и потом объяснивши, задаст выучить на следующий урок. Кроме этого, мы переводили с ним латинских классиков, в стихах и прозе. Дело свое он знал; но выговор его был убийственный^{xxxv}.

Он был маленького роста, и это его конфузило, когда он сидел на кафедре. Пришло нам однажды пошутить над ним, и к стати удобный случай к тому представился. В коридоре подле нашего класса стояла новая кафедра; а старая была еще не вынесена; недолго думая и воспользовавшись отсутствием надзирателя, который нас часто оставлял, в виду скорого начатия урока, а часто надеясь на наше благоразумие; мы внесли новую кафедру в класс, поставили на нее старую, устроили ступеньки из ящиков, вынутых нами из комодика, в котором хранилась классные принадлежности, и укрепив все как следует, сели по местам, ожидая с нетерпением прихода Гриневича. Наконец, пробив звонок, является Илья Федорович, с книгами под мышкой, становится на цыпочки, чтоб положить книги на кафедру, как он это делал всегда; но достать не может, и, держа книги в руке приказывает читать молитву, по импровизированным ступенькам осторожно сходит на кафедру, улыбается с самодовольствием и обращаясь к нам, говорит: «Господа, я теперь настоящий Цицерон; да, к стати, сегодня будем переводить его речь, *Pro Milone*»; не успел он окончить этой фразы, как является инспектор, смотрит на него с удивлением, и говорит: «Илья Федорович, что это такое?»; потом приказывает одному из воспитанников призвать служителя; но И. Ф., догадываясь в чем дело

^{xxxv} Вот примеры: *Когда Дембстенес сошел с кафедры (кафедры) к оружию, к оружию, кричат Афиняне; бо я, говорит, знаю все; за давностью времени привести не могу более, а скажу: все было в таком же роде и крайне смешило.*

и сконфузившись, как дитя, у которого отнимают игрушку, с видом сожаления, обратившись к инспектору, говорит: «Позвольте, пускай остается до окончания урока»; инспектор, не сказав на это ни слова, вышел с усмешкою из класса. И так Гриневич остался Цицероном на этот раз.

Адъюнкт Лепка¹⁴ преподавал во втором и третьем классе географию; а потом по выбытии Лельевра, всеобщую историю, тоже на французском языке, в 4-м конечно по аббату Милоту. Неизвестно, какой он был национальности, по его речи можно было назвать его сербом или чехом; говорил он ломанным русским и французским языком и часто употреблял выражение про Бога, да и вообще выходки его были странны: делая ленивому воспитаннику замечание, он говорил обыкновенно, *ты воруешь у Бога время, у родителей деньги*, разумея плату за воспитание; к воспитанникам греческого происхождения он применял выражение из Энеиды Вергилия : *Timeo Danaos et dona ferentes*, или *Greca fides nulla fides* и многие еще другие латинские поговорки, которых не помню; а он был охотник до них!

Теперь считаю нужным сделать некоторое отступление и объяснить, откуда появились греки, так как городские жители этой национальности воспитывали своих детей в своем училище, содержимом обществом и управляемом избранными эфорами (попечителями)^{xxxvi}.

В 1821 году во время возмущения греков под предводительством Александра Ипсиланти, генерала русской службы, оставившего самовольно Россию, многие из патриотов и других знатных фамилий, живущих в Константинополе, греки, опасаясь от турецкого насилия, спасались со своими семействами в Одессе, на кораблях под русским и иностранным флагами. Спасшихся было много. Император Александр Павлович, побуждаемый чувством милосердия, повелевал воспитывать на его счет 20 мальчиков в нашем заведении, а 20 девиц в институте благородных девиц^{xxxvii}. Конечно, заметим, что этой царской милостью воспользовались не одни бедные. Не знаю, какая судьба постигла этих царских воспитанников лицея, но один из них,

^{xxxvi} Я тоже некоторое время до поступления в начальное училище при лицее обучался в этом училище на том основании, что мать моя была гречанка, и я родился на острове Корфу, когда там была эскадра адмирала Сенявина.

^{xxxvii} Тогда был введен новогреческий язык в институте.

вступив на военное поприще, дослужился до полного генерала и занимает ныне весьма важный пост в Петербурге – это генерал-адъютант и генерал от артиллерии Костанда^{xxxviii}. Я помню его, когда он поступил в лицей, он был меньше всех ростом и нас забавлял, стараясь говорить по-русски, да и все греки нас очень смешили.

Теперь кстати, приходится опять говорить о греке, это о нашем профессоре греческой литературы Пиципиосе¹⁵, хиоском выходец, прибывшем в Одессу искать счастья, и попавшем в наш лицей при директоре Гейнлете, вероятно по протекции, тогда не так осмотрительно замещались профессорския вакансии. Не зная ни слова по-русски, он переводил нам на французском языке греческих классиков; правду сказать, не много он принес нам пользы, как и предместник его Калинеску; мы еще встретимся с ним.

Вот что случилось однажды во время экзамена по греческой литературе. Назначен был экзамен в нашем классе (4-м). Мы были уверены, что он сойдет благополучно, так как Гейнлет не знал по-гречески, и поэтому мы могли переводить, что нам в голову взбредет, лишь бы выходило гладко; но вдруг мы узнаем, что учителя греческого коммерческого училища, проведав о дне экзамена и питая неудовольствие к Пициопису, собираются на экзамене сделать ему скандал. Надобно было принять меры, чтобы не допустить их к этому. Экзамен назначался в 3 часа в известный день. Что-же мы выдумали – устроить бомбардировку. Класс, в котором назначался экзамен, находился в самом конце коридора так, чтобы туда войти, нужно было пройти несколько комнат, двери которых отпирались во внутрь; а по причине толщины стены, в каждой двери было большое углубление; в это углубление и поместился воспитанник, прижавшись к дверям, держа в правой руке несколько комков, сделанных из мякишей белого хлеба, крепко сдавленных и приготовленных для того, кто пройдет мимо занятой им позиции. Не зная ничего, шествуют злосчастные педагоги; проходит первый, его ошеломляет неизвестно откуда удар,

^{xxxviii} Впрочем, кроме Тройницкого, о котором я упомянул выше, отличились на служебном поприще еще некоторые; как-то: Стекл был посланником в Северо-Американских Штатах князь Волконский (сын того Волконского, который, как я сказал выше, надел орден св. Анны на шею аббата Николая) послом в Риме; А. Тернелеский атаманом астраханского казачьего войска (о нем еще придется говорить) и вероятно еще многие другие, о которых я не имею сведения, но вот замечательно: воспитанник 1-го курса граф Алексей Сен-При, уехавший по окончании курса в Париже, был избран в перы Франции, во время Людовика XVIII.

пущенный ему в лицо, комком хлеба; затем постигает та же участь второго и третьего (их было три); что тут делать? – Они назад; им приходится выдержать ту же бомбардировку, они бегом. К счастью, что-то задержало директора, и он пришел на экзамен гораздо позже; а то нам не удалось бы провести в исполнение этой проделки.

Кажется, в 1823 году были назначены ревизоры из министерства народного просвещения, какие-то два чиновника, им отведена была квартира в лицее, и они прожили несколько времени, посещали профессорские лекции и экзаменовали воспитанников по всем учебным предметам, впрочем, как, впоследствии оказалось, сами немного знали.

Наслышавшись о профессоре Виарде, они захотели побывать на его лекции, и вот, в один прекрасный день, явились на урок тригонометрии. Входят они, воспитанники встали, профессор сидит, удостоив их только кивком, и спрашивает у воспитанников, что это за господа, и узнавши кто они, вызывает одного из воспитанников к доске, и приказывает прочим сесть, ревизоры сидят на приготовленных для них заранее местах. Виард диктует теорему; когда воспитанник начал писать, то один из ревизоров выходит из класса, спустя несколько времени он возвращается, тогда вызванный воспитанник садиться на место, то профессор вызывает другого, выходявший ревизор просит сказать Виарду, что он желает предложить свою теорему, *c'est bon*^{xxxix}, тот отвечает. Ревизор диктует свою теорему; профессор следит со вниманием; когда же ему сказали, что уже кончено и требуют решать, то он, усмехнувшись, сказал: «Передайте этому господину, что теорема задана неправильно и что вероятно шедши сюда он запомнил ее, а потому сотрите и пишите, что я буду говорить». После этого ревизоры остались сконфуженными и, не говоря ни слова, удались. Вот каких людей присылали из Петербурга для ревизии! Они свое невежество высказали и в других классах, а свое пребывание в лицее ознаменовали скандалом, тем более, что один из профессоров несколько времени не приходил в класс после рукопашного боя, происходившего между ним и одним из ревизоров, и после этого подал в отставку и наш Парнас осиротел. Профессор же Виард после подобной ревизии не остался и уехал восвояси.

^{xxxix} Это была его поговорка.

Профессором французской литературы, после Реми Жилле, был швейцарец Лоран¹⁶, не особенно замечательный по своему преподаванию, он любил, чтобы ему выдавали урок слово в слово, не запинаясь. Я, бывало, старался сказать урок первым; а потом отправлялся спать на последнюю скамейку и стал преблагополучно, покуда все товарищи не выдадут урока и меня не разбудят слушать объяснения нового урока. Надобно знать, что уроки французской литературы были всегда после обеда, от 3-х до 5-ти в самый жар, летом; вставши в 5-ть часов невольно почувствуешь усталость и желание отдохнуть.

Профессор итальянского языка и литературы Пиллер¹⁷, сицилиец, прибывший из Москвы, где был учителем в бывшем благородном университетском пансионе^{XL}. Он замечательный тем, что был наш доморощенный пиита, и на все торжественные случаи сочинял кантанты, которые перелагались на музыку учителем музыки Пахманом; а на актах и торжествах пелись воспитанниками. Он так же читал при известных случаях и стихи своего произведения. По уставу на его обязанности еще лежало переводить с нами с латинского на итальянский язык краткую мифологию: Appendix de diss. Да, нас мучили латынью не хуже теперешнего и заставляли в известное время говорить на этом языке и даже наказывали за упущение, заставляя в рекреационное время выучить 50 латинских стихов, но конечно это было только в первое время существования лицея. С прибытием Гейнлета все переменялось и не возобновлялось.

Теперь мне остается упомянуть о самом замечательном из профессоров – архимандрите Феофиле, законоучителе нашем. Он был назначен из Петербурга, где еще иеромонахом занимал должность законоучителя в пажеском корпусе. Будучи масоном и мартинистом (это тогда было в моде), он пользовался особым расположением бывшего тогда министра народного просвещения князя Александра Николаевича Голицына. Архимандриту было не более 30 лет. Он был красивой наружности, *bel homme*, как говорят французы, рост его был умеренный, цвет лица свежий, с румянцем: серые и живые его глаза, пронизывали насквозь; речь приятная и мягкая; не даром на него засматривались одесские барышни; а некоторые даже были от него без ума; в особенности одна из них, мать четырех дочерей, не

^{XL} Он издал итальянскую грамматику и хрестоматию для нашего руководства.

уступавшая им в красоте. Читатель извинит меня за эту вставку, не идущую к делу; но поговорка говорит: *amicus Plato sed magis amica veritas*.

Итак, буду продолжать. Литургию он совершал особым благоговением, и когда, бывало говорит проповеди, то возвращался в алтарь с раскрасневшимся лицом и сильно взволнованным, я это знаю, потому что я был прислужником в алтаре и свеченосцем во время служения. Бывало, если архимандрит заметит, что кто-нибудь из надзирателей, между ними были иноверцы, стоял во время церковной службы, облокотившись у стены, тотчас посылал меня, говоря: научи его, как стоять в церкви; а если кто из профессоров разговаривал во время обедни, то по окончании оной, когда они выходили с крестом, а тот приходил приложиться, то так ловко ударял по губам, что педагог, отходя, невольно поморщиться: это было заметно из алтаря. Если кто, по незнанию, предлагал ему деньги за исповедь, то он, взявши их, бросал ему вслед с неудовольствием, так же, если кто из нас, подходил целовать его руки, отнимая ее, говорил: «Разве я поп»^{XLI}. Воспитанники всех классов не любили его за строгость и требовательность; можна даже сказать, что его боялись, особенно в высших классах. При спрашивании уроков, он требовал, чтобы их выдали слово в слово, не пропустивши ни одной буквы, в противном случае, виновный подвергался немилосердному драeniu за волосы, производимому десницею законоучителя^{XLII}.

О затруднениях, которые встречались в учебниках, я уже упоминал; скажу, что не лучше было при преподавании закона Божьего; теперь наша духовная литература изобилует превосходными сочинениями и руководствами; тогда довольствовались катехизисом митрополита Платона, сочинениями знаменитого Петра Могилы, священной историей, о которой я уже упомянул, и другими подобными руководствами. Но дался нам больше всех Петр Могила; из его сочинения ничего понять не могли, язык варварский, смешение разных языков, а хочешь не хочешь, говори ты слово в слово; а то

^{XLI} Не нравилась ему так же бывшая тогда в моде прическа а *la соq*, он называл ее сатанинской прической.

^{XLII} Драние это сопровождалось площадной бранью, а если попадался грек, так к этому прибавлялись слова пиндос, устрица, каракатица. Конечно это происходило в низших классах.

дурная отметка и наказание; по неволе лепетали как сороки. Урок всегда выдавался перед кафедрой.

Вот что случилось однажды. Приходит архимандрит в четвертый класс, взойдя на кафедру и опускаясь на скамейку, чтобы сесть, падает навзничь (скамейка была расшатана) и при падении видит на потолке нарисованного углем козла. Тут, конечно, сделалась суматоха, мы все встали со своих мест; но он, поднимаясь, высказал необыкновенное хладнокровие и приказал одному из воспитанников пойти пригласить инспектора. До прихода инспектора, архимандрит, обратившись к воспитанникам, сказал: «Стыдно вам, господа, признайтесь, кто это сделал?» Молчание... Потом, бросив испытующий взгляд на всех, он прямо обращается к Сен-При: «Это вы?» – «Да, я». – «Так не жалеете, будете же вы раскаиваться?», – возражает архимандрит; при этом входит директор и инспектор, которым Феофил объясняет дело и уходит. Директор, обращаясь к Сен-При, приказывает ему идти в карцер до окончания дела. На другой день Сен-При^{XLIII} был формально исключен из лицея. После этого случая архимандрит никогда не садился на кафедру ни в одном классе; а когда он приходил на урок, то дьячек Данило нес за ним кресло и ставил перед кафедрой, а по окончании урока уносил.

Но вот приходится мне рассказывать о случае, как бы происшедшем в настоящее время. *Horrendum est dictu et auditu*. Летом 1823 года, месяца не помню, во время послеобеденной рекреации, некоторые из воспитанников 5-го класса гуляли на дворе, а другие оставались в комнате. Вдруг приходит со двора один воспитанник и говорит: «*Quosque tandem abutere patientia nostra!* долго-ли архимандрит будет обращаться с нами как, с мальчиками; пора его проучить: побьем ему окна; теперь самое удобное время; начальство отдыхает; а надзиратель придет не скоро, его отпустил инспектор»^{XLIV}. На этот клич все бывшие воспитанники встрепенулись и вышли в сопровождении оратора. На дворе их ожидали остальные товарищи, уже готовые на дело. Всех было 24 человека. На их беду

^{XLIII} Он был брат того Сен-При, о котором упомянуто выше. – Говорили тогда, что эту проделку он сделал в отместку архимандриту, по жалобе которого он был посажен на неделю в карцер. По слухам, как говорили, много он сделал проделок в свою жизнь и самоубийством окончил свою бурную карьеру.

^{XLIV} Я уже сказал, что каждый класс имел особый двор, а двор 5-го класса был изолированный, и на него выходили окна архимандрита, бывшей в нижнем этаже.

тут была сложена куча камней, и вот, каждый взяв по камню в руки, все бегом пустились к квартире архимандрита и давай бомбардировать. Стекла так и посыпались. Феофил едва спасся за комод; к счастью, бывший у него профессор едва успел запереть ставни. Сделав свое дело, воспитанники пошли в класс как ни в чем не бывало, сели по своим местам и ожидали звонка и прихода профессора. Архимандрит отправил письмо к директору (тогда был Реми Жилле) и описал бывшее. Директор немедленно его посетил и конечно выразил крайнее сожаление о случившемся^{XLV} и что поступок этот заслуживает строгого и примерного наказания, и что он сегодня же донесет прямо от себя министру с эстафетою; но что предварительно постарается открыть зачинщиков; с этим он выходит и отправляется в 5-й класс. Войдя туда, приняв грозный вид, требует чтобы все зачинщики вышли на середину класса; никто не выходит, но все в один голос кричат: «Мы все виноваты, терпели покуда могли». – «Так все и будете отвечать и будете раскаиваться всю жизнь; вы не подумали, что вас ожидает, прощайте». Все это было сказано по-французски.

Донесение министру было сделано и вероятно представлено было на монаршее воззрение. Через несколько времени последовало следующее решение: если архимандрит Феофил не простит воспитанников V-го класса, учинившим такой неслыханный поступок, то они все будут записаны, без выслуги, в рядовые в отделенные полки. Вероятно, было поставлено это условие в том предположении, что архимандрит как духовная особа, да еще и монах, *poles volens* должен был простить виновных, затаив в душе озлобление и чувство отмщения^{XLVI}. Так и случилось. В названный день было назначено чрезвычайное собрание в актовом зале, где собралось начальство, члены правления^{XLVII}, профессора, адъютанты и все воспитанники в сопровождении надзирателей; приказано было не садиться. На кафедру взошел секретарь правления и стал читать последовавшие решение относительно поступка воспитанников V-го класса. Кончив, он сошел с кафедры. Настала торжественная минута, водворилась

^{XLV} В этом классе был и Тройницкий.

^{XLVI} Можно безошибочно предположить, что на решение это, с постановленным в нем условием, немалое имело влияние и ходатайство тех высокопоставленных особ, сыновья которых были тогда в 5-м классе.

^{XLVII} Они избирались из родителей и опекунов воспитанников и награждались орденами.

тишина. Взоры всех были устремлены на архимандрита, на лице которого было видно борение, глаза его были неподвижны. На лицах виновных выражалось беспокойное и нетерпеливое ожидание. Одно слово и судьба их решена на всю жизнь.... Вдруг слышатся громко и резко сказанные слова архимандритом, обращение к воспитанникам V-го класса: «Становитесь на колени», весь класс стал на колени, «Просите прощение», при этом он стал перед ними. *Простите отец архимандрит*, все произнесли единогласно, *мы виноваты*. – «Молитесь Богу, пусть Он вас простит!» – Все перекрестились. «Вставайте; я вас прощаю», – последнее слово было сказано громче. Все встали и поклонились ему. Все это осталось мне памятным навсегда, хотя мне тогда было около 14-ти лет. – Подумает кто, что после этого архимандрит Феофил стал мягче обращаться с воспитанниками. Не тут-то было! Да и воспитанники не перестали выкидывать свои штуки; когда-то была подброшена к нему в окно эпитафия:

Под камнем сим лежит

Гусар – архимандрит

Говоря о наружности, я упомянул сказать, как он одевался: ряса его была из черного плотного атласа; полы и рукава были подбиты голубым атласом; подрясник из шелковой турецкой материи, в роде терламамы, пояс малинового бархата, вышитый золотом^{XLVIII}. Обувь его состояла из башмаков с золотыми пряжками^{XLIX} летом, при шелковых черных чулках; а в другое время из сапог, шитых знаменитым в то время Кутузовым^L. Носовой платок архимандрита был надушен самыми тонкими духами.

Чтобы показать, как Феофил дорожил приличиями, расскажу, как он нюхал табак; но этого никто не видал, и даже спорили со мной, когда я говорил, что он делает это. Вот как это было: в правом кармане подрясника находились носовой платок и табакерка; когда ему хотелось понюхать табуку, он сначала вынимал из кармана носовой платок, потом выкладывал его туда опять, и открывши табакерку, клал щепотку табуку в платок; а потом, вынувши его, как бы утирал нос и клал платок на прежнее место. Он делал это скрытно

^{XLVIII} Приношение дам, без сомнения.

^{XLIX} В этом он подражал аббату Николю, с которым, однако, не очень ладил.

^L За полсапожки платили 30 р., за ботфорты 100 р. ассигнациями. Изящной работой Кутузова так восхищались в то время в Одессе (в двадцатых годах), что говорили: полсапожки Кутузова следует поставить на комод, любоваться ими и считать украшением.

потому, что нюхать и курить табак считалось в то время предосудительным для духовной особы, а особенно для монаха. А теперь духовные лица только в церкви не курят папирос!

Находя его самым замечательным между профессорами лицейскими того времени, я решился высказать все то, что я мог запомнить о нем. И так, я продолжаю. Когда он приехал из Петербурга, кажется в 1819 году, как говорили, ему предложена аббатом Николая приличная квартира в здании лицея; но он отказался от неё, говоря, *я монах, для меня довольно и одной комнаты*. – Желание его было исполнено; но какая это была комната, я удивился, когда однажды, будучи еще в начальном училище, пришел к нему по делу. Комната была очень небольшая, стены были выкрашены черной краской, а потолок – белой; особенной мебели не было: диван, вероятно, служивший и постелью, перед ним столик, несколько стульев, и письменный стол, у которого он сидел и что-то писал; увидевши меня, он сказал: *обожди*. Я, воспользовавшись этим, успел рассмотреть комнату, и что было на столе, и особое внимание обратил на распятие из слоновой кости на пьедестале из черного дерева и миниатюрный потрет какой-то дамы^{LI}. По отъезде аббата Николая, архимандрит оставил свое смирение и потребовал другую квартиру; желание его было исполнено; но через несколько времени ему отвели другую – в верхнем этаже, подле церкви. Вторая квартира, как выше упомянуто, ему не посчастливилась. Конечно, с переменою квартиры переменялась и её обстановка.

IV.

В мое время в лицее существовали публичные экзамены; это была суто комедия: приглашали публику, и на эту выставку^{LII} своего рода, назначалось по каждому предмету, по одному или по два воспитанника трех низших классов, и задавали им выучить что-нибудь из пройденного; эти экзамены бывали после положенных по уставу. Воспитанники же высших классов читали свои сочинения, на разных языках, по назначению профессоров. Раз, помню я, требует меня к себе архимандрит и спрашивает, кого назначить на экзамен по Закону Божию. Я перебрал многих воспитанников нашего класса; но он не остановился ни на одном; я говорю одного – нет, нельзя, у него

^{LI} Вероятно, это портрет его покойной жены, когда он не был еще монахом.

^{LII} В то время никаких выставок не было.

печать отвержения на лбу (знак от оспы); при том он не благообразен; так Терпелевского^{LIII}, возражаю я, – хорошо, пришли его ко мне, я задам, что ему нужно будет выучить на экзамен.

Наш архимандрит был весьма самолюбив и властолюбив и любил рисоваться перед публикой. В одно время директор фон Гейнлет заболел и как раз перед актом; архимандрит воспользовался этим случаем и принял на себя распоряжение по этому торжеству; вместо казенных стульев он поручил собрать лучшую мебель у профессоров, предоставив и свою также, которая была лучше прежней, работы известного в то время в Одессе столяра Коклена^{LIV}. Так как это было зимою, то в зале раздавался аромат самых тонких курительных порошков. Когда в назначенный час стала собираться публика, наш законоучитель принял на себя встречать входящих дам и провожать их до назначенного места; в правой руке он держал раздушенный белый батистовый платок. Нельзя было узнать монаха, сидевшего еще не так давно в комнате, окрашенной черною краской. Это мы видели и хорошо понимали, что не в своей был он роли. Видно он крепко надеялся на князя Голицына¹⁸, тогдашнего министра духовных дел и народного просвещения. Но вдруг, нежданно, негаданно, последовал донос в Петербург, и его туда вызывают, для личных объяснений.

В доносе были в особенности помещены те *patries de plaisir*, на которые он приглашал знакомых дам в монастырь, стоящий от города на 12 верст^{LV}. Казалось, что ему не миновать беды; напротив, этот вызов оказался для него благоприятным. Вот что рассказывали. В один воскресный день, по прибытию архимандрита, князь Голицын приглашает императора Александра Павловича в свою домовую церковь, говоря, что в ней будет служить обедню вызванный из Одессы архимандрит по доносу, который он представлял на Высочайшее воззрение. Государь изъявил соизволение и прибыл в церковь в назначенное воскресенье и остался весьма доволен как служением Феофила, так и сказанною им проповедью. Следствием этого было то, что архимандрита причислили к ордену св. Владимира

^{LIII} О нем упомянуто выше. Кстати, скажу здесь, что он был очень красив собою.

^{LIV} Его работы была вся внутренняя столярная отделка лицея, да и архитектор строитель был Мг Шаль француз; из этого видно, что у нас было все французское в начале.

^{LV} Кроме этого монастыря, ему приписан был еще другой в Бессарабии, но особенно к нему расположению тогдашнего архиепископа Кишиневского и Хотинского Димитрия, к епархии которого принадлежала Одесса.

3-й степени, и он благополучно возвратился в Одессу и стал смелее действовать. Но не долго торжество его продолжалось. С назначением нового министра, кажется в 1826-м году, он был удален от должности законоучителя лицея и сослан на покаяние в Борисо-Глебский монастырь близ Ростова (Ярославской губ.) Место его занял соборный протоиерей Исидор Гербановский.

Но, кажется, слишком я уже разговорился об архимандрите; пора перестать и дать место другим; а все-таки скажу, что еще осталось много такого, чем можно бы занять читателя; но *de mortuis aut bene, aut nihil*, – и сказанного будет довольно.

Из инспекторов, которых в мое время было несколько, упомяну о Михаиле Михайловиче Калинеску и о Карле Ивановиче Кеппен, – он прежде служил в Одесской почтовой конторе помощников почтмейстера^{LVI}.

Калинеску по происхождению был молдаванин, румын тогда не было. Где прежде он служил не знаю; говорил на многих языках, но ни одного не знал основательно, а когда мы смеялись, как он говорит по-русски, он возражал нам: «Чего вы смеетесь, господа, я не родился в России, а только живу в ней 30 лет» (ему тогда было под 60 лет). Кроме настоящей должности, он преподавал нам некоторое время греческую словесность и переводил с нами греческих классиков на русский язык; и когда мы его не понимали, то он, выходя из себя, говорил: «Это Фукидитская систэма, из одно слово подрезывает мысль». Однажды, желая сделаться более понятным, он, при переводе одной речи, сказанной каким-то греческим полководцем перед сражением, перевел так: «*о ви блазении, которые полозут пузо*^{LVII 6)} *свое на поле брани*!» Как это Михаил Михайлович, спрашиваем мы? – *Из пиком*. Да, он нас довольно потешал своими переводами. Как я сказал, ему было под 60 лет, и потому он часто засыпал на послеобеденном уроке, на который часто являлся раздумянный, и мы, жалея доброго старика, сидели тихо. – О Карле Ивановиче скажу, что он любил действовать исподтишка, и наговаривать директору на воспитанников, и потому его не любили, и переделали стих Боало из Sutrin: *Tant de fiel entre -t-il dans l'ame d'un*

^{LVI} Брат его Петр Иванович был знаменитый ученый того времени.

^{LVII} Он слышал, что по-славянски живот означает жизнь, но подумав, что по-русски это будет не хорошо, заменил другим словом.

manchot (вм. devot), он был однорукий. Стих этот часто красовался на классной доске.

У нас было два учителя рисования, из них Белоусов, воспитанник академии художеств, замечателен по знанию своего дела, а также по тому, как он высоко ценил искусство. Говорили, что его привез в Одессу какой-то граф – чуть ли не Сен-При и, вероятно, по его ходатайству помещен в лицей. Для занятия рисованием был устроен особый класс^{LVIII}, скамьи были приспособлены для этого так, что можно было на них удобно класть доски, на которые наклеивалась бумага для рисования; стены были украшены рисунками, наклеенными на картон и служившими для копирования; кроме того, на особенном возвышении стояли гипсовая статуи и лежали руки, ноги, тоже гипсовые, мускулы обозначались чертами.

Теперь поговорим о М. В. Белоусове. Мастер был он своего дела: это доказал он, когда мы его просили нарисовать декорации для предполагаемых представлений: Эдипа в Афинах – Озерова и Заиры-Волтера на новогреческом языке воспитанниками из греков, получающих образование на счет Александра I-го, о которых было упомянуто в своем месте. Кроме этого Михаил Васильевич был в душе артист и дорожил своим достоинством. Вот примеры: граф В. П. Кочубей, не помню в котором году, во время своего пребывания в Одессе, пригласил Белоусова нарисовать на большом александрийском листе бумаги группу^{LIX}: его с семейством, сидящим за столом; М. В. согласился исполнить желание графа; но из деликатности не назначил вознаграждения за работу, тем более, что он его об этом не спрашивал. Окончив заказанный рисунок, он его приносит и вручает по принадлежности. Граф, оставшись довольным как сходством, так и выполнением, благодарит его и вручает ему 200 р. ассигн. Белоусов берет эти деньги молча и раскланявшись уходит. Потом, через несколько минут, возвращается и просит дать ему картину на самое короткое время. Картину ему вручают не подозревая ничего особенного, и он уходит; воспользовавшись же тем, что в передней никого не было, он изорвав картину на самые мелкие кусочки, бросает на пол; а вошедшему швейцару вручает 200 р., просит отдать их графу; швейцар в недоумении берет эти деньги и

^{LVIII} Значит теперешнее устройство в реальных училищах особых классов для рисования не новость.

^{LIX} Пастельными карандашами.

уходит, а М. В. поспешно удаляется^{LX}. Можно судить, в какое положение был поставлен В. П. этой выходкой обиженного самолюбия художника.

V.

После Гейнлета вступил на должность директора лицея бывший управляющий одесской портовой таможни Диттерикс. Его определил граф Витт. Впрочем, он занимал эту должность только несколько месяцев и был назначен из министерства директором лейб-медик Ив. С. Орлай^{LX}, о котором будет сказано подробней^{LXI}. По краткости времени нахождения Диттерикса в лицее ничего особенного не произошло, разве только то, что некоторое время все воспитанники 5-го класса, в том числе и я, каждое воскресенье были посылаемы к обедне в лютеранскую кирху в сопровождении инспектора Кеппена^{LXII} или самого Диттерикса. Спросят, что за особенность? Там говорил проповеди на французском языке приехавший из Женевы м-р Ферне, он был выписан оттуда в качестве гувернера гр. Кочубеем, находившимся тогда в Одессе, но, по некоторым обстоятельствам, отказался от этого места^{LXIII}. Нас же посылали для того, чтобы мы брали пример хорошей декламации. Мы охотно посещали лютеранскую кирху, и проповеди м-ра Ферне нам особенно нравились по жару, с которым он их произносил, по мимике и по жестам; нужно было видеть как он играл глазами, то подымая их кверху, то обращая их к присутствующим, большая часть которых приходила, как и мы, конечно, не помолиться, но послушать его проповеди; а дамы, чтобы и посмотреть на него. Говорили тогда, что одной даме, которая ближе других сидела к кафедре и на которую чаще прочих устремлял свои взоры, он послал сказать, чтобы она перестала посещать кирху во время его служения. Эта дама была жена графа Ланжерона. В числе прочих посещал кирху^{LXIII} и находившийся в отставке граф Ланжерон, бывший генерал-губернатор, но это не прошло ему даром. Настоятель

^{LX} Все это он нам рассказывал сам, присовокупляя: не умел оценить, так для него хуже.

^{LXI} Родом он был карпато-росс, как он говорил.

^{LXII} Говорили, что он не захотел спать в одной комнате с детьми графа.

^{LXIII} В то время лютеранская кирха помещалась в каком-то длинном одноэтажном строении на Садовой улице, неподалек от гаупвахты. Так как посторонних посетителей было много, а помещение тесное, то с началом богослужения запирали двери на ключ, который до окончания службы хранился у тогдашнего пастора Беттигера, памятного Одессе по своим скандальным проделкам. Впрочем, он был ученый человек. Его постигла такая же участь, как и нашего архимандрита; он был сослан в Вятку на жительство.

католической церкви в Одессе, узнав, что граф посещает проповеди Ферне и ходит в еретическую церковь, послал к нему капуцина Ансельмо^{LXIV} сказать, что он налагает эпитимию на него: ходить в течении двух недель в костел к обедне. Делать было нечего, надо было исполнять. Удивительно, после этого как патеры согласились похоронить его под церковью.

После Диттерикса, как я сказал выше, определен Ив. Сем. Орлай. Со вступлением в должность директора, он решил совершенно переменить прежний строй лицея, который поэтому уподоблялся кораблю, носимому бурей и волнами и готовому разбиться о подводные камни^{LXV}.

Первым делом Ивана Семеновича было переделать устав лицея и ввести в преподавание новые науки, как-то: эстетику, римское право, и другие; это было перед моим выходом из лицея; но как судьба моя не решалась несколько времени и по окончанию курса, то и мне пришлось бы, хотя короткое время, слушать эти дополнительные науки. Я хочу сказать здесь о том, что так как я был воспитанником Педагогического института и по старому уставу имел право получить место в лицее, то Орлай, не любя нас, стипендиатов Дюка-де-Ришелье^{LXVI}, сделал представление министру чрез попечителя графа Витта, что, по не существованию вакантных мест в лицее, встречается затруднение привести в исполнение упомянутое постановление устава, а до окончания дела воспитанники Педагогического института могут оставаться в заведении и получать содержание и отдельное помещение. Поэтому пришлось мне еще несколько месяцев оставаться в лицее. Нас, кажется, было 10 человек, собралось так много в один выпуск. Я, не имея в Одессе ни родных, ни знакомых, почел было за лучшее посещать лекции дополнительных наук, как-то: эстетики и римского права, но после раздумал, находя это бесполезным.

Для преподавания дополнительных наук Орлай пригласил для римского права учителя музыки Пахмана²¹, кончившего когда-то в

^{LXIV} Он был законоучителем римско-католического исповедания в лицее, он и сообщил нам об этом. Забыл сказать, что с увольнением Реми Жилле была упразднена католическая церковь в лицее.

^{LXV} Так выразился профессор итальянской словесности в стихах, читанных им на акте, которые остались у меня в памяти. За давностью не помню при Гейнлете или при Орлае были произнесены эти стихи.

^{LXVI} До чего простер он свою ненависть к Дюку, что не был даже при открытии его памятника, поставленного на Приморском бульваре в Одессе.

каком-то немецком университете курс и занимавшегося в течении многих лет обучением музыки, а также некоторых из наличных профессоров для других наук; эстетику поручил читать, по рекомендации влиятельных лиц, известному тогда в Одессе Спаду²², образованному португальскому еврею, который втерся в дома одесской знати и служил своими выходками забавой и развлечением дам высшего круга, он их потешал своей фигурой, своими претензиями на галантность и своими кривляниями. Хотя он не знал ни слова по-русски, вдруг его сделали цензором, библиотекарем Одесской публичной библиотеки и, как я сказал, – профессором. Можно ли после этого не удивляться, как у нас прежде случалось, что всякий заграничный пройдоха вдруг втирался в милость; в нем принимали самое близкое участие, предоставляли самые выгодные места; а наш брат, русский, хоть и я, после окончания курса учения и по освобождению от обязанности прослужить в лицее шесть лет, целый год, можно сказать, бегал по Одессе искать какой-нибудь должности и везде неудача, о чем я уже упоминал в одном месте своих воспоминаний. Когда нам сказали, что для нас необязательно слушанье дополнительных наук, и что, до решения министра, мы можем оставаться в заведении, не стесняясь его правилами, я вышел на улицу, стал думать куда идти и что мне делать.

В этом раздумье мне пришло на мысль, что за месяц до окончания учения приходил в лицей какой-то иностранец, барон Шабо, который, втретивши меня, спросил, можно ли ему обозреть лицей и к кому ему для этого обратиться и что ему, как французу, интересно хоть в частности познакомиться с заведением, носящим знаменитое имя Дюка-де-Ришелье; я вызвался быть его проводником. Обошедши внутри все помещения лицея, барон при прощании выразил желание познакомиться со мною поближе, узнав, что я один из воспитанников Дюка, и сказал, что когда я буду свободен, то ему приятно будет видеть у себя, что он остановился в Hotel du Nord, на Итальянской улице. Нечего было думать, и я отправился к барону хоть горе размыкать; ведь незавидное положение! Вхожу в его номер и нахожу его дома; барон встретил меня ласково, просил садиться, потом спрашивает, что я намерен делать, будучи теперь свободным; искать каких-нибудь занятий, - отвечаю я, - а пока найдете? – сидеть у моря и ждать погоды; ну это невыгодно, возражает он; а знаете, что мне пришла охота учиться по-итальянски и по-русски, не возьметесь

ли быть моим учителем; много предложить вам не могу, а 25 руб. асс. в неделю; если вы согласны, то приходите завтра, в 8 часов утра, мы вместе напьемся кофе и начнем занятия.

Конечно, я его поблагодарил и начал свои занятия. В этом поступке барона я усмотрел не желание учиться по-итальянски и по-русски, а порыв благородной души помочь мне, видя мое безвыходное положение, и дать возможность хоть немного опереться; ибо единственный мой костюм было казенное обмундирование, которое, по существующим правилам, я должен был возратить. Спрашивается, как бы я остался?

Итак, учившись 10 лет сряду (я считаю и начальное училище), пришлось мне и самому учить; и кого же? – баронов и князей. После барона Шабо, я был приглашен давать уроки русского языка князю Четвертинскому, занимавшему номер в Hotel du Nord, а несколько времени спустя бар. Гюбшу; оба они состояли членами учрежденной комиссии для разобранья претензий русских подданных на турецкое правительство^{LXVII}. Вот у меня оказалось два ученика еще. Уроки шли благополучно: с бароном Шабо мы переводили итальянские оперы одесского репертуара и русские комедии: «Дорый малый» и «Богатонов в столице», конечно, на французском языке; с князем^{LXVIII} читали Историю Карамзина и упражнялись письмом под диктант. Странно, что эти два последние ученика, состоя на русской службе, не умели ни читать, ни писать по-русски. Нужно было видеть восторг князя, когда он первый раз подписался по-русски.

Не могу умолчать, чтобы не рассказать какой со мной случился казус в то время, когда учил я русской грамоте князя. Прихожу к нему однажды на урок, по окончании которого он говорит мне: ступайте в такой-то номер, там ожидает вас по моей рекомендации англичанин Алькок^{LXIX}, он желает учиться по-русски, платой за уроки не стесняйтесь, он страшный богач. Прихожу к нему, рекомендуюсь, слово за слово, он спрашивает о вознаграждении за уроки; я говорю 10 руб. за урок. Он соглашается, но при этом говорит, что он предлагает мне свою методу, конечно, только на первых порах. Я согласился. Вот в чем она будет состоять: он будет меня спрашивать как такую-то французскую фразу перевести на русский и получивши

^{LXVII} Об этой комиссии я уже упомянул в другом месте и о том, что в ней я остался недолго.

^{LXVIII} Скоро он выучился читать и писать.

^{LXIX} Говорили, что это была знаменитая личность.

от меня ответ, запишет его латинскими буквами; чтобы не терять времени, можно начать сейчас же, если я свободен. И так я дал первый урок не выходя от него, он мне дал свою карточку и при прощании просил приходить завтра^{LXX}. Выходя от него я был в восторге, что за такое легкое занятие я буду получать такое большое вознаграждение. Но я строил воздушные замки. Прихожу я на другой день к своему ученику-англичанину, и что же узнаю: чуть свет он уехал в Крым. Досада меня взяла, что надо мной так насмеялись. Не вытерпел я и пошел рассказать князю Четвертинскому. Он стал шутить надо мной. Шедши от него домой, я раздумывал дорогой, что мне делать; наконец пришла мысль сообщить о случившемся английскому консулу Джемсу. Прихожу к нему, докладывают обо мне и меня принимают. Когда я стал говорить о проделке мистера Алькока, он стал пожимать плечами и выражать удивление; когда же я кончил, то он сказал: можно ли верить, чтобы англичанин решился на подобный поступок. При этом я возразил, почему он прямо не сказал, что ему нужно от меня, а употребил такую увертку; неужели я бы отказал сказать ему несколько фраз и потребовал бы за это платы? – Да, неблагородно, подхватил консул. Но знаете, чтобы вознаградить потерянное вами, я предлагаю вам давать уроки моему племяннику два раза в неделю по 5 руб. за урок; но я поблагодарил его и раскланялся с ним. Он жил почти за городом.

Теперь буду продолжать начатое мной о профессоре эстетике Спаде. Итак, начну прежде всего с его наружности: представьте себе старикашку лет 60 с таким носом, которому и сам Гомер не мог придать эпитета. А ведь он был на это мастер! Нос этот всегда был набит испанским табаком. Лицо его было похоже на засохшую, желтоватую дыню, глаза бесцветные, а вместо зубов торчали два клыка; росту был он низкого на коротеньких ножках, на костлявом указательном пальце правой руки был большой золотой перстень. Одевался преуморительно, желая подражать моде; при всем этом высказывал претензии на ухаживание за молодыми дамами и девицами; впрочем, он не оставлял и оперных примадонн^{LXXI}.

^{LXX} Урок состоял в том, что меня сперва спрашивали названия разных вещей, а потом, как говорить на станциях, в гостинницах, и все это он подробно записывал п-французски, а ответы мои по-русски латинскими буквами.

^{LXXI} В то время славилась Мориккони.

Словом сказать, он был *la fable de la ville*, причта во языцах. У меня еще осталось в памяти начало той сатиры, которую на него сочинил Либаль^{LXXII}, редактор «*Journal d'Odessa*». Вот эти стихи:

De l'esprit et de l'art, de la grace et du gout,
Spada n'en parlons pas, vous en manquez surtont,
Assez et trop encore en faisant legalant,
Vous encourez le nom d'un fastidieux plaisant...

На его лекциях я был только раз и поэтому ничего сказать не могу. Эстетика не пойдет на ум, когда нужно думать о насущном хлебе. Ведь это *наука о вкусе* как ее определил Спада, а какой вкус может быть у того, у кого завтра, смотри, есть нечего^{LXXIII}. Довольно утомлял читателя о личности, которая успевала в своих предприятиях, без всякого особенного достоинства, единственно потому, что умела заискивать, льстить и, как говорится, на задних лапках ходить; но почему Спаду особенно повезло? – Знание французского языка и то, что кроме того он был не русский, а это тогда было достоинство.

При этом возвращаюсь опять к себе. В одно время, (в 1828 г.)^{LXXIV}, по отъезде моих учеников, мои уроки прекратились. Мне сказали, что в Одессе открыта комиссия для снабжения действующей армии провиантом, а тогда была война с Турцией, и что не худо мне сходить в эту комиссию, тем более, что требуются чиновники. Приготовив дома прошение, отправляюсь туда. Встретив какого-то чиновника, спрашиваю: кому мне отдать прошение? – Не угодно ли обождать, я доложу, – и с этим входит в присутствие; через несколько минут он просит меня войти! Я вхожу и осматриваюсь, вдруг слышу голос: подайте сюда ваше прошение. Я подхожу ближе к столу и вручаю бумагу председателю^{LXXV}. Взглянув мельком на мое прошение, он мне его возвращает, говоря: теперь нет вакансий. Я поклонился и вышел, конечно, не с очень веселой физиономией. Досадно, да делать нечего. – Вдруг приходит мне на мысль, дай-ка попробую еще это. Магическое действие французского языка и нам было известно. Прихожу домой и строчу по-французски докладную записку на имя

^{LXXII} Убитый на дуэли в Ботаническом саду накануне первого дня Светлого Христова Воскресенья.

^{LXXIII} Хорошо, что Провидение послало мне Б. Шабо на помощь, о чем я уже упоминал.

^{LXXIV} Это случилось уже по выходе из лицея в конце года.

^{LXXV} Это был Энгельгардт, один из бывших адъютантов графа Воронцова.

Энгельгардта о предоставлении мне места в комиссии. – На другой день, где-то после обеда, я отправляюсь к нему, желая застать его дома. Не без волнения вхожу я в переднюю, меня встречает казачек и говорит: он обедает. Ничего, я обожду, отдаю это письмо, а сам сел и думаю: будь что будет. Вдруг через несколько минут прибегают казачек и говорит: пожалуйста, указывая комнату – это была столовая; не успел он откланяться, как Энгельгардт выходит из-за стола, держа в руке мою докладную записку и спрашивает, конечно, по-французски, обедал ли я; на мой утвердительный ответ предлагает садиться и предлагает прибор, но я отказываюсь. После обеда пригласил он меня в кабинет и мне заявляет, чтобы я зашел вечером в комиссию и подал члену Андреевскому прошение, и что завтра я могу к нему явиться и буду зачислен чиновником оной с жалованием по 150 рублей в месяц. – Что значит французский язык!

Прихожу в комиссию на другой день и меня зачислят и дают занятие; проходит день, два, три; ну, думаю, попал я в западню, вообразите: занятия начинались в 8-ть часов утра и оканчивались в 12-ть часов ночи, и в воскресенье тоже, для отдыха давалось 3 часа, от 5-ти после обеда и до 8-ми вечера; на четвертый день, до прихода председателя, явившись в комиссию в назначенное время, прежде чем заняться делом, вхожу в присутствие, и застав там Андреевского, говорю ему: вы правы были, когда предостерегали меня, в вашей комиссии не по мне занятия, а потому прошу вас возвратить мне мой аттестат; буду искать дела себе, а не садиться в чужие сани. Эти и кончились мои занятия в комиссии. После этого недолго оставался я в Одессе, получив приглашение керчь-еникальского градоначальника Стемповского^{LXXVI 23} занять место переводчика в керченской таможне.

В заключение скажу, что лицей, в бытность мою в этом заведении, пережил три века: золотой при аббате Николая, серебрянный при Реми Жилле и медный при фон-Гейнлете; суждение же мое о директоре Орлай было бы преждевременным.

^{LXXVI} Один из бывших адъютантов Дюка де-Ришелье. Известный археолог, с назначением в Керчь он был в своей почве, где под его руководством занимались раскопкою курганов.

К ЧЕСТВОВАНИЮ ПАМЯТИ ПУШКИНА.

Из воспоминаний А. Сумарокова и Н. Тройницкого.

А. Сумароков¹. Письмо в редакцию¹

М. Г., г.редактор! Прочитавши в № 335 «Одесского вестника», что Новороссийский университет 29 января 1887 г. будет чествовать особым актом пятидесятилетие со дня смерти А. С. Пушкина и что к этому дню будет издана проф. Яковлевым² особая брошюра, я вспомнил о том неожиданном обстоятельстве, которое доставило мне случай в стенах Ришельевского лицея, еще воспитанником 4-го класса или риторики, как тогда называли, удостоится беседы с нашим бессмертным поэтом. Полягая, что краткий рассказ об этом может иметь в настоящее время хоть некоторый интерес, я покорнейше прошу дать ему место в «Одесском вестнике».

В 1824 г., в июле месяце, числа не помню, во время каникул, я, воспользовавшись данной нам, оставшимся в заведении воспитанникам, свободой, отправился утром, после завтрака, в свой класс, чтобы *секретно* прочитать принесенную мне из города поэму Пушкина «Руслан и Людмила»^{II}, а из предосторожности взял речи Цицерона на случай внезапного посещения начальства. У меня была привычка читать вслух и я, взобравшись на кафедру, стал громко декламировать стихи. Прочитавши уже довольно я остановился, чтобы перевести дух, вдруг слышу чьи-то шаги в коридоре и, полагая, что это инспектор или надзиратель, я поспешно спрятал поэму в кафедру и, развернувши речи Цицерона, стал с жаром декламировать первую попавшуюся мне речь, кажется, *pro Archia Poeta*. В это время входит в класс незнакомая особа в странном костюме: в светло-сером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным

^I «Одесский вестник» 25 декабря 1886 г., № 346.

^{II} Поэма эта тогда считалась для нас запрещенною книгою и, вообще, кроме казенной хрестоматии, мы ничего не читали. Помню еще в словесности Никольского мы с жадностью перечитывали какую-то повесть «Вольдемар», переведенную с немецкого, кажется, Жуковским. При этом я вспомнил интересное обстоятельство: не помню в каком году тогдашний издатель «Отечественных записок» Павел Петрович Свиньин, посещая лицей, пожелал видеть библиотеку. Я думаю, он был немало удивлен при виде, как его издание спокойно лежало на полу, связанное по листам. Вот доказательство как тогда читались русские книги. Сказанное выше могу подтвердить тем, что это я видел сам, помогая профессору Симоновичу приводить библиотеку в порядок.

стволом в руке вместо трости. Я привстал, он мне поклонился и, не говоря ни слова, сел на край ученической парты, стоящей у кафедры. Я смотрел на это с недоумением, но он первый прервал молчание.

– Я когда-то сидел на такой же скамье, и это было самое счастливое время в моей жизни.

Потом, обратившись прямо ко мне, спросил:

– Что вы читаете?

– Речи Цицерона, – ответил я.

– Как ваша фамилия?

– Сумароков.

– Славная фамилия! Вы, верно, пишете стихи.

– Нет.

– Читали Пушкина?

– Нам запрещено читать его сочинения.

– Видели его?

– Нет, я редко выхожу из заведения.

– Желали бы его видеть?

Я простодушно отвечал, что, конечно, желал бы, о нем много говорят в городе, как мне передали мои товарищи.

Он усмехнулся и, посмотревши на меня, сказал:

– Я Пушкин, прощайте.

Слова эти поразили меня, и хоть мне было тогда 16 лет, но я почувствовал какое-то особое волнение. Сказав это, он направился к дверям. Я проводил его до самого выхода и смотрел на него с особенным любопытством. Когда мы шли по длинному корридору, он сказал:

– Однако у вас в лицей, как я вижу, свободный вход и выход?

– Это по случаю каникул, так как осталось мало воспитанников в заведении, то начальство полагается на наше благоразумие и не стесняет нас особым надзором.

С этим мы расстались, и я уже никогда не видел Пушкина.

Из воспоминаний Н. Г. Тройницкого³.

Когда Пушкин проживал в Одессе, мы (я с моими школьными товарищами) находили в младшем классе Ришельевского Лицея. Мне ни разу не довелось встретиться с Пушкиным, потому что он заходил в старшие классы, заходил, между прочим, и в ту классную комнату, которая обращена теперь в пивную, в доме Вагнера (прежнее здание

Лицея). Проходя как-то по лицейским коридорам и классам, он сказал: «Как это напоминает мне мой Лицей!» В другой раз, застав одного воспитанника за чтением «Онегина», он шутя заметил ему: «Охота вам читать этот вздор!»

Наша классная комната выходила окнами на Ланжероновскую улицу, и из них видно было море, теперь заслоненное домами. Нижняя часть окошек была заделана камнем, чтобы мальчики, сидя за уроками, не развлекались улицею. Помню, кто-то однажды крикнул: «Пушкин идет, Пушкин!» Кинулись к окошкам. Я тоже вскарабкался, но не мог просунуться за окошко, чрез вделанную в него решетку. Я заметил однако ж человека с палкою на плече, как он поворачивал за угол Лицея; он шел проворно, какой-то развалистой походкой. Это был Пушкин. Походка его очень напоминала такую-же походку брата его, Льва Сергеевича⁴, с которым позже я находился в самых дружеских отношениях. Из этих же окон, я видел однажды, как лениво двигался по той же Ланжероновской улице фигурирующий в «Онегине» «...сын Египетской земли, корсар в отставке Морали», в своей шитой золотом куртке и с арсеналом оружия за поясом. Пушкинскую железную палку, очень памятную одесситам, усердно разыскивал мой лицейский товарищ, покойный профессор К. П. Зеленецкий⁵, напавший на ее след у бывшего полицейского пристава Берга, в его доме, на углу Итальянской и Малой Арнаутской ул.; но куда она затем девалась – неизвестно.

Мне очень памятно, что еще в отроческие годы наши имя Пушкина произносилось у нас, как имя прославленного поэта. Его читали, перечитывали, переписывали, затверживали на память; некоторые из его напечатанных стихов ходили у нас по рукам, в рукописи, как запрещенные. Что же в особенности так влекло нас к стихам Пушкина? Прежде всего его язык – гармонический, простой и доступный, как звуки и образы в природе, и поэтически-ясный, как античная статуя. На торжественных актах и выпускных экзаменах нас заставляли декламировать превыспренне-высокопарные, трескучие оды, или бывшую тогда в почете кантату: «Перувианец к Испанцу»:

Губитель моей отчизны и свободы!

О ты, что, посмеясь святым правам природы,
и т. д. Очевидно, Пушкину было как-то не к лицу являться бок-о-бок с таким парадным, как бы «мундирным» языком богов тогдашних

стихотворных знаменитостей. Обаяние пушкинских стихов побуждало нас к литературным занятиям. Вкус к изучению литературы особенно развился с появлением «Московского Телеграфа», живого, бойкого журнала Полевого, оживленно относившегося к умственному движению у нас и на Западе. Мы лихорадочно ждали выхода каждой следующей книжки симпатичного журнала и зачитывались ей. Но какой праздник был для нас, когда являлась новая глава «Онегина» (выходившего тогда отдельными выпусками), которую я тотчас же читал вслух моим товарищам. Вдвоем, с покойным товарищем А. А. Ушаковым, мы затеяли ребяческое предприятие (нам пошел тогда семнадцатый год) издавать литературный, рукописный журнал, который аккуратно стал появляться, под громким заглавием «Ареопаг» (с 1828 по 1830 г.). Вышло всего шесть томов. В нем много рисунков тонкой работы пером, исполненных воспитанниками нашего же класса – И. Бален-де-Баллю (сыном бывшего в Харькове профессора) и мною. Интересен, между прочим, схожий портрет карандашем первого директора Лицея, знаменитого в свое время педагога, аббата Николя. В числе оригинальных и переводных статей, беллетристических и более серьезных, есть литературные заметки и рецензии, где, по поводу напечатанных впервые в «Северных Цветах» на 1828 г. отрывков из «Бориса Годунова» замечено, что это, кажется, будет одно из лучших творений Пушкина.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ в 20-х годах XIX века

Герцог Ришелье был уже в своей прекрасной Франции, когда созданный под его руководством лицей открыл двери *cupidae studiorum juventuti*. 7 января 1818 года состоялось торжественное открытие лицея. В огромном зале при большом стечении особо приглашенных лиц гр. Ал. Фед. Ланжерон, военный Новороссийский генерал-губернатор, произнес приветственную речь на французском языке^I. В ней, выражаясь словами директора лицея аббата Николая в докладе, посланным попечителю^{II} «он резкими чертами изобразил милостивую заботливость монарха, в счастливое царствование коего, Бессарабская степь, представлявшая за 25 лет пред сим пустыню, превращается, как бы волшебным жезлом, в жилище наук». «Речь сия, – говорит аббат Николь далее, – столь удачно была приспособлена к обстоятельствам и столь трогательна, что у большей части посетителей извлекла радостные слезы». После этой речи и после молебствия, совершенного протоиереем кафедрального собора Иваном Вороничем, преподаватели произнесли речи: профессор Сливицкий¹ – на русском языке – о значении древних языков для очищения и образовании языка отечественного; профессор Мальчевский² – на греческом языке – о важности этого языка; профессор Дудрович³ – на латинском, профессор Реми Жилле⁴ – на французском; профессор Пиллер⁵ – на итальянском; профессор Жаданов⁶ – на русском языке. Этот букет речей был заключен концертом и провозглашением многолетия государя и членам высочайшей фамилии.

С такой помпезностью рождался Лицей. Уже в первые минуты его существования хотят доказать, что он – *une maison destines a acherer la civilisation de la Russie meridionale et deja presentee un modele a imiter*^{III}.

(Потом пошли будни. Лицей рос, развивался. Из его стен выходили в жизнь, будущие деятели на ниве русской общественности.

^I Речь эта в русском переводе напечатана в «Вестнике Европы» № 8 в 1818 г. и в «Записках Одесского общества истории и древностей» т.Х, стр.410.

^{II} Д. № 25, 1818 г., архив Ришельевского лицея.

^{III} Слова аббата Николая в 1-м списке «*Memoira sar les besoins du Lycez-Richelieu*». Д. № 1, 1819 г., арх. Р. Л.

Появившись на свет в последние годы царствования императора Александра 1-го, лицей не замкнулся от всяких внешних влияний. Наоборот, он испытал их в полной мере.)

Но прежде, чем перейти к умственным движениям, увлекавшим за собою в то время лицей, я остановлюсь на его будничной жизни. Кто станет внимательно читать устав Ришельевского лицея⁷, тот несомненно удивится несоразмерно большому числу учебных часов и минимальному времени отдыха, выпадающего на долю лицеистов. Весь день был точно распределен. Свободным временем считались воскресные дни и большие праздники, а каникулы состояли в том, что в послеобедное время (в первой половине июля) лицеисты были освобождены от занятий. Но воскресные и праздничные дни не предоставлялось воспитанникам проводить по их усмотрению. Совсем нет! Был установлен уставом особый «порядок, наблюдаемый по воскресеньям и большим праздникам»^{IV}. Порядок этот был таков: в 9 ½ утра «духовное увещание перед литургией, после литургии писание писем родным, после обеда прогулка с инспекторами и надзирателями до 4 или 5 часов, после 6 часов пополудни свидание с родными в общей лицейской зале; «прочее как и в простые дни». Обычный будний день в лицее был распределен с таким расчетом, чтобы воспитанники были всегда чем либо заняты. Весь день делился на две равные части: одна часть посвящена была профессорским урокам, другая – повторению уроков и приготовлению следующих. «Таким образом, – самодовольно говорится в § 86 устава Ришельевского лицея 1817 г., – питомцы успеют совершенно напиться учением».

Вставали лицеисты в 5 ¾ ч. (зимою в 6 ч.) утра. Одевались, умывались, а затем молитва занимала их до 6 ½ утра. От 6 ½ до 8 ч. они готовились к следующим урокам, от 8 до 8 ½ ч. завтракали и расходились по классам, где слушали профессорские уроки от 8 ½ до 10 ½ ч. От 10 ½ до 12 ½ ч. занимались «уроками предшедших классов». Время от 12 ч. до 2 ч. пополудни посвящалось обеду и отдыху.

Обедали в общем зале вместе с профессорами, сидевшими однако за отдельным столом и получавшими сверх обычной рюмки вина (оно тогда было очень дешево) и чарку водки. Кормили хорошо:

^{IV} § 89 Устава Ришельевского лицея 1817 г.

прекрасный хлеб от знаменитого тогда в Одессе Жульена, разнообразие в хорошо сготовленных блюдах поддерживали в лицеистах нужные для учения силы. В следующие по уходу аббата Николя годы стол сильно ухудшился. На этой почве возник целый ряд столкновений, доходивших до открытого бунта.

Время, отведенное после обеда, лицеисты могли употреблять для физических упражнений, так любимых мальчиками. При каждом классе был особый двор с небольшим садиком. В этом дворе были установлены качели, столбы для лазания, козлы для прыгания и кольца для развития мускулатуры. Однако со временем все эти сооружения, оставленные без ремонта на произвол судьбы, стали приходить в такой вид, что пользоваться ими было невозможно. Это привело под конец к тому, что о цели этих приспособлений стали ходить самые неясные слухи, а они сами стали считаться лишними и ненужными. Весьма комичный об этом был рапорт визитатора Финикова, из которого я приведу лишь отрывок^V:

«С самого вступления моего в должность визитатора Ришельевского лицея, ничто мне так не казалось странным и излишним, как устройство на двух дворах деревянных качелей, деревянных клеток и деревянных вертушек или деревянных мельниц, которые мельницы или вертушки я давно запретил по происходящему от них стуку и беспокойству во всем заведении. Сколько я ни старался узнать о цели, с которой устроены означенные вещи, но все получал сведения, как мне кажется, не довольно вероятные. Говорили, будто бы на ослов сажали воспитанников для выучивания уроков, что, впрочем, производило один только смех, что на столбах были прибиты для воспитанников неизвестно кем составленные правила, по коим у них между собою производился суд и расправа, что на качелях качались воспитанники, от какой-то потехи некоторые из них сделались больными, и якобы г. доктор потеху сию им не позволил, что верхушки устроены для потехи воспитанников». Вот каких трудов стоило г. визитатору желание узнать цель гимнастических приспособлений!

Кроме гимнастики, часы отдыха посвящались музыке, танцам и фехтованию. Музыка у воспитанников «в авантаже не обреталась». Приходилось прибегать к героическим мерам вплоть до привода

^V Д. № 109, 1827 г., архив Ришельевского лицея

воспитанников в класс музыки солдатами. Дело в том, что при лицее несли службу солдаты «инвалидной команды». Эти же солдаты и приводили избежавших уроков музыки лицеистов в класс. Танцам обучал известный в Одессе, который, по выражению Сумарокова, «был безобразен, как сатир и легок, как зефир»⁸. Учителем фехтования в первые годы был Певеротти.

Итак, возвращаясь к прерванному описанию лицейского дня, обед и отдых занимали время от 12 до 2 часов пополудни. Затем, от 2 до 3-х часов полагалось рисование или приготовление к следующим урокам, от 3-х до 5 часов – профессорские уроки, от 5 до 5 ½ ч. «полдник и отдохновение», от 5 ½ до 7 часов вечера – занятия «задачами предшедших классов», от 8 ½ до 9 ч. вечера поучительное чтение, молитва и отход ко сну.

Если присоединить ко всему сказанному определенные правила о языке, на котором должны были воспитанники говорить в тот или другой день, например, в грамматическом классе воспитанники даже между собой все время до обеда обязаны были говорить по-латински, то не покажется странным живых и подвижных мальчиков выйти из этих стеснительных для них рамок. Отсюда проистекало большинство шалостей, которые в лицее были явлением весьма частым. Инспектора и надзиратели часто жалуются на «многие беспорядки, как-то ссоры, побои, отнимание шапок и шинелей, передавание любовных записок и романов, и разные нарушения нравственности»^{VI}.

Любовь к табачному зелью не была чужда и воспитанникам лицея, и запрещение начальства заставляло их прибегать к таким же мерам, к каким прибегали в мое время гимназисты: лицеисты курили табак в «нужном» секретном месте, а потом для уничтожения запаха во рту заедали гвоздикой, оставшейся у них от обеденного сбития.

Особенно много огорчений приносили лицеисты своим надзирателям. Им ничего не стоило накинуть на бедного надзирателя шинель и издеваться над ним по мере сил и возможности, или обратить его в бегство, поднявши такой шум, что хоть святых выноси. Иногда бывало и так, что влиятельные родственники были защитой для безобразно ведущих себя лицеистов. Так Кошелев, дядя которого был членом правления лицея, на угрозы надзирателя Мальтица гордо

^{VI} См.: Донесения Жаданова в д. № 17, 1821 г., архив Ришельевского лицея

заявил: «Много сделаете: мой дядя – член этого правления» и оставался всегда безнаказанным.

Для поддержания в лицее порядка были установлены такие правила. В свободное от занятий время надзиратели должны были быть при воспитанниках безотлучно. Ученики высших и низших классов были изолированы, и для посещения воспитанников не своего класса требовалось особое разрешение, при чем воспитанника все же сопровождал солдат. Не лучше вели себя, очевидно, лицеисты и вне стен учебного заведения. Сохранилось от 1826 г. целое дело (№ 8) о «мерах для отвращения худых слухов на счет воспитанников Ришельевского лицея». «Дошло до моего сведения, – писал управляющий лицеем граф Витт, – чему я однако никак верить не могу, что воспитанники лицея встречаемы бывают в городе в ночное время переодетыми и в непристойных местах». Меры, предложенные им, были следующие: после 11 часов вечера дежурный инспектор обходил комнаты воспитанников и обследовал все ли находятся на лицо, а затем он должен был запереть все внешние ворота и калитки лицея, держать ключи у себя и никого не впускать или выпускать из лицея.

Отношение лицеистов к профессорам было различное. Первого директора лицея аббата Николая они несомненно сильно любили и глубоко уважали. Уважали они и профессора математических наук Виарда, офицера французской армии. Виард был человек прямой и честный, он высоко ставил долг службы и весьма строго относился к своим обязанностям. Воспитанникам Виард давал много знаний и приучал их к самостоятельной работе.

Далеко не все остальные преподаватели стояли на высоте своего призвания. Архимандрит Феофил не внушал воспитанникам правил христианского смирения. Его педагогические приемы были весьма просты: дранье за чуб провинившегося воспитанника и линейка. Жил он в комнате, выкрашенной в черную краску, за исключением потолка, который был белым, мебели в ней почти не было. Одевался весьма изящно, ходил в башмаках с золотыми пряжками, и был всегда надушен самыми тонкими духами, какие только знал Париж. Воспитанники его не любили, а однажды едва не забросали камнями. Этот случай очень подробно описан Сумароковым в его интересных воспоминаниях о Ришельевском лицее. Карьера смиренного

архимандрита была сильно поколеблена, в чем немалую роль сыграли его *parties de plaisir* со знакомыми дамами в Успенский монастырь.

Совсем бесцеремонно обращались воспитанники с профессором Гриневичем, впоследствии профессором Университета Св. Владимира. Гриневич был человеком малознающим, грубый, жестокий, предавался пьянству и разврату^{VII}. Читал он все, что полагалось и не полагалось по уставу. Все свои лекции он диктовал по латыни; русский его выговор был убийственным и составлял предмет развлечения для воспитанников. Сумароков рассказывает, как однажды ученики поставили две кафедры, одну на другую, и устроили к ней лестницу из ящиков, взятых из комода; Гриневич, прийдя в класс, взобрался на неё и был застигнут инспектором.

Я далеко не исчерпал галереи лицейских преподавателей. Я никогда не окончил бы реферата, если бы стал сообщать подробные сведения о профессоре итальянского языка Антуане Пиллере, прекрасном знатоке своего дела, но питавшего слабость к писанию стихов по поводу дня рождения своих знакомых, торжеств лицейских и событий государственных; о профессоре Калинеску, веселом с розовыми щеками старике, любившем сладко поспать на послеобеденных уроках, не тревожимый воспитанниками, снисходившими к слабости старика; о профессоре Лепке, не говорившем хорошо ни на одном языке, любившем выражение про Бога и обычно обращавшемся к провинившимся ученикам со словами «Ты воруюешь у Бога время, а у родителей деньги» и др.

Чтобы покончить с этим вопросом я упомяну только о чрезвычайно скверном отношении между воспитанниками и адъюнктом греческой словесности Пиципиосом. Пиципиос, грек по происхождению, не говорил ни слова по русски, был очень злопамятен и личные споры с родителями воспитанников вымещал на них в чем неповинных детях, уменьшая им незаслуженно баллы и наказывая за несовершенные проступки. Такое отношение к делу вызвало со стороны воспитанников энергичный отпор. Произошел ряд столкновений с Пиципиосом, в результате чего ему было предложено выйти в отставку и оставить лицей.

Такова, в общих чертах, будничная жизнь лицея.

^{VII} См. Воспоминания Чалого, Киевская старина, 1889, X, стр.123-132.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКИФОРОВИЧА МУРЗАКЕВИЧА¹

... Был еще в Одессе влиятельный в высшем обществе граф И. Витт², начальник всей поселенной резервной кавалерии... И вот ему поручают в управление Ришельевский лицей.

Ришельевским лицеем граф Витт управлял посредством своих адъютантов Бутакова и Чиркова, аудитора Суходольского, поселившегося в здании лицея и питавшегося на его счет, а также через камер-фрау Собанской. Некоторые преподаватели деморализованного в это время заведения получали места при посредничестве горничной, например, Пиллер, Золотов. Кроме посещения императрицы в 1828 году, нога Витта не переступала ни разу во внутрь заведения. Штат казеннокоштных воспитанников при нем наполнился детьми шляхты, бывшей управителями имений, ему родственных польских панов; с другой стороны князь А. Н. Голицын, состоявший в это время под влиянием Филеллинов (графини Эдлинг и А. С. Стурдзы), наслал десятки детей греческих эмигрантов, не тех, которые сражались за свободу отечества, но детей торгашей, пастухов и бездомных, и таким образом первоначально устроенное учебно-воспитательное заведение хотя и иезуитом, в десять лет снизошло до той степени, ниже которой уже не могло опуститься.

Х.

В январе 1831 года, не смотря на предстоявшую лучшую в материальном отношении служебную будущность, я решился оставить таможеню. Таможенная механическая деятельность мне не нравилась и, притом, была утомительна: с 9 часов утра до 6 и до 7 вечера надлежало высиживать за перепиской однообразно форменных бумаг. К тому же, 16 августа 1830 года, последовал указ, которым, по случаю предстоявшей польской войны, граф Витт пондобился для формирования резервов, а лицей подчинялись все училища, находящиеся в Одессе, с образованием из них, в виде округа, под начальством попечителя, особого, непосредственно от министерства народного просвещения зависящего, управления. Попечителем был назначен действительный штатский советник Н. Ф. Покровский³. Исправлявший в это время должность директора лицея, Ив. Ив. Винтер (незадолго до того сослуживец по таможне Я. А. Позняка), через посредство А. И. Синицына, предложил мне перейти в

ведомство лица. Разумеется, я охотно согласился, в полном уповании, что представленный начальству новый устав Ришельевского лица не далее полугода будет утвержден, в чем положительно уверял и Винтер. Первое вакантное место – учительского помощника – было мною принято с окладом в 700 рублей в год. Кирьяков, Бологовский, Кашкадамов, Архангельский (кандидат Московского университета, а в это время профессор лица) были недовольны моей решимостью принять такое ничтожное место, как учительского помощника; но я остался твердым в своем выборе.

Ришельевский лицей в 1817 году основан аббатом Никодем; таким назван им в память герцога Э. О. де Ришелье (бывшего с 1803 по 1814 год в Одессе градоначальником), сделавшего этому учебному заведению значительное денежное пособие – аренду в 15,000 талеров. До лица, как казенного учреждения, были в Одессе только частный институт для мальчиков и такой же для девочек; высшего же училища не существовало. Французский эмигрант иезуит аббат Николь, поселившийся было в Петербурге и восторженно принятый русской аристократией, вверившей ему на воспитание своих детей (князя Голицыны, Орловы – Алексей (граф) и Михаил), но за прозелитизм католичества оттуда высланный, впрочем, почетно, с назначением в Одессу начальником католического духовенства в Новороссийском крае, – подал проект учреждения лица. Министр духовных дел и народного просвещения, князь А. Н. Голицын, Ришелье^I и вся петербургская знать сильно поддерживали проект аббата. Огромные права, которыми не пользовались даже «русские императорские университеты», предоставлены были иезуитскому училищу^{II}, имевшему целью исподоволь подкапывать восточное

^I Герцог Ришелье (Armand Emmanuel, Sophie Septuivanie, Duplessis Richelieu, due de Richelieu et noble Genoie) род. в Париже 13-25 сент. 1766 г. В 1803 г., в чине генерал-лейтенанта, был назначен одесским военным губернатором; в Одессе он оставался почти до конца 1811 г. (27 сент.); герцог скончался 17 мая 1822 г. в Париже, в званиях пэра Франции, министра иностранных дел, председателя совета министров и обер-егермейстера франц. двора. Герцог Ришелье оставил после себя в Одессе и в целом Новоросс. крае память умного администратора и человека, одаренного возвышенною и любящею душою. Кн. В. Д.

^{II} Из университетов выпускались: магистры с правом на чин 10-го, кандидаты 12, действительные студенты 14 класса; воспитанники лица – с правом на чины 9, 10 и 12 класса. Выходило так, что профессор лица (университетский кандидат) присуждал своему ученику право на чин выше своего. Эта несообразность впоследствии уравниена.

православие. Недаром парижские иезуиты, создавшие свой «рассадник», где учился аббат Николь, нарекли именем св. Варвары (что в переносной французской технике значило Sainte Barbe— пороховой погреб).

17-го мая 1817 года устав был подписан императором Александром I, роскошно напечатан в Париже знаменитым Фирмен-Дидо и разослан по всей России. Архитектору Монферрану тогда же заказан проект великолепного здания, детальные чертежи которого обошлись лицом в 10 т. р.

Дети петербургских влиятельных фамилий, богатых русских помещиков, родовитых поляков с разных сторон явились в Одессу, а именно: князя Дм. и Гр. Волконские (сыновья известного П. М., впоследствии министра императорского двора), граф И. К. Ламберт, графы Э. и А. Сен-При (дети херсонского губернатора), граф. Бутурлины, гр. Долан, гр. Девиер, гр. Латур, гр. Рошфор, сыновья генерала Рудзевича, князя Четвертинские, короче – все, что могло платить до 2,000 рублей асс. в год за воспитание каждого сына (таких набралось до 129 мальчиков), все торопилось вручить будущую опору православной Руси в руки иезуитского аббата. Действительно, по части нравственно-воспитательной аббат Николь был неукоризнен. Всегда неутомимо деятелен, всегда одинаков, беспристрастен и бескорыстен. Все его помыслы стремились к тому, чтобы в сердцах и умах будущих деятелей России внедрить глубокое уважение и сочувствие к Франции. О варварской России предоставлялось думать, как угодно. Реми Жилле (воспитатель детей гр. Бутурлина) сделан инспектором лицея, прямо с чином надворного советника; два аббата: Боавен и Рафлиш поступили законоучителями и профессорами французской литературы; французы: Виард – математики, Нодо – французской грамматики.

Вот что представили Сен-Барбисты, изящные, полированные и вкрадчивые наставники доверчивой юности. Что же делало наше министерство духовных дел под управлением набожного Голицына, в отпор затаенным замыслам иноземной пропаганды?

Синод прислал архимандрита Феофила Финикова, опрятного франта-монаха, прочного, властительного и жестокого в обращении с

Воспитанник лицея (9 класса) не в состоянии был выдержать экзамена на действительного студента. Такова была степень знаний юношества. Н. Н. Мурз.

детьми. Этот законоучитель, по канону, должен был служить «правилом веры, образцом кротости и воздержания». Вместо этого, Феофил наделял прислуживавших ему во время обедни детей пощечинами и потасовкой... Несомненно и то, что дети, направленные лукавыми иезуитами, исподтишка раздражали необузданного монаха.

Богословская программа, данная Феофилу первым членом синода митрополитом Амвросием, была «гласом, вопиющим в пустыне». Вечерние чтения духовные, предлагаемые им воспитанникам, их усыпляли или исчезали бесследно в ушах невольных школьников. Что же положил в основание будущему образователю новороссийского и бессарабского юношества тот же «обоюдный» министр? Он не прислал ни одного человека, избранного от нескольких университетов, а предоставил аббату, как директору, и херсонскому губернатору графу Ланжерону (французскому эмигранту)^{III} и нескольким гражданам, «состоявшим в качестве членов правления лицея», довольствоваться местными средствами. Таким образом из бывшего плохого института взяли И. И. Дудровича – профессором философии, которую он читал по запискам своего брата, профессора Харьковского университета, А. А. Пиллера – проф. итальянского языка, бывшего гувернером детей Булгакова, А. И. Ковалевского (без ученой степени) – проф. русской и латинской словесности, А. В. Петша, богемца, – проф. немецкого языка, А. И. Сливицкого (без ученой степени) – проф. латинской, греческой и русской словесности, мало ему знакомых, и потому вскоре замененного Мальчевским (кандидатом Московского университета). Адъюнктами были избраны: Черемисинов, для греческой и латинской словесности, и вскоре на его место Калиновский, да Жуков – учитель русского языка и танцев.

^{III} Граф Ланжеронъ (Louis Alexandre Andrault, Chevalier-comte de Langeron, Marquis de la Coste, Baron de Cougny, de la Ferte-Langeron et de Saccy, et Baron de l'Empire d'Autriche et Citoyen de Geneve) род. в Париже 13 янв. 1763 г., служил во французской гвардии, сражался за независимость Соединенных Американских Штатов и вступил в чине полковника в русскую службу в 1790 г. Сделав шведскую кампанию, он перешел в армию Потемкина и находился в отряде де Рибаса; потом принимал участие в походах принца Саксен-Кобурга в Голландии. В чине генерал-лейтенанта принятый в российское подданство и удостоенный графского Российской империи достоинства, он был деятельным участником в экспедиции в Корфу, в кампаниях против турок и в отечественную войну 1812—1814 командовал отдельным корпусом. По заключении мира, гр. Ланжерон был назначен херсонским военным губернатором и генерал-губернатором Новороссийского края, и в этой должности находился с 1816 г. по 1822 г. Кн. В. Д.

Учение в лицее открылось 7 января 1818 года. Под надзором, должно сказать, не усыпанного аббата преподавание шло порядочно. Разумеется, объем преподавания наук был не выше гимназического; господствующий язык в устах всех был французский, русский считался как бы иностранным. Для повторения с воспитанниками пройденных профессорами уроков были репетиторы, названные адъюнктами. На каждые 15 учеников было по гувернеру (неотлучно при них находившемуся), а сверх того два инспектора над воспитанниками старшего и младшего возрастов. Возрасты разделялись на четыре отделения, которые не сходились даже во время отдыха, и каждый класс имел отгороженный садик. За столом, кроме надзирателей, садились все преподаватели (особо обедать имел право только директор, а прочие – в случай болезни). Спальни не только разделялись по 4 возрастам, но и в самих спальнях были перегородки, наглухо запиравшиеся на ночь. В комнате имелись: шкафчик для книг с ящиками, для ежедневной одежды, стул, кровать и ночная посуда. Общий гардероб хранился в отдаленных шкафах.

Раз в месяц воспитанники, сделавшие успехи (после чтения отметок), по воскресеньям, отпускались к родным, но не больше как на 8 часов. Ходить без проводника строго запрещалось. Раз в месяц писались письма к родным и посылались на почту, но не иначе как после просмотра инспектора. За каждым шагом, за каждым словом воспитанника следили надзиратели, которые о всяком действии ежедневно давали знать инспектору и директору. Пища была хорошая, состоявшая за обедом из 3, за ужином – 2 блюд, кроме утреннего и вечернего чая, с белым хлебом; за обедом на каждого воспитанника ставилось по полубутылке столового легкого вина.

В заведении имелись две небольшие церкви: католическая и православная. В первой часто прислуживали на обедне дети православного исповедания. Как по параграфу устава желалось, чтобы все преподаватели лицея, «посвятившие себя всецело делу воспитания, были бы неженатыми», то всем им полагались квартиры со столом, освещением и отоплением в здании лицея. Директор занимал 8, инспекторы по 4, профессора по 3, адъюнкты по 1 комнате с прихожей. Вся прочая прислуга помещалась на переднем дворе. Неосуществившийся план Монферранов пышного здания был заменен более скромным домом, построенным с подряда поручиком Ант. Шостаком в два этажа, вдоль Дерибасовской и Ланжероновской и

поперек Екатерининской улиц, с двумя необширными дворами. Между тем как в великолепном лицее, имевшем быть там, где теперь так называемое Куликово поле, предполагался и ботанический сад. Обширная земля была отведена лицеем Одесским строительным комитетом по протяжению морского берега до так называемого Малого фонтана.

По уставу, пенсий наставникам не полагалось; но было постановлено, чтобы каждый воспитанник сверх платы (1200 р. в год) за содержание, по окончании полного курса, в знак благодарности за воспитание вносил еще 500 рублей, которых одна седьмая часть поступала в руки наставников.

Чтобы питать тщеславие родителей и их детей, придумана была красивая фирменная одежда, состоявшая из мундира синего цвета с черным бархатным воротником и обшлагами, опущенным красным кантиком, пуговицы желтые, форменная фуражка и темно-серая с бархатным воротником шинель. Белья полагалось довольно. Одежда была хорошего качества. Все было придумано, предусмотрено в пользу богатых и ничего для бедных – приходящих учеников. Для них отведены были наружные дрянненькие помещения, именовавшиеся, как и ученики «внешними». Обучали: особый священник, 3 учителя с одним помощником. Кроме жалования 1000 р. или 700 руб., более ничего не давалось. Обучением заведовал 2-й инспектор. Сношений воспитанников с учениками не было, да и строго запрещались; отличительной формы ученической также не было. Одно только у всех было общее – розги; воспитанников директор наказывал секретно, учеников – инспекторов гласно. Пока всем составом лицея (кроме хозяйственной части, вверенной Реми Жилле) управлял аббат Николь, дело шло удовлетворительно, а выше всего было нравственное направление; но когда подчинили лицей ведомству попечителя Харьковского университета, тогда попечитель Карнеев из своей деревни Захарьевки стал править университетом с его обширным округом, а на вскрае моря – Ришельевским лицеем. В это же время было в обычае управлять и из С.-Петербурга: Пестель – Сибирью, Магницкий – Казанью.

От архимандрита Феофила пошли в Синод доносы на аббата в прозелитизме. Аббат отправился в С.-Петербург для оправдания пред князем Голицыным, всегда к нему благоволившим; но напрасно; не помогла также ловкому иезуиту защита другого его покровителя –

дюка Ришелье (в это время бывшего первым министром Франции). Получив лично от Александра I алмазный крест св. Анны 2-й степени, Николь, не смотря на это, опустил руки и в одно прекрасное утро 1821 года, незаметно для всех, уехал из Одессы в Париж. Карнеев, во все вмешиваясь, стал выживать аббатовских и определять своих харьковчан; но, к несчастью заведения, весьма неудачно. Явились: профессором русской и латинской словесности Гриневич, не получивший диплома университетского на магистерство, недалекий в науке и сильно придерживавшийся хмельного; инспекторами: Кеппен (брат академика) и дряхлый молдаво-валлах Калинеску, первый замечательный страстью к интригам, другой – незнакомый ни с русским языком, ни с хозяйственной частью, которую ему вверили; Симонович – австрийский серб, сперва в качестве надзирателя за воспитанниками, потом в качестве исправляющего должность профессора, женатый для денег на публичной женщине; Бабичев – харьковский кандидат, в качестве профессора русской словесности. Ко всему этому присоединилось расстройство хозяйственной части преемником аббата – Реми Жилле, назначенным директором. В кассе лица не оказалось 80 000 рублей. Поставщикам провизии, строителям здания лица денежная уплата приостановилась; для исследования дела была наряжена особая комиссия из С.-Петербурга. Денег, однако, не разыскали; Жилле удалили, а граф Бутурлин обязался, по частям, внести недостающую сумму. Говорят, что он-то и занял ее у Жилле, которого не только не наказали за своеволие, но пристроили к Царскосельскому лицу.

Грязные связи Дудровича, Феофила, Бабичева – с кастеляншами заведения, сцены ревнивого подсматривания одного за другим, пьянство Гриневича и адъюнкта Шкляревича, не могущие укрыться от пронизательного глаза воспитанников, имевших свободный доступ к своим наставникам, сперва пошатнули, а потом окончательно разрушили созданную аббатом Никодем прекрасную дисциплину. Все аристократы тотчас разобрали своих детей, а на место их набрались дети греческих эмигрантов^{IV}, внесших с собой в стены лица буйство, неопрятность и пороки востока.

^{IV} Арабoglу, Папазоглу, Зарифи, Сканави, Схина, Снхри (архиерейский племянник, у греческих архиереев не бывает детей, но племянники), Антониади, Левиди, Россети, Ираклиди, по окончанию курса сделавшиеся купцами или торговцами в Одессе. Н. М.

После Жилле, не знавшего по-русски, директором перевели из Риги немца Гейнлета, квиетиста. Здесь самовластие архимандрита, как влиятельного члена правления лицея, сделалось необузданным. Монах всех страшал донесениями синоду и министру, и все, зная за собой разные грешки, молчали и повиновались наглому монаху. По странному устройству правления лицеем, директор имел только совещательный голос, распорядительным владел представитель правления, – сперва херсонский военный губернатор граф Ланжерон, потом – одесские градоначальники, и члены, избравшиеся на срок из дворян и купцов.

В 1823 году лицей попал из огня в полымя: назначенный управляющим лицеем граф Витт совершенно уронил неопытного, слабого, нового директора и затем вскоре вытеснил. В день отъезда Гейнлета, архимандрит объяснял воспитанникам текст: «И бегают нечестивый, ни единому же гонящему». Вся вина Гейнлета была в том, что он собирал к себе некоторых служащих для пения немецких духовных гимнов. Рекомендованный графом Виттом в директоры колл. сов. Дитрихс, не вступая в должность, указом Сената объявлен был «отставленным от службы за беспорядки по одесской таможне», где был управляющим. За ним назначенный директором капитан 2-го ранга князь Шаховской умер, не доехав до Одессы. И уже в 1826 году проснувшееся министерство народного просвещения, в лице адмирала Шишкова, назначает директором некогда обучавшегося в австрийских школах известного придворного лейб-медика И. С. Орлая, до того бывшего директором Нежинского лицея. Ему первому дали права самостоятельного директора. В шесть лет прошедших господствовали: интриги, пьянство, соблазн, и равнодушие к делу, к которому были призваны, в лицах, исправлявших должности директора и инспектора, – Дудрович и Симонович... Одно, впрочем, доброе дело сделал граф Витт, изгнав из лицея необузданного Феофила. Прежние на него жалобы князем Голицыным не были приняты во внимание, и обвиняемый вернулся в Одессу еще награжденным орденом Владимира 3-й степени. Но, улики, представленные графом Виттом, были неотразимы, и бесстрашный Феофил заключен в исправительный суздальский Спасо-Евфимиев монастырь; в распоряжении настоятеля этого монастыря состояла команда солдат для укрощения заточаемых. Архимандрит был замещен бездарнейшим и ленивейшим протопопом Гербановским⁴. Синод не позаботился даже

об отыскании благонадёжного законоучителя; синод, впрочем, в это время воевал с князем Голицыным и его библейским обществом, а также с г-жею Гион и др.

Ретивый славянофил Орлай, родом карпато-русс, приверженец А. С. Шишкова, на очищавшиеся места начал помещать все, что могло казаться славянином; так удержались Дудрович с Симоновичем; прибавился профессор Лепка, чех, впоследствии преподававший римское право, объясняя воспитанникам степени родства при пособии собственной любимой стаи собак, за ним следовавшей повсюду: «ессе paterfamilias, ессе filius, ессе peros!». Прежний учитель музыки Пахман назначен преподавателем латинского языка. Если в лицее знали когда-либо латынь, то этим все обязаны знанию, примерному усердию и постоянству этого добросовестного преподавателя. Из Москвы приехали исправляющими должности профессоров кандидаты тамошнего университета: Н. Д. Курландцев – на математику и П. В. Архангельский – на законоведение; из С.-Петербургского педагогического института – Андреевский. Выбор московских был весьма удачным, но противное оказалось в профессоре русской словесности; шалуны тотчас прозвали Андреевского «чижигом».

Вникнувши в преподавание наук, Орлай нашел его далеко несоответствующим высокому званию лицея, и потому озаботился поставить преподавание на возможно высшую степень, даже в сравнении с лучшими гимназиями, в чем до некоторой степени и успел.

Поднимая учебную часть, Орлай упустил из виду нравственно-воспитательную. Односторонний взгляд заботливого директора ловко устранил от себя Симонович⁵, уверяя доверчивого старца, что по его части все обстоит благополучно. Между тем нравственное руководство находилось в руках собранных с улиц офицеров, выслужившихся из солдат (И. И. Шульц), бродяг немцев (Шиллинг), французов (Веру и Берэ). Зачастую воспитанники, возвращаясь с лицейского хутора или другого какого загородного гулянья, приносили на руках замертво пьяного своего надзирателя (Берэ, Плещинского, Шепецкого). Неудивительно, что после таких назидательных примеров стали исключать «за дурное поведение» воспитанников из лицея или выпускать без одобрительных аттестатов. Таким явился А. Гойер, побочный сын малороссийского генерал-губернатора, князя Репнина–Волконского, и др.

Экономическая часть находилась в безотчетных руках Симоновича и эконома. С таким успехом совершалась собственная их «благоразумная экономия», о том свидетельствуют купленная деревня Симоновичем и построенные дома экономами Богдановичем и Новицким. Зато воспитанники зачастую ели гнилую говядину, кашу с жиром, иногда с свечным салом, и зимой спали, не раздеваясь, по причине холода в спальнях. Орлай разрушил крайне резкое разделение, сделанное аббатом Никодем, между воспитанниками внутренними (internes) и внешними (externes). Соединяя параллельные классы воедино, он смешал учеников. Наука от обоюдного соревнования пошла лучше, но зато извне наплыли неизвестные до того шалости, а иногда и гадости. Одесса сложилась, подобно Риму, из бродяг всех наций, неудивительно поэтому, что дети таких отцов не могли усвоить себе добрых начал и что сама школа стала считаться в то время почти исправительным заведением. Правда, что человеку неизбежно узнать и пороки, но своевременно. Преклонные лета, болезнь, огромное семейство без всякого состояния сильно влияли на Орлая. Усилившаяся меланхолия заперла его в комнате, где одиночество свое он нередко усиленно отстаивал.

Внутренние беспорядки лицея росли со дня на день. Среди такого положения лицея, Орлай умер в 1828 году. Дудрович стал временным начальником. Всезнающий граф Витт во все это время бездействовал. Чуткий его слух внимательнее прислушивался к глухим затаённым замыслам польским. Последующие обстоятельства подтвердили общее предположение: управление лицеем было вверено особо назначенному попечителю, и граф Витт с его адъютантами, аудиторами и служанками Собанской оставил навсегда обезображенный ими лицей. Не будь таких протекторов, как граф Витт, Чиркович и др., благонравный аббатовский лицей не был бы низведен столь быстро до такого жалкого положения.

XI

С назначением Н. Ф. Покровского попечителем настал новый период жизни лицея. Древним периодом лицея можно считать правление аббата Николая; средним или средневековым – управление Р. Жилле, Орлая, Дудровича. До этого назначения Покровский служил в министерстве духовных дел и народного просвещения. Его прежняя служба по учебному ведомству, в качестве директора гимназии и училищ Тверской губернии, пригодилась для нового обширного и

трудного поприща. Еще не выезжая из С.-Петербурга и проживая там более полутора года, Покровский стал насыпать такие вопросы и требовать отчеты, что весь старо-лицейский состав нехотя пробудился. Все крепко спавшие зашевелились: Дудрович, не читавший до того двух положенных предметов, Симонович и Архангельский, не имевшие у себя по три года слушателей, позаботились: первый – о выполнении своего обязательства, а другие – о завербовании слушателей. Гербановский, Лепка, Петш, Андреевский сильно призадумались. На воспитанников начали обращать более серьезное внимание: они сделались лучше, сдержаннее, внимательнее к делу. Преследования и ссоры за кастелянш прекратились. В трясином государстве чувствовалось приближение цапли. Избранный графом Виттом исправляющим должность директора, из управляющих одесской таможней, И. И. Винтер лежал на смертном одре; директорство снова впало в руки неизбежного Дудровича.

В это переходное время, с 31 января 1831 года, началась моя служба в лицее. Мне был поручен сначала второй класс «внешнего училища» с детьми, совершенно неприготовленными в чтении и письме. В ожидании будущих благ, обещаемых рассматривавшимся уставом лицея, я приступил к делу ретиво, дорожил не только часом, но и минутами. Наставшая в осень 1830 года страшная грязь, поглощавшая среди улиц лошадей и чуть не людей, на целые три месяца так затруднила сообщения, что по улицам можно было возить только верхом; многие переулки были перетянуты веревками, чтобы никто не ездил. Действительно, повторилось то время, которое бойко и верно описал Пушкин:

« В году недель пять – шесть Одесса,
По воде бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает в брод;
Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня».

Не смотря на все это, я и мой сотоварищ, учитель Острожский, утром и после обеда являлись к небольшой горсти детей, приходивших на уроки. Учение во внутренних классах (без приходящих), по сказанной причине, продолжалось: преподаватели оных жили в здании лицея; однако же, и тут некоторые уклонялись. По нелепому устройству прежнего управления лицеем, в нем существовало два правления: учебное и хозяйственное. В них заседали одни и те же лица, и при том в той же комнате; но переписка так медленно тянулась, что с честью могла состязаться с любым уездным судом. Одни и те же члены писали сами себе бумаги и их исполняли. Следовавшее мне жалование, со дня определения в должность учительского помощника, т. е. с 31 января, я получил в ноябре. Свежо предание, а верится с трудом. На экзамен, сделанном в моем классе бывшим в то время адъюнктом Золотовым (теперь известным педагогом по первоначальному обучению), ученики мои показали слабые успехи. Больно было мне, что мои труды принесли такие плоды. Тут я увидел, что существует великая разница между обучением взрослого, умственно развитого мальчика и между дитятей, с которыми следует нянчиться. Вспомнил: *docento discimus!*

Наступивший 1832 год переиначил несколько мою жизнь. В начале весны друг мой, Михаил Михайлович Кирьяков женился и я, в следствии неоднократного приглашения прибывшего в Одессу попечителя Покровского согласился принять должность надзирателя за внутренними воспитанниками младшего возраста и поэтому переселился в лицей. Еще в день общего представления наставником лицея новому попечителю, Н. Ф. Покровский меня любезно принял, поблагодарил за мое усердие к долгу в прошедшую зиму и обнадежил, что меня, как университетского воспитанника, будет иметь в виду; поэтому мне нелегко было отговариваться. Жалование двойное (за учительство 700 и надзирательство 500 руб. с казенным столом и квартирой), к удивлению общему, мне первому стали выдавать уже без прежних проволочек. Обоюдные правления были слиты в одно. По проекту Покровского, лицей реформировался на собственно лицей, высший – о двух отделениях, и гимназический, – о семи классах, согласно общему уставу гимназий 1828 г. Мне поручена была всеобщая история в первых трех классах. Моя прежняя детская начитанность принесла свою пользу. Ученики меня охотно слушали и на вопросы отчетливо отвечали. Приноровившись к

их понятиям и передавая события анекдотически, я успел овладеть их живописью и восприимчивостью; самый шаловливый третий класс у меня был послушнейшим; это заметил Покровский и ставил меня в пример другим. Снисходительность к пылкости детской, настойчивость и неуступчивость в благоразумно приказанном, справедливость и отнюдь не мстительность и не злопамятство – вот тот рычаг, которым я постоянно потом действовал на вверенную мне молодежь. К историческим изъяснениям я прибавил черчение немых географических карт. Могу сказать, что это нововведение, мое «личное», принесло желанные плоды. Выбывший из 3 класса ученик И. А. Клиnger, поступив в Дворянский полк (в С.-Петербург), едва ли не был причиной и там введения легкой и приятной для детей методы устного черчения карт. Двойная служебная повинность – как учителя, имевшего в неделю 22 часа занятий, и как надзирателя, дежурившего через день в течении 18 часов, – исполнялась добросовестно. Через два месяца исправления должности надзирателя, т. е. учеников 5, 6, 7 класса, и наблюдение за собственно называвшимися лицеистами. Это было для меня почетно, но и трудно. Впрочем, скоро заслужил я и здесь общее доверие и расположение.

Внутренние перевороты лицейские, сделанные строгим Покровским, заключалась в изгнании профессоров Лепки, Петша, Андреевского и законоучителя Гербановского. На место их поступили преподаватели: Генрих Брун, способный математик, Розберг (московский кандидат, вызванный графом Воронцовым в редакторы «Одесского Вестника») – преподавателем русской словесности, законоучителем – магистр духовной академии иеромонах Порфирий (ныне известный путешественник по востоку)^v и другой Брун, Ф. (оба брата дерптские студенты) – всеобщей истории. Такие решительные, а вместе и удачные перемены, видимо улучшая лицей, исподволь восстанавливали утерянное доверие публики. О внутренних скандалах нельзя было думать. Покровский, поселившись на свободной директорской квартире, следил за каждым. Ворота лицейские, подобно крепостным, запирались от 10 часов вечера до 6 утра и уже ни для кого не отпирались. Благодичине сохранялось всеми строгое.

...

^v Впоследствии епископ чигиринский, киевский викарий. Кн. В. Д.

В начале 1833 года приехал в лицей директор Н. И. Сеницын⁶, капитан-лейтенант, переименованный в надворные советники. Этот добрый и благородный человек на морском поприще, где он сделал два кругосветные путешествия, принес бы большую пользу, чем на избранном им пути, к которому мало был приготовлен, хотя некоторое время и состоял преподавателем в морском кадетском корпусе. Наплыв моряков в министерство народного просвещения начался с министром А. С. Шишковым: умный и опытный старец, видя, что почти во всех гимназиях состоят директорами: пехотные капитаны, уланские, гусарские ротмистры, не далее майоров, промотавшиеся помещики (в Харьков – Лосев) и протезированные губернаторами чиновники, не получившие, по тогдашнему обычаю, никакого систематического образования, которые не только не подвигают вперед просвещение, но еще тормозят его, – положил назначать директоров из моряков, учившихся кое-как в школах и потому знающих некоторые учебные порядки и обычаи. По Шишкове и князе Ливене вскоре министерствовал С. С. Уваров. При нем, в качестве директора частной канцелярии находился П. М. Новосильский, соученик и сослуживец по корпусу Сеницына. Покровский, проводя свои многообразные, длинноутомительные проекты, желая иметь благоприятствующее лицо, близкое к министру, согласился иметь директором лица Сеницына, рекомендуемого Новосильским.

Памятный всему министерству народного просвещения, благороднейший и добрейший П. М. Новосильский⁷, действительно, дал лицу доброго, честного, благородного человека, но не директора заведения, возникающего из «средневекового» хаоса. Новое лицо имело способность к устройству внешнего порядка, но научные его знания далеко не были в уровень многим наличным преподавателям в лицее. К чести Сеницына следует, однако, сказать, что он имел такт не вмешиваться в учебную часть: ее Покровский предоставил себе. С директором приехал профессор Нордман для преподавания естественной истории. Земляки его, финляндцы, оба Бруны, и сам Покровский разгласили, что едет светило науки, что оно даже сломало себе ногу (на экскурсии) по усердию к науке. Что для той же науки жертвует собранным им гербарием (проданным, впрочем, за 3000 рублей), и многое сему подобное. Время и дела, однако, показали, что всехвальный Нордман был финляндский «гасконец» и ловкий аферист. На лекциях своих, на которые лично

созывал, чего только он не говорил: de Omnia re scibile et non scibile. За светилом первой величины, явилось светило второй величины – профессор Фрейтаг, для латинской и греческой словесности. Не зная ни слова по-русски, а слушатели его слабо знали по-латыни, он начал преподавание мертвого языка. Немало за латынь терпели бедные слушатели: им мыли головы, при выпуске урезали чинами, оставляли еще на лишний год, но все такое дело не шло на лад: воспитанники переводили: «при свете флейщиков и звуке факелей», а профессор величаво произносил «bene!». Фрейтаг не заботился, что будет далее: он – в качестве библиотекаря – обменивал лучшие и редкие издания Дюковских книг на свои обыкновенные и готовил к выпуску в свет. Покровский благоговел пред ним более, чем пред умным и ловким иеромонахом Порфирием, отчасти уже начавшим идти по стопам пресловутого Феофила.

В это время на исправление в здании лицея, о котором, по случаю бывшего в 1828 году незначительного замлетрясения, находившийся в то время в ходу архитектор Боффо (строитель крупных домов, как то: графа Воронцова, Л. А. Нарышкина, биржи городской) написал, что если не будет немедленно приступлено к значительной починке, то зданию угрожает опасность, было отпущено до 50 000 руб. Поправкой заведовал Симонович, успевший заявить себя латинистом и даже немцем, любимыми недалёковидным попечителем; но к несчастью лицея переделки и починки, отнюдь не опасные, как написал Боффо, делались порядчиком Ланжениотти крайне недобросовестно, под сильной защитой Симоновича. Комиссия, принимавшая здание, хотя официально одобрила все небрежно сделанное, однако, конфиденциально сообщила попечителю о всех гадостях. Симонович был устранен от инспектора, а с ним и от хозяйственной части. На вакантное место явился старый товарищ (по Московскому университету) Покровского – Чанов. Чудная судьба этого неглупого и не совсем худого человека! Чанов был С.-Петербургским квартальным, харьковским советником губернского правления, ординарным профессором философии Харьковского университета, фаворитом тамошнего своевольного попечителя Филатьева, наконец, директором гимназии там же. С Филатьевым кончились в Харькове служебные поприще Федора Федоровича. Он решил перейти в лицей инспектором. По природе добрый, но по домашним бедным обстоятельствам неровный в характере, он

сделался нерассудительным потатчиком детских шалостей. Старшие воспитанники, узнав слабые струны сговорчивого инспектора, сделали почти его повелителями. Тяжело стало надзирателям, а в числе их и мне, находится между двумя огнями: педантом Покровским и сговорчивым стариком.

...

XVI

...

В конце этого [1837] года кончил свою службу Н. Ф. Покровский с пенсией и чином тайного советника. Выход его из службы ускорили: невнимание министерства к его действительно мало практическим проектам лица, а также и приезд С.-Петербургского попечителя князя П. А. Дондукова-Корсакова для осмотра одесских учебных заведений, хотя настоящая причина посылки Дондукова имела другую цель.

В Одессе с давнего времени жил уединенно на загородном хуторе предместья Молдаванки один из потомков графов Разумовских, граф Петр Алексеевич. Общество его составляло два или три иностранца, служившие ему факторами при займе денег, которые добрые приятели, Гульельмуччи и Гогель, давали за страшные проценты. Деньги эти Разумовский истрачивал на бестолковые и бесполезные постройки, по временам им самим разрушаемые. Говорят, что издержки такие отшельник от света делал с намерением, чтобы ничего не осталось его родственникам, почему-то им не любимым. Сверх богатой библиотеки, Разумовский владел картинами, статуями, антиками, богатой мебелью и прочими затеями старых русских бар. В июне или июле Разумовский умер. Явились наследники: князь В. Н. Репнин, князь Урусов, а сос стороны министра просвещения С. С. Уварова (женатого на сестре покойного) – князь П. А. Дондуков-Корсаков. В несколько недель все имущество, мебель и книги были с аукциона распроданы за бесценно, а еще более растащены некими из охранителей; картины, статуи и дорожие вещи разделеы между представителями наследников. Итак, вот истинная причина приезда Дондукова. Невольно вспомнишь Пушкина стихи: «На выздоровление Лукулла». Справедлив был в своей холодности Разумовский к родственникам. Над его могилою и теперь еще нет надгробия, даже какого-нибудь. А вещи и земли достались

наследникам богатые. И с Потемкиным богатые наследники поступили точно также.

Не бойким в своем деле показал себя лицею С.-Петербургский попечитель: он в восторге остался от наглой болтовни учителя истории Жукова^{VI}. Покровский и все мы сначала приняли было восторг Дондукова за мистификацию, но после оказалось, что сиятельный хвалит от всего прямого сердца. Еще ему лицей обязан вызовом в С.-Петербургский университет на кафедру ординарного профессора нашего греко-латиниста Фрейтага. Когда, в следующем году, привелось мне быть в С.-Петербурге и познакомиться с профессором А. В. Никитенко, то он рассказал мне, что в совете университета было положено дать Фрейтагу другого помощника, чтобы студенты лучше могли понимать его филолого-грамматические тонкости.

Значение Покровского в учебной жизни лицея, впрочем, было великое. Не будь Покровского и его полезных, практических реформ в методе обучения и воспитания, а также в лицах наставников, последующие реформы не легко бы привились и удались. Покровский, удалив неспособных и бесполезных преподавателей и учителей, открыл дорогу молодым дарованиям. Какова бы ни была ученая деятельность, впоследствии, профессоров: Зеленецкого, Петровского и учителя Протопова, но приобретением этих лиц лицей был обязан Покровскому, первому возымевшему мысль – способных людей посылать для усовершенствования в университеты. Правильный ход учения, согласный с точно-определенными программами, общий порядок, строгие испытания и при том нелицеприятные, составляют не совсем обыкновенное явление в наших учебных заведениях. Я знаю кандидатов С.-Петербургского и Киевского университетов, которые трех строк не напишут без грамматических ошибок. Покровский всюду руководил разумно, а главное хладнокровно. Не похвально, впрочем, было его слепое пристрастие к некоторым лицам, и в особенности к немцам, и привязанность к латыни, которую сам сбивчиво знал. Что одним преподавателям не спускалось, то другим – благополучно сходило с рук. Так, за несообразное с его планом преподавание, Покровский

^{VI} Этот Жуков прежде обучал танцованию, а в конце 1860-х годов был штатным смотрителем Керченского уездного училища. Кн. В. Д.

предложил Розбергу и очень дельному учителю Золотову уволиться из лица, а законоучителя Порфирия (жившего в доме лицейском), профес. Нордмана, Г. Бруна, весьма часто уклонявшихся от лекций, оставлял без взыскания; Генрих Брун, впрочем, вследствие одного резкого объяснения, удалился из лица. Заграничным титулованным докторам Покровский предоставлял безусловно профессорские места, а от русских требовал выполнения трудного экзамена. Всем известна легкость получения докторских дипломов в заграничных университетах; ценность их простирается от 50 до 100 талеров. Не выезжая из Одессы, Филипп Брун (брат Генриха) получил диплом доктора наук из Иенского университета. Покровский также наделал довольно вреда материального лицу: а) уничтожал права, дарованные лицу в отношении чинов от XIV до IX класса. Если до него права легко раздавались, то ничто не мешало ими после дорожить и давать достойным; б) отказался от таможенного сбора в пользу лица, взимаемого по указам 1817 – 1819 годов, с отвозной пшеницы по 2 ½ коп. с четверти, впредь до закрытия в Одессе порто-франко, а удовольствовался слишком умеренною суммою, предложенною министром финансов; в) за бесценок распродал огромный участок земли, где Ришелье предполагал развести обширный ботанический сад. Здесь теперь дачи: Сафонова, Кошелева, Ралли, Папудова, Радоконаки и друг.; г) из личного каприза отказался от крупнейшего здания, именуемого казармами Собанского, где предполагалось устроить новый лицей, а князь Воронцов готов был дать место для сада воспитанникам до самой крепости. К казармам принадлежал еще дом, который Покровский намеревался занять для себя, и др. Но когда граф Витт взял этот дом под свой штаб, то Покровский все дело постройки в здании Собанского бросил; е) доверив хозяйственную часть ловкому Симоновичу, и особенно внутреннюю отделку лица, он способствовал бесполезной затрате свыше 40, 000 рублей. Чудак, в дряхлых летах, женился на бывшей директрисе Одесского института, Суковой, рожденной англичанке, поселился в Крыму и там в 1837 г. умер.

1837 год начался для меня при благоприятных обстоятельствах. В апреле кончил печатанием «Историю генуэзских поселений». Наконец, вышел давно желанный новый устав Ришельевского лица⁸ и сверх чаяния совершилась поездка в Петербург. Книга моя,

напечатанная на собственный счет, обошлась в 700 рублей, доставила же чистой выручки 125 рублей. Часть экземпляров раздал безденежно, другую отдал на продажу, по комиссии в Москву Ширяеву, а в С.-Петербурге Илье Глазунову. Первый вознаграждал другими сочинениями, а Глазунов и до сей минуты не выслал мне ни копейки, хотя продает экземпляры по 2 и 3 р.с. Вот доход и выгода русских писателей!

На основании нововышедшего устава, лицей был резко отделен от слияния с гимназией. На первый раз составлены были, кроме общих предметов, два отделения: физико-математическое и юридическое с присовокуплением особого института восточных языков, учрежденного в 1828 г. князем Воронцовым. Для желающих быть профессорами и адъюнктами устав требовал магистерской степени. Все немцы⁹, благоразумно запасшиеся легкополучаемыми докторскими дипломами, имели законное право тотчас на занятие кафедр; мы же, русские, Зеленецкий, Левтеропуло, Архангельский и я (как претендент), обязаны были держать установленный экзамен. По множеству предметов, почти не касающихся к прямому делу, тогдашние экзамены на доктора и магистра были крайне обременительны, а посему мало было на них желающих. Университеты же и лицеи нуждались в преподавателях. Чтобы помочь нуждам университетов, министерство впоследствии дозволило: тех лиц, которые приобрели себе опытность долговременным преподаванием, не подвергая установленному экзамену, допустить только на этот раз к защите написанной диссертации. Волею или неволею надлежало ехать в какой либо университет. Скромные денежные мои запасы ушли на печатание книги, жалованья далеко недоставало на дорогу и прожитье, к займу денег никогда не прибегал, взять у Кирьякова гордость не позволяла. В таком раздумье я находился несколько дней. Но свет не без добрых людей! Добрый наш директор, управляющий в это время округом, без моего ведома написал письмо к директору канцелярии министра, а тот доложил С. С. Уварову, и вот мне, предполагающему занять отдельную кафедру русской истории в лицее, разрешено прибыть в С.-Петербург и там заняться дополнением начатого мною описания русских памятников. Получив прогоны, подорожную и командировку на ... месяца, я покатил в северную столицу. В Москве несколько дней посвятил на осмотр собрания старопечатных и старописанных книг и

древних икон И. Н. Царского, и затем явился в С.-Петербург. На другой день представился С. С. Уварову, который принял меня весьма благосклонно, расспросил о моих трудах, и по случаю отъезда его в Варшаву, поручил мне во всем нужном обращаться к управляющему министерством, графу Н. А. Протасову. Со своей стороны я, по поручению директора объяснил нужды лица, заключающиеся в немедленной поправке здания, по случаю скорого приезда в Одессу государя императора, на что были тотчас сделаны нужные распоряжения.

...

XXVI

Тягостны для меня воспоминания в 1850 году. Но решившись изложить исповедь мою без утайки, скажу и о тяжелой двойной моей борьбе. Наплывы богатых польских семейств, под предлогом воспитания детей в Одессе, где власть грозного киевского генерал-губернатора Бибикова на них не простиралась, имели пагубное влияние на лицей. Под предлогом приготовления молодых людей к поступлению в студенты лицей, но действительно для того, чтобы связать свои сношения с заграничными патриотами, поляки, щедрой рукой отсыпая деньги за уроки, деморализовали многих профессоров. Прежняя скромная, умеренная и бузепречная жизнь их, соблазненных легкой наживой денег, резко и быстро изменилась и перешла в картежный разгул. Попечитель М. Н. Бугайский¹⁰ (удаленный Клейнмихелем из корпуса путем сообщения), достигший этого места по протекцию родственницы своей жены, фрейлины Нелидовой, директор N¹¹ и более влиятельные профессора: Генрих Брун, Левтеропуло, Линовский – с 8 часов вечера, почти ежедневно, упражнялись в картах или дома, или в клубе. Генрих Брун даже умер в клубе и за картами. Фамильярное сближение начальника с подчиненными повело к тому, что попечитель на профессорские проделки своих партнеров стал смотреть сквозь пальцы. Лихоимство развивалось с каждым днем: приемы в студенты, переводы из курса в курс и выпуски сопровождалась циническими вымогательствами преподавателей: Линовского, Комарницкого, Зеленецкого, Петровского, Гассгагена. Писались за деньги даже сочинения для студентов! Почти все профессора давали частные уроки и за это покровительствовали денежным, зато сторогость их обрушивалась на

бедняков. Жалобы попечителю улаживались за игорным столом. Триумvirат оппозиционный, состоявший из Соколова, Кузьмина и меня, был слаб и при большинстве голосов бессилен. И Соколов, при всем бескорыстии, увлекся страстью к игре. Профессора держали у себя на квартире студентов в качестве пансионеров, но о нравственном надзоре за ними у многих не было и в помине. Панычам нужна была только протекция. Живший у профессора философии паныч Ягницкий блистательно проходил курс в соседнем публичном доме и кончил общею бойнею, на которой замертво уколотили студента Булатова; у профессора чистой математики отец не нашел своего сына, две недели где-то пропадавшего, о чем ментор и не подозревал. Тогда-то и начались в профессорском кружке постройка домов, покупка обширных мест для этой же цели, аренда земель... невесело было тем немногим, которые не соглашались с большинством. По себе скажу, положение их было тягостное. Эти обстоятельства осуждали почти на полное уединение.

...

XXVIII

Углубившись в редакцию третьего тома Записок, утром 7-го декабря [1851 г.] я был отвлечен от моих занятий повесткой из правления лицея, приглашавшею меня, вместе с другими, явиться в полдень к товарищу министра народного просвещения А. С. Норову. Он прибыл в Одессу, вечером, 6-го числа, неожиданно для всего учебного начальства. «Трус великий быстр» в лицее. Вопросы: зачем? для чего? предлагались всеми и никем не разрешались. На официальное представление приезжему ревизору попечитель Бугайский опоздал и при представлении профессоров не мог сказать о многих, каких предметов они состоят преподавателями. Директор лицея растерялся до жалости. Не понимаем и доселе: для чего Норов пересматривал, по списку, решительно всех студентов; между тем это заняло целое утро. Засим начались хождения ревизора на все лекции. У меня был на двух лекциях и на одном повторении пройденного студентами курса. Бедный профессор всеобщей истории Ф. К. Брун едва дочитал свою лекцию... Будучи меланхолического, сосредоточенного характера, он, придя домой, хватил себя бритвой по руке; к счастью, разрез пришелся неглубоко и своевременные медицинские пособия спасли его. Насчастный знал за собой некоторые послабления относительно студентов; но он был, по басне Эзоповой,

тот вол, который захватил клочек жертвенного сена. По вечерам инквизитор по одиночке призывал к себе каждого профессора. Расспрашивал, мыл голову некоторым и покончил, наконец, тем, что по данной ему власти, 17-го декабря, рано утром, я получил уведомление попечителя следующего содержания. «При настоящем обозрении Ришельевского лица и состоящей при нем гимназии с благородным пансионом г. товарищ министра народного просвещения удостоверился в необходимости дать этим заведениям иное направление. Вместе с тем его п-во, полагая заведывающего ныне Ришельевским лицеем помощника моего уволить от управления как лицеем с гимназией и благородным при ней пансионом, так и прочими подведомственными ему ныне учебными заведениями, и впредь, до особого распоряжения, поручить управление это вам, – в предписании 16-го декабря № 7 требует распоряжение моего, как об увольнении г. N от управления лицеем с прочими заведениями, так и о поручении сего управления вам. На сем основании, предложив правлению Ришельевского лица об увольнении г. N от управления лицеем и прочими заведениями и сообщая вам об этом, поручаю немедленно принять такое управление на себя, на законном основании, и о времени вступления в управление и принятии всего на законном основании донести мне».

Дав г. N. три дня сроку на сдачу должности, 20-го декабря я вступил в многотрудную обязанность. Не имел охоты быть бюрократам и никогда к тому не готовясь, я откровенно высказался г. Норову, что если в течении года не возмогу направить дело на лад, то откажусь. Труды предстояли серьезные, тяжкие, а вознаграждающие все эти материальные выгоды были ничтожны. Директорское жалование, с пенсионерною прибавкой, едва достигало 2000 руб., тогда как эту сумму я сполна имел от профессуры и библиотеки с городским музеем.

Обозревая учебные заведения вместе с А. С. Норовым, я нашел большую часть их в жалком состоянии. Хуже всех оказались девичьи пансионы: там дурно учили, еще хуже кормили, зимой редко топили комнаты и позволяли многое «недозволяемое». В этом отношении содержательница так называемого «образцового пансиона», получавшего пособие от города, Р – нова, всех превзошла. У нее несчастные девочки свободно отпускались на холостые вечеринки. Русский язык и Закон Божий всюду заметно были ослаблены.

Реформаты, протестанты и католики прозелитствовали над русскими детьми беспрекословно; одни евреи были недоступны для новициата.

Вся эта гроза, разрешившись сильным переворотом, произошла от следующих причин. Неизвинительные послабления студентам лицея, деланные профессорами, вследствие лихоимства, исподоволь стали проникать и в гимназию. Два учителя: В – в, русского языка, и Д – ский, латинского, первые высказали свою ловкость в опустошении карманов польских панычей, не пренебрегая и карманными часами. Попечителем Бугайским оба молодца были уволены из училищного ведомства. Долинский поступил на полицейскую службу в Бессарабии, а друг его остался без занятий. В одно прекрасное утро Воршев и Долинский подают записку исправляющему должность Новороссийского и бессарабского генерал – губернатора Федорову о дурном направлении, даваемом в Одессе детям польского происхождения, о предоставленной полякам свободе иметь свои частные пансионы и польских учителей, и о пренебрежении обучения русскому языку. Разумеется, записка пошла в ход. С другой стороны адъюнкты лицея, отъявленнейший взяточник, писатель студентам за деньги курсовых сочинений, сочинитель ябед и всякого качества просьб, также со своей стороны послал в министерство донос, в подобном духе с Воршевым и Долинским. Неудовольствие генерала М. Н. Муравьева на пьяненького Бугайского, вероятно, переданное набожному министру, князю Ширинскому, вынудило его к принятию крутой меры. И, таким образом, по высочайшему повелению, налетел Авраам Норов, некогда сладострасный^{VII} автор «Путешествия по Сицилии, в 1822 г.», а теперь (1851 г.) паломником и автор описания Святой Земли; безногий, добрый, но крайне рассеянный старик, слушал всякие наущничества одесского жандармского штаб-офицера, тем не менее, в числе многих распоряжений Норова было одно, которое на всех жителей сделало хорошее впечатление: это воспрещение профессорам лицея давать студентам и поступающим в студенты частные уроки, а так же тех и других держать у себя пансионерами. Мера для ученого сословия обидная, но не отклоненная попечителем, заботившимся только о самосохранении, и при том до такой степени, что он даже отрекся от многих своих

^{VII} См. его Путешествия, томы: 1, стр. 66, 71, 83, 91, 123, 170, 184, 189, 219; II, стр. 9, 10, 29, 39, 59, 121, 133. Н. М.

распоряжений, словесно данных своему покорнейшему слуге, помощнику попечителя и директору лицея...

Примечание.

Здесь заканчиваются Записки Николая Никифоровича Мурзакевича. В бумагах, нам сообщенных его наследником и племянником имеются еще записные тетрадки покойного, а так же большая переписка вице-президента Новороссийского Общества истории и древностей, но все это – это лишь материал, более или менее ценный, к его биографии, печатать же их вслед за Записками непосредственно не представляет интереса.

Ред.

Н. И. Греч¹

ВОСПОМИНАНИЯ О ДМИТРИИ МАКСИМОВИЧЕ КНЯЖЕВИЧЕ²

Мы, жители столицы, смотрим с удовольствием, да и с понятною завистью на некоторые из провинциальных календарей русских, заметно отличающихся и общепольными, любопытными сведениями, и интересными статьями, и исправною редакцию. Особенного внимания заслуживают Календари Новороссийский и Кавказский³. В них помещаются драгоценные статьи, преимущественно по истории и статистике края. Кавказский Календарь занимателен тем, что дает нам важные и верные понятия о позорище знаменитых подвигов нашего войска, о достопамятных местностях и личностях, обращающих на себя общее внимание, и заключает в себе сведения полезные и необходимые для служащих и пребывающих в тех областях. И Новороссийский календарь вполне удовлетворяет требованиям публики. Мы получили этот Календарь на текущий 1860 год. В первом отделе его помещены месяцесловы: православно-католический, армяно-григорианский, римско-католический, лютеранский, евреев-раввинистов, евреев-караимов и мухаммеданский. Этого не найдете ни в каком другом издании. Сверх обыкновенных календарных статей астрономических и метеорологических, находятся в нем любопытные исторические и статистические: указатель достопримечательнейших предметов в городах и местечках Новороссийского Края и Бессарабии, о древней топографии некоторых тамошних мест, составлении умно и отчетливо г. Бруном. Затем идут сведения статистические: новороссийский дорожник, известие о почтах и пароходах и т.п.; Новороссийский адрес-календарь; известия об ученых и общественных учреждениях и т.д. В последнем отделе (литературно-ученом) замечательны статьи: *Описание Херсонской обители*, в трех верстах от Севастополя, на развалинах древнего Херсонеса, и *О постепенном ходе телеграфии*. Но более всего заинтересовала нас в этой книге *Биография Дмитрия Максимовича Княжевича*⁴. Она возбудила в нас усладительные воспоминания о былых годах, о прежних людях, возбудила и чувство невыразимой грусти о потере человека, который жизнью и делами

своими был полезен и дорог свету и отечеству и мог бы еще долгое время служить отрадою, утешением всем своим ближним. Дмитрий Максимович скончался за пятнадцать лет пред сим, а память о нем, о его уме, сердце, характере так же жива в душе и воображении всех знавших и любивших его, как-будто бы они расстались с ним вчера. Одесская литература исполнила свой долг, вспомнив об одном из усерднейших своих ревнителей. Скажут, может быть: «исполнила, но слишком поздно». Мы возразим, что воспоминания о достойных памяти людях не слабеют с годами; напротив, возрастают с каждым днем после потери их, и то, что на свежей могиле благородного человека начертала рука дружбы и благодарности в первые минуты скорби, легкими, скоропреходящими письменами, становится от времени бронзовою надписью на граните.

Автор статьи в «Новороссийском Календаре» (г. Минаков, инспектор второй одесской гимназии) ограничивается обзорением трудов Дмитрия Максимовича по званию попечителя Одесского учебного округа. Мы позволяем себе изложить все пройденное им служебное и литературное поприще, пользуясь изданным в 1844 году некрологом его, и присовокупив к тому некоторые подробности о его общественной и частной жизни, доставленные нам человеком, близко знавшим покойного Княжевича.

...

По приближению к пятидесятилетию своей жизни, чувствуя утомление от непрерывных тяжелых трудов по счетной части, Дмитрий Максимович возымел желание, оставив холодный, негостеприимный север, подышать воздухом юга, которым дышали его предки, посвятить труды и познания свои не мертвым цифрам, а живому движению человечества; и как не трудно было ему расстаться с начальником, к которому привязан он был взаимными узами уважения и доверенности, Княжевич исполнил свое намерение: поступил в должность попечителя Одесского учебного округа.

В Одессе нашелся он в своей сфере! Его любовь к наукам, к просвещению, к литературе, страсть к благотворению ближним, образованием их – все это соединилось в пламенной душе Княжевича и давало ему полное право на полученное им место. До поступления своего в звание попечителя округа, Дмитрий Максимович не служил по учебной части, не имел не случая, ни повода ею заниматься. Это

обстоятельство, с одной стороны, имело то неудобство, что он должен был знакомиться с частью, совершенно для него новою, учиться, часто ходить ощупью, иногда ошибаться; но, с другой стороны, оно принесло ту неисчисленную пользу, что он вступил на это новое поприще с свежим умом, без предрассудков, без педанства, без привычек к вековым злоупотреблениям, с которыми, от действия времени, спокойно живут люди, впрочем, истинно ученые и благонамеренные. Он принялся с жаром и усердием за новое свое дело, познакомился с положением учебной части в округе, увидел недостатки заведений и лиц, узнал потребности края и времени и старался, сколько возможно, исправить старое, вдохнул свежий дух в устаревшую машину и орудия слабые и немощные заменил сильными и добрыми. Вот что говорят о его намерениях и действиях очевидцы. Перед самым его вступлением в управление Одесским учебным округом, Ришельевский лицей в Одессе – главное учебное заведение края – получил новое образование, приближавшее его к устройству университетскому⁵. Осуществить новый устав лицея, содержащий в себе семя той учебной и ученой жизни округа, предстояло новому попечителю. Как исполнил он это – свидетельствует настоящее (1844) положение лицея, найденного им с малой горстью воспитанников и большей частью только с вакансиями преподавателей, а теперь во всех отношениях занимающего первое место между современными ему учебными заведениями министерства. Чтобы привести это заведение в возможную соответственность с современным состоянием наук, с местными потребностями края и вместе с общим направлением образования в России, Дмитрий Максимович не довольствовался точным приведением в исполнение того, что было уже предложено, но с неутомимою, можно сказать, с беспокойною ревностью непрерывно стремился от улучшений к улучшениям. Каждый год, каждый семестр лицей делал новые шаги на пути к своему во всех частях усовершенствованию, снабжался достойными наставниками, обогащался воспитанниками (которых число в течении семи лет из двадцати возросло до ста-тридцати), распространял свои материальные средства, учебные пособия, круг и объем преподаваемых предметов, деятельность, влияние и репутацию преподавателей, так что сделался, можно сказать, в малом виде местным университетом. Стараниями попечителя перед местным

начальством, учреждена была в нем вновь кафедра сельского хозяйства и лесоводства, введено преподавание судебной медицины, политической арифметики, геодезии, сравнительной географии, русских древностей, наконец образовано, дотоле не существовавшее, целое особое отделение лицея, под именем камерального⁶, с открытием которого последовала новая организация преподавания и в двух прежних отделениях, юридическом и математическом. Не меньшее внимание обращено было на лицейскую гимназию и на все вообще учебные заведения округа, среднее и низшие. Долго было бы исчислять все, что сделано было им для этих заведений во всех отношениях, как материальном, так особенно учебном и нравственном. Упомянем только об одном памятнике, который увековечит его имя в признательном крае. Это – начертанные им программы для преподавания всех предметов в гимназиях и в училищах уездных и приходских. Они составляют как бы ручную педагогическую книгу, в которой низшее и среднее воспитание, с постоянным вниманием к возрасту и состоянию, к общим и местным потребностям воспитывающегося юношества, ведется от низших ступеней до высших, с удивительно выдержанною последовательностью и в то же время с глубоко обдуманною общностью, так что каждый предмет во всех своих мельчайших подробностях идет с другими параллельно в непрерывной симметрии и гармонии. Главнейшее же достоинство этих программ состоит в том, что они проникнуты любимую, задушевною мыслью, руководившею всеми действиями попечителя: в крае, недавно еще усыновленном Россией и до сих пор пестреющем разнообразным, разноплеменным, разноверным и разноязычным населением, водворить воспитание и образование истинно русское. И должно признаться, что эта мысль, изливавшаяся от полноты пламенного и просвещенного патриотического энтузиазма, не осталась бесплодною. Для достижения такого результата в такое короткое время необходимы были усилия необыкновенные, деятельность неутомимая, надзор неусыпный, постоянство, непреодолимое никакими препятствиями и затруднениями. Таков и был Дмитрий Максимович. Он не знал ни утомления, ни успокоения; он весь был в исполнении принятого им на себя долга, предначертанной самим себе цели. Лицей и округ: тут были его дом, его семейство, его нежнейшие привязанности и лучшие

надежды и мечты; тут сосредоточена была его душа, положена вся его жизнь. Говорим это без всякого преувеличения, в самом точном буквальном смысле. Когда, вслед за пребыванием Дмитрия Максимовича в Одессу, внезапно потрясла город и весь край страшная весть о появлении чумы, он немедленно с находившимся в то время при нем сыном, воспитанником лицейской гимназии, переселился сам в здание лицея, и здесь, запершись среди вверенного ему многочисленного семейства – детей, прожил всю тяжкую годину бедствия, продолжавшуюся около четырех месяцев, оставляя это добровольное заточение только на те минуты, когда сан и звание призывали его на совещания с местным начальством об общих мерах к спасению и успокоению города. Впоследствии, уже окруженный собственной семьей, он не раз от нее отрывался и переселялся на неделю или на две в лицей для того только, чтоб собственными глазами следить за воспитанниками во всякую пору дня и ночи, в классах и в спальнях, на прогулках и за работой, чтобы собственным, личным опытом удостовериться в исполнении и успешности водимого им порядка во всем образе их жизни: здесь он жил один в небольшой тесной, лишенной всех удобств комнатке, куда супруга и дети приезжали к нему на короткое время гостями. По округу путешествовал он ежегодно по несколько раз, подвергаясь всем лишениям и трудностям странствования по необозримым, пустынным степям Новой России, в горах Крыма и Бессарабии, принужденный нередко ночевать в землянке, спать на голой доске, трястись верхом на татарской лошади, или тащиться в скрипучей молдавской каруце. Не было такого отдаленного угла в крае, которого бы он не посетил, в котором не заглянул бы во всякий закоулок, носящий имя училища: в еврейскую школу, в мусульманскую медресе, к армянам, грекам, немцам, болгарам, румынам. Тут надо было видеть его иногда в грязной лачуге, без окон и пола выслушивающего робкий лепет оборванных, босоногих ребятишек, ободряющего их своею светлою улыбкой, своими нежными ласками. Всегда добрый, всегда приветливый и радушный, всегда друг и отец подчиненных, как скоро видел хотя малейшее себе сочувствие, он огорчался до глубины души, выходил из себя, занемогал, когда замечал холодное равнодушие, нерадивость и бездейственность на поприще, на котором сам шел и работал первый. Эта живая впечатлительность, эта горячность,

принимавшая все к сердцу, в соединении с непрерывными трудами и неограниченною преданностью долгу, по понятию, которое он сам создал, без сомнения не мало способствовали расстройству его здоровья, истощению сил и наконец самой смерти. Много трудился Дмитрий Максимович, многое сделал, многое замышлял еще сделать. Уже больной, уже на пороге смерти, он пустился в дальнюю дорогу, из Одессы в Петербург не для себя, но по делам службы. В этой дороге, за несколько дней до кончины, за несколько верст от места, где ожидал его гроб, он имел еще столько самоотвержения, столько, можно сказать, пренебрежения к последним остаткам угасавшей в нем жизни, чтоб из дорожного экипажа, в дорожном платье, зайти в Елисаветградское уездное училище, и провести там около четырех часов в испытании учащихся и в наставлении учащихся. С собою, сколько нам известно, вез он в Петербург, на ближайшее усмотрение высшего начальства, планы специальных руководств по разным предметам училищного преподавания, из которых некоторые начали уже и подготавливаться избранными от него лицами.

Можно вообразить, сколько препятствий должно было преодолеть ему, как трудно было образумить закоренелое упрямство. Убежденный в верности своих взглядов, пользе предложенных им преобразований, он часто выходил из терпения, и не мог скрыть своей досады и негодования на врагов и противников его предложений и распоряжений, при которых имел он в виду достижение общей благой цели.

Казалось бы, что непрерывные, тяжкие труды по учебной части ограничат его деятельность, отнимут у него возможность заняться еще чем-нибудь. Нет, он доказал на деле, что человек истинно благонамеренный всегда найдет время и средства развить вполне свои душевные силы, когда идет дело о благом и полезном.

Дмитрий Максимович видел в себе не управляющего училищами Новороссийского края, а попечителя южного края по министерству просвещения, то есть представителя наук, искусств и литературы во всем объеме этого звания.

...

Мы изложили образ мыслей и действий Дмитрия Максимовича на служебном и общественном поприще. Во всех его делах, во всех намерениях и целях проявлялась светлая душа, благородное сердце,

строгое исполнение своего долга в качестве верноподданного человека и христианина, пламенное усердие к добру своих ближних, подчиненных, друзей, пожертвование самим собой общему благу и пользе других. Нужно ли присовокуплять к этому, что человек с такими блистательными достоинствами и заслугами в жизни внешней, был в то же время образцом доброго отца семейства, сына, брата, друга, начальника, господина? И в безвестной, тихой жизни он был бы прекрасным образцом для своих ближних.

Добрые семена, посеянные его умом и сердцем на благодарной почве южного края, приносят и будут приносить вожделенные плоды, и воспоминание о нем, с каждым днем, ограничиваясь числом лиц, его знавших, становится усладительнее для тех из них, которые еще живы.

Санкт-Петербург, 30 июля 1860 года.

П. Д. Селецкий¹

ОДЕССА И АДЪЮНКТ-ПРОФЕССОРСТВО

Знаете-ли вы Одессу, – эту маленькую, хорошенькую Одессу, которая так удобно и живописно расположена на берегу Черного моря, этот богатый порто-франко с его бесчисленными магазинами, блистающими лучшими произведениями запада и востока, с его красивыми зданиями, с его прелестными окрестностями? Много прекрасного найдете вы в этом городе, одном из лучших в России. Своею красотю вас Одесса особенно поразит, когда вы узнаете, что лет пятьдесят едва прошло с того времени, как она начала свое существование. Прошло едва полвека, и вот она уже выросла, возмужала и украсилась, как бы по мановению жезла в руке волшебника. Взгляните на здешний бульвар, устроенный на голой скале у моря, украшенный великолепными домами, громадной лестницей из белого камня, ведущей к морю, памятником герцогу Ришелье, положившему основание Одессе, и длинную нитью белых пахучих акаций – он необыкновенно хорош; ничего и нигде не увидите подобного в этом роде. Посмотрите, как очарователен вид с него на бесконечное море, вдалеке сливающееся с синевой неба, и ближе – на гавань усеянную множеством кораблей, испещренных флагами всех наций. С каким наслаждением сидишь здесь вечером, в тихую погоду, и любишься этою картиной; особенно хороша она, когда освещают ее последние лучи заходящего солнца, или в бурное время, когда море бушует, когда волны разбиваются о крутую скалу бульвара и потом опять набегает с новою силою, как-бы желая увлечь ее за собой, но гордая, величавая она стоит незыблемо, презирая усилия могучего соперника. Как красива театральная площадь близ бульвара и здания ее окружающие: театр, где обыкновенно дают итальянские оперы, налево от театра длинное здание Palais Royales; здесь помещаются прекрасные лавки, лучшие рестораны и кондитерские, из которых так хорош Cafe Каруты. Против театра прекрасный дом английского клуба, направо огромный Hotel Richelieu, против этого отеля находится Casino, клуб для негоциантов; этими двумя зданиями начинается лучшая в Одессе улица Ришельевская, она богата магазинами, содержащими въ себе самыя модныя произведения французской и английской

промышленности, параллельно ей идет от биржи, здания очень красивого, Итальянская улица; их пересекают Дерибасовская и Греческая, где найдете в изобилии всевозможные произведения Италии, Турции и Греции. И посмотрите, как все эти улицы чисты, хорошо вымощены и освещены. Есть у нас города, конечно, и красивее и богаче Одессы, но независимо от интереса, какой представляет она свою наружностью, она нравится еще и в другом отношении, – в отношении деятельности: во всякое время года найдете вы Одессу одушевленную, везде много жизни и движения, и когда ни приезжайте сюда, летом или зимою, всегда проведете время весело и приятно: зимою небольшое, но отборное общество жителей одесских, а летом, когда все разъезжаются на дачи или в Крым, Одесса наполняется приезжими. Много бывает иностранцев, много приезжает сюда помещиков из Новороссийского края, западных губерний и Малороссии, иные едут пользоваться морским купаньем, другие минеральными искусственными водами, а некоторые просто для того только, чтоб запастись иностранными товарами, которые здесь так хороши и дешевы; любители музыки едут сюда с целью услышать итальянскую оперу, представления которой не прерываются целый год; труппа составлена из очень хороших артистов, иногда встречаются здесь и первоклассные европейские таланты. Говоря вообще, в Одессе очень много самых разнообразных удовольствий, и всякий, кто там побывает, очарованный, с наслаждением вспоминает об этом хорошеньком уголке Европы, где вы встретите образчики почти всех народов.

Этот город произвел на меня чарующее впечатление. После привычки к тихой, довольно скучной жизни в Киеве, к пустынным неживленным его улицам, к условиям строгой подчиненности и формальности, которые проявлялись в описываемую мной эпоху не только в самой наружности города, носившего отпечаток казенного характера, но и в общественных отношениях большей части его жителей, – Одесса шумной деятельностью ее разнородного населения, затейливой архитектурой зданий, великолепным видом на море, отсутствием военной и полицейской дисциплины и свободой образа жизни не могла не иметь на меня обаятельного влияния. Множество богатых магазинов с самыми разнообразными предметами иностранной производительности, по ценам крайне умеренным, огромные гостиницы с роскошным помещением и всеми удобствами,

превосходный стол, доступный людям с самыми ограниченными средствами, купанье в море – были для меня такою приятною новостью, что я в течении двух недель вел беззаботную, уличную жизнь провинциального зеваки.

Однажды сошелся я за обедом у знаменитого в то время ресторатора Оттона, воспетого Пушкиным, с несколькими профессорами Ришельевского лицея; к нам присоединился К. А. Неволин, проводивший каникулы в Одессе. Разговор шел о науке, о лицее, о вакантных кафедрах. Оказалось, что кафедра русского законовещения не была занята в лицее в течении полугода. Неволин предложил меня лицейским профессорам, присовокупив, что лучшего выбора сделать не может. Меня стали просить принять кафедру законовещения, но на этот раз разговоры наши кончились: я не решался принять лестное для меня предложение.

Отец мой² служил еще в кампанию 1812-го и последующих годов и участвовал почти во всех значительных сражениях славной эпохи; он был хорошо знаком с графом М. С. Воронцовым, тогдашним Новороссийским генерал-губернатором, и снабдил меня рекомендательным письмом.

Через день после встречи с профессорами я отправился к генерал-губернатору. Граф принял меня очень ласково и представил приехавшему к нему во время моего посещения попечителю Одесского учебного округа Княжевичу. Я счел долгом на другой день побывать у Княжевича. Княжевич наговорил мне множество любезностей, сказал, что получил обо мне самые лучшие сведения от бывшего моего профессора Неволина, и зная желание мое посвятить себя ученому поприщу, просил принять вакантную кафедру русского законовещения в Ришельевском лицее. Я выпросил у него несколько дней на размышление и возвратился к нему вскоре с утвердительным ответом.

Мне едва наступил двадцать первый год. Задавая себе вопрос: принять или не принять предложение попечителя, я сознавал, что лекции в лицее возьмут у меня много времени, дадут возможность более усвоить и уяснить приобретенные познания, но вместе с тем отвлекут от новых занятий и затруднят, при скудности ученых пособий в Одессе, приготовление к экзамену на степень магистра. Впрочем, возможность сделаться профессором в двадцать лет и сесть на кафедру прямо из студенческой скамьи взяла перевес над другими

соображениями, я согласился принять кафедру и поспешил в Киев, чтобы написать кандидатскую диссертацию.

Для диссертации я избрал область уголовного права и написал историческое рассуждение о политической смерти. Диссертация моя была единогласно одобрена профессорами и вскоре я был утвержден в ученой степени кандидата.

В августе я получил приглашение ехать немедленно в Одессу для чтения лекций. Мне предстояла еще поездка в деревню, чтобы успокоить отца на счет поступления моего, ко значению в обществе, в число монахов и женщин. Добрая мать моя помогла мне в этом и очень обрадовалась первым моим шагам на поприще гражданской деятельности, но сожалела, что пребывание в Одессе удалит меня от нее и лишит возможности видеть меня часто; я ее успокаивал тем, что пребывание в Одессе не продлится долго и что не позже года я приеду в деревню.

В первых числах сентября прибыл я в Одессу. Недели две употребил на знакомство с лицейскими профессорами, лицами, принадлежавшими к учебному ведомству, частью одесского общества, и на устройство квартиры, нанятой мною в доме 3***, на бульваре. Затем занялся приготовлением к чтению лекций. В юридическом факультете Ришельевского лицея полагалось всего три профессора³; по кафедре мне доставшейся я должен был читать студентам 1-го курса основные законы империи и государственные учреждения, во 2-м курсе гражданские и межевые, в 3-м уголовное право; в неделю я имел девять полуторачасовых лекций. Любимым моим предметом было уголовное право и я обратил особенное внимание на составление лекций по этой части моей профессуры, тем более, что уголовное право приходилось читать студентам третьего курса, достаточно развитым и подготовленным, а по возрасту по большей части гораздо старше меня. До прибытия моего в Одессу, им временно читал уголовное право один из моих новых товарищей по службе и успел познакомить их вкратце с теориями уголовного права. Для вступительной моей лекции, служившей продолжением преподавания, я тщательно обработал критический взгляд на теории уголовного права. На лекцию пожаловали все ученые, находившиеся в Одессе, и много посторонних лиц. Лекция вышла блестящая и в высшей степени занимательная по своему содержанию: несостоятельность

философских систем в применении к практике была мною доказана с неотразимую логическою последовательностью.

Довольно застенчивый по природе, не вполне уверенный в своих профессорских способностях, я должен был сделать большое над собою усилие, чтобы в присутствии малознакомой, взыскательной публики прочесть тоном истинного профессора длинную лекцию.

Взойдя на кафедру, я чувствовал себя неловко, лекцию начал дрожащим от волнения голосом, но после вступительных слов ободрился и продолжал с уверенностью, не лишенною достоинства.

Успех превзошел мои ожидания. Похвалам и поздравлениям не было конца; вступительная моя лекция особенно понравилась известному в ученом мире профессору Нордману⁴, но наблюдательный взор мой не мог не заметить смущения и выражение подавленной злобы на лице одного из двух профессоров юридического факультета, читавшего временно мой предмет в третьем курсе. Пожилой магистр X-го университета⁵, не следивший за развитием науки и преподававший по старым руководствам, с рутинной неподвижностью, часть юридических лекций в течении 12 лет, не мог простить мне нового взгляда на науку, сделавшую огромные успехи в последнее время, и смелости, с которою я дерзнул опровергнуть старые убеждения криминалистов, бывших для него неприкосновенным авторитетом. Общее сочувствие к молодому преподавателю, посвятившему себя науке только для науки и не нуждавшемуся в месте для своего существования, еще более раздражило старого рутиниста.

Первое время пребывания моего в Одессе было исключительно посвящено лекциям, я составил программы, по которым в течении учебного года должен был пройти все предметы моего преподавания. Свободного времени имел очень мало и не располагал знакомиться с обществом, чтобы не иметь развлечений, которые могли бы вредить подготовке лекций и отвлечь меня от занятий к предположенному через год в Киеве магистерскому экзамену.

К октябрю возвратился из Крыма граф Воронцов с семейством; в числе моих слушателей 3-го курса был и сын его Семен Михайлович. Однажды он мне передал приглашение графа на обед. Я не мог отказаться; был представлен графине Воронцовой, ее дочери и некоторым дамам высшего общества. На другой день должен был сделать им визиты, был принят весьма благосклонно и получил

приглашение продолжать знакомство. В короткое время я познакомился почти со всем одесским обществом – блестящим, довольно многочисленным и гостепреимным. Я говорил хорошо по французски, по немецки и по итальянски, был порядочным танцором, весьма отчетливо играл на фортепьяно и виолончели, имел замечательный талант к музыкальным импровизациям и пел недурно.

.....

Против желания, я вскоре сделался светским человеком: в течении нескольких месяцев я стал твердой ногой на новой для меня почве, слыл одним из лучших преподавателей лица, считался безукоризненным джентльменом в обществе.

Признаюсь откровенно: блестящее мое положение вскружило мне голову. Дни проводил я в добросовестных ученых занятиях, увеличившихся поручением преподавания римского права; по случаю отъезда профессора этого предмета, а вечера, до поздней ночи, в увлекательном обществе красивых и любезных одесских дам. Нравы были не суровы, отношения дружески свободные; я стал жить широко и без расчета тратил мою молодость.

.....

Наступило время экзаменов в лицее. Студенты меня любили, занимались хорошо моими предметами и выдержали экзамен превосходно.

Вследствие наговоров моего товарища по профессуре, что я в моих лекциях провожу идеи слишком новые и через-чур либеральные, попечитель присутствовал на всех экзаменах из предметов мной пройденных и не знал, как выразить мне свою благодарность за успехи студентов; он в особенности остался доволен уголовным правом и обширными сведениями, сообщенными мною студентам о философии права законодательств европейских государств и американских штатов.

Несмотря на столь удовлетворительный исход моей ученой деятельности, я заявил намерение прекратить на будущий учебный год мои лекции в лицее. Попечитель уговаривал меня не оставлять службы в лицее и предлагал воспользоваться каникулами и отпуском в первые осенние месяцы, чтобы ехать держать экзамен в Киеве. Я не дал ему положительного обещания исполнить его желание и в июне отправился в деревню.

.....

И. Г. Шершеневич¹

ИЗ ПАМЯТИ ОДЕССКОГО СТАРОЖИЛА

Я родился в Одессе, в 1819 г.; следовательно, мне теперь 75 лет, т.е. три четверти столетия. На этом основании я смело могу считать себя старейшим жителем города Одессы и думаю, что в этом отношении не найду соперника. Но этого еще мало: я и вырос в Одессе, и воспитывался в ней, и окончил курс в бывшем тогда Ришельевском лицее, в нем же начал службу, сперва младшим учителем, потом старшим, потом помощником инспектора лицея, далее директором. В 1866 году уехал в Варшаву, по приглашению бывшего заместителя Царства Польского графа Берга, на видную должность по учебной части, и в 1872 г. возвратился в родную Одессу. Во время моей службы в Ришельевском лицее, который тогда помещался в доме теперь Вагнера на Дерибасовской улице, под моим надзором и попечением прошло много молодежи; многие из них еще живы и занимают в Одессе почетные должности.

...

Мои воспоминания о бывшем попечителе Одесского учебного округа Д.М.Княжевиче

Держу перо в руке и думаю: хватит ли у меня сил и умения изобразить достойным образом такого в высшей степени замечательного человека, каким в моем уме всегда представляется бывший попечитель Одесского учебного округа Дмитрий Максимович Княжевич? В продолжение моей 47-ми-летней службы по учебной части я видел многих начальников и попечителей округа; между ними были люди достойные и умные, но ни один из них не очаровал меня так, как этот. Почему? Ответом на этот вопрос будет моя настоящая краткая заметка. Быть может, память и благодарное сердце подскажут мне лучше других источников.

Когда прибыл в Одессу Д. М. Княжевич, я был младшим учителем латинского языка в низших классах Ришельевской гимназии, которая помещалась в доме теперь Вагнера, по Дерибасовской улице с одной стороны, по Екатерининской — с другой, а с третьей — по Ланжероновской. В нем же были и аудитории для студентов лицея.

Помещение было очень удобное и просторное. Внутри этого громадного трехстороннего здания были и дворы, где в рекреационное время гуляли гимназисты — пансионеры казенные и своекоштные, были спальни, столовые, актов зал, больница, внизу квартиры для служащих при лицее и все прочие необходимые принадлежности и парадная галерея от ворот до той лестницы, которая вела на верхний этаж, где были классы, спальни, церковь и помещение для надзирателей. Коридоры были во всю длину здания дома Вагнера по трем улицам. В этих коридорах резонанс был такой, что сказанное в одном его конце хорошо было слышно в другом. Покойный Д. М. был атлетического роста и сложения, обладал соответственным этому голосом и был очень вспыльчив. Когда он бывало с кем-нибудь крупно говорит в одном из коридоров, то эхо отчетливо повторяет его слова во всех углах. Ученики, служащие, учителя и все живое в здании боялись его, словно мыши кота, и прятались куда кто мог. Не менее внушительна была и наружность.

В фатальный для меня день новый инспектор лицея Мих. Дан. Деларю³ вступал в должность (после бывшего инспектора Соколова³) и ему-то Княжевич хотел показать классы и прочее. Все классы помещались в коридоре верхнего этажа, что по Ланжероновской улице. Когда время уроков оканчивалось, то швейцар подавал знак колокольчиком: это означало, что учителя должны были выходить из класса, а за ними и ученики в порядке и тихо. В тот день Княжевич приказал, чтобы никто из учителей, несмотря на колокольчик, не выходил из класса и не выпускал учеников до тех пор, пока не будет дано знать надзирателем, что выходить можно. Помню, что я был в это время во 2-м классе, в самом углу длинного коридора, — там, где последние окна верхнего этажа по Ланжероновской улице. Наконец, прогремел колокольчик, означавший, что уроки окончены, и я с учениками остался в классе и ждал времени, когда придет надзиратель и объявит, что можно выходить. Жду, жду и не дождусь; проходит четверть часа, наконец, полчаса; полагая, что обо мне совсем забыли, я велю ученику читать молитву и отворяю дверь, но — о, ужас! — возле самых дверей стоит Княжевич, с ним директор, инспектор и еще несколько лиц. Я просто остолбенел.

Увидев меня, Княжевич как крикнет: «Как вы смеете выходить, когда вам приказано оставаться? Как вы смеете!» — и так далее, все громче и громче. «Я вас выгоню вон, как негодного, как ослушника» и

пр. и пр. Встревоженные дети остановились; я вошел с ними обратно в класс: они так жалобно и странно на меня смотрели, что у меня навернулись слезы; я же, как оплеванный, стоял и ждал, что дальше будет, пока не явился надзиратель и не выпустил нас. Все время до самых ворот я шел с учениками и тут только отделился от них, сказав им: «Прощайте, дети!» Я отправился домой. В каком я был настроении — это понятно; мне даже приходила мысль, довольно глупая: послать к обидчику секунданта с вызовом. Охладев немного, я сел в своей комнатке и задумался. Старуха кухарка принесла мне мой скромный обед. Я храбро покушал и стал размышлять о том, как теперь быть. Додумался до того, что плюнул и громко сказал: черт возьми такую службу: служишь усердно и вот тебе награда! Не пропаду я без вашей службы; голова есть, руки есть, не пропаду и больше не явлюсь на службу; завтра же подаю прошение об отставке. При том же у меня много частных уроков в мужских и женских пансионах, а теперь могу найти еще, имея более свободного времени. На всякий случай приготовлю прошение к директору об отставке. Так я и сделал.

Прошло дня три, я в гимназию не иду; пусть думают, что хотят, а я обижать себя не дам, да еще без всякой вины. На третий день получаю от директора записку (она и до сих пор у меня хранится) такого содержания: «Г.попечитель просит вас зайти к нему; он желает вас видеть». Ну, думаю, задача! Как тут быть? Поворожу. Взял несколько зерен дробы (я с раннего возраста был охотником) и начал считать: идти, не идти; вышло: идти. Натягиваю вицмундир, кладу в карман на всякий случай прошение об отставке и отправляюсь. В то время Княжевич жил на Херсонской улице, в доме тогда Фейгена; дом одноэтажный; он и в настоящее время стоит в таком же виде; к нему ведут те же красивые железные решетчатые ворота; кому он теперь принадлежит — не знаю, да и на доме нет надписи. Я же тогда жил в маленьком домике по Троицкой улице, близ Троицкой церкви, и мне приходилось ходить на службу в гимназию не близко; но что же было делать, когда на окраинах города квартиры были и в то время гораздо дешевле. Наконец, прихожу; швейцар отворяет дверь и впускает меня в приемную. Стою, опершись на пианино, и жду своей участи. Насупротив запертая дверь ведет в другую комнату, из которой слышен какой-то разговор, туда-то я и обратил все свое внимание. Прошло четверть часа в тревожном ожидании. Наконец щелкнул

замок и вошел Княжевич. Но он ко мне не подошел, даже не посмотрел в мою сторону, а начал ходить по комнате. Ну, думаю, что-то будет: буря или погода? Только что я ошупал еще раз в кармане прошение, как он подошел ко мне с такими словами: «Вчерашний случай (он забыл, что это было два или три дня тому назад), для меня очень прискорбен. Вы извините меня; я был ужасно взволнован теми беспорядками, какие я нашел и вся моя желчь излилась на вас. Вы знаете, я серб, а сербы вообще вспыльчивы; еще раз простите меня». Тут он подошел ко мне и я заметил у него слезы в глазах; я не выдержал и от неожиданная умиления сам прослезился. Тогда он меня обнял и поцеловал; я сделал тоже. «Мне — продолжал он — передали все начальствующие в лицее, что вы один из лучших преподавателей, как по исправности, так и по умению вести свое дело и что заменить вас будет не легко. Я верю им и с этих пор считайте меня вашим не только начальником, но и другом. Теперь на время прощайте, успокойтесь, идите и обрадуйте ваших учеников; они очень опечалены». Но я в этот же день не пошел в гимназию: я был слишком потрясен нравственно и решил отдохнуть. На следующий день, идя в класс, я встретил в коридоре директора с новым инспектором М. Д. Деларю и некоторых из учителей; они меня спрашивали о моем свидании с попечителем и чрезвычайно обрадовались такому исходу дела. Не знаю почему Деларю сразу так тепло отнесся ко мне; только впоследствии я узнал эту редкую личность по сердцу и по его поэтическому настроению. С этих пор мы были искренними друзьями. Случилось, что в этом же году Княжевич положил основание обществу истории и древностей, до настоящего времени существующему. Вскоре он дал мне работу: перевести с латинского языка на русский статью из очень редкой книги, или вернее из очень маленькой книжонки, следующего названия: «*Russia sive Moscovia, itemque Tartaria, commentario topographico atque politico illustrata. — Lugd. Batavorum. Ex officina Elseviriana, Anno CICIXXXX, cum privilegio*». Я скоро окончил эту работу, представил ее Княжевичу, который прочел ее с удовольствием и дал мне диплом на звание члена-соревнователя Одесского Общ. Истории и Древностей, который я до настоящего времени храню, как дорогой для меня документ. Этот мой перевод был напечатан в выпущенной Обществом книге под заглавием: «Описание Крыма» (*Tartariæ descriptio*) Мартина Броневского, начиная с 333 по 367 стр.

Дорогие для меня воспоминания о Д. М. Княжевиче никогда не изгладятся из моей памяти, а настоящий рассказ мой, быть может, переживет меня и останется еще для будущих поколений. Печальный исход моих отношений к Княжевичу навсегда покрыл мое сердце трауром и скорбью. Он вскоре заболел так серьезно, что поспешил выехать из Одессы, вероятно для пользования советами лучших медиков Петербурга, но на пути, не помню где именно, скончался. Дорогой начальник и друг, ты всегда будешь жить в моей памяти и сердце. Да покоится мирно прах твой!

...

Нечто из воспоминаний о моих бывших учениках

Природа обидела стариков тем, что дала им престранную память: я, например, с одной стороны, отлично помню то, что было со мной еще в детском возрасте, а с другой — часто забываю то, что было вчера. Хотелось бы поговорить о моих дорогих учениках, из которых помню многих, но далеко не всех. Постараюсь, однакож. Когда я был директором Ришельевской гимназии, я взял на себя преподавание латинского языка (это моя специальность) ученикам 7-го класса. Это был один из лучших классов, как по поведению, так и по прилежанию, а главное для меня, по особенному ко мне расположено. Войду, бывало, в класс, ученики встречают меня с какой-то радостью и вместе с уважением. Многие ли могут теперь похвалиться этим? Как все изменилось!.. Из числа учеников этих выдающимися по прилежанию и по способностям были: два брата Сухомлиновы, Репяхов (теперь профессор) и еще два брата, имени которых не могу припомнить (кажется, польская фамилия). Между всеми учениками вообще, и между поименованными в особенности, было нечто вроде благородного соперничества (но не зависти), именно, кто из них внимательнее и способнее. Я взял на себя добровольно обязанность преподавателя, хотя это не совсем нравилось бывшему тогда попечителю округа, который и жил в здании гимназии (назвать его не хочу). Для меня главной задачей было подготовить их к выпускному экзамену, на котором, обыкновенно, спотыкаются и лучшие ученики по древним языкам. Задаешь, бывало, вопрос, и мои ученики стараются ответом опередить друг друга. Не знаю, помнят ли это теперь мои любимые дети, или забыли? Как бы то ни было, но я находил в этом величайшее удовольствие. Пришло время экзамена. Попечитель,

вероятно, из желания доказать мне, что мое преподавание не было плодотворно, пригласил к экзамену некоторых профессоров, в том числе и известного профессора Струве⁴, знатока своего дела и человека серьезного. На их вопросы мои ученики отвечали великолепно, не смотря на некоторую оппозицию приглашенных попечителем профессоров. Каждый раз, как попечитель спрашивал мнения у приглашенных им профессоров (сам он ничего в филологии не понимал), его сторонники отзывались не совсем одобрительно. Тогда профессор Струве возражал: «Они отлично знают и прекрасно отвечают, а я задаю им труднейшие вопросы». Видно Струве понял в чем дело и спросил у учеников: «Кто вам преподавал латинский язык?» Они ответили, указывая на меня. Тогда Струве, обращаясь ко мне, сказал: «Это очень хорошо, вы мастер своего дела». Эти слова, по-видимому, были неприятны попечителю и его сторонникам; но мое дело выиграно и я радовался за своих учеников, получивших высшие отметки по настоянию Струве. Вот какие бывают странные отношения к начальству, но они имели свои причины, о которых я умолчу.

Вскоре я бросил службу и вышел в отставку. Но судьба меня не покинула: я вскоре получил приглашение чрез наместника Царства Польского, графа Берга, принять должность вице-директора комиссии просвещения в Царстве Польском и уехал туда на службу. Потом вскоре варшавская главная школа была преобразована в русский университет, и я получил должность инспектора университета. Попечитель округа, Витте, меня очень жаловал и мне предстояло счастье быть его помощником, но я сильно заболел и возвратился в мою родную Одессу с отставкой, пенсией в 3,000 рублей и орденом Св.Владимира на шее. Как иногда судьба играет человеком! Не напрасна поговорка: «Нет худа без добра».

Еще одно воспоминание о дорогих учениках моих

Когда Ришельевская гимназия помещалась в доме, принадлежавшем Ришельевскому лицезу, а теперь Вагнеру, я был учителем, еще молодым, полным силы и любви к своему делу и к молодым питомцам. Между ними я имел друзей, и здесь меня дети любили. Разве это не счастье? Бывало каждый раз как я, после окончания уроков, по длинному коридору возвращался домой и уже доходил до лестницы, ведущей в нижний этаж, за мной бежали милые дети: двое Минчиаки и Кривошеин (теперь министр). Братья Минчиаки всегда сопровождали меня, посылая рукой поцелуи, для

меня очень дорогие, потому что они исходили из чистого детского сердца. Кривошеин тоже меня провожал и посылал мне рукой прощальный знак. Он отличался какой-то задумчивостью: что-то происходило в его маленькой голове, умной и выразительной; не предчувствовал ли он тогда свое высокое назначение. Я думаю, что он не забыл лицейского коридора и своих прощаний со мной, потому что дети отлично помнят свое детство.

Помню еще и другое, подобное этому, прощание малюток со мной. Я преподавал в частном пансионе г-жи Оден, в котором учились братья Тработти, тоже такие милые дети, — они тоже сопровождали меня, посылая поцелуи. Помнят ли они это? У меня при этих воспоминаниях каждый раз навертываются слезы, но слезы радости. Боже, как я был тогда счастлив!..

О. О. Чижевич¹

ГОРОД ОДЕССА И ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО. *Воспоминания одесского старожила.*

Получив приглашение принять участие в издании одесских мемуаров, потомком незабвенного, для Одессы, адмирала Дерибаса, я, как одесский уроженец и старожил, постараюсь в настоящей статье передать потомству преимущественно такие эпизоды из городской жизни, которые редко помещаются в официальной хронике и поэтому ускользают от историка. Сознательные воспоминания мои начинаются с 1837 года. Оканчиваю мои мемуары 1877 годом, так как все происшедшее после этого свежо еще в памяти не только старожил, но и молодого поколения.

Ришельевский лицей

Первое воспоминание моего детства и юношества — это Ришельевский Лицей. При поступлении моем во 2-й класс гимназии, здание Лицея находилось в том месте, где теперь дом Вагнера-Ринка, и почти в том же виде, на углу Екатерининской и Дерибасовской улиц.

В настоящей заметке я намерен изложить описание замечательных деятелей и выдающихся событий из лицейской жизни, начиная с 1837 по 1847 год, — окончания мною курса лицея.

Попечителем лицея и учебного округа я застал г.Покровского, директором Н. И. Синицына, инспектором г.Чанова.

Из числа наставников, которых я застал, единственный оставшийся в живых и теперь проживающий в Одессе, — законоучитель, протоиерей Михаил Павловский². При поступлении моем г.Павловский еще не был посвящен в сан и являлся на уроки в синем вице-мундире. Николая Никифоровича Мурзакевича, занимавшего впоследствии высокие должности, я застал надзирателем (педелем). В числе преподавателей были весьма оригинальные личности. Законоучитель для католиков, итальянец, капуцин, Патре Ансельмо, старичок маленького роста, с козлиной бородкой и таким же голосом, был ужасно сердитый. Одевался в монашескую суконную рясу, с капюшоном, подпоясанную толстыми

вервиями с концами в форме огурцов. Этими огурцами он колотил беспощадно по чем попало провинившихся гимназистов. Преподавал он катехизис на французском языке, которого почти никто из гимназистов не понимал. Припоминаю, как однажды он гонялся по классу за мальчиком, который, по незнанию французского языка, назвал патера, вместо: *mon pere — mon cher*. Чем больше колотил его Патре, тем жалобнее мальчик кричал: *mon cher, mon cher!*

Другой оригинал был учитель латинского языка, г.Кнорре. Громадного роста, с лошадиноподобной физиономией, он ходил подпрыгивая и обнюхивая все попадавшееся под руки и людей, с которыми разговаривал. Необыкновенный ходок и конькобежец, он иногда по утрам совершал прогулку на Большой Фонтан и обратно пешком. Однажды, когда море далеко замерзло, он на коньках сбегал в Николаев к брату, астроному. С гимназистами Кнорре любил забавляться в промежутках уроков. Я был в числе его любимцев и не раз, посадив меня к себе верхом на шею, он бегал по коридорам.

В это время у нас были в большом употреблении розги. Порка производилась ежедневно. Были субъекты, которых пороли не менее двух раз в неделю. Случалось, что высеченного, испачканного кровью, на простыне относили в домашнюю больницу. Кроме формальной порки, на скамье, посредством двух служителей, производилось в классах и коридорах сечение по рукам линейкой или пучком розог корешками. В этом деле отличался надзиратель Демостико. Едва заметит какое-либо нарушение порядка, подбегает к виновному и тогда подставляя ладони, то одну, то другую. Хлоп, хлоп, хлоп, — и побежал к следующему.

Вообще порядки были жестокие. При погребении профессора Курляндцева все лицеисты сопровождали гроб до кладбища. Это происходило в ноябре, при холодном ветре со снегом. Все мы шли попарно в одних сюртучках, без фуражек. Как самый маленький, я шел в первой паре. Возвратившись домой после этой прогулки, я схватил горячку и пролежал шесть месяцев в кровати. Еще был оригинал учитель греческого языка Христохоос. Читая лекции о греческих войнах, он, расхаживая по классу, изображал собою греческого воина, показывая, как подкрадывались к неприятелю, метали копья и т.п. Ежели ученики не посещали исправно классов, он не был в претензии, только перед экзаменом необходимо было взять у него десяток частных уроков по 2 рубля и на экзамене он ставил

хорошую отметку. Н. Н. Мурзакевич, произведенный из надзирателя в учителя русской истории, более всего обращал внимание на одежду учеников. Войдя в класс, он всех осматривал. У кого случалась оторванная пуговица или разорванное платье, всех таких собирал он к классной доске, становил в ряд, а на доске делал надпись мелом: «ветошный ряд». Там они оставались во все время классного урока. Другой учитель, в наказание за леность, ставил ученика тоже к доске и над головой его рисовал мелом ослиные уши.

Из надзирателей были замечательны: Пиллер — необыкновенный силач и Гревс (англичанин) вантрилок и мастер на все руки.

В числе профессоров было несколько знаменитых ученых и чудаков. К первой категории можно причислить профессора ботаники и зоологии Нордмана и профессора математики Генриха Бруна; ко второй профессора химии Гассгагена³, коверкавшего русский язык и уверявшего нас, что корабли для прочности обивают медом (вместо «медью»). Н. Н. Мурзакевич отличался необыкновенным бескорытием, хотя и был очень беден. Когда приехал в Одессу харьковский откупщик, богач Кузин, с намерением поместить сына в лицей и просил всех профессоров давать сыну частные уроки, Мурзакевич возмущился, сказал, что это подкуп и не пошел даже на совещание профессоров по этому предмету. В совещании, один из самых щекотливых, профессор латинского языка Беккер⁴, долго не соглашался на плату по 10 р. за урок, считая ее высокою. К удивлению всех, Кузин обиделся предложением такой низкой платы, заявив, что в Харькове он платил за урок не менее 25 руб.

Из студенческой жизни остались у меня следующие воспоминания. Студентов бывало не более 30-50 человек. Большинство вели жизнь разгульную. Помню, как однажды собрал всех нас инспектор Соколов и произнес поучительную речь, которую окончил следующими словами: «Как только вижу в календаре крестик, означающий праздник, так уже и жду на следующий день поступления жалоб на студентов за буйства и т.п.».

Припоминаю двух студентов-силачей. Самсон Юргенсон и Лучич (серб). Сей последний в сущности был нрава короткого и даже застенчив, но только в нормальном состоянии; подвыпивши, он становился ужасен. Студенты насильно тащили его с собою во время ночных походов. В случае надобности, он ударом ладони вышибал

какую угодно дверь. Можно себе представить, какое действие производила эта ладонь на человеческие физиономии и ребра!

Слишком большое прилежание у нас считалось неприличным. Прилежных студентов, обыкновенно любимцев профессоров, называли подлизами.

За то у нас были своего рода правила чести. Оскорбить женщину, в особенности молодую невинную девушку, считалось преступлением. Вступить за товарища и, в случае нужды, отдать ему последнюю копейку, — священным долгом. О бедных студентах у нас не было и речи. Никаких подачек не требовалось.

Сравнительно мы были довольно религиозны и питали должное уважение к родителям и старшим. Нигилизма не существовало и даже слово это еще не было произнесено Тургеневым.

Любимым местом студенческих кутежей был кафе-ресторан Каруты в Пале-Рояле. При недостатке денег для кутежа, один студент (Куро), придумал следующую штуку: поссорился с товарищем, студентом Кузиным, сыном харьковского откупщика, и вызвал его на дуэль. Молодой человек сильно испугался и просил у товарищей заступничества. Для примирения предложили Кузину дать всем товарищам завтрак с шампанским у Каруты, на что он с радостью согласился. Все это, разумеется, было вперед подготовлено. Подобные проделки повторялись несколько раз и всегда жертвою был Кузин.

Еще припоминаю анекдот о профессорах Генрихе Бруне и Левтеропуло⁵. Брун, известный математик, превосходно играл в карты, во все коммерческие игры (он и умер скоропостижно в Одесском «Английском» клубе) и постоянно обыгрывал своего товарища Левтеропуло, профессора физики. Выведенный из терпения, физик придумал следующую комбинацию. Пригласив к себе Бруна на карты, он поставил карточный стол в таком месте, на котором, от соединения Фокусов искусно развешенных зеркал, он видел в зеркале все карты Бруна. Понятно, что при таких условиях Брун, к удивлению своему, постоянно проигрывал. Только к концу зимы Левтеропуло объяснил ему в чем дело и возвратил проигранные деньги.

Танцам учил нас И. Буш, названный бессмертным. Он танцевал и учил до 90 лет (скончался в Одессе в 1877 году).

Унаследовал ему Адольф Цорн, который прибыл в Одессу в 1839 г. и до сего времени в Одессе живет и содержит танцкласс. Говорят, что все танцмейстеры долговечны. А. Цорн, кроме танцев, преподавал нам гимнастику и учил плаванию. Школа плавания была устроена на рейде на плавающих бочках. Для неумеющих плавать была предоставлена середина купальни, окруженная барьером, с решетчатым дном. Хорошие пловцы делали экскурсию, вместе с учителем, в открытое море, сопровождаемые, на всякий случай, лодкою, с опущенными концами веревок.

...

М. А. Филиппов¹

ПРОФЕССОРЫ БРАТЬЯ БРУНЫ ***Из воспоминаний***

Конец тридцатых и сороковые года бывшего одесского Ришельевского лицея – одни из самых плодотворных для южного края. В это время попечителям учебного округа был Дмитрий Максимович Княжевич¹ – человек просвещенный, ценитель и страстный ревнитель просвещения. До него лицей имел характер среднего учебного заведения; Дмитрий Максимович хотел его преобразовать в университет и поэтому разделил высшие его классы на факультеты с 3-х летним курсом: физико-математический, восточных языков, камеральный (т. е. административный) и юридический. На должности профессоров Княжевич искал талантливых людей повсюду: и в русских, и в заграничных университетах. Таким образом, он успел собрать в Одессе плеяду ученых деятелей, из которых многие, в последствии, составили славу нашего отечества.

В числе профессоров находились: известный наш историк С. М. Соловьев; естествоиспытатель Нордман, прославившийся своими исследованиями об инфузориях и глистах; Линовский², исследователь по истории русского права; Михайлов³, ученый по тому же предмету; Григорьев⁴, известный ориенталист и в последствии главный по делам печати; Михневич⁵, глубокий знаток философии, психологии и логики, в последствии товарищ попечителя Варшавского округа; Беккер, лингвист, сын которого получил печальное известие по покушению его на жизнь германского императора, и, наконец, два брата Бруны: Филипп Карлович⁶ – историк и Генрих Карлович⁷ – математик. Из всех этих лиц, немногие оставались в лицее до самого преобразования его в Новороссийский университет: одни предпочли перейти в столичные университеты; другие вступали на административное поприще. Остались только привязаны к своим кафедрам: Линовский, Беккер и братья Бруны.

¹ Родной брат бывшего министра народного просвещения.

По прибытию в Одессу братья Бруны совершенно не знали русского языка, но вскоре они изучили его на столько, что могли изъясняться свободно, хотя и своеобразно.

Так, в «Современнике» был помещен о них анекдот: встречаются оба брата на улице и один видит другого остриженным.

– Генрих Карлович, – говорит Филипп, – ты, кажется, постригнулся?

– Ай!.. Ай!.. Филипп Карлович, а еще профессор русского университета и не знаешь сказать: ты, кажется, постригался?..

Оба брата были совершенною противоположностью: старший – Генрих – был высокого роста, толстяк, с большим лбом и лысиной, с курносым небольшим носом, красным сангвиническим лицом, и, несмотря на свою толстоту, быстрый в разговоре и движениях. Говорил громко, причем сильно жестикулировал. На маленьком носу имелись у него очки, которые плохо держались; поэтому он постоянно поправлял их, в особенности, когда читал лекцию и когда делал математические вычисления на доске.

По своему горячему темпераменту, Генрих Карлович не любил на лекциях чертить и поэтому он пальцем по воздуху обозначал мысленно рисунок и затем, мысленно обозначив точки площадей и пересечения перпендикуляров, приступал к составлению задачи и вывода формулы.

Но как он был нетерпелив при черчении, так он был усидчив при исследованиях и вычислениях; а на лекциях он говорил с жаром и энергией.

Плодом его учёности и многолетних трудов явились два сочинения, которые, к сожалению, отпечатаны в небольшом количестве, и поэтому встречаются только в больших общественных библиотеках. Я говорю об его «Политической арифметике» и об его «Аналитических задачах».

Сочинения эти составляют один из богатейших вкладов в математическую науку и удостоились в свое время академических премий. Теория вероятности и математические законы, на которых основаны страховые общества, всех категорий и наименований, суть плодов исследований Бруна; поэтому само существование этих обществ бывшее прежде гадательным, получило прочное и реальное значение. Но в этом отношении он не был одним лишь теоретиком: он был самым энергичным пропагандистом разных страхований и сам

застраховал свою жизнь. Говорят, однако же, что после одного из годовых сроков, он на другой день должен был произвести свой взнос, но вечером скоропостижно скончался...

Аналитические задачи Генриха Бруна с их вычислениями, до того упрощают самые сложные уравнения, что в этом отношении услуга его математике бессмертна.

На лекциях же Генрих Карлович был вдохновлен: редкий математический вопрос разрешался им рутинно или даже так, как он разрешал его в прошлом году. Каждый раз изменял или приемы разрешения задач и вопросов, или же упрощал выводы формул.

Вот почему, нередко восхищенный сам неожиданностью и простотой вывода и формулы, Брун отходил от доски, и приняв торжественную позу, восклицал:

– Как изящно выражена эта формула.

Живой, подвижный и энергичный, Генрих Карлович не мог удовольствоваться одной профессурой: он принял на себя и обязанности инспектора в Одесском институте благородных девиц. Обладая, кроме знания математики, еще самой разносторонней ученостью, он своим влиянием поставил институтское образование на такую высокую степень, что, когда А. С. Норов, в начале пятидесятых годов, по должности почетного опекуна, посетил этот институт, то нашел его по образованию одним из первых в России.

Как человек, Генрих Карлович был добрейшее и благороднейшее существо; а как профессор – он был снисходителен и деликатен к студентам.

Студенты, как говорится, в нем души не слышали: одним он доставлял уроки, другим покровительствовал по окончанию курса.

К числу последних должно отнести Николая Ивановича Белого, которому он особенно благоволил, и который в последствии был директором Херсонской гимназии^{II}.

Но, несмотря на свою подвижность, Генрих Карлович любил поигрывать в коммерческие игры: за ними он просиживал целые ночи, что, однако, несколько не мешало его профессуре.

^{II} Белый в 1874 году, после своего путешествия, по распоряжению правительства, для обозрения учебных заведений в Германии и Италии, возвращаясь в Херсон, в припадке меланхолии повесился. Учебная часть лишилась в нем одного из талантливейших педагогов. Белый известен как переводчик физики Гано.

Зачастую он являлся на лекцию с заспанными глазами и объявлял, откровенно и по-товарищески, студентам, что он не выспался и что, тем не менее, будет читать лекцию; но так как он не помнил, на чем остановился на прошлой лекции, то просил показать ему предыдущее чтение.

Просмотрел бегло конец последней теоремы, он начинал вдохновенно свою лекцию, и был в это время поистине велик: он быстро писал, нередко брал из кармана носовой платок или чулок жены, который он в торопя и по развязности зачастую, вместо платка, клал в карман, и вытирал им и доску, и лоб, с которого выступал пот.

Студенты едва успевали записывать за ним, и, когда на следующей лекции ему показывали его выводы, он сам удивлялся и не верил, чтобы такой совершенный труд принадлежал ему.

Но бессонные ночи, которые он проводил за картами, сократили его день: за карточным столом, при его полнокровии, с ним случился удар, от которого он скончался, оплакиваемый семейством, студентами и институтом.

Совершенно противоположностью был брат его Филипп Карлович. Он был небольшого роста и сухопар, с желтым цветом лица, с робкими движениями и слабым голосом.

Неказистый на вид, это был один из ученых историков нынешнего века. Но робость характера, неуверенность в своих силах, сомнения в своих знаниях и боязнь, что скажет критика, – убивали в нем энергию и всякую способность воспроизводить что-нибудь самостоятельно.

Насколько иногда для таланта вредна и губельна и самоуверенность и самонадеянность, настолько обратно губит талант робость.

Филипп Карлович Брун служит последнему ясным доказательством. Он знал фактическую историю до поразительной подробности. Бывало спросишь: в какой день такой то государь, полководец или литератор родился или умер? Он отвечает: « В таком-то году, месяце, дне, но в котором часу – забыл; помню только, что это было утро».

История законодательств и литература всех стран и народов была ему известна до мельчайших подробностей, и лекции его были собственно не историей, а философией истории. Поэтому для тех, кто внимательно слушал его лекции и кто имел уж готовый запас

исторических знаний, его чтения были истинным наслаждением. Зато большинство его слушателей, неподготовленных вовсе к такому философствованию, положительно его не понимало. Так, например, он требовал характеристики эпохи, уяснения исторических фактов и указания их значения во всемирной истории; студенты же говорили об одних фактах.

Когда бывало он спросит: «Какое влияние имело изобретение пороха и книгопечатания, также реформация на человечество», ему отвечают о самых фактах и их историческом происхождении. Это его смущало и он на экзаменах бывало выходил из себя.

В особенности студентам доставалось от него, когда на экзаменах присутствовало одно из высших административных лиц: малейший жест, движение или улыбка особы приводили профессора в такое негодование на студента, что бывало велит ему взять другой билет.

При неточном или ошибочном ответе студента профессор до того терялся, что если тот бывало и продолжает потом говорить дельно, то Брун, буквально потерявший сознание, больше не слушает его, и ставит ему дурную отметку.

Эта робость была истинным несчастьем Филиппа Карловича и о ней считаю необходимым сказать подробнее, чтобы показать, что в воспитании человека должно войти, как необходимое условие, развитие в нем смелости, а без этого не только гибнут иногда таланты, но умные люди становятся просто посмешищем.

В доказательство приведем два факта, которые чуть не решили Бруна рассудка.

В конце сороковых или в начале пятидесятых годов приехал в Одессу ревизовавший тогда Новороссийский край сенатор фон-Братке. В Херсоне и в других городах Новороссийского края сенатор нашел злоупотребление и многих должностных лиц предал суду. Поэтому приезд его в Одессу вызвал всеобщий переполох. Учреждения министерства народного просвещения не входили в программу его ревизии, и Ришельевский лицей был совершенно спокоен.

Вдруг стряслась беда для Ф. К. Бруна: ревизующий сенатор пожелал осмотреть лицей и его кабинет; и вместе с этим выразился, что он желает послушать лекции, и кого бы вы подумали?.. Филиппа

Карловича Бруна. К счастью, об этом узнал Брун за четверть часа до его лекции.

Если бы его впредь предупредили, то он или не дожил бы до лекции или сбежал бы с города.

Помню – это было в десять или одиннадцать часов утра – вбегает в аудиторию Филипп Карлович: бледный, растрепанный, с посоловевшими глазами навывкат. Он садится на кафедру, пыхтит, стонет и наконец объявляет студентам, заикаясь, что он должен был читать о французской революции, но так как сенатор и ревизор фон-Братке посетит его лекцию, то он будет читать «о приемниках Александра Македонского». Поэтому он просит студентов не обращать внимания на эту лекцию, но тем не менее записывать его слова, чтоб он мог знать – не проговорился ли он и не сказал что-нибудь либеральное или радикальное.

Только что он окончил эту речь, как в аудиторию вошел сенатор и за ним бывший попечитель г. Бугайский, товарищ его г. Мурзакевич^{III} и директор Александр Григорьевич Петров^{IV}, и еще несколько человек из лицейской администрации.

Сенатор, войдя в аудиторию, подошел к кафедре и, подав руку профессору, сказал, что он так много слышал об его учености, что просит у него позволения послушать его лекцию. Филипп Карлович только кланялся и что-то мычал.

Фон-Братке и все пришедшие с ним разместились по скамьям со студентами. Аудитория буквально замерла: студенты любили своего профессора и им сделалось страшно за него.

Подперши лицо руками и поворачивая почти бессознательно быстро голову то налево, то направо, Филипп Карлович сидит с полуоткрытым ртом, и вдруг произносит протяжно, горловым звуком:

– Э...э...э...

Затем минуту пауза, которая кажется всем слушателям целой вечностью.

– Э...э... – раздается вновь по аудитории и вновь молчание; вдруг восклицание:

– Приемника Александра Македонского...

Пауза.

^{III} Известный историк и знаток древностей Новороссийского края.

^{IV} Александр Григорьевич Петров как педагог был одним из лучших и уважаемых директоров лицея. Он всегда присутствовал на экзаменах и поддерживал учащихся.

Так профессор не сказал ничего больше.

Фон-Братке подымается с места, подходит к кафедре, благодарит профессора за лекцию и уходит со всей лицейской администрацией.

Филипп Карлович требует воды и выпив несколько стаканов, обращается к студентам и спрашивает тихо, едва внятно, своим немецким акцентом:

– Не проговорился ли я про что-то политическое?..

Дело в том, что Филипп Карлович должен был читать о французской революции, и ему вообразилось, что фон-Братке именно и явился на эту лекцию, чтобы уличить его в якобинстве и в революционной пропаганде.

После этой лекции Филипп Карлович сильно заболел.

Другой случай был еще трагичнее. Во время Крымской войны или до нее профессора избрали его в советники лицея, т. е. заведующим хозяйственной частью.

Все шло хорошо. Да вдруг вздумал приехать в Одессу, для ревизии учебных заведений, Авраам Сергеевич Норов, бывший тогда министром народного просвещения.

Так как Авраам Сергеевич был и почетным опекуном, то, по повелению покойной государыни Александры Федоровны, он по приезду в Одессу занялся ревизией института и вообще женских учебных заведений.

Институтом он остался доволен; многие же пансионы, бывшие действительно в жалком виде, он закрывал. Последнее наделало много шума в городе, и когда министр собрался в лицей, то Ф. К. Брун до того перетрусил, что перерезал себе горло бритвой. К счастью, доктора, прибывшие к нему тотчас, приняли энергические меры и спасли его жизнь.

Когда министру доложили об этом событии, он отправился к почетному профессору, чтобы успокоить его. Филипп Карлович до того был тронут этим вниманием Авраама Сергеевича, что, как на исповеди, сознался, что причиною покушения на самоубийство было то, что за время службы он подписал не читая одну бумагу, и эта предательская бумага стояла пред его глазами и не давала ему покоя: он страшился, что именно эта бумага будет предметом ревизии министра и что за это его предадут суду.

Чтобы успокоить профессора, Авраам Сергеевич уверил его^V, что он сам ежедневно подписывает много бумаг не читая, и что если бы ему пришлось резаться из-за каждой подобной бумаги, то он давным-давно изрезал бы себя в куски. В заключение Норов просил Ф. К. Бруна не принимать на себя таких обязанностей, которые причиняют ему столько тревоги и горя, так как жизнь его драгоценна для науки и для человечества.

С близкими знакомыми Филипп Карлович был разговорчив и любил потолковать о политике.

Для подобных бесед он избирал Приморский бульвар. Сюда весной и летом собирается все одесское общество и здесь сходятся все близко знакомые и составляются все новые знакомства. На бульваре этом я в половине сороковых годов познакомился с Гоголем^{VI}. И теперь еще пред глазами моими его гладко-выбритое лицо, лоснившееся, блестящее и имевшее малороссийскую типичность; помню его однобортное, светло-горохового цвета, легкое пальто и английский цилиндр.

Не могу вспомнить, что он мне сказал; но когда мы несколько раз прошли вместе по бульвару, я заметил, что он был вообще сдержан в разговоре и что его тяготило то, что любопытная публика, узнавшая его, слишком пристально его разглядывала^{VII}.

^V Это передавал мне лично покойный Норов, когда я в 1864 году, летом, посещал его в Петербурге на Владимирской. Как сотрудник бывшей редакционной комиссии по составлению судебных уставов, я из деревни своей, из Киевской губернии, прибыл в Петербург, чтобы следить за тем, как будут разрешаться в законодательстве разные вопросы, из которых некоторые были подняты мною. Покойные: Авраам Сергеевич Норов и Владимир Петрович Бутков, первый – как член Государственного Совета, второй – как государственный секретарь – познакомили меня с журналами Государственного Совета. В течении лета 1864 г. работа была спешная; заседания были учащенными в Государственном Совете, и я удивлялся, как почтенный старик Норов, несмотря на усиленную работу, был так бодр и так деятелен, что успевал даже часто ездить в Сергиевский монастырь слушать обедню. Как известно, он был очень религиозен. Несмотря однако на то, что он был в то лето сильно занят, он находил время иногда уделять и мне часы для беседы. Авраам Сергеевич глубоко сочувствовал судебной реформе и гордился тем, что ему выпала доля подписывать с другими членами Государственного Совета проекты установлений. «Это дело бессмертное, – говорил он мне. – Только силы изменяют, стар сделался. Воля же государя императора, чтобы мы за лето кончили свой труд: мы с Божьей помощью и окончим».

^{VI} Я был в то время еще в гимназии.

^{VII} Одесское бульварное общество было в то время не очень многолюдно, и поэтому каждое новое лицо бросалось в глаза.

На этом же бульваре я, в начале пятидесятих годов, познакомился с покойным актером Мартыновым, в последний его выезд из Петербурга. Накануне я видел его в пьесе «Лев Гурыч Синичкин», в котором он был неподражаем.

Здесь же я познакомился в конце пятидесятих и начале шестидесятих годов с покойными Громекой и Якушиным.

В этом-то всеобщем Одесском рандеву я в течении многих лет и в различные эпохи встречался с Филиппом Карловичем и нередко проводил с ним целые вечера. Обыкновенно говорилось о политике, и я нарочно спорил с ним, для того, чтобы дать ему возможность высказаться и дать ему свои познания.

В особенности он горячо спорил, когда речь заходила об единстве Германии и о значении немцев в семье европейских народов: здесь мы положительно расходились во взглядах. Филипп Карлович доказывал, что Габсбургский дом объединит Германию; я же стоял на стороне Пруссии: так как со второй половины 50-х годов проявились признаки преобладающего значения последней.

Встречаясь с Бруном в различные эпохи, я последовательно указывал ему на симптомы этого преобладающего значения Пруссии, а именно: на оригинальное разрешение Шлезвиг-Голштинского вопроса, на франкфуртский сейм, на австро-прусскую войну, и т.п.

Но Филипп Карлович не верил до тех пор, пока Вильгельм Прусский не был провозглашен императором Германским.

– Да...да..., – говаривал он мне, когда какое-нибудь новое фиаско, дипломатическое или реальное, поражало Австрию, – Вы отгадали: жаль Габсбургов...а я на них так надеялся!

Наконец, когда возликовала Пруссия, и Германия объединилась, он примирился с новыми порядками и говорил, что Австрию погубили бездарные министры.

С 1868 года я перенес свою деятельность в Петербург; но часто, посещая свое имение в Одессе, я хотя изредка, но все-таки встречался иногда с Филиппом Карловичем.

В начале 70-х годов он посетил мое имение в Киевской губернии, Звенигородском уезде, село Окнино^{VIII}, но, к сожалению, не

^{VIII} По свойству он был мне ровесником: его родной племянник, барон Индрениус (товарищ генерал-губернатора Финляндии), был женат на родной сестре моей жены.

застал меня (я был в Петербурге) и прогостил в другой части того же села у моего шурина несколько недель.

Он затеял в это время издание своих трудов о Черномории и поэтому объезжал край и осматривал всю местность.

Село Окнино и вся его окрестность была тем более для него интересна, что в 40 верстах от него в Корсуни гостил некогда у светлейшего князя Лопухина И. А. Крылов; в 20 верстах, в Казацком, у Фундуклея, любил бывать Гоголь^{IX}; в 25 верстах – родился в Кириловке Тарас Шевченко^X.

Эта же местность была некогда центром гайдамачины.

Филипп Карлович Брун с большим любопытством осматривал Украину, и когда я с ним встретился в 1875 году в Одессе, он говорил восторженно об ее красоте и плодородии. Больше всего поразило его то, что он нашел этот край, в сельско-хозяйственном отношении, стоящим нисколько не ниже Германии. Здесь он встретил обширные сахарные заводы и богатейшие свекловичные плантации самых обширных размеров, и хлебные растения самых разнообразных озимых и яровитых форм; орудия и машины у крупных землевладельцев были последним словом техники.

Само собой разумеется, что после того о культурном значении немцев речи не было, и Филипп Карлович решил, что будущность малороссийского народа – трудолюбивого, умеющего себе усваивать быстро все усовершенствования науки и искусств, – самая блистательная.

– Одно меня удивляет в этом народе, – говорил Брун, – Что крепостная зависимость – более вековая – не убила в нем чувства собственного достоинства и не притупила его способностей: я говорил со многими крестьянами, и мне казалось, что я говорю с людьми, которые никогда не знали рабства.

^{IX} Гоголь в Казацком был поражен портретом одного старика в костюме испанских евреев, в особенности его глазами, и это вызвало известную его повесть «Портрет». Портрет этот, после смерти князя Голицына, который был женат на племяннице Фундуклея, каким-то образом, вместе с другими вещами, подлежащими тлению, был продан опекой. В начале 60-х годов я случайно приобрел его с публичного торга и, как некоторые думают, это – современный портрет известного испанского еврея Абарбанеля. Тогда же приобретен мною масляный современный портрет Галилея.

^X Предание гласит, что Энгельгард, владевший прежде Кириловской, приобрел его отца или деда Шевченко у своего соседа за пеньковую трубку. Кириловка перешла потом к Флерковскому, а от него в 70-х годах куплена светлейшим князем Воронцовым.

– Да, отвечал я. – Дайте этому народу образование, и он скоро войдет в семью цивилизованнейших народов: несомненно, что он сделается их гордостью.

Это было последнее мое свидание с Бруном: с того времени я не посещал Одессу. Но через приезжающих из этого города я узнал, что бывший ректор Новороссийского университета г. Головкинский успел его убедить печатать свои труды в виде сборника. Брун при жизни успел напечатать первый том «Черноморья», а второй допечатан г. Головкинским^{XI}. Должен сказать, что профессора братья Бруны были одним из самых отрядных явлений в нашем педагогическом и ученом мире.

^{XI} Головкинский, по окончании курса наук, поступил в 1856 г. юнкером в уланский полк, и когда его произвели в офицеры, он стоял в Новомиргороде. Там я с ним познакомился, и он был в том же году у меня шафером. Вскоре тогдашняя служба ему не понравилась; он вышел в отставку и уехал в Казань, где, выдержал экзамен на магистра естественных наук, сделался профессором. Впоследствии он переехал в Одессу, где избран был ректором университета. Он известен по сотрудничеству его в журнале «Свет», как ученый, принадлежащий к партии Буглерова и Вагнера.

А. И. Маркевич¹

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЕ «ПРОФЕССОРЫ БРАТЬЯ БРУНЫ»

М. А. Филиппов, сообщая немало любопытных сведений о жизни некоторых известных русских людей, от Крылова до Н. А. Головкинского² включительно, дает, к сожалению, относительно главных персонажей такие неточные сведения, которые заставляют предполагать, что или автору изменила память, или он основывался на слухах; а таковые часто бывают очень недостоверными. Хотя статья М. А. Филиппова проникнута глубоким уважением к памяти братьев Брунов и в общем довольно верно изображает личность историка Ф. К. Бруна, но относительно частностей, я, как его ученик, и хочу сообщить несколько замечаний (Г. К. Бруна я не знал).

1) Братья Бруны назначены были преподавателями Ришельевского лицея в попечительство не Д. М. Княжевича (см. у М. А. Филиппова, стр.111), а Н. Ф. Покровского, а именно: Г. К. Брун в 1831 году, а Ф. К. Брун в 1832 году, тогда как Княжевич бы назначен попечителем лишь в 1837 году.

2) С. М. Соловьев профессором Ришельевского лицея не был (стр. 111), а таковым был, с 1838 по 1843 год, малоизвестный юрист Михаил Александрович Соловьев³.

3) Ко времени преобразования Ришельевского лицея в Новороссийский университет, то есть в 1865 году, никто из указанных М. А. Филипповым (стр.111 - 112) лиц профессором уже не состоял; так, профессор Линовский выбыл из лицея по болезни в 1853 году, Г. К. Брун умер в 1854 году, Ф. К. Брун вышел в отставку также в 1854 году (лишь 12 лет спустя он вновь был назначен преподавателем в университете со званием приват-доцента), профессор Беккер вышел в отставку в 1861 году.

4) Рассказ (стр. 112) о том, как один из Брунов выразился, что он очень постригнулся, а другой сделал поправку, что надо говорить постригался – явно бродячий анекдот, применяемый вообще к немцам, давно жившим в России и все же еще не научившимся говорить по-русски, что действительно бывает. В детстве я слышал этот самый анекдот о киевских профессорах Деллель и Нейкирх, и даже в более удачной версии: первый сказал, что он стригался, а

второй пристыдил его замечанием, что следует употребить глагол в однократном виде, то есть стригнулся. Все это, конечно, анекдоты; но из статьи можно вывести заключение, что Бруны плохо говорили по русски, а это неверно; они воспитывались в Петербурге и хорошо владели русским языком, особенно, как мне передавали, Г. К. Брун; у Ф. К. Бруна лишь несколько слышался иностранный акцент и изредка могли попадаться синтаксические неправильности, но самая незначительные; писал же Ф. К. Брун по-русски вполне правильно.

5) Совершенно неверно определение (стр.114 - 115) характера лекций Ф. К. Бруна; он имел весьма слабую теоретическую подкладку. В его время преобладала историческая школа иного направления, и Ф. К. Брун на лекциях сообщал исключительно фактические данные. Но великое мастерство его сказывалось в умении выбрать из необъятного количества исторических фактов именно такие, какие необходимо знать начинающему историку, особенно такому, которому предстоит немедленно по окончании университета стать преподавателем. В то же время Ф. К. Брун чутко следил за исторической литературой, которая появлялась на всех европейских языках, и всегда излагал студентам факты в том освещении, в каком они были определены в данное время наукой. Чтобы студент ознакомился с новым сочинением раньше Ф. К. Бруна – это было совершенно невероятно.

Прибавлю еще, вопреки сообщению М. А. Филиппова, что на экзаменах Ф. К. Брун был бесконечно снисходителен; мне неизвестно ни одного случая, чтоб он поставил студенту на экзамене неудовлетворительную отметку! Да, при его требованиях отвечать на экзаменах, по его запискам, не стоило никакого труда.

6) Хотя и правильно, что Ф. К. Брун не отличался самоуверенностью, самонадеянностью и преобладающей чертой его характера была скромность, но в статье несколько преувеличено указание на его робость, убивавшую будто бы в нем энергию и всякую способность провести что-либо самостоятельное в научном отношении. Из напечатанных им трудов (свыше 80) огромное большинство оригинальных и очень мало переводов с комментариями.

И внешность Ф. К. Бруна была довольно энергичная; а голос его был не только слабый, но очень громкий; его лекции можно было слушать из коридора, при закрытых дверях аудитории, где он читал.

7) Рассказ (стр. 115 - 116) о лекции, неудачно прочитанной Ф. К. Бруном в 1851 году, в присутствии сенатора фон-Братке, если и не вполне анекдотичен, то во всяком случае передан очень неточно. Слышал и я этот анекдот в бытность студентом и постоянно в одной и той же версии. Ф. К. Брун начал лекцию фразой: «Вскоре после Пелопонесской войны греки основали много колоний на северном берегу Черного моря». А затем он только повторял эту фразу с небольшими модификациями в строфе; когда же сенатор вышел, Ф. К. Брун будто бы спросил у студентов, не сказал ли он чего-либо либерального?

Но за одно можно поручиться: Ф. К. Брун никогда не позволил бы себе изменить предмет лекции из-за того, что ее должен прослушать ревизор. Сверх того полагаю, что история французской революции в лицее в 1851 году не преподавалась и вовсе.

Не смешал ли автор статьи анекдот о лекции Ф. К. Бруна в присутствии сенатора с другими, которые я тоже слышал: упомянув о какой-то революции (может быть и о французской), Ф. К. Брун выразился, что подобные перевороты должны переживать все государства; но, сообразив, что слушатели могут применить эти правила и к России, он испугался и сказал: «Господа! Читайте, что я этого и не говорил». Вероятно, и это бродячий анекдот.

8) Н. Н. Мурзакевич товарищем (помощником) попечителя Одесского учебного округа никогда не был (стр.116), а был лишь директором лицея, да и то с конца 1852 года, а раньше же только профессором лицея.

Вообще, в Одесском округе не было помощников попечителей; в 60-х годах попечитель А. А. Арцимович⁵ хлопотал об учреждении должности помощника попечителя Одесского учебного округа и даже указывал кандидата на нее в лице князя В. Д. Дабиджи (и ныне здравствующего), но это не состоялось.

9) По поводу рассказа о покушении Ф. К. Бруна на самоубийство надо сказать следующее. Условия службы в лицее, в начале 50-х годов, были весьма тяжелые; строгие предписания и всякого рода стеснения были в полной силе; часто имели место доносы, вызывавшие ревизию, каковой была ревизия лицея в 1852-1853 г. А. С. Норовым, который, между прочим, три раза посветил лекции Ф. К. Бруна. Беспокойство из-за лицейских дел, переутомление вследствие постоянных сильных занятий, а также и домашние

неприятности – стечение всех этих обстоятельств и привело Ф. К. Бруна к меланхолии, в припадке которой он и порезал себе, подобно древнему римлянину, жилы у кистей рук, а не горло. Об этом я лично слышал от профессора Бруна, равно как и о том, что А. С. Норов, узнав о несчастье, немедленно явился к Ф. К. Бруну и вполне его успокоил. Что ему нечего было бояться ревизии, видно из того, что тотчас после нее, 6-го марта 1853 года, он был награжден орденом св. Анны 2-й степени.

10) Шевченко родился не в с. Кирилловке (стр 117), а в с. Моршинцах; то, что говорится здесь в примечаниях о Кирилловке, не совсем и понятно.

11) Ректор Новороссийского университета, Н. А. Головкинский, не занимался изданием «Черноморья» (стр. 117), оба тома которого были напечатаны еще при жизни автора, и только указатель был допечатан уже после его смерти.

К. Скальковский¹

ПЕРВАЯ ОДЕССКАЯ ГИМНАЗИЯ

Я умел читать и писать в четыре года, а хорошая домашняя подготовка позволила мне уже девяти лет поступить в первую одесскую гимназию, бывший благородный пансион при Ришельевском лицее, основанном аббатом Никодем (ныне Ришельевская гимназия).

Совершенно неожиданно, по возвращении из деревни в сентябре 1852 года, отец повел моего старшего брата Александра² и меня в лицей, где после нескольких вопросов, заданных директором А. Петровым³, на которые мой брат, всегда примерный, отвечал хорошо, а я не совсем удачно, нам объявили, что мы приняты, брат во 2-й класс, а я в 1-й. Этого Петрова многие потом хорошо знали в Петербурге как председателя цензурного комитета. Человек он был добрый, отличался уродливою наружностью и жил более 90 лет.

Дня через два жид Вулька принес нам гимназические мундиры с длинными фалдами, уверяя, что они будут сидеть «вдивительно» и «атлично». Мы с гордостью их надели и побежали на бульвар, я даже по дороге прибил своего двоюродного брата Франю. При ранжировке мы оказались самого маленького роста во всей гимназии.

Мне пришлось учиться в эпоху управления кн. Ширинского-Шихматова⁴ и Норова⁵, когда была оставлена классическая система и, по примеру Франции, введена так называемая «бифуркация», т. е. гимназисты с четвертого класса гимназии выбирали или изучение латинского языка, или русского законовещения. К подобной же системе недавно хотели возвратиться и у нас. Хотя наша гимназия тогда была относительно из лучших, так как находилась в большом городе и составляла одно целое с единственным высшим заведением в крае, но учились мы все плохо, более для вида, чем получения солидных сведений. Другой системы воспитания Россия, впрочем, никогда и не знала.

Лицей и гимназия находились на том месте, где теперь дом Вагнера. По Екатерининской шел высокий забор с воротами, а по Дерибасовской и Ланжероновской тянулись два длинных крыла здания. Все это, окрашенное казенною желтою краскою, было довольно мизерно с виду.

Внутри гимназия, построенная иезуитами, напоминала расположением монастырь: бесконечные коридоры с полами из простого дерева, давно расщепившимися от ходьбы. Мы даже с порванными подошвами как-то ухитрились еще, нарочно волоча ноги, зацеплять и отдирать длинные щепки пола. Мебель была примитивная: в классах изрезанные скамейки, черные доски и черные столики для учителей; учебных принадлежностей полный недостаток.

Нижний этаж был занят аудиториями и мизерными музеями лица, в верхнем помещалась гимназия: направо классы, рекреационный зал и лицейская библиотека, налево дортуары и цейггаузы, посреди церковь. Начальство жило в здании гимназии. Сада не было, но один из двориков посвящался играм, причем особенно в ходу были «бары».

Торжественное собрание происходило в физической аудитории, где иногда студенты давали концерты и домашние спектакли. Аудиторией заведовал профессор Левтеропуло, славившийся ревностью к красивой жене и огромной меделянской собакой, которая страшно рычала, если кто приближался к профессорше. Когда физик внезапно умер, красавица вышла замуж за его ассистента.

В лицее и гимназии уже не было, после сделанных преобразований, иезуитов, но я застал еще учителей старой школы, по большей части из семинаристов, почти поголовно маниаков. У каждого была своя система спрашивать, ставить балы и особенно расправляться врукопашную с учениками. Один бил линейкой по ладони, другой по концам пальцев, третий давал сильные щелчки, четвертый драл немилосердно за волосы и т.д.

Из этой категории помню учителя географии Минакова, русского языка Попова, математики Евтушевского; было несколько иностранцев, едва понимавших по-русски. Молдаванин Стамати преподавал французский язык, финн Летц... немецкий. Французскому языку... учили еще и французы Бедо и Бенуа, конечно отставные барабанщики Великой армии, как большинство тогдашних преподавателей французского языка. Лицей, впрочем, имел выдающегося лектора для этого языка Шапеллона⁶, превосходного актера, и очень образованного человека. Преподаватели естественной истории Вирен и математики Жан-Чап-Оглу были слегка помешанные. Гимназисты окончательно сводили с ума этих

несчастных школьничествами. Замечательный тип был еще лектор и учитель английского языка Гревс. Это был талант на все руки, он знал все языки, все науки и искусства, показывал фокусы, говорил вентрилоком, ознакомил первый Одессу с фотографией. К сожалению, он был беспробудно пьян и манкировал лекциями.

Лектором в лицее и учителем немецкого языка в старших классах был Эртель⁷... Эртель целый день курил копеечную сигару, но, входя в класс, тушил, ножиком обрезаювал сигару до пепла и остаток прятал в карман. В младших классах немецкий язык преподавал еще Мейер. Женатый на богатой помещице Булацель, он приходил в класс с огромными коробками сладостей, которые жадно ел, иногда и нам уделял маленькую толику.

Учитель латинского языка Беккер, он же профессор в лицее, был известным археологом; сын его совершил первое покушение на короля Вильгельма прусского. Ненавидели мы желчного преподавателя математики Дебрюкса, сына талантливого археолога. Он целые дни щипал свои бакенбарды и притеснял всех. Зато очень любили, хотя и прозвали «Гапкою» или «Иоською», инспектора лицея и гимназии Михневича⁸, впоследствии помощника попечителя Варшавского округа. Косой «Иоська» целые дни в огромном картузе прогуливался по гимназии. Это был благороднейший человек, высокой нравственности и отличный педагог. По субботам Михневич вызывал из каждого класса лентяев и велел сечь, но не жестоко, причем со славянским акцентом говорил поучительные речи. К гимназистам он относился отечески. Поймав как-то одного из них разговаривавшим с его горничной, он приказал высечь гимназиста, прибавив в нравоучение Златоуста: «смотрение родит хотение, хотение родит вожделение, вожделение родит действо»...

Всемирную историю читал Филипп Брун, брат будущего финляндского министра-статс-секретаря. Это был очень ученый и трудолюбивый археолог, насквозь напичканный Геродотом. Брат его Генрих, способный профессор высшей математики, был страстным картежником, умершим держа карты в руках. Третий финн – Нордман читал зоологию и ботанику и был директором Ботанического сада; он открыл в Одессе кости допотопных животных. Полезным профессором был юрист Линовский, отличавшийся необыкновенной толщиной, гетингенский химик Гассгаген, едва понимавший по-русски, и

Зеленецкий, литератор, профессор русской словесности, цензор и ярый театрал.

Попечителями учебного округа при мне были Бугайский и затем Демидов. У Бугайского по воскресеньям обедали наиболее отличившиеся гимназисты, попал как-то и я.

В гимназию мы поступили в женских башмаках, за что нам досталось от товарищей. И там была такая же простота, у пансионеров, так называемых «внутренних», я был «внешним», то есть полупансионером, – гимназические шинели из экономии шились без рукавов, ибо шинели носили в накидку, зимою их подбивали «уксусом», т. е. ничем.

Для лекций форма была: для приходящих сюртук, а для внутренних куртка, и то и другое с красными воротником и обшлагами, отчего гимназистов дразнили тогда по всей России «красной говядиной». Пуговицы были в нашей гимназии серебряные с гербом губернии и с надписью: «Херсонский». В лицее форма была общая студенческая, но с серебряными пуговицами. Из 7-го класса гимназии выбирались для наблюдения за классом по одному «старшему», носившему узкие серебряные погончики. Старшие мешали нам колотить друг друга, но себе этого не возбраняли. Кроме ленивых барчуков было несколько помещичьих детей поляков из Подольской губернии и молдаван из Бессарабии. Поляки отличались сравнительною воспитанностью, знали языки и увлекались до безумия Наполеоном. Гимназисты-молдаване, тогда еще малоцивилизованные, отличались здоровьем, красивою наружностью, обилием волос, огромнейшим аппетитом, леностью и неопрятностью. Немало было также воспитанников с Кавказа, как потому, что при лицее имелось восточное отделение, почему и в гимназии преподавались арабский, турецкий и персидский языки, так и по отсутствию сносных учебных заведений в Закавказье.

Всех воспитанников было не более полутораста... Атлетическою силою славился студент Лучич, дядя известного артиста Далматова, убитый потом под Севастополем, где сложили головы и другие мои однокашники.

На физическое воспитание обращалось некоторое внимание. Танцам обучал Тесье, французский танцовщик, подпрыгивающий, как мяч, со скрипкою в руках и колотивший нас по спинам смычком. Гимнастику преподавал Цорн... Ему и тогда было лет семьдесят, а жил

он еще в 80-х годах. Цорн же был учителем плавания. Гимназия и лицей имели свою купальню под бульваром, около известных старым одесситам купален Исаковича. Для лета лицей и гимназия имели и собственный «хутор-дачу» на берегу моря, близ Малого Фонтана...

В гимназии также преподавательский персонал был освежен переводом молодых людей, окончивших курс в бывшем педагогическом институте, alma mater нигилизма. Это были люди, которые не задавались выдолбить «отсюда досюда», а излагали предмет, стараясь сделать его привлекательным.

Русскую литературу читал увлекательно Веселовский, умерший молодым человеком; за красноречие и большой горб мы прозвали его «Тиртеем». Латинский язык преподавал Иванов, известный впоследствии ученый. Географию читал чрезвычайно занимательно Орбинский, также приобретший известность по исследованиям византийской истории, как профессор педагогики и банковый деятель. Его и Беккера взял Пирогов в 1856 году в инспекторы и директоры для поднятия гимназии. Законоведение преподавал Великанов, археолог и основатель первой частной библиотеки в Одессе. По естественной истории Вирена сменил Менделеев⁹, знаменитый теперь химик, метролог и метеоролог. Я помню его застенчивым молодым человеком, мечтавшим об университетской деятельности. Узнав, что я собираюсь в горный корпус, Менделеев подарил мне первую свою диссертацию «Об изоморфизме в связи с кристаллической системой». Всеобщую историю читал Щерецкий, замечательно махавший на ходу руками.

Помощником инспектора сделался Комарницкий, тот самый, который искал несуществующую калошу Норова. Мы прозвали его «копчиком» за горбатый нос. Вместо «старших» в помощь ему для наблюдения за порядком определили надзирателей, между которыми были Думшин, известный потом переводчик Бокля, Миницкий – будущий управляющий акцизными сборами, и братья Милеанты... В лицее были оставлены педеля, вечные souffres douleurs студентов, которые тогда в Одессе, особенно камерального факультета, убежища всех лентяев, наукою и политикою мало интересовались, а увлекались театром и мелкими кутежами, собираясь по преимуществу в кондитерской Высочанского на Дерибасовской. Только назначение попечителем Пирогова изменило несколько общее направление.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. ВОСПОМИНАНИЯ Е. Ф. КЛИМЕНКО¹

Время моего пребывания в гимназии, состоявшей при Ришельевском лицее в Одессе, 5 лет и в Ришельевском лицее на I-м курсе один год /1853-1859/.

Я поступил в гимназию в Одессе в 3-ий класс. Это было в 1853 году. Отец мой, недовольный порядками, с которыми ему пришлось встретиться в Полтаве, перетерпев много неприятностей, бросил все свое имущество там, поручив матери его продать, и переехал жить на юг, где он прожил с лишним 25 лет до выхода в отставку и переезда в Полтаву. С отцом переехал в Одессу и я. Он взял меня из Полтавской гимназии, где я числился учеником II-го класса и определил в III класс гимназии, состоявшей при Ришельевском лицее. В Одессе тогда было 2 гимназии. 1-я гимназия, состоявшая при лицее, была закрытым заведением, 2-я гимназия предназначалась для приходящих. В гимназии при Ришельевском лицее приходящих учеников почти совсем не было. Были пансионеры, которые постоянно жили в заведении и было несколько так называемых полупансионеров, которые после дневных занятий уходили домой. Насколько помнится, поступление в пансион было связано с известными правилами. В гимназии при лицее евреев и вообще не христиан, насколько помнится, при мне не было. Это по-видимому признавалось имеющим значение в деле воспитания юношества в нашем обществе, неустойчивом в своих убеждениях и верованиях.

В пансионе при лицее жили не только ученики гимназии, но и студенты лицея. Пансион помещался в здании лицея, которое выходило на три улицы: Екатерининскую, Дерибасовскую и Ланжероновскую.

Главный вход был с Екатерининской. Интересно воспроизвести в памяти помещение пансиона и других частей лицея того времени, насколько возможно. Здание, которое занимал лицей, принадлежит в настоящее время Вагнеру. Это всем хорошо известный, двухэтажный дом на Дерибасовской улице такой же, каким он был во времена лицея. Таким же он остался и на Ланжероновской улице. Во времена лицея на Екатерининской улице не было двухэтажного, как теперь дома, а был каменный забор с воротами, по концам забора были 2-х

этажные боковые фасады домов, выходящих на Дерibasовскую и Ланжероновскую улицы /Рис.1/². В этом здании, как я сказал раньше, помещался пансион учеников гимназии и студентов, а также все другие помещения как гимназии, так и лицей, как-то: церковь, аудитории, классные комнаты и проч. Расположение помещений можно видеть на прилагаемых рисунках. На 2 рисунке видно, что вошедший в главный вход с Екатерининской улицы будет иметь с левой руки столовую для пансионеров, с правой – соответствующие службы. Далее идет так называемая колонада – это длинный, широкий крытый коридор, с окнами с обеих сторон, который вел в вестибюль. В последнем были направо и налево коридоры с аудиториями лицея, а прямо была лестница, которая вела на второй этаж, где была церковь и помещались гимназия с пансионом. /Рис.3-ий/. На этом втором этаже – классные комнаты гимназии выходили окнами на Ланжероновскую, а на Дерibasовскую выходили окна ученических спален. Спальни пансионеров-студентов были на втором этаже на Ланжероновской улице. Столовая всех пансионеров была общая при входе в лицей, как сказано выше. В нижних этажах домов помещались, кроме аудиторий, правление лицея и квартиры служащих. Таким образом, лицей с гимназией при нем и, главным образом пансион, составлял как бы одно учреждение, разделенное на два отделения: младшее – гимназию и старшее – лицей.

Таким Ришельевский лицей был, насколько мне известно, первые 20 лет, с 1817 по 1837 г., когда, в силу нового устава в 1837 году, занятия в гимназии были отделены от занятий в лицее, в котором были введены новые факультеты.

Окончивши курс гимназии, пансионеры переходили в лицей по окончании экзаменов пансионерами же. Конечно, в лицее были приходящие и их было большинство, но это не мешало пансиону лицейскому и гимназическому оставаться тем, чем он был. Управление лицея и гимназии сосредотачивалось также одних руках. Был директор лицея, он же был директором гимназии. Инспектор лицея и гимназии тоже было одно и то же лицо, но в помощь инспектору лицея назначались помощники отдельно для гимназии и для лицея.

В мое время директором был Николай Никифорович Мурзакевич, в последний год был П. В. Беккер. Инспектором был все время Иосиф

Григорьевич Михневич. Помощниками его при гимназии были: Захар Васильевич Коленко, Александр Густавович Де-Грюнс и последний год был Роберт Васильевич Орбинский³. Жизнь в пансионе была, так сказать, общая семейная, несмотря на различия возрастов гимназистов и студентов. Общение между ними допускалось. Этому много помогало то, что были между гимназистами и студентами братья и другого рода родственники; так как столовая была общая, только студенты обедали за отдельным столом, видаться гимназисты со студентами могли довольно часто. Общение некоторых гимназистов со студентами вызывалось также тем, что некоторые студенты участвовали в гимназическом церковном хоре. В те времена всех пансионеров обязательно водили в церковь к вечерне и обедне. Студенты обязаны были посещать также церковь. Они приходили к обедне. Тогда пол церкви имел возвышение с обеих сторон, на подобие того, как теперь сделано в университетской церкви. Направо становились гимназисты, налево – студенты. Хор из студентов и гимназистов был подле алтаря. Понятно, что спевки хора и подготовки для концертов давали много поводов к общению между пансионерами-студентами и гимназистами.

Посещение церкви оставило во мне много впечатлений. В низших классах я был в числе певчих. Помню, какое впечатление производило на нас благоговение, которое царило в храме. Служил проф. о. Михаил Павловский с большим благолепием. Много молящихся, впереди начальство, с левой стороны студенты с треуголками под мышкой, с правой стороны – гимназисты, мы певчие – впереди. Даже вспоминаю более позднее время, когда попечителем был Пирогов, и он посещал наш храм. Помню, как он на страстной неделе приобщался Св.Тайне в лицейском храме. Видно, такие впечатления на детскую душу велики и остаются на всю жизнь.

Жизнь в гимназии, в которой я провел 5 лет, вспоминается с удовольствием. Это была жизнь, мало отличавшаяся от семейной. Жизнь в гимназии, т.е. классные занятия и препровождение времени в пансионе составляли как бы продолжение одно другого и мало чем отличались друг от друга. Это все было однообразно, монотонно, мало удовольствий, развлечений, но зато и немного тех неприятностей,

мелких неудовольствий, которые отравляют детскую жизнь в гимназии и пансионе.

Мы вставали рано утром, в 5 ½ часов. Утренний звонок поднимал нас всех в одно время, в половине 6-го часа. К 6-ти часам мы были все готовы к общей утренней молитве, после которой мы отправлялись в классные комнаты. Там мы повторяли свои уроки до 7 ½ часов. В 7 с половиною часов мы отправлялись в столовую пить чай. В 8 начинались классные занятия в гимназии. Эти занятия происходили в тех же комнатах и мы сидели на тех же скамейках, где мы утром приготавливали уроки. Эти скамейки (парты) были так устроены, что каждый пансионер имел свой ящик, закрывавшийся поднимающейся крышкой, которая служила ему столом. На каждой парте во время вечерних занятий ставилось по две сальных свечи при которых воспитанники работали, получая, конечно, не много света. Как известно, сальные свечи требовали постоянного снятия нагоревшего фитиля, с этой целью ходил из комнаты в комнату служитель, чтобы снимать, как говорили "со свечей", с особенно приспособленным для этого щипцами.

На каждой скамейке сидело 3 человека. Классные занятия начинались в 8 часов и продолжались до половины второго. Каждый день было 4 урока. В 2 часа мы опять спускались в столовую. Как всегда, попарно, чинно, длинной вереницей пансион входил в столовую, где часто его ждало начальство: директор или инспектор. Я не сказал, что на большой перемене, около 11 часов, пансионерам раздавали в классе завтрак, состоявший из куска белого хлеба. В два часа мы обедали. Обед состоял из трех блюд. После обеда желающие отправлялись играть во двор, назначенный только для игр пансионеров. (См. рис.). В 4 часа нас опять собирали в классные комнаты. В это время происходили практические занятия. Кто брал уроки музыки и делал нужные упражнения; кто приготавливал урок пения и т. п. Кроме того раза по два в неделю происходили в эти часы занятия по языкам французскому и немецкому. В назначенные часы приходили учителя и занимались с пансионерами переводами и упражнениями, грамматикой и проч. Правда, из этих занятий мало, что выходило, как это всегда бывает почему-то у нас и теперь в учебных заведениях, но надо признаться, что благодаря заботливости инспектора Михневича, который очень часто посещал занятия по

французскому языку, занятия по этому предмету шли более успешно. Наконец, в эти часы (после обеденные занятия продолжались от 4 до 6 часов) в одном из старших классов мы были вынуждены заниматься латинским языком. Помнится, что когда был назначен попечитель округа Пирогов⁴, то он очень усердно стал посещать уроки в нашей гимназии, просиживал целые часы, особенно он любил посещать уроки латинского языка и как говорили тогда, остался недоволен нашими знаниями латинского языка. После того у нас появились обязательные послеобеденные занятия по латинскому языку. С нами стал заниматься проф. П. В. Беккер, который потом сделался директором лицея. В 6 часов мы пили чай и были свободны до 7 часов. В 7 часов мы опять сидели в своих классных комнатах. В это время мы готовили заданные уроки на следующий день. Вечерние занятия продолжались до половины 9 часа, когда мы шли в столовую ужинать. Ужин состоял из двух блюд. В 9 часов мы отправлялись спать после общей вечерней молитвы. Кормили нас хорошо. Не было слышно жалоб относительно кормления. Также нельзя пожаловаться относительно ухода за молодежью в других отношениях. Заболевания в пансион были редки. Была своя больница при пансионе в нижнем этаже и состояла из двух комнат. За все время пребывания моего в пансионе я был один раз в больнице, и то благодаря небольшой простуде, которую я получил, находясь в отпуску. Одно время, при попечителе Пирогове, был заведен осмотр приходящих из отпуска воспитанников, но это продолжалось недолго. Такая мера была неприятна для воспитанников, по некоторым причинам. Как видно из сказанного, ученикам гимназии не было времени скучать или предаваться каким-либо нехорошим шалостям. Тем более, что все время все находились под постоянным присмотром. Не было дня, чтобы кто-либо из начальствующих не посетил пансион во время обеда, или ужина, а также в разное время днем. Чаще всех бывал инспектор Михневич. Всегда кто-либо из них провожал пансион в спальни и присутствовал при вечерней молитве. Это делал иногда директор, который, после того как ученики улягутся спать, отправлялся через помещение гимназического пансиона в пансион студентов. Иногда он или инспектор приходил в гимназические спальни часов в II и позже, и опять проходил к студентам. Это, по-видимому, делалось с целью наблюдения над исполнением

студентами правил относительно выхода из пансиона и возвращения в свое время, время препровождения в пансионе и проч. Тогда говорили, что Мурзакевич очень строго следил за поведением студентов и требовал от них исполнения положенных правил. Тогда говорили, что требования Мурзакевича были чрезмерными и вызывали столкновения между ним и студентами.

Один раз утром в нашем пансионе разнесся слух, что студенты не пустили Мурзакевича к себе в пансион, когда он хотел войти к ним из гимназического пансиона ночью, в 11 часов. Тогда говорили, что студенты в пансионе иногда играли в карты по вечерам, что запрещалось. В названный вечер происходило что-то подобное. Студенты не хотели, чтобы директор видел, что делалось, и силой его не пустили в пансион. Произошла неприятная история для студентов. Некоторые из них пострадали. Да, правда, Мурзакевич, считался очень строгим директором. Он за небольшое уклонение от принятых требований строго наказывал. Я на себе испытал его строгость. Как я сказал выше, директор сопровождал пансион воспитанников гимназии в спальни и присутствовал при чтении вечерней молитвы. Случилось в один из таких вечеров, что была моя очередь читать молитву. Я замешкался и опоздал на несколько мгновений выйти вперед, чтобы читать молитву. Мурзакевич был впереди и велел читать молитву. Меня, очередного чтеца, в тот момент не было и хотя, я сейчас же пришел, но было уже поздно. Он велел меня посадить на целый день в карцер на хлеб и воду. Тяжело и обидно было, ведь это был единственный раз, что я был наказан за все время пребывания моего в гимназии. Благодаря, по-видимому, ходатайству инспектора Михневича, срок пребывания моего в карцере был сокращен. После обеда Михневич зашел в карцер, прочел мне нотацию, и сказал, что директор прощает мне на первый раз такое невнимание с моей стороны к своим обязанностям, особенно касающимся религии. Само собою разумеется, что это произошло не по нерадению или от злого умысла, а просто обстоятельства заставили меня тогда опоздать. Но строгое начальство объяснений не слушало. Михневич по своей доброте и большому педагогическому такту умерил немного суровость распоряжения, происходящего от строгости и суровости характера директора. Мы, пансионеры, хорошо это знали и относились к своему инспектору с доверием. Не только в мелочах, но и в более серьезных

делах он умел, как говорят, уладить дело, дать ему мирный исход. Такой случай был при новом директоре, Беккере, назначенном после Мурзакевича. В пансионе для наблюдения за порядком был организован, так сказать, институт старших. Лучшие ученики 7-го класса назначались инспектором старшими для наблюдения и присмотре за учениками младших классов. На обязанности старших было наблюдать за порядком и тишиной во время обеда, ужина и проч. в столовой, для чего каждый из старших имел свой стол, ему назначенный, у которого обедали пансионеры младших классов. Старшие наблюдали за порядком во время прогулок и проч. и вообще являлись помощниками классных надзирателей. Случилось, что один из учеников младшего класса во время обеда был лишен места за столом и поставлен у стены. В это время вошел директор Беккер. Увидев мальчика у стены, он его спросил за что он наказан. Узнав, что его удалил из-за стола старший, директор велел ученику занять свое место за столом и продолжать обедать. Когда ушел директор из столовой, все старшие демонстративно оставили свои столы и сели за общий стол 7-го класса. Приходит инспектор Михневич и видит создавшееся положение. Начались, конечно, сейчас же допросы. Узнав в чем дело, Михневич, ничего не сказав, отправляется своим спокойным, мерным шагом в канцелярию правления. Не успели мы кончить обед, как пришел чиновник с требованием от директора, чтобы все старшие после обеда явились в канцелярию.

Отправились туда; нас вводят в кабинет директора. В кабинете находится также и Михневич. Директор встретил нас довольно снисходительно. Говорил, что он посадил мальчика за стол, так как не может допустить, чтобы ученик мог бы наказывать ученика же, хотя и младшего возраста. Но этим он не хотел умалить значение и пользу, которые приносят старшие и поэтому он предлагает всем старшим продолжать свои обязанности, но с тем, чтобы старшие сами не наказывали учеников, а в случае проступков они бы говорили начальствующим, которые и будут делать распоряжения о наказании виновных. Этим инцидент окончился. Старшие опять заняли свои места за отдельными столами. К таким явлениям они относились спокойно, по-видимому, не придавали особенного значения своему якобы привилегированному положению. Одно занимало очень старших и с ними также 7 класс. Давно установилось обыкновение,

что 7 класс имел право курить табак, для чего даже была специально отведена комната, где ученики 7 класса беспрепятственно курили. Это была комната при гардеробной, так называемая портняжеская. Там находились работающие мастера. Начальство про это, конечно, знало и смотрело на все это, как говорят, сквозь пальцы. Только бы ученики младших классов не курили. Такое положение настолько укоренилось, что 7 класс имел якобы право позволить некоторым курить, а других всех преследовать за курение. Действительно, в пансионе никто из учеников не курил, кроме учеников 7 класса и некоторых учеников 6 класса, которым 7 класс разрешал курение. Такое разрешение сопровождалось часто церемонией, которая вызывала невольно улыбку. Помнится, когда я был учеником 6-го класса, кажется после Рождества Христова, следовательно, к концу академического года, меня торжественно призвали в 7-ой класс и один из учеников последнего объявил при всех, что я, во внимание и т.д. получаю право на курение вместе с 7 классом и т. д. Я очень поблагодарил за честь, но отказался, так как не имел привычки курить. Директор Беккер боролся также и с этим преимуществом старших классов. Говорят, что одно время он распорядился об отнятии у учеников 7 класса их запасов табаку, находившихся в классных ящиках. Чем дело окончилось, мне не известно.

Монотонная жизнь пансионеров разнообразилась небольшими развлечениям в виде прогулок, отпусков и проч. Бывало, по воскресеньям и праздникам нас водили гулять после обеда. Не раз в весеннее и осеннее время в хорошую погоду можно было одесситам любоваться длинной вереницей серых николаевских шинелей, тянувшихся напр. по Ришельевкой улице (тогда эта улица представляла место для гуляний, как теперь Дерибасовская) которая, затем по Троицкой отправлялась на поле, за Троицким монастырем. Тогда место, которое занимает теперь Александровский парк, представляло просторное поле, куда привозили воспитанников поиграть в мяч и другие игры. Тут принимали участие все воспитанники, охотно играли вместе и старшие, и младшие.

Без особенного труда пансионеры получали отпуск в город. Это было большое удовольствие. Со своими родными или знакомыми, которые брали воспитанников из пансиона, разрешалось даже детям

бывать в городском саду вечером, до известного часа. Одно время городской сад представлял интересное место для развлечений. В том отгороженном месте, где теперь даются концерты, во время, о котором идет речь, были расставлены столики перед рестораном, который помещался в здании, занимаемом впоследствии химической лабораторией, когда дом Вагнера на Преображенской улице был обменен на здание лица на Екатерининской.

Здание, в котором помещался упомянутый ресторан, имело выход в сад. В ресторане играла музыка и публика, большей частью семейные люди с детками, за столиками пили чай и слушали музыку. Одно время также и утром в городском саду играла музыка под здания искусственных минеральных вод (находящегося на углу Дерибасовской и Преображенской), где публика по утрам пила воды и гуляя, слушала музыку. Надо заметить, что еще в 50-х годах прошлого века в Одессе было много иностранцев и уклад жизни напоминал немного заграничный, какой приходилось видеть потом, путешествуя за границей. Некоторые пансионеры имели удовольствие быть приглашаемыми на устраиваемые празднества. Так, помнится, при попечителе Демидове⁵ была устроена у него в квартире елка, на которую были приглашены некоторые из воспитанников пансиона. Затем в другой раз некоторых пансионеров повели в театр по случаю какого-то торжества, разместив их в нескольких ложах. Говорили, что Демидов это сделал на свой счет.

Не могу не сказать несколько слов о событии, которое не могло не остаться в памяти. Я говорю о бомбардировке Одессы англо-французским флотом, имевшей место 10 апреля 1854 г., в страстную субботу. Хотя это было во время пасхальных каникул, но некоторые воспитанники оставались в пансионе и их, когда пришел флот, перевезли на лицейский хутор. Я нашел приют у своих родных, переехавших на Молдаванку, как в часть города наиболее отдаленную от моря. Несмотря на то, что все ждали с часу на час бомбардировки и многие семейства уехали из города, или переехали в отдаленные части его, несмотря говорю, на это, любопытная публика была очень велика. Все ходили на бульваре посмотреть на флот, стоявший на рейде и занимавший собою весь рейд. Рано утром от флота отделились суда и подошли к Практической гавани, начали стрелять в городе и батарею на гавани. Тут отличились два студента,

Диминитру и Скоробогатов, которые потом были награждены орденами и произведены в офицеры. Но кроме них, как говорили тогда, многие показали себя неустрашимыми, которые, как и студенты, помогали солдатам на батарее Щеголева. Бомбардировка продолжалась только один день. В воскресенье было все спокойно и мы благополучно могли разговляться.

Тогда говорили, что союзный флот и не думал громить Одессу. Он предполагал только немного попугать жителей. Что это не было в расчете англо-французов, так как в Одессе тогда было очень много их соотечественников, которых разорить было совсем не интересно. Действительно, можно было с этим пожалуй согласиться, так как слишком уже мало было пущено в город снарядов.

Переходя к классным занятиям, я могу сказать, что занятия наши в гимназии шли успешно. Мы переходили из класса в класс, некоторые воспитанники даже с наградами. Конечно, было неуспевавшие, но их сравнительно было немного. Такие оставались на второй год, на повторение курса. Не могу не обратить внимания на то, что в те времена не практиковалось приглашение репетиторов, которые помогали бы ученикам готовить уроки. Вероятно сами учителя заботились о том, чтобы ученикам не требовалась еще помощь для приготовления уроков. У нас сильно практиковалась взаимная помощь учеников по приготовлению уроков. Часто более успевающие ученики помогали своим товарищам, объясняя им непонятное. Некоторые учителя поощряли такую помощь. Обыкновенно после объяснения учителем урока, ученик повторял рассказанное учителем. Затем спрашивались более слабые и непонятное должно было быть объяснено лучшими учениками. Никогда также не было, чтобы учитель уменьшал отметки по успехам за дурное поведение ученика, как это практиковалось в последнее время, что вызывало неминуемо раздражение учеников против учителей. Напротив, в нашей гимназии, насколько помнится, учителя пользовались уважением. Происходило ли такое положение вещей вследствие лучшего распорядка в учебном заведении, или были учителя лучше, трудно сказать, может быть то и другое вместе. Учителя того времени, может быть, были менее утомлены от непосильной работы. Были, может быть, лучше обеспечены. Может быть еще потому, что в те времена учителя пользовались большим

уважением в русском обществе, сравнительно с тем, что было позже, когда недовольные элементы в России все осуждали, начиная от правительства и кончая школой. Я сам был свидетелем в конце прошлого столетия публичного осуждения русской школы и русских учителей. Такое пренебрежительное отношение общества к учителям передавалось детям и вот один из источников тяжелого положения учителей последнего времени. Нельзя отрицать, что порядок, заведенный в гимназии, помогал занятиям учителей в классах. Я выше говорил, что в пансион все воспитанники находились под постоянным надзором. То же самое было и во время классных занятий. Не проходило дня, чтобы не появлялась во время урока физиономия начальствующего лица в круглом окошечке, проделанном в классной двери. Тогда, бывало, разносится по классу шёпот «директор», взгляд всех учеников обращается на окошечко, там видны два глаза директора. Конечно, все притихают. Часто появление двух глаз директора в окошечке сходило благополучно, но иногда бывало поздно. Директор кого-либо подметил и после уроков классный надзиратель входит в класс и объявляет, что директор наказал такого-то, или таких-то за невнимание в классе во время урока. Страшны были для нас эти глаза, заглядывавшие в окошечко. Но что делать. Зато учителя не ставили (или очень редко) дурных отметок в поведении, никогда не уменьшали отметок по успехам и не помню, чтобы учитель высылал учеников из класса или входил с ними в какие-либо препирательства, как это часто приходилось слышать впоследствии. По-видимому, совокупное воздействие начальства и учителей воздействие начальства и учителей на учеников и взаимная помощь не могли не иметь значения в деле воспитания детей.

Что касается вопроса о том, каковы были у нас учителя, то фамилии некоторых из них могут указать достоинство их. Так, у нас были учителями: Менделеев, известный впоследствии профессор Петербургского университета, Деллавос, впоследствии профессор, Каретс – директор Технического училища в Москве, Де-Брюкс – впоследствии инспектор и др. Само собою разумеется, были и другие, с далеко негромкими именами, но в общем мы о них сохранили доброе воспоминание. Некоторые из них употребляли оригинальные способы преподавания, но, по-видимому, делалось это в интересах детей,

чтобы дать им возможность самим самостоятельно работать и добиваться успеха в занятиях. Я не могу забыть преподавания учителя русского языка Попова в низших классах. Я тогда был в 3-ем классе и на меня тогда произвело сильное впечатление преподавание Попова, представлявшее большой контраст этого предмета в Полтавской гимназии, из которой я перешел в Ришельевскую. Урок Попова начинался тем, что вызванный ученик на доске отвечал заданный урок. Был ли это урок из грамматики, или приготовленные примеры на правила из грамматики, или объяснительное чтение на те же правила, ученик, ответив на первый пункт, должен был ставить себе отметку на доске – 5, если ответ был удовлетворительным, что ученик узнавал по киванию головы учителя; неудовлетворительный ответ ученика сопровождался стуком чернильницы по столу и обращением учителя к классу со словами «в классе».

Стоящий у доски ученик ставил себе отметку 0, а в классе те ученики, которые могли поправить ошибку отвечающего урок ученика, поднимали тетради. Попов поочередно спрашивал из поднимавших тетради. Если никто не сказал удовлетворительно, тогда он сам объяснял непонятое и опять спрашивал до тех пор, пока дети не отвечали правильно. Когда ученик, стоявший у доски, ответил на 5 пунктов, то должен был провести на доске черту и отвечать на следующие 5 пунктов, причем происходила та же процедура. После ответа ученика на следующие 5 пунктов после черты, он отпускаясь на место и учитель ставил в журнал среднюю из 10 отметок, поставленных учеником на доске. Так продолжалось до тех пор, пока не был повторен в классе и объяснен весь заданный урок. Перед окончанием урока задавался новый урок без особенных объяснений. Учитель мало объяснял вперед, по-видимому, он желал заставить детей самих поработать над заданным уроком, но зато непонятое и неправильно составленное он старательно объяснял и заставлял детей усвоить задаваемое. Оригинальная оценка ответов учеников тоже, кажется, имела значение. Учитель этим был избавлен от часто случающихся претензий ученика на неправильно поставленную отметку. У Попова этого не случалось, все ученики как бы принимали участие как в оценке ответа, так и вообще строго следили за тем, что происходило и что говорилось в классе. Попов заставлял весь класс работать.

Из сказанного можно видеть, что занятия в гимназии шли нормальным образом, без особенных поблажек и снисхождений. Ходячее мнение, что дети помещиков и вообще богатых людей, а таких в нашем пансионе было большинство, более избалованы и мало способны к усидчивому труду, не соответствовало действительности. Многое приходилось по поводу этого слышать и говорить, но дело стояло само за себя. Немало из воспитанников гимназии, состоявшей при лицее и бывших потом в лицее, вышло достойных и полезных деятелей для государства и общества. Немало суждений было о том, о чем я раньше упоминал, что попечитель Пирогов нашел недостаточными знания учеников по латинскому языку и должен был ввести послеобеденные занятия по этому предмету, которые взял на себя профессор Беккер. Но надо заметить, что слабое знание латинского языка происходило не от низкого уровня знаний учеников гимназии и не от слабой степени их прилежания, а по той простой причине, что учение латинского языка начиналось у нас с 4-го класса, не могли же ученики 5-го класса и 6-го показать через год или два после начала изучения его большие познания латинского языка. Что это так, то это было видно из последующего. Несмотря на усиленные занятия (утром и после обеда) мы не пошли по латинскому языку дальше чтения Юлия Цезаря. Без сомнения, Пирогов, как заботливый, просвещенный попечитель, делал свое дело. Он посещал часто уроки не только латинского языка, но и других предметов. Заметив слабое знание по латинскому языку, он считал своим долгом поднять это знание на должную высоту. Известно, что заботы Пирогова не ограничивались только этим. Он понимал и считал нужным поднять уровень познаний учеников и их развитие вообще. Для этого он завел так называемые литературные беседы. На первых порах эти беседы состояли в том, что выбирались по одному ученику из гимназии и каждый из них должен был приготовить к известному сроку литературную работу, которую они прочитывали в собрании, состоявшем из начальствующих лиц, учителей и товарищей класса обеих гимназий. После прочтения авторы обменивались своими работами и на следующий раз каждый из них должен был написать, или словесно изложить возражения на прочитанную им работу товарища. При этом происходили прения, в которых принимать участие позволялось и другим товарищам. На долю нашего класса

пришлось начать эти литературные беседы. Вторая гимназия была представлена в лице Шведова, Ришельевская гимназия была представлена в лице моем. Шведов написал работу на тему: «Не по хорошу мил, а по милу хорош». Мне была дана тема: «О воздухоплавании» (аэростатах). Полученные учениками темы показывают, что учителя двух гимназий неодинаково поняли мысль Пирогова, которая легла в основание задуманной им организации литературных бесед. Из статьи Пирогова «О цели литературных бесед в гимназиях» видно, что цель гимназических бесед не собственно так называемая литература отечественная, или иностранная, а упражнение в литературных занятиях всех в гимназии преподаваемых наук должно быть целью этих бесед. Они должны служить мощным пособием учащимся к ученическому образованию. Они должны приготовить к университету. А дальше Пирогов высказывает, что «всякое проявление самостоятельного труда учащихся должно быть дорого в этих беседах для наставников-руководителей». По-видимому, учитель 2-ой гимназии руководствовался высказанным во второй части приводимой цитаты, а потому дал отвлечённую тему для совсем самостоятельного труда. Учитель 1 гимназии руководился первой частью и дал тему научную в то время, как и впоследствии, весьма интересную. Так или иначе, но эти новинки в жизни гимназической возбудили общий интерес. Все ждали с нетерпением начала бесед. Особенно, конечно, занимало главных участников. Казалось жутко публичное выступление в кругу большого собрания. Хотя к публичному выступлению нас приучали еще в низших классах, но все же тогда было не то, что сейчас. Здесь приходилось выступать со своим трудом и представлять его в первый раз публичной оценке. Наконец долгожданный день настал. В большой лицейской аудитории собрались начальствующая лица, учителя и ученики. Пирогов тоже приехал. Обстановка была обыкновенная – классическая, никакой торжественности, но зато у участников в душе было много торжественности. Страшно было и приятно выйти из монотонной гимназической жизни и испытать нечто иное, принесенное извне в нашу однообразную жизнь, чувствовать себя главными действующими лицами предстоящего собрания. Первое собрание прошло без особенного оживления. Прочитаны были работы и взяты участниками в чтение в обмене. Но зато второе собрание

было очень оживленное и интересное. В настоящее время трудно вспомнить подробности того, что говорилось тогда, но насколько помнится, первая тема вызвала сильный контраст во взглядах. Одни говорили, что пословицы суть произведения народные, что весьма естественно в природе человека считать то хорошим, что мило, что нравится. Другие доказывали, что в том состоит важность и значение образования и развития общества, чтобы в оценке достоинства человека руководствоваться не личными симпатиями, а качествами субъекта. Начальствующие, насколько помнится, почти не принимали участия в прениях. Вторая тема была научная. Она была тоже поводом длинных рассуждений. Ученики показали свое знакомство с предметами, которое они почерпнули из источников более специальных, чем гимназические учебники. Насколько помнится, не обошлось без того, чтобы учителя не делали некоторых разъяснений.

Так проходило время в гимназии и пансионе в постоянных занятиях в кругу товарищей и в виду бдительного начальства.

В 1857 г. произошла большая перемена в жизни Ришельевского лицея. В том году было окончено главное здание лицея и осенью лицей с гимназией перешли в новое здание. В начале академического года было отпраздновано новоселье лицея торжественным актом, в котором пансионеры гимназии, конечно не могли принимать участия, но они были свидетелями торжества.

Новое здание лицея, которое в настоящее время представляет главное здание Новороссийского университета на улице Петра Великого, вмещало в себя по прежнему Ришельевский лицей и гимназию, состоявшую при лицее, с пансионом. Гимназия с пансионом занимала верхний (3-й) этаж здания, где находились спальни воспитанников, выходившие окнами на Херсонскую улицу и часть среднего этажа (2-го), выходившего на Елизаветинскую ул., где помещались классные комнаты гимназии. Первое помещение в настоящее время в университете занимает геологический кабинет и кабинет физической географии с метеорологией. Во втором помещении в настоящее время находится минералогический кабинет проф. Сидоренко и аудитория для лекций по минералогии и другим предметам. Столовая для гимназистов и студентов была общая, в настоящее время это большое помещение занимает зоотомический

кабинет проф. Третьякова и комната для практических занятий студентов. Все остальные помещения были заняты лицеем – под аудитории, помещение студенческого пансиона, правления и проч.

С переходом в новое здание порядок жизни в пансионе и гимназии мало изменился, хотя надо сказать, что мы были немного свободнее. Потому ли, что мы были в старшем классе, где предоставлялась некоторая свобода, или потому, может быть, что произошла перемена в начальствующих лицах. Когда мы были в последнем классе директором был Беккер, который не особенно часто бывал в пансионе. Кроме того случая, о котором я рассказывал раньше, когда директор посадил обедать наказанного малыша, да еще разговоров по поводу курения табака, нам как-то не приходилось чувствовать его директорскую бдительность.

После перехода в новое помещение я недолго оставался в гимназии. Весною 1858 г. я окончил гимназию и в том же году по существующему порядку, был зачислен в число студентов Ришельевского лицея. Новое положение не могло не занимать молодой ум. Оно было, без сомнения, встречено с особым удовольствием. Но, к сожалению, к этому удовольствию примешивалась горечь неизвестности и неопределённости, в которой я тогда находился. Дело в том, что я не рассчитывал быть студентом лицея, я стремился отправиться в университет – в Москву и на первых порах я имел, или по крайней мере, мне казалось, что у меня были шансы на успех быть студентом Московского университета. В изложении на предыдущих страницах о пребывании моем в гимназии я не говорил, что у меня была большая надежда на то, что я был в пансионе при Ришельевской гимназии стипендиатом и надеялся стипендиатом поехать в университет. Надежду эту мне, или лучше сказать моему отцу, дал попечитель Пирогов. Случилось это таким образом. Отец мой служил в Аккермане штатным смотрителем Аккерманского уездного училища. Во время одной из вакансий, когда я был дома, Пирогов приехал в Аккерман. Его подвез к училищу городничий г. Аккермана. Говорили об этом следующее: Пирогов из Одессы до Овидиополя, как это делалось, доехал на почтовых. В Овидиополе он сел на пароход, а его экипаж поставили на баржу. На пароход Пирогов, переправившись через лиман, должен был

прибыть в Аккерман. Когда на пароходе находится кто-либо из начальствующих, то поднимается флаг. Полицейский на берегу Аккермана, увидев флаг, сообщил городничему, который приехал на берег, встретил Пирогова и отвез его в училище. Я увидел его подъехавшего к воротам училища и сказал об этом отцу (отец не был извещен о приезде начальства), который побежал переодеться, а я вышел навстречу попечителю и просил его в комнаты. Пока вышел отец, Пирогов спросил меня о гимназии (я был в гимназической форме), скоро ли я кончаю курс и куда намерен затем поступить. Я отвечал на заданные вопросы и между прочим сказал что желал бы поступить в университете на медицинский факультет. В это время вошел отец. Пирогов встретил его словами: «А вот мы Вашим сыном разговорились об университете». Отец объяснил ему мое положение и просил его содействовать удовлетворению моего большого желания поступить на медицинский факультет. Пирогов обещал и велел в свое время подать соответствующее прошение. Пробыв затем некоторое время с отцом и поговорив о делах, Пирогов уехал в экипаже вероятно для посещения других учебных заведений округа. Когда отец сказал мне об обещании Пирогова, я был вне себя от радости. Я верил в возможность осуществления давнишней моей мечты – сделаться медиком. Полный таких надежд, я стал заниматься особенно усердно чтением книг по естествознанию, которое меня давно интересовало. Надежда на возможность исполнения моего желания была так велика, что я спустя некоторое время отказался от не менее выгодного для меня предложения. Дело в том, что когда я был в 7-м классе, во второй половине года, однажды в столовой, когда я сидел за столом младшего класса, подходит ко мне помощник инспектора, Р. В. Орбинский, отводит в сторону и обращается ко мне со следующими словами: «Вы теперь на выпуск из гимназии и Вам нужно подумать о будущем, вы стипендиат; не желали бы Вы поехать в С.-Петербург и поступить на казенный счет в Педагогический Институт». Я ответил, что педагогическая деятельность очень тяжелая и я не решаюсь посвятить себя ей. Помощник инспектора повторил: «Ведь учителя математики Вам рекомендовали заниматься математикой, вы это знаете». На это я сказал, что я желаю быть медиком и попечитель Пирогов обещал содействовать в этом отношении. Помощник инспектора ничего на это не ответив, отошел

от меня. После всего сказанного об обещании, которое я получил от Пирогова, будет понятно, почему мое новое положение, т.е. студенчество в лицее, меня не удовлетворяло. А если к этому присоединить и следующие события, то понятно будет то сомнение, которое у меня зародилось относительно возможности исполнения данного обещания. (Пока я успел окончить курс гимназии, Пирогова уже не было в Одессе. Он был переведен на должность попечителя Киевского учебного округа, а на его место был назначен попечителем Ребиндер.) Я все же своего желания не оставил. Оставаясь студентом лицея, я начал хлопотать о переводе меня в университет. Тем временем опять произошла перемена. Не прошло и полугода, как Ребиндер ушел из Одессы, а на его место явился попечителем Одесского округа Могилянский. На мое ходатайство была положена резолюция уже Могилянским следующая: «Пусть он окончить курс лицея и тогда, если он будет достоин, то его пошлют в университет». Несмотря на такие неудачи, меня не оставляла мысль поехать в университет. Пришлось подумать о других средствах для достижения намеченной цели. Понятно, что при таких обстоятельствах я не мог вполне отдаваться занятиям в лицее. Тем не менее, живя в пансионе, встречаясь постоянно с товарищами, слыша их разговоры о предстоящих занятиях и лекциях, я не мог не интересоваться тем, что происходило вокруг меня.

Многие из моих товарищей поступили на юридический факультет. На этом факультете читали молодые профессора, лекции которых интересовали студентов. Я тоже записался на юридический факультет. Хотя я в Ришельевском лицее недолго пробыл, посещал лекции не по всем предметам, но не могу не сказать о тех лекциях, которые меня заинтересовали. На них пришлось услышать много новых животрепещущих для того времени вопросов. Помнится мне лекции проф. Лохвицкого⁶. Он тогда только что приехал из-за границы. Рассказывал он на своих лекциях о новых судах во Франции, об их важности, значении для общества и проч. У нас таких судов еще не было (то, что теперь называется окружной суд). Лохвицкий был человек с темпераментом и читал свои лекции с большим подъемом. Вспоминаю его вступительную лекцию и то впечатление, которое он произвел на своих слушателей. Он говорил о

реформах, желательных для России; говоря, что реформы в России начались с Петра Великого и охарактеризовав его деятельность, Лохвицкий с большим подъемом сказал фразу, которая у меня осталась в памяти и которая произвела большое впечатление на многочисленную аудиторию. Он сказал: «Петр Великий сказал России – встань и иди, и она встала и пошла».

Были и другие интересные профессора, но в другом роде. Так, помню проф. Смирнова⁷, ровного, спокойного лектора. Он для нас был тем интересен, что заставлял работать студентов. Он устраивал после прочтения нескольких лекций ряд повторительных курсов, на которых студенты сами рассказывали прослушанное и прочитанное по источникам. Студенты такие занятия очень ценили. Интересно, что только в последнее время додумались до того, что стали считать недостаточным только одно чтение лекций, что необходимы для успеха занятий студентов еще практические занятия. Неудивительно, что такие Смирновы занимали студентов. Они видели в них свою пользу и большой интерес. К сожалению, я не мог предаваться занятиям в лицее вполне. Хотя я жил в пансионе, в котором жизнь для меня состояла как бы продолжением жизни гимназической, но я мало вникал в жизни лицея, я посещал некоторые лекции, занимался нужным чтением книг, но мало интересовался жизнью лицея, тем, что делалось в лицее. Происходило ли это от моих неудач, или я так сильно был поглощён тем, что будет со мной в будущем, что я как то был далек от всего окружающего. Меня, как я выше сказал, не оставляла мысль отправиться в университет. Но для этого нужно было подумать о приискании средств. Те средства, которые мне предоставлялись в Одессе (уроки и проч.) были недостаточны. Отец мой, хотя имел некоторые средства, и не отказывался помогать мне, но он имел большую семью и я не мог рассчитывать совсем на его помощь. Нужно было искать случая, чтобы заработать впредь немного денег, чтобы с ними рискнуть на такой шаг как поездка в Москву и жизнь в чужом городе без определенных впредь средств и без знакомств. Такой случай представился. Во второй половине академического года мне предложили место домашнего учителя в деревне у богатого помещика В. М. Якунина. Я, скрепя сердцем, согласился. Хотя я знал, что тяжело будет вести это дело, но я на него решился, зная, что я, пробыв несколько месяцев на уроке, получу

нужные средства на поездку в Москву, на жизнь в ней в первые несколько месяцев.

Когда вопрос о приобретении нужных средств на поездку был решен, я подал прошение об увольнении меня из лицея. Ходатайство мое было удовлетворено, но взята была у меня подписка в том, что по окончании университета я отслужу в Одесском учебном округе положенное число лет. Я прослужил в нем учителем гимназии 6 лет.

Так окончилось мое пребывание в учреждении, которое вскормило меня как добрая мать и где я нашел так много заботливости и внимания в течении многих лет. Обстоятельства переменились и не вина этого учреждения, если мне пришлось с ним расстаться с горечью в сердце.

ВОСПОМИНАНИЯ О РИШЕЛЬЕВСКОМ ЛИЦЕЕ БЫВШЕГО СТУДЕНТА Н. Е. СЛАВИНСКОГО¹

*Воспоминание о приятных молодых
годах надо всегда хранить в своем
сердце до конца жизни*

По окончании курса в Симферопольской гимназии я приехал в Одессу в 1856 году, 17-летним юношей и в августе того же года был принят, без экзамена, в Ришельевский лицей¹ и избрал Камеральное отделение². Это отделение или факультет привлекло в то время наибольшее число слушателей вследствие своей разнообразной программы. Кроме богословских наук, русской словесности, математики, физики, истории и иностранных языков, в этом отделении читались лекции по естественным наукам, химии, технологии, политической экономии, коммерции, статистике, законоведению и сельскому хозяйству.

Ришельевский лицей помещался в то время в 2-х этажном здании, принадлежавшем Одесскому негоданту Вагнеру, которое выходило на две улицы – Екатерининскую и Дерибасовскую, и на Ланжероновский переулок. Теперь это историческое здание занято разнообразными магазинами. В наше время Попечителем Одесского учебного округа был Николай Иванович Пирогов. Предложение знаменитому хирургу места попечителя последовало после статьи его «Вопросы жизни», помещенной в начале 1856 года в «Морском сборнике», на которую обращено было высокогуманный взгляд его на воспитание и образование детей и юношей. Предложение места Попечителя Учебного Округа последовало от Министра Народного Просвещения Норова и Пирогов решился принять это место, но только под условием, чтобы программа его действий была принята Министерством, на что последовало полное согласие Министра. Программа эта была либеральная и Пирогов ее отстаивал всеми средствами и уступил только тогда, когда его отстранили от участия в умственном развитии Новороссийского края.

¹ Инициатива устройства в Одессе высшего учебного заведения – Лицея, принадлежит популярному аббату Николаю. Дальнейшее развитие и осуществление этой идеи было делом губернатора Одессы Дюка де Ришелье, по имени которого названо это учебное заведение.

Первое впечатление, произведенное на нас Попечителем Пироговым, было отрадно, успокаивающее. Это человек высокого ума, глубокой гуманности, имел доброе сердце и любовно относился к молодежи. В короткое время пребывания его в Одессе (всего год и 10 с половиной месяцев) Пирогов много сделал для края и особенно для лицея. Была во многом изменена система преподавания, значительно увеличена студенческая библиотека, образован Совестный суд студентов для наблюдения за нравственностью, для добрых отношений друг к другу и для возбуждения собственного достоинства. Учреждение совестного суда несколько не изменило существующих постановлений и отношений студентов к лицейскому надзору. Суд лицейский и суд Совестный существовали вместе, независимо один от другого, и потому отношения студентов к начальству осталось на прежних основаниях. Совестному суду подлежали те проступки студентов, которые совершались в их кругу и в виду общества, напр., когда студент забывал собственное достоинство, честь и достоинство того сословия, к которому принадлежал. Судьи избирались каждым курсом отдельно по 4 выборных, из них общим голосом студентов всех трех курсов выбирались для каждого курса по 2 выборных и одному кандидату.

За время существования Суда выборы и приговоры производились правильно и беспристрастно, что показывало уже известную степень самостоятельности и развития чувств собственного достоинства. Правила Совестного суда имели одиннадцать пунктов, были одобрены и утверждены Попечителем Пироговым. Попечитель часто посещал лекции профессоров и иногда, по окончании лекции, деликатно указывал на некоторые дефекты, и вообще входил во все нужды лицея.

При Пирогове Ришельевский лицей был переведен 1 сентября 1857 года из старого в новое здание на Дворянской улице. В этот день был торжественный акт учебного 1856-57 года. На этом празднике новоселья попечитель Н. И. Пирогов произнес следующую речь, которая на всех присутствовавших на акте произвела сильное впечатление: «На этом новосельи две высокие мысли. Во-первых, оно доказывает, что старый Ришельевский лицей с честью отжил свое время; он и родился во время, когда потребность в просвещении Новороссийского края только что стала проявляться и то только в

высших слоях общества. Лицей так успешно действовал на поприще просвещения, что поставленные учредителем пределы образования сделались узки. Во-вторых, этот праздник новоселья заставляет думать, что не напрасно увеличен объем его стен, увеличено помещение для учащихся, для кабинетов, лабораторий и т.д. Не напрасно пекущееся правительством, вместо огромных издержек на меблировку нового здания обратило значительную сумму на приобретение учебных пособий. Все это ясно говорит, что с новосельем должны начаться новая жизнь лицея, новый период его деятельности. Лицей был маяком, проливавшим свет на известную округность». Речь Пирогова можно назвать прелюдией, так как началась подготовительная работа и затем Ришельевский лицей был преобразован в Новороссийский университет.

Переход из старого, душного и тесного здания в новое, просторное, светлое, обильное воздухом, было для нас большим праздником. Влияние Пирогова на студентов было огромное, мы искренне любили его и глубоко уважали. Поэтому весть о переводе нашего попечителя в Киев поразила нас и сильно огорчила. Перевод в Киев последовал от нередких столкновений Пирогова с генерал-губернатором Новороссийского края Г. С. Строгановым, который недолго любил его за независимый образ действий и постоянную защиту учащихся и учащихся. Утомленный от борьбы с сильным магнатом Пирогов предполагал подать в отставку и только после слов государя Александра II-го, что такие люди нужны России, он принял предложение о переводе его попечителем Киевского учебного округа. Прощание студентов с любимым попечителем было трогательно. Накануне мы узнали, что Н. И. оставляет Одессу 9 сентября (1858) рано утром. В 7 часов утра все студенты были уже на Херсонской таможне, где хотели проститься с ним сердечно и, по обычаю, с бокалами шампанского. В одной из комнат таможни был накрыт стол, на котором установлены были бокалы, бутылки и любимые им сигары. Предполагались после тостов речи. Мы нервно ожидали приезда дорогого попечителя, но неожиданно приехали два товарища с вестью, что Н. И. перед отъездом в Киев, должен побывать в Кишиневе, и через час будет на Тираспольской таможне; положение наше было критическое, так как от Херсонской до Тираспольской таможни было около 10 верст, до города было не близко, извозчиков не было и этот путь предстояло пройти пешком. Ускоренным шагом, с

ковром, скатертью и с бокалами в руках, мы пришли в город, сели на извозчиков; приехали за ½ часа до приезда Н. И. и приготовили все для его встречи. После сигнала, что экипаж приближается, мы стройно расположились по одной и другой сторонам галереи, высадили его из дормеза и почти на руках внесли в залу, назначенную для прощания. Здесь студент В. Аристов произнес трогательную, благодарственную речь за то, что сделано им для Ришельевского лицея, в котором от имени студентов, просил согласия Н. И. на наименование студенческой библиотеки «Пироговской». Пирогов был глубоко тронут, прослезился, благодарил за сочувствие и любовь у нему, и прибавил, что всегда любил нас, желал сделать добрыми и полезными гражданами и что ему приятно, что библиотека будет именоваться его фамилией. Затем подошел к сказавшему прощальную речь студенту и прибавил: «Позвольте мне в лице вашего представителя обнять и поцеловать всех вас с любовью». При криках «ура» последовали тосты за здоровье дорогого и глубокоуважаемого Н. И., на которые он ответил за здоровье всех студентов. Последний тост был за благополучную поездку и с криком «да хранит Вас Бог» усадили его и семью в экипаж. Так сердечно мы простились с дорогим нашим наставником. К сожалению, начальство и профессора опоздали и подъехали, когда экипаж уже скрылся.

Попечителем Одесского учебного округа, после Пирогова, был назначен Н. Р. Ребиндер³, который занимал это место всего 7 месяцев и затем получил должность директора Д-та народного Просвещения. На четвертый день по вступлении в должность попечителя, Ребиндер объявил, что примет всех студентов в этот день в одной из аудиторий. В своей речи он сказал: «Надеюсь, г. студенты, что Вы меня полюбите и примете мой дружеский совет: работайте и берегите себя, чтобы я мог вас защищать». После этих слов один из товарищей, поблагодарив его от лица всех студентов за доброе приветствие и перечислив все сделанное студентам лицея его предшественником Н. И. Пироговым, прибавил, что вся корпорация студентов надеется, что дарованные им права не будут тронуты. Ребиндер обещал исполнить эту просьбу. К сожалению, это были только слова нового попечителя, так как через несколько дней было вывешено объявление: «Сбрить усы и бороды», и введены были а б с ы для не посещающих лекции. Такое распоряжение, после упомянутых слов попечителя, так

взволновало нас, что объявление было сорвано и начались сходы: что делать дальше? После донесения об этом директором Беккером, Ребиндер просил пригласить к нему депутатов для переговоров. Результат беседы был настолько благоприятный, что успокоил нас, и прежний порядок студенческой жизни не изменился. Назначенный попечителем в августе 1858 года, Ребиндер оставил Одессу 28 февраля 1859 года и за этот краткий период управления Одесским учебным округом не мог сделать ничего существенного ни для края, ни для лицея.

Ребиндера сменил М. М. Могиланский⁴, который еще менее мог продолжать программу Пирогова. Управление им учебным округом было бесцветно и ничего выдающегося не дало. При нем продолжалась дальнейшая разработка возбужденного Пироговым вопроса о преобразовании Ришельевского лицея в университет.

Директором Ришельевского лицея до 20 августа 1856 года был Н. Н. Мурзакевич, который не так интересовался живым делом, как археологией и был известен своими исследованиями о греческих и гетуэзских колониях по берегам Черного моря. Избранный председателем Одесского общества истории и древностей, Мурзакевич оставил лицей и его заметил профессор Павел Васильевич Беккер. Такое назначение нельзя было назвать удачным. Немецкой аккуратностью он наблюдал за внешним порядком в лицее и, без всяких рассуждений, исполнял все приказания трех попечителей учебного округа, при которых он занимал должность директора. При этом Беккер недостаточно знал русский язык и часто употреблял слово «натурально», напр., обращался к одному студенту, которого он давно не видал, он сделал ему такое замечание: «Натурально, вы редко посещаете лекции». В часы досуга Беккер занимался археологией и издал брошюру «Берега Понта Эвксинского от Истра до Борисфена».

Инспектором лицея был Иосиф Григорьевич Михневич из духовного звания. Магистр Богословия, профессор Киевской академии И. Г. был переведен профессором философии в Ришельевский лицей. Свой предмет он излагал ясно и даже увлекательно, был человеком редкой доброты и всегда сердечно относился к молодежи. Мы его любили, он был миротворцем и в случаях, вызывавших волнения среди студентов, он своими теплыми словами успокаивал нас.

В Ришельевском лицее, на ряду с профессорами старого времени, отставшими в науке и житейских воззрениях, были стоявшие на высоте современной науки и даже люди таланта.

Законоучителем был протоирей магистр Михаил Павловский. Это был умный и добрый пастырь. Читал догматическое и нравоучительное богословие, и часто, при некоторых изречениях, сильно повышал голос, что дало повод одному из товарищей так удачно повторить его голосом одно изречение, что Павловский остановился и спросил: «Кто же это говорил моим голосом?». Ему ответили, что это эхо. «Так то так, но желательно, чтобы такой акустики не было в аудитории». Русскую словесность читал профессор К. Д. Зеленецкий. Его лекции были заурядные, читал он монотонно, но желая быть известным, издал свой учебник русского языка, который был в ходу в гимназиях Новороссийского края. Русскую историю читал способный, но как молодой человек еще не вполне привыкший к профессорской деятельности – кандидат С. Е. Ешевский⁵.

Богдановский Александр Михайлович⁶, знакомивший нас с русскими законами, был популярным профессором. Он обратил на себя внимание в заседаниях Совета практическими предложениями по распорядительной и хозяйственной частям, и, во время выездов из Одессы инспектора Михневича, всегда исполнял его должность, а впоследствии занял в лицее его место.

Александр Иванович Георгиевский⁷ читал всеобщую историю и статистику. Любимым коньком его была история Индии и почти в каждой лекции он упоминал о Будде, Вишну и других божествах. Большой поборник классицизма, Георгиевский обратил на себя внимание Министра Народного просвещения Д. Толстого и был переведен в Петербург, получив место председателя Учебного Комитета М. Н. Просвещения. Симпатией студентов не пользовался.

Кафедру педагогики занимал Роберт Васильевич Орбинский. Молодой, даровитый, энергичный и владевший несколькими языками, он был выдающимся профессором. Энциклопедически образованный, Орбинский, кроме профессуры в Ришельевском лицее, был директором Одесского коммерческого училища, Бессарабско-Таврического банка, получал командировки в Соединенные штаты Северной Америки для изучения хлебного производства и торговли и пр. Про него говорили, «что наш пострел везде поспел». Живое и

остроумное изложение и, по временам, подходящие анекдоты, привлекали много слушателей в его аудиторию.

С естественными науками знакомил нас профессор Д. А. Байков⁸. Изучение природы было нам по душе и тем более, что за профессором часто несли большие папки гербария и другие принадлежности для наглядного изучения естественной истории. Политическую экономию и коммерцию читал даровитый и трудолюбивый магистр Иван Петрович Сокальский⁹. Мы слушали его всегда с большим интересом. С 1859 года по 1871 год он был редактором «Одесского вестника»¹⁰, единственной в то время газеты в этом городе.

Профессор Генрих Христианович Гассгаген¹¹, читавший много лет химию и технологию в нашем лицее, никак не мог преодолеть русский язык и поэтому часто употреблял такие слова: «соединимши К. В. получается следующий рацион». Это был добрый немец, основательно знавший свой предмет и хотя его объяснения химических процессов часто вызывали улыбку, но мы посещали его лекции охотно. Гассгаген был любимым учеником знаменитого химика Берцелиуса, и много работал по дегаротипии, которая в то время была новостью и нуждалась в усовершенствовании, а также и по гальванизму.

Известный агроном Иван Юстинович Палимсестов¹² читал сельское хозяйство и лесоводство. Это был добрейшей души агроном, который полагал, что увеличить производительность земли в нашем отечестве можно только «туками» и, поэтому, в задаваемых по сельскому хозяйству сочинениях всегда фигурировали туки. О влиянии атмосферы, об усовершенствованных земледельческих машинах и пр. он не распространялся.

Физику преподавал и. д. профессора С. А. Акимов¹³. Он мало следил за развитием этой науки и, не имея дара слова, нередко видел свою аудиторию пустоватую, и тем более, что физические опыты ему редко удавались. Более успешно он делал своеобразные опыты в своем доме, применяя к неисправным или неаккуратным квартирантам. Акимов был холост и скуп и занимал с племянником нижний этаж. При неуплате в срок жильцами верхнего этажа квартирной платы он ставил стол с железными листами под их спальни, обыкновенно в полночь, и молотом бил по листам, мешая резким стуком их отдыху. На протесты отвечал, что делает физические опыты. Это было радикальное средство уплаты недоимки.

О таких домашних физических опытах нам с улыбкой передавал его племянник.

Магистр Александр Владимирович Лохвицкий читал лекции по энциклопедии и истории правоведения. Это был даровитый профессор, командированный за границу с ученой целью по избранной им специальности. Вернувшись из Парижа, он объявил, что 3 ноября (1858) начнутся его лекции. В 12 ½ ч. большая аудитория была полна студентами всех трех курсов и даже частными лицами. Присутствовали директор, инспектор и некоторые профессора. Лекция была интересная, живая, свободная и тем более, что предмет ее был наше отечество, наши власти и личность человека. Он разбирал эти три пункта с человеческой точки зрения, без раболепия, полный мысли и прогресса. Лекция продолжалась два часа. Вот вкратце ее содержания: «Более года я жил за границей, но только тогда и можно судить о нашем отечестве, когда поживешь некоторое время вне его. Россия, м. г., после мертвого затишья, ныне двинулась вперед. Какой-то внутренний голос сказал: «Восстань, Россия, и пойдя», и она встала и пошла; умственное богатство удвоилось, материальное утроилось, увеличилась сеть железных дорог, строятся телеграфы, развивается просвещение, пресса делается более свободной и т.д.» После такого вступления Лохвицкий сказал, что он будет нам читать, что такое право, которое в настоящее время является у нас делом практической важности. Объяснив, что такое право и верховная власть, он продолжал: «Петр I-й соединил все власти в своей особе и сделался неограниченным монархом; тогда общество было мертво. Теперь власть в одном лице представляет большие затруднения, особенно в больших государствах. Господа, Вам известно, что правительство наше заботится обо всем и даже о спасении нашей души»... Когда Лохвицкий кончил, то более 5 минут продолжалось непрерывное рукоплескание и крики «браво», пока он не вышел из аудитории. Директор и некоторые профессора были смущены от такой либеральной лекции и Беккер тотчас же отправился к попечителю доложить о ней; Ребиндер на другой день присутствовал на лекции Лохвицкого, по окончании которой долго беседовал с ним....

Под неостывшим еще впечатлением от неудачной Крымской кампании, которая происходила в наше время, и других тяжелых

событий в царствование Николая I-го и после светлых реформ, последовавших при Императоре Александре II-м, понятен тот энтузиазм, с каким молодежь, после официальных, сдержанных и нередко сухих лекций, впервые услышала живую, свободную, хотя и слишком резкую, речь профессора Лохвицкого. Несомненно, что попечитель высказал ему, что лекция была крайне либеральная, чтобы не сказать больше, и что нужно сдерживать себя вообще и особенно при молодежи, но время было такое, что кроме упомянутого замечания других последствий для г.Лохвицкого не последовало.

После упомянутой лекции профессора Лохвицкого последовало распоряжение попечителя Ребиндера, чтобы на всех его лекциях обязательно присутствовали директор и инспектор. Конечно, такое распоряжение сделано с фискальной целью, чтобы доносить попечителю о характере каждой лекции. Беккер аккуратно исполнял такое поручение, но инспектор Михневич, посещая лекции Лохвицкого, говорил директору, что достаточно и Вашего доклада.

Одесса прежде и в наше время имела много иностранцев. По этой или по иной причине, но при основании Ришельевского лицея в нем были учреждены две кафедры для лекций по французской и немецкой литературе. Лекторами были: М. Г. Эртель и А. К. Шапеллон. Немец и француз добросовестно исполняли свои обязанности, никогда не роптали, если в их аудитории было мало слушателей, и избегали объяснений на русском языке. Библиотекой заведовал окончивший курс в лицее В. И. Шишковский, который зорко охранял ее, любезно выдавал книги и аккуратно следил за возвращением их. Надзор за студентами внутри лицея лежал, кроме инспектора Михневича, преимущественно на его помощнике, лукавом Демьяне Ивановиче Логинове, а вне лицея – на двух наблюдателях, которых называли «педелями». Особенной юркостью отличался небольшого роста, плюгавый Мальский. Припоминаю, как здоровый и рослый студент Перстиани навсегда отучил его подслушивать за дверьми наши беседы. Однажды вечером, Перстиани, услышав шорох у дверей комнаты, в которой несколько студентов беседовали о различных предметах, быстро открыл дверь и, увидев там Мальского, схватил его за шиворот, пронес, как щенка, через весь двор и там вышвырнул на улицу. Падение, вероятно, было серьезное, так как

после такого казуса педель, при встрече с виновником встряски, низко ему кланялся и убегал быстро.

Ришельевский лицей издавал в наше время единственную в этом городе газету «Одесский вестник». До этого времени газета издавалась г.Тройницким, который был и ее редактором. После оставления им Одессы Пирогов просил ходатайства генерал-губернатора графа Строганова о передаче означенного издания Ришельевскому лицей. В своей записке попечитель заявил, что этим Вы дадите мощное средство действовать на просвещение Новороссийского края.

По представлению графа Строганова министр народного просвещения Норов удовлетворил ходатайство Пирогова, которым для редактирования были избраны профессора Богдановский и Георгиевский. Первая статья в этом органе была Пирогова «Новоселье лицея» (№101 – 1857). «Одесский вестник» был преобразован и сделался таким живым, свободным и интересным органом, что Пирогова считали создателем независимой одесской прессы.

Окончив, так сказать, официальную часть моих воспоминаний о Ришельевском лицее, перехожу к описанию быта студентов нашего времени. По приезде в Одессу из разных мест Новороссийского края, новички-студенты, не имевшие родственников или добрых знакомых, обыкновенно устраивались в меблированных комнатах поблизости к лицей. В одной квартире жили два или три студента, занимали две или три комнаты, цена которых редко превышала 8 р. в месяц; за стол и самовар платили каждый по 10 р., за стирку белья – 1 р.50 к. и прислуге 50 к. Получавшие от родителей 25 р. в месяц считались вполне обеспеченными для своей скромной жизни и при этом могли иногда бывать в театре (в райке) и обязательно ходили, когда в итальянской опере выступала примадонна Монжини, которая пользовалась особенной симпатией студентов; не отказывали себе в удовольствии бывать в купальне Исаковича, уплачивая 3 к., чтобы освежиться в море, а в праздничный день ходили группами в сад Ланжерон послушать хороший оркестр музыки и выпить стакан чая у берега моря. Не тянуло нас к картежной и биллиардной игре, но в свободные вечера мы заходили в кондитерскую Высочанского на

Дерибасовской улице, где играли в домино на пирожки и проигрыши были иногда так велики, что счастливцы нередко несколько дней ходили в кондитерскую уничтожать выигрыш. Добрый Высочанский открывал студентам неограниченный кредит на произведения своей кухни.

Политическими делами мы не занимались и поэтому не было и митингов. Для бесед о наших делах собирались у тех товарищей, у которых было более обширное помещение. Студенты лицея пользовались особым расположением обывателей Одессы. Нас часто приглашали на вечера, балы, именины. Большинство студентов в своей красивой форме (длинный черный сюртук, синий воротник, белые пуговицы с гербом, шпага, треуголка) были элегантными и желательными кавалерами и считались лучшими танцорами. Этому искусству обучал нас известный всей Одессе танцмейстер Цорн, который со скрипкой в руках выделял своими тонкими ножками поражавшие нас «па». Учились мы танцам по вечерам и танцевали друг с другом, так как присутствие барышень не допускалось. Отношения наши к прекрасному полу были мимолетны; не знаю, были ли настойчивые ухаживания, так как браки студентам не разрешались. В меблированных комнатах, где я жил, с двумя товарищами, у хозяйки были две миловидные дочери, за которыми мать зорко следила и разрешала им приходить в наши комнаты, когда мы уже оканчивали курс в лицее, надеясь, что кто-нибудь из нас увлечется и делается ее зятем. С этими барышнями мы держали себя корректно; более вольное обращение до известных пределов мы позволяли себе с служившими в модных магазинах, и всегда уклонялись от предложений, которые делали нам уличные канарейки.

Окончание курса в Ришельевском лицее мы праздновали в саду Ланжерона, за городом. Собирались рано, купались в море, обедали, пили чай и ужинали. Это был дружеский кутеж, когда мы разрешали себе чарку очищенной, пили пиво завода Занцербахера и даже шампанское. Перед закрытием ресторана прощались друг с другом трогательно, с лобзаниями, желая каждому здоровья и всех благ земных в гражданской, военной службе, в общественных учреждениях, вообще в местах, где бросят якорь.

После выдачи нам в августе месяце аттестатов об окончании курса в Ришельевском лицее начинался разъезд граждан 12-го класса

в разные города Российской империи, если их ничто не привязывало к Одессе. Некоторые юристы и математики уезжали в университетские города поступать на 4 курс. Большинство получили места в гражданских учреждениях и учебных заведениях, один принял монашество и впоследствии был епископом. Некоторые сказались впоследствии литераторами и композиторами. Припоминаю тех, которые, благодаря выдающимся способностям и трудолюбию, занимали и занимают видные места в разных учреждениях или самостоятельно работали, не связанные обязательно службою:

В. А р и с т о в. По окончании курса в Ришельевском лицее и Московском университете занимал видные места в Судебном ведомстве и впоследствии был сенатором.

С. П а х м а н. Он обращал на себя внимание блестящими способностями. Еще на втором курсе в лицее написал сочинение «О поэтическом характере народных русских песен и сказок». Был адъюнктом в Ришельевско лицее, ординарным профессором в трех университетах, в училище Правоведения и Александровском лицее. Служил во II отделении собственной Е.И.В. канцелярии. Автор многих сочинений по юридической части: «О значении личности в области гражданского права», «О современном движении в науке праве» и др.

В. Р о з е н б е р г. Был преподавателем в Пажеском корпусе, во многих мужских и женских гимназиях и институтах. Известен в России и за границую по многочисленным статьям о методике физики и целым рядом изобретенных им физических приборов, которые удостоились почетных наград на выставках в нашем отечестве и вне его. Из изданных им сочинений, помещенных в «Русской школе» и др. журналах, известны: «Аналогия в науке и преподавании», «Универсальный световой прибор», «Потенциальная теория электрических явлений на основании аналогии».

М. К о с и н с к и й. Способный, жизнерадостный студент, любил музыку и по выздоровлении передавал товарищам, что во время болезни он видел во сне старца и помнит его слова: «оставь мирскую жизнь, надень черную рясу и посвяти себя служению Богу». Косинский твердо решил исполнить слова старца, получил благословение архиепископа Одесского Иннокентия на поступление в монахи, прошел все степени монастырской жизни и, незадолго до конца был возведен в сан Воронежского епископа.

М. Е. С л а в и н с к и й. По окончании курса в лицее служил в провинции, но выдававшийся музыкальный талант, игра на рояле и композиторский, – побудили его переехать в Петербург, поступить в консерваторию и одновременно служить в IV отделении канцелярии Е.И.В. по учреждениям Императрицы Марии. Много работал над своей методикой музыки касательно усвоения музыкальной грамоты, которую А. Рубинштейн советовал ему издать не откладывая. Музыкальной Этнографической комиссией в Москве были изданы в 1912 году два выпуска песен и плясок великорусских, малорусских, белорусских, абиссинских, китайских, индейских, татарских, алеутских, новозеландских, жителей мариакских островов и др., переработанные М. Е. и им гармонизованные. Многие его сочинения, по исключительной замкнутости и скромности, еще не изданы. Некрологи помещены в «Русской музыкальной газете», в журнале «музыкальный современник» и в некоторых столичных и провинциальных газетах. Скончался в г. Симферополе на 81 году жизни.

В. С. К о х м а н с к и й. Энергичный, с большим практическим умом и добрым сердцем. Работал и работает по благотворительной части, занимал высокий пост в Петербург в канцелярии Е.И.В. по учреждениям Императрицы Марии. Скончался в декабре 1916 года.

Д. Е. С т р а ж е с к о. Энергичный, пользовался большой симпатией товарищей. Был выдающимся и любимым обывателем Одессы мировым судьей; вся его судебная деятельность продолжалась более 35 лет. После отставки он единогласно был избран директором Бессарабско-Таврического банка и эту службу продолжает по настоящее время.

К. Л е о н а р д. Уроженец Бессарабии, богатый землевладелец, занимал почетные должности по дворянским выборам и был председателем Бессарабско-Таврического банка.

Н. Е. С л а в и н с к и й. Начал службу в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, по оставлении которого более года жил в разных городах Соединенных Штатов Северной Америки и, поселившись в Петербурге, помещал свои воспоминания об этой интересной и оригинальной стране в «Отечественных записках», которые затем были изданы в 1873 году отдельную книжку под заглавием «Письма об Америке и русских переселенцах». Служил в Министерстве внутренних дел, в Главном

Управлении почт и телеграфов, и более 25 лет был членом императорского русского технического общества, столько же лет редактором «Технического журнала». Свободное время посвящал благотворительным делам: в звании члена правления в Петербургском Нищенском комитете, общества дешевых квартир, и других пособий нуждающимся жителям С.-Петербурга, состоявшего под особым покровительством Великого князя Михаила Николаевича, был директором Александровского приюта, а после выхода в отставку переехал в родной город Симферополь, в котором был в числе учредителей Общества трудовой помощи глухонемым Таврической губернии, избран товарищем председателя Таврической ученой архивной комиссии и заведующим Музеем древностей.

Многие окончившие курс в лицее были директорами гимназий и профессорами в высших учебных заведениях: В. Стратонов, А. Делавос, В. Яковлев, К. Шершеневич, Ф. Стулли; последний был и литератором, писал статьи в «Московских ведомостях», в местных газетах Крыма и в 1900 году издал серию повестей и рассказов. Некоторые занимали выдающиеся места в разных министерствах, были мировыми посредниками и вообще, работая на государственной и общественной службах, не забывали, за редким исключением, те правила жизни, которые были им преподаны в Ришельевском лицее, особенно в тот период времени, когда во главе лице находился незабвенный Н. И. Пирогов.

В заключении моих воспоминаний не могу забыть те эпизоды из жизни одного товарища и двух бывших студентов лицея, которые вызывали у слушателей не много участия, но больше дружный смех. Об этих событиях рассказывали легко пострадавшие и свидетели. И. А. Постоленко был весельчак, как говорил поэт Беранже, имел недурной голос, которым так злоупотреблял, что его веселые песни не были слышны только на лекциях и во время сна; недурно играл на скрипке. Так как многих из нас тянуло в столицы, большей частью в Петербург, то П. переехал туда и занимал там видное место в Министерстве финансов. К сожалению, в столице он меньше пел и больше играл в карты, пока не проиграл такой солидной суммы, что пришлось призадуматься, как быть? Надежды на уплату карточного долга не было, в перспективе – неприятные последствия. В такой критический момент он вспомнил, что в одном доме, где он часто пел и играл на скрипке, восхищалась им богатая, толстая

купчиха, торговавшая тюфяками. Несмотря на то, что лицо ее напоминало Юлию Пастрану, П. сделал ей предложение, женился, карточный долг был уплачен, но не дождавшись конца медового месяца, он бежал из ее богатого дома на Выборгской стороне. Все поиски законного мужа были напрасны и, быть может, это тяжелое событие было причиной ее преждевременной смерти. Получив свободу, певец, после шестинедельного горя, женился на особе более близкой его сердцу – продавщице в магазине резиновых изделий на Адмиралтейской площади.

Г. Т р и к о. Характером он напоминал товарища Постоленко; веселый, живой, но певцом не был за отсутствием голоса и музыкального слуха. Товарищам смешна была его фамилия, над которой они нередко потешались, а одна шутка окончилась для него неприятным сюрпризом. Во время существования в Одессе порто-франко всех приезжавших в город спрашивали у шлагбаума фамилии, которые записывались в особую книгу. Проследивши время возвращения Трико с дачи, два студента, также жившие за городом, заявили свои фамилии так: один назвал себя «Одинко», второй – «Двако», а когда подъехал Трико, то его задержали, заподозривши в сообщении ложной фамилии, и отправили для выяснения личности в полицию, где его продержали несколько часов до получения справки из лицея.

Были в лицее два брата С у н д и, дети богомольной вдовы, гречанки, которая строго следила за их нравственностью и в воскресные и праздничные дни сама сопровождала их в церковь, хотя они были уже юноши; ежедневно провожала их в лицей и вечерами отпускала из дому только в крайних случаях. Оба брата были маленького роста, горячо любили друг друга, и всегда были неразлучны: в пансионе, в гимназии, в лицее и даже вместе служили в Русском обществе пароходства и торговли. Товарищи называли их: *Insiperable*. Зная хорошо три языка: французский, немецкий и итальянский, они без протекции были приняты на службу в упомянутое общество. Однажды, на пароходе, шедшем в Крымские порты, дежурный, проходя мимо мужских кают, увидел в одной из них двух особ женского пола, стоящих на коленях, в чепцах, перед иконою. Дежурный доложил об этом старшему офицеру, который убедился, что это были братья Сунди, которых мать с детства приучила, во избежание простуды, спать в чепцах.

Были и другие курьезные случаи и немало остроумных шуток над товарищами и даже обывателями Одессы. Да, нам, бывшим студентам Ришельевского лицея, приятно вспомнить, в день празднования столетия этого лицея, наше былое и особенно время, конца 50-х и начала 60-х годов, когда мы работали спокойно и свободно, когда не было таких тяжелых событий, какие, еще недавно, происходили в обеих столицах и провинции; полицейские агенты и жандармы в то время не допускались в храмы наук, не было обысков и арестов. Наши поступки не слишком острого характера, да и начальство, в случае протестов на посягательство на установившийся в лицее режим, которое проявлялось после ухода попечителя Пирогова, принимало все меры для мирного разрешения таких редко повторявшихся случаев. Деликатные приемы, без постороннего вмешательства во внутренние дела лицея, скоро успокаивали студентов, к общему благополучию. Еще раз повторяю, что время, проведенное в Ришельевском лицее, было лучшими, счастливейшими годами в нашей молодой жизни. Мы были жизнерадостны, усердно и добросовестно работали, имея перед собою такой идеал каким был Н. И. Пирогов. «Желаю сделать вас честными, добрыми и полезными гражданами», – так он говорил с первого дня назначения его попечителем до своего вынужденного оставления г.Одессы.

В. Ф. Докс¹

ВОСПОМИНАНИЯ О РИШЕЛЬЕВСКОМ ЛИЦЕЕ

В 1856 году я держал вступительный экзамен в Ришельевский лицей. Несмотря, что я был плохо подготовлен, меня приняли.

Студентов в то время в лицее было всего 100 человек. При строгих экзаменах лицей опустел бы. Я избрал математический факультет, потому что ввиду бывшей Крымской кампании и убыли офицеров, была льгота поступления в лицей без классических языков, в годах 1855-56.

В лицее было 3 факультета: математический, юридический и камеральный. Много предметов читалось, но как!

На математическом факультете были 2 профессора: Коростелов² и Лукьянов³. Первый читал аналитическую геометрию, дифференциальное и интегральное исчисление и теорию вероятностей в камеральном факультете. Второй – небесную механику и астрономию. Лукьянов был настоящий математик, со странностями.

Протоирей Павловский, бывший до того духовником в Институте благородных девиц, пользовался популярностью между дамами одесской знати: у него они исповедовались. В лицее он читал догматическое богословие, логику и психологию.

Был профессор Байков. Он читал зоологию, ботанику и минералогию на протяжении трехгодичного курса.

Химию демонстрировал профессор Газгаген, ученик Берцелиуса. Студенты не верили в его познания. Его прозвали "колбой". Впрочем, и то сказать, в то отдаленное время химия не стояла так высоко, как теперь и лицейская лаборатория была мизерная.

По физике и физической географии был профессор Акимов. С ним я сошелся очень близко.

Русскую историю читал на первом и втором курсе для всех факультетов профессор Смирнов. Он пользовался симпатиями студентов за добросовестное чтение.

По всеобщей истории исполнял обязанности профессора кандидат университета Георгиевский; читал как то аффективно, и студенты его не жаловали. Правда, трудно было бы встретить в жизни физиономию более неприятную, как будто всю в прыщах.

Недолго оставался он в лицее. Попал в сотрудники Каткова и пошел в гору.

В юридическом факультете были профессора: Беккер, впоследствии директор лицея, и Лохвицкий, впоследствии известный петербургский присяжный поверенный.

Первый курс я слушал в старом здании лицея – теперешнем доме Вагнера, а остальные 2 года я слушал лекции в новом здании теперешнего университета. Режим был до приезда Пирогова очень строгий в ношении формы. В воскресные дни студенты обязаны были ходить при шпагах, а в большие праздники в мундирах. Если была видна часовая цепочка снаружи сюртука, или случайно была не застегнута пуговица, бывший директор Мурзакевич сейчас обращал внимание и делал замечание. Также не должна была выглядывать из под воротника рубаха. По воскресеньям обязательно было посещение церкви, причем в особом реестре отмечались отсутствующие студенты. Зато в те времена студенты пользовались особыми льготами и преимуществами. Так, например, полиция не имела права арестовать студентов; если буяны попадались в местах особенно значных, необходимо было ехать за инспектором, который принимал зависящие меры. Студенты были желанные кавалеры на всех вечерах. При мне был такой случай, когда комендант города /такая должность имелась тогда/ удалил адъютанта, командующего войсками в Одессе из бала в Бирже за то, что он повздорил со студентом, остановив не вовремя музыку.

С появлением попечителя Пирогова можно было уже по воскресеньям не соблюдать так строго форму, под предлогом, что, готовясь к экзамену, приходилось переночевать у товарища и тогда идти домой без треуголки и шпаги. Студенты пошли и дальше: появились к лету белые фуражки и расстегнутые сюртуки.

Большой популярностью пользовались спектакли студентов. Студенты играли все роли даже женские. Один год давали «Ревизора», в следующем году – «Свадьбу Кречинского». Режиссировал оба раза профессор Лохвицкий, впоследствии присяжный поверенный, известный в Питере своим остроумием. Как теперь вижу исполнителей-студентов: городничего – Персиани, Держиморду – Делакур, ревозора – Маринкович, дочь городничего – Накарович, мать – Науменко, Добчинский и Бобчинский – Чербаджогло и Добров. Отчего теперь студенты не устраивают того

же? После Мурзакевича директором лицея стал Беккер. При нем в новом здании университета устраивались музыкальные утра под управлением учителя Руфа. Появлялись на эстраде одесские дамы с блестящими голосами.

Однажды, разговорившись со мною, профессор Акимов, очень ко мне расположенный, выразил мысль, что не мешало бы устроить чествование инспектора Михневича в виду приближения его 25-летней службы. Мы взылись за это. Подписная цена была 2 и 3 рубля. Некоторые студенты затруднялись даже и эту скромную сумму внести. Профессор Акимов привлек профессоров и учителей Ришельевской гимназии, которая тогда поместилась в новом здании лицея. Она заняла правую половину здания от главного входа. Припоминаю, что я обратился за содействием к эконому гимназии.

Видно, что из-за популярности профессор Лохвицкий пустил между студентами мысль, что на завтрак должны быть допущены все студенты, даже те, которые не имеют денег. Конечно, недостатка не было в любителях дарового угощения. Если же удалось выйти из затруднения, то только благодаря услугам эконома.

В назначенный час попечитель – тогда был Ребиндер, под руку ввел юбиляра в столовую. Мне удалось даже заручиться полковой музыкой, благо я знал капельмейстера, с которым неоднократно встречался на вечерах.

Мой отец мне сказал, что я должен непременно держать приветственную речь. Он, опытный человек, сочинил мне слово, которое я хорошо выдолбил и смело произнес. Скажу еще, что праздник удался на славу и наши студенты вышли даже слишком навеселе. Некоторые падали на улице в снег: тогда была зима.

На экзамене богословия, когда я был вызван, явился архиепископ, знаменитый Иннокентий. Мне предложен был вопрос, какая разница между самолюбием и себялюбием, что дебатировалось даже экзаменующими.

Князь Воронцов умер в 1857 году. Студенты держали у гроба почетный караул и сопровождали до собора. В следующем году умер Иннокентий. Студенты также участвовали на похоронах.

Приезд Пирогова совпал с неблагоприятным поведением 2-х студентов. Циркулировал слух, что предполагается их исключить. В такой строгости усматривалась виновность директора Мурзакевича. Студенты решили учинить бомбардировку его окон, выходивших на

Дерибасовскую. Орудием стрельбы мог отлично служить щебень, заготовленный кучами для мощения улиц. Нет сомнения, что кто-нибудь осведомил об этом начальство наше. И вот в день, назначенный для военных действий, появилось объявление инспектора, вывешенное в первой аудитории, приглашающее студентов там собираться по желанию нового попечителя Пирогова. В аудитории инспектор Михневич, которого студенты любили, заявил нам, что попечитель желает побеседовать с нами и просит нас собраться в назначенный час в физическом кабинете. Здесь Пирогов держал нам речь, высказав крайнее сожаление о содеянном проступке наших двух товарищей. Он сказал, что поведение вовсе не соответствует носимому нами мундиру, присвоенному лицам, должностным заниматься науками, ученым делом, а не возмутительными безобразиями. Вступив в должность, он, попечитель, не желает управление свое начать строгостями, а потому предлагает нам, товарищам виновных, обсудить их поведение и высказаться, какому, по нашему мнению, они подлежат взысканию.

Вот чем Пирогов нас обезоружил. Сразу мы почувствовали новое веяние, нас считают уже чем-то. Словом, завелось у нас так, что мы сами стали за собой смотреть. Студенты преобразились. Как то студент один обидел какую-то девицу. Мы его призвали к ответу и предупредили, что если он не загладит своей вины, мы потребуем его исключения. И, благодаря Пирогову, всякие безобразия прекратились.

В 1859 году я окончил курс. Когда вышел из здания лицея, после последнего экзамена, я почувствовал, что какая-то связь порвалась. Сделалось грустно.

Впрочем, все это испытывают.

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СТУДЕНТА РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ 1857 – 1861 Г. АЛЕКСАНДРА БРЖОСНИОВСКОГО¹

В августе 1857 г., в закрытом татарском фургоне, я подъезжал к Одессе, к Тираспольской заставе, где помещалась таможня бывшего тогда в городе порто-франко. Над Одессою висело густое облако известковой пыли от мелкого щебня, которым были вымощены город и предместья. По пути тянулись вереницы возов с пшеницею из Бессарабии и такие же подводы чумаков из Подольской и Киевской губерний. С трудом приходилось разминаться с подводами или обгонять их. Жара и духота были страшные; а пыль наполняла фургон и проникала в нос, рот и уши... Таким образом медленно мы въехали в город и подъехали к популярной в то время для торгового люда и извозчиков Ширяевской гостинице, на Полицейской улице. Разместившись по номерам, я и несколько пассажиров отправились на привлекавший нас бульвар, чтобы оттуда взглянуть на чудное море, бывшее еще достаточно освещено последними лучами заходящего солнца... Но долго оставаться на бульваре не пришлось: усталость после двухдневной езды из Кишинева и приготовления к хлопотам следующего дня заставили нас скоро вернуться в гостиницу. Сделалось уже темно и мы при слабо освещенных улицах лампами деревянного масла медленно поплелись домой.

На следующий день я отправился разыскивать своих родных и затем должен был обратиться в Ришельевский лицей за справками о подаче прошения для поступления в число студентов заведения. Ришельевский лицей помещался в только что отстроенном новом здании на углу Херсонской улицы и Петра Великого (бывшей Дворянской). На третьем этаже этого здания помещалась тогда еще не отделенная гимназия того же названия, которая составляла с лицеем одно учреждение, подчиненное одному директору. В лицее находилось 110 студентов; но через несколько лет гимназия была отделена и в 1863 году переведена на Садовую улицу, в дом Краснокутского, где находится и теперь, приобрел это здание в свою собственность. Новое здание лицея на Херсонской улице в это время было одно из лучших небольшого числа жилых зданий, все остальные постройки представляли хлебные магазины, куда привозился хлеб из

соседних губерний. Поэтому вся улица эта всегда почти была запряжена чумацкими подводами с хлебом из Подольской и Киевской губерний. Если хлеб не помещался в магазинах, то он ссыпался на тротуарах, а подводы с волами оставались на улицах несколько дней. Тут же на тротуарах хлеб этот перебрасывался лопатами из одной кучи на другую, а ночью прикрывался брезентами. Из этих же магазинов мешки с хлебом отправлялись на биндюгах в порт на иностранные суда, которые большею частью были парусными. Для характеристики города того времени прибавлю, что хлебные магазины находились еще и на других улицах и в центре города. Так, на Соборной площади большой дом Мартыновой, бывшей Папудовой, был сплошным хлебным магазином, кроме части на Преображенской улице; он выстроен на урезанной земле от Соборной площади, какая должна была быть по первоначальному плану Одессы. Приобрел ее каким-то образом крупный негодник Папудов, отец Мартыновой, как говорят старожилы. На Дерибасовской улице также находился один хлебный магазин купца Черепенникова, против Красного переуллка. Все улицы города, кроме Дерибасовской, вымощенной круглым булыжником, были шоссированы мелким известковым щебнем, который скоро превращался в пыль в два-три вершка толщиной, что зимою образовывало глубокую грязь. Сплавной системы в городе не было: дождевая вода и помои из дворов вытекали на улицу в особые лотки или канавки, устроенные вдоль тротуаров. Водю пользовались больше дождевою; она собиралась в некоторых домах в цистернах, а где их не было, водовозы доставляли бочками из колодцев на Пересыпи, из балок и водопроводного крана на Полицейской площади, куда были проведены трубы от Большого Фонтана из дачи Ковалевского.

Ришельевский лицей до 1857 года помещался в старом здании на углу Екатериненской и Дерибасовской улиц. Основан он в 1817 году аббатом Николи в бытность управляющим Новороссийским краем герцога Ришелье. Лицею, как высшем училищу, предшествовали заведения низшие; в начале Коммерческая гимназия (в 1804 г.), потом Благородный Воспитательный Институт в 1806 г. Они были соединены и в 1811 г. подчинены г. попечителю Харьковского учебного округа. Когда в 1816 году был открыт Благородный

институт, аббат Николи был назначен его директором. Но зависимость института от Харьковского учебного округа и официальные с ним письменные сношения затрудняли дело. Поэтому аббат Николи еще до официального торжественного открытия института задумывает уже о его преобразовании в независимое от Харьковского университета высшее учебное заведение. В половине 1817 года измененный устав института, переименованного в лицей, был уже изготовлен и одобрен герцогом Ришелье. Устав лицея в сущности представлял видоизменение институтского.

Воспитанники лицея разделились на «воспитанников» в тесном смысле, составлявших пансион и педагогический институт, и «посторонних питомцев», посещающих публичные классы в лицее в начальном и двух дополнительных училищах. Пансионеры принимались не моложе семи и не старше десяти лет. Число пансионеров полагалось 120, которые разделялись на шесть отделений. Посторонних питомцев могло быть по крайней мере 250. Общий курс воспитания продолжался десять лет (по два года в каждом классе) для пансионеров лицея и восемь лет для воспитанников внешних классов. Существенное отличие лицея от института состояло в учреждении при нем двух дополнительных специальных училищ: лицея в Одессе, говорилось в уставе, посвящен собственно так называемым общим наукам и не занимается науками, принадлежащими университетам¹.

Но отдаленность от Харьковского университета и местное положение Одессы требуют некоторого изъятия и представляют необходимость присоединить к лицее два дополнительных училища: одно для правоведения и политической экономии, а другое для коммерческих наук. Относительно администрации лицей оставался в таком же положении, как и институт. Несмотря на старания Ланжерона, он оставался подчиненным Харьковскому университету или вернее попечителю его. Попечитель присылал в лицей визитатора, который присутствовал при испытаниях в конце года, и о состоянии, в каком находил учебную часть, доносил начальству. Так продолжалось до 1823 года, до времени изъятия лицея из ведомства Харьковского учебного округа. Институт в 1816 году был удостоен

¹ I. Михневич. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 г. Одесса, Т.Нитче, 1857.

посещения Великого Князя Николая Павловича, а в 1817 г., с переименованием его в лицей, удостоился посещения Императора Александра Павловича.

Таким образом, благодаря разным ходатайствам, высший учебный институт или лицей, который должен был заменить существовавшую в Одессе Коммерческую Гимназию, уездное и приходское училище и Воспитательный Институт, был Высочайше утвержден 2 мая 1817 года, и в дань уважения к памяти герцога Ришелье назван Ришельевским лицеем. Первым директором этого лицея был назначен аббат Николи. Учебное заведение помещалось в отдельном здании на Екатерининской улице, а с 1831 года, с приобретением еще соседних участков, здание расширяется и выходит на три улицы: Екатерининскую, Дерибасовскую и Ланжероновскую. В 1837 году, 29 мая, вводится новый Высочайше утвержденный устав лицея. Учебная часть его уже резко отличается от гимназии и стала приближаться к университетской. Программа третьего отдела – камерального – была уже составлена в 1841 году. С этим уставом Ришельевский лицей просуществовал в старом здании до 1857 года. С увеличением города Одессы и усилением его культурной деятельности явилась потребность в расширении здания лицея и оделения от него Ришельевской гимназии в особое учреждение. Для этого приобретено большое пустопорожнее место, выходящее на три улицы: Дворянскую (ныне Петра Великого), Херсонскую и Елизаветинскую. 17 апреля 1852 года состоялась закладка этого здания. В 1856 году постройка была окончена и в 1857 году Ришельевский лицей был перенесен в новое здание. Старое же здание на Екатерининской и Дерибасовской было закрыто и стояло пустым около двух лет, до продажи и обмена его на дом Вагнера на Преображенской улице и в городском саду.

Открытию курсов в новом здании лицея предшествовали два торжества: первое 30 августа – освящение вновь отстроенной церкви лицея во имя св. и благочестивого князя Александра Невского, а второе – 1 сентября – новоселье лицея, ознаменованное торжественным актом. Это событие достойно, чтобы сказать о нем подробнее.

После окончания божественной литургии в местной лицейской церкви, многочисленная публика собралась в актовом зале. На этом торжестве присутствовали: генерал-губернатор граф Строганов и градоначальник города Одессы Алопеус, представители многих местных учреждений и родители учащихся. В начале г. попечительного Одесского учебного округа Н. И. Пирогов прочел речь^{II}, в которой изложено было значение перехода лицея из старого здания и взгляд на современные требования воспитания. Объясняя значение новоселья, как обычая у древних кочевых народов и современного общества в желании перемены не только жилища, но и образа жизни, попечитель говорит: "В нашем новосельи обнаруживаются две высокие мысли; оно доказывает, что должна начаться новая жизнь лицея, новый период его деятельности. Будущее в наших руках. Настало время, когда мы все это ясно сознаем, что главною порукою за будущее благосостояние нашего общества и, мало того, главной основой, должно служить воспитание наших детей и даже отчасти перевоспитание нас самих. Лицей должен служить обществу как маяк». И дальше проводит следующую мысль: «Пусть же сочувствующий нашему новоселью родитель, отдавая своего сына или дочь на попечение Одесского учебного округа, скажет пред судом собственной совести: я всем жертвую для воспитания моего дитяти и ничего другого не требую от воспитателей, как того, чтобы наставили мое дитя быть человеком». После речи попечителя инспектор Ришельевского лицея И. Г. Михневич прочел исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея, с 1817 по 1857 год^{III}.

Потом профессор русской словесности Зеленецкий, произнес речь: «О русской литературе в эпоху преобразования, по отношению к обществу, современному этой эпохе». Исправляющий должность адъюнкта Р. Орбинский сказал речь «Несколько слов об отношении домашнего воспитания к общественному».

После такого торжества я вступал в новую жизнь Ришельевского лицея, открытого уже в новом здании. Ришельевский лицей в 1857 году состоял по уставу 1837 года из двух факультетов: юридического,

^{II} Эта речь напечатана в «Одесском Вестнике» 12 сентября 1857 г. № 101.

^{III} Этот труд вышел отдельной книгой.

физико-математического, а с 1842 г. и камерального. Курс наук был трехгодичный, а окончившие курс пользовались при поступлении на гражданскую службу правом двенадцатого класса. При поступлении студента в лицей представлялся аттестат гимназии, которая тогда состояла из 7 классов. В аттестате нужна была отметка и по латинскому языку. Если же такого балла не было, то при поступлении в лицей требовался дополнительный экзамен по латинскому языку. Отсутствие отметки по последнему языку в аттестатах гимназий происходило от того, что там (например, в Кишиневской гимназии, где я учился) многие ученики, не предполагая идти в университет, проходили с 5 класса вместо латинского языка законоведение.

Окончив курс наук Кишиневской гимназии, прослушав вместо латинского языка, законоведение, что дало мне право на чин четырнадцатого класса, я все же решил ехать с товарищами в Одессу для поступления в Ришельевский лицей на камеральный факультет. Программа этого факультета была составлена по образцу прусского и состояла частью из естественных и математических наук, а частью из юридических. В Пруссии она служила для подготовки чиновников, управлявших государственными доменами. На камеральный факультет лицея поступали у нас для получения более общего образования большей частью сыновья помещиков, купцов, также гражданских и военных служащих.

Программа этого факультета состояла из следующих наук: догматического и нравоучительного богословия, церковная история и церковное право, психология, русская словесность, всеобщая история, русская история, физика и физическая география, политическая экономия, зоология, минералогия и ботаника, химия и технология, сельское хозяйство и лесоводство, законы государственного благоустройства и благочиния и законы о повинностях и финансах, статистика, политическая арифметика и один из новых языков.

Попечителем Одесского учебного округа состоял действ. ст. сов. Ник. Иван. Пирогов. Директор Ришельевского лицея в этом году еще был профессор Мурзакевич, но он вскоре был заменен профессором П. В. Беккером, который читал римскую словесность. Инспектором лицея был профессор И. Г. Михневич.

Представив в правление лицея свои документы, я был допущен к слушанию лекций камерального факультета с условием выдержать в декабре дополнительный экзамен по латинскому языку. Вместе со мной такому обязательству были подчинены 6 или 7 учеников разных гимназий, между ними из Кишиневской гимназии Николай Кодрян, недавно бывший директором Кишиневского реального училища, и Сошелов – тоже бывший директор Одесского реального училища. На сколько в то время власти старались помочь учащейся молодежи к достижению высшего образования видно из того, что к поступлению на физико-математический и камеральный факультеты требовался дополнительный экзамен по несколько уменьшенной программе сравнительно с экзаменом на юридический факультет, где испытание проходило строже и по обширной программе. Участие директора лицея Беккера к нашей группе поступающих студентов было настолько сердечно и велико, что он предложил нам безвозмездно заниматься с нами четыре месяца латинским языком, назначив для того уроки три раза в неделю вечерами в одной из аудиторий лицея. Проходили мы грамматику и переводили Саллюстия и Тита Ливия. Таким образом все мы в конце декабря выдержали дополнительный экзамен по латинскому языку и были зачислены студентами лицея. Тут я должен упомянуть, что в начале 1858 года по болезни мне пришлось оставить лицей и Одессу до августа нового учебного года, когда я вступил опять на первый курс.

В 50-х годах, до моего поступления, Ришельевский лицей лишился за смертью или по отставке старых известных профессоров: математика Генриха Бруна и брата его историка Филиппа Бруна; физика Левторопуло, Комарницкого и других. В 1857 г. из старых профессоров лицея были: Павловский Мих., проф. богословия, Лукьянов Як., читал прикладную математику, П. В. Беккер читал латинскую и греческую словесность, И. Г. Михневич читал философию, Зеленецкий К. – русскую словесность, Юргевич² латинскую словесность и римские древности. Гассгаген Хр. (швед) читал на ломаном русском языке химию и технологию. Акимов Сок. читал физику и физическую географию, Байков Д. был по зоологии, минералогии и ботанике, Палимсестов читал сельское хозяйство и лесоводство. Затем я застал недавно назначенных профессоров и

адъюнктов^{IV}: Власьева Н.³ – по государственному праву и законам государственного благоустройства и благочиния, Богдановского А. М. – по уголовному праву, Георгиевского А. И. – по всеобщей истории, Смирнова М. П. – по русской истории, Карастелева К. по чистой математике; Р. Орбинского, читавшего логику и педагогику. Еще при мне были: Лохвицкий, читавший энциклопедию законоведения, Максимов Ю.⁴ по римскому праву и международному, Муравьев, читавший политическую экономию. Лекторами языков были: Эртель – немецкого, Шапеллон – французского, Гревс – английского и Рандель – итальянского. Лучшим факультетом по составу профессоров считался юридический. Очень популярны были своими лекциями профессора, считавшиеся в то время адъюнктами: Богдановский, Георгиевский, Лохвицкий, Власьев, Максимов, Акимов и Байков излагали свои предметы довольно сухо, монотонно. Физика, химия, технология и естественная история читались довольно сокращенно, без практических занятий студентов; опыты же проводились профессорами при чтении лекций. По сельскому хозяйству и лесоводству совершали летом экскурсии профессора с студентами за город для опытов на частных хуторах над земледельческими орудиями, частью над посевами и обработкой полей. Все это было более теоретически, ограничено, так как при лицее не было фермы.

Деятельность Н. И. Пирогова, как попечителя Одесского учебного округа, внесла много жизни в вопросы народного образования и воспитания Новороссийского края. Он часто посещал лицей и присутствовал при лекциях многих профессоров. Бывал также на уроках учителей в гимназиях и низших школах. Разъезжая по округу, часто также присутствовал на экзаменах в гимназиях. Усиленно интересуясь народным образованием, Николай Иванович взгляды свои по этим вопросам высказывал в своих сочинениях, выходящих в 1857 и 1858 годах в Одессе; так например, в следующих: «Вопросы жизни», «Быть и казаться», «Одесская Талмуд-Тора», «Нужно ли детей сечь и в присутствии других» и др. Все эти статьи вызвали большой отклик в то время в русской прессе. Н. И. Пирогов, состоя попечителем Одесского учебного округа с 3 сен. 1856 г. ревностно посещал лицей, гимназии, еврейские и другие

^{IV} Я не означаю, кто состоял проф., а кто адъюнктом и с какого времени.

низшие училища и вообще глубоко заботясь о развитии просвещения в округе, сознавал необходимость преобразования учебных заведений, а в особенности Ришельевского лицея, о чем он представил министру народного просвещения Ковалевскому обширную докладную записку о необходимости преобразования лицея в университет. История этого преобразования была такова: по уставу 1837 года Ришельевский лицей состоял из двух отделений, физико-математического и юридического с особым институтом восточных языков. В 1838 году курс наук лицея был расширен: учреждена кафедра сельского хозяйства и лесоводства, а в 1842-1843 г. было создано новое отделение – камеральное. Инспектор лицея И. Г. Михневич при попечителе П. Г. Демидове выступил с критикой лицейского строя, слишком обширной программы его наук, которая не давала практического применения к жизни. Пирогов кроме этих доводов И. Михневича и других критиков выдвинул совсем другую точку зрения на преобразование лицея, а именно – культурно-политическую; Одесса в то же время должна служить связующим звеном России с южными славянами. Министр народного просвещения Е. Н. Ковалевский отнесся сочувственно к взглядам Пирогова, выраженным в докладной записке. Это заставило Н. И. Пирогова заняться составлением проекта и сметы университета. Таким образом был составлен особый комитет из директора лицея П. Беккера, инспектора лицея И. Михневича, адъюнкта М. Смирнова, который занялся составлением проекта и сметы университета. По этому проекту университет должен был состоять из трех факультетов: историко-филологического, юридического и физико-математического, при смете в 61798 рублей. Проект был представлен министру народного просвещения в 1857 году 15 июля. Между тем Н. И. Пирогов в 1858 году был назначен попечителем Киевского учебного округа и решение этого вопроса зятянулось.

Далее, чтобы Ришельевский лицей служил действительно маяком в просвещении края, попечитель Пирогов содействовал тому, чтобы «Одесский Вестник» стал органом лицея, в котором принимали бы участие многие профессора и он сделался бы выразителем мнения высшего образованного общества. Таким образом с 1858 года «Одесский вестник» перешел в ведение другой редакции при ближайшем участии профессоров Ришельевского лицея⁵. Издателями

были А. Богдановский и А. Георгиевский, а профессора избрали попечителя Пирогова редактором «Одесского вестника». На это избрание он ответил профессорам: «Приняв на себя издание газеты, он желает доказать перед правительством, что он (лицей) не понапрасну считается высшим образовательным учреждением целого края, и что все интересы края, все потребности края ему близки к сердцу». Однако, он предупреждал издателей, что задача предстоит трудная, так как приходится считаться с общественным мнением, с вкусами, привычками и желаниями известной части публики. И действительно, эти трения между редакцией и частью общества города Одессы часто происходили в 1858 году, вследствие чего профессор Богдановский и Георгиевский решили прекратить с 1859 года издание «Одесского вестника», о чем они напечатали в №119 1858 г. следующее заявление: «Принимая на себя в начале текущего года редакцию «Одесского вестника», в то время переданного Ришельевскому лицейу, мы естественно должны были смотреть на наше издание, как на орган высшего в Новороссийском крае учебного заведения. Мы вполне понимали свое положение, мы ясно сознавали, что задача нам предстоявшая трудна для исполнения. Как справедливо выразился незабвенный для всех нас Н. И. Пирогов в напечатанном письме к нам, мы стояли между двух непримиримых требований: с одной стороны лицей, органом которого мы должны были говорить д е л ь н о, д о с т о й н о и г р о м к о, а с другой – публика. Сотрудники были все из провинции. Итак, по мере наших сил мы потрудились, и потрудились не без плода, мы доказали, между прочим, что и в провинции, не в одних столицах, возможна настоящая литературная деятельность. К сожалению, по обстоятельствам, от нас независящим, мы должны оставить редакцию «Одесского вестника», который с будущего года снова переходит в непосредственное ведение главного начальства края и будет состоять под редакцией, последним назначеную».

Отношение Н. И. Пирогова к студентам были самые благонамеренные, сердечные: посещая здания лицея, он часто вел беседы со студентами и входил в их нужды. В это время была образована особая библиотека студентов, получившая название «пироговской», читальня, куда присылалось безвозмездно много периодических изданий из разных концов России, и при ней была

особая комната для курения, где часто собирались студенты в свободные от занятий часы. К сожалению, деятельность Н. И. Пирогова в Новороссийском крае была недолга: 25 июля 1858 года он был назначен попечителем Киевского учебного округа. По этому поводу 23-го августа представители Ришельевского лицея и многие другие лица чествовали его прощальным обедом, на котором было сказано много знаменательных речей^V.

Представители еврейского общества г.Одессы и некоторые видные граждане также чествовали попечителя прощальным обедом.

Вскоре при отъезде Николая Ивановича в Киев группа студентов провожала своего незабвенного начальника на дрожках до Тираспольской заставы, до здания таможни бывшего в Одессе порто-франко. Здесь, в отдельной комнате студент Вл. Аристов от имени товарищей выразил попечителю благодарность за его участие к нуждам студентов и его сердечное отношение к ним, пожелав ему благополучия в дальнейшей его деятельности. Пирогов ответил проважавшим своими мудрыми наставлениями и пожеланиями в вопросах жизни и, поцеловав Аристова, в лице его распрощался с студентами Ришельевского лицея.

1858 год был для Ришельевского лицея тяжелым по утрате им таких видных деятелей, как попечитель Н. И. Пирогов и инспектор лицея И. Г. Михневич. С ним Ришельевский лицей расстался в следующем, 1859 году 12 апреля, когда он был переведен в Киев и назначен помощником попечителя Киевского учебного округа. При расставании с глубокоуважаемым профессором и сердечным начальником лицеисты устроили ему в здании лицея прощальный обед. И. Г. Михневич был очень растроган этим расставанием с дорогим ему лицеем, в котором он прослужил профессором и инспектором с 1839 по 1858 год.

Вскоре оставил Ришельевский лицей и другой старейший его профессор и директор П. В. Беккер. Он оставил однако еще директором лицея до конца 1861 года, а затем, выйдя в отставку, поселился в 1862 году в Дрездене, куда привлекли его и семейные дела. Его сын от первой жены, воспитывавшийся в Германии, в 1861

^V Речи эти помещены в «Одесском вестнике» от 26 августа 1858 г. за № 95. Ответная речь Н. И. Пирогова напечатана в «Одесском вестнике» 4 сентября 1858 г. № 99.

году был замешан в политическом движении учащейся молодежи и принял участие в покушении на жизнь прусского короля Вильгельма IV. Покушение это было совершено 14 июля 1861 года в Баден-Бадене из второго этажа в проезжавшего в экипаже монарха, причем король был ранен дробью в шею. Поводом к этому покушению, по словам Беккера, было указание короля при своем короновании в Кенигсберге 2 января 1861 года на важное значение «королевской власти Божьей милостью», что вызвало в Беккере убеждение, что Вильгельм IV не в состоянии исполнить своей задачи относительно германской политики. Покушавшийся студент был помилован. Об этом грустном событии б. директор П. В. Беккер сообщил мне в 1862 году при его посещении мною в Дрездене.

После перевода И. Михневича в Киев, инспектором Ришельевского лицея был назначен профессор А. М. Богдановский. Он пользовался у студентов своею мягкостью характера и своими лекциями большим уважением. Говоря выше о составе профессоров каждого факультета, я упомянул, что многие были очень популярны своими увлекательными лекциями. Нужно вспомнить двух строгим классиков, это П. Беккера, читавшего греческую и римскую (латинскую) словесность, и В. Н. Юргевича – по латинской словесности и римским древностям. Беккер всегда представлял вид суетливого, озабоченного деятеля. Выражался он и читал лекции не чисто русским языком, но с акцентом немецким. Большим уважением у студентов и заслуженным вниманием своими лекциями пользовался также строгий классик, профессор В. Н. Юргевич, который, перейдя после в Новороссийский университет, был долгое время главным сотрудником Новороссийского общества истории и древностей и вице-президентом его. Очень популярны были лекции профессоров Лохвицкого по энциклопедии законоведения, Георгиевского – по всеобщей истории и Богдановского – по уголовному праву и практическому судопроизводству; их аудитории всегда были полны слушателей. Видными профессорами также были Максимов по римскому и международному праву и Власьев, читавший государственное право и законы государственного благоустройства и благочиния. Оба они затем перешли в Новороссийский университет.

Для полноты персонала лицея упомяну еще двух помощников инспектора лицея, спокойного и флегматичного Зиновия Германовича

Комарницкого и энергичного, суетливого Демьяна Ивановича Логинова⁶. Последний раньше был также секретарем лицея, а при преобразовании его в университет, назначен помощником проректора. Типичным еще в лицее был много лет педель Карл Иванович Мальский. Маленький, чисто выбритый, всегда почти стоял в вестибюле лицея у главной двери, ведущей на второй этаж и у стекла, заменявшего ему зеркало, приглаживал свои виски и хохолок. Всем студентам говорил, что он очень похож на Наполеона. Поручений к студентам имел очень редко, но любил часто вспоминать бывших богатых студентов из Подольской и Киевской губернии, которые по его словам жили роскошнее и были щедрее настоящих.

Некоторые профессора лицея принимали участие в общественной жизни Одессы и читали публичные лекции: Гассгаген – по химии и технологии, Акимов – по физике, Байков – по естественным наукам и Муравьев – политическую экономию.

Отношения профессоров лицея к студентам были весьма общительные, сердечные. Последние пользовались у преподавателей лекциями, разными научными пособиями и указаниями; даже по некоторым юридическим наукам устраивались собрания и занятия, род семинарий. Помимо частного знакомства некоторых студентов с профессорами и их семьями, иногда студенты устраивали собрания, на которых присутствовали любимые преподаватели. Время обыкновенно проводили в беседах на научные темы, на вопросы жизни, а затем в веселых разговорах за стаканом чая и закусками. Молодой профессор Муравьев часто посещал студенческие собрания. В здании лицея студенты при Н. И. Пирогове пользовались сравнительно некоторою свободою: имели свою библиотеку, как я упоминал выше, свою читальню и особую курительную комнату, где собирались в свободные от лекций часы. Политикою студенты не занимались и не делились на партии; но все интересовались мировыми событиями, а в особенности назревавшим в то время вопросом освобождения крестьян из крепостного состояния. Одесса, как важный торговый рынок, получала много сведений и иностранных газет по этому вопросу. Неудивительно, что в городе часто появлялся «Колокол» Герцена и «Свободное слово». Эти газетки приносились в студенческую читальню и тут свободно перечитывались и не раз

долго лежали на столах, как листки уже читанные и всем известные в городе.

Достойна внимания жизнь студентов Ришельевского лицея того времени и их отношения к обществу. Число студентов описываемых годов, как я сказал выше, было около 110; дальше, до преобразования лицея в университет, не превышало 130. Почти все они были из высших интеллигентных классов и имели по времени достаточное образование и воспитание и потому, еще как представители высшего учебного заведения Одессы, пользовались в обществе большим вниманием и охотно были принимаемы в семейных домах. Балы, семейные вечера часто посещались студентами; театры и концерты также ими посещались, и даже в некоторых спектаклях они принимали непосредственное участие. Благотворительные спектакли студентов в пользу товарищей в особенности пользовались большим успехом у публики. Замечательно, что тогда несколько лет было принято, что женские роли исполняли тоже студенты. Помню, давали «Игроков», «Женитьбу» Гоголя и другие пьесы. Товарищи Никорович, Лагорио и еще другие прекрасно исполняли женские роли. Своею миловидностью, мягкостью голоса и хорошою игрою весьма подходили к своим ролям и чрезвычайно нравились публике. В антрактах устраивались концерты также студентами: очень популярна была игра на фортепьяно Юрьевича и игра талантливого скрипача Соколова. Студенты были ревностными посетителями итальянскую оперы, которая в те времена славилась в Одессе. После знаменитых Брамбиллы и Баседжио, в 1857-58 годах в Одессе были тоже известные певицы: примадонны Ореккия и Монжини, а также славные певцы, тенор Поццолини, баритон Серматеи (он же и антрепреньер оперы) и бас Рокинонский. Студенты делились на «ореккистов» и «монженистов». Давались часто старые оперы: «Норма», «Лукреция Борджиа», «Сонамбула», «Пуритане» и др. Спектакли сопровождалась всегда бурными овациями; они выносились часто и на улицу, после ухода артистов домой. Воодушевление молодежи почти всегда сопровождалось и дальше такими порывами, что не раз были слышны ночью голоса студенских групп, распевавших арии из разных опер и возвращавшихся по полутемным и малоосвещенным тогда улицам пшеничного города, как его называли. Это пение не

поражало жителей Одессы, привыкших к постоянному пению иатльянских шарманщиков, игравших и распевавших оперные арии. Город в те годы имел характер иностранный, коммерческий, переполненный греками, итальянцами, турками и разными восточными народами. Как известно, улицы назывались двумя языками: русским и итальянским, *strada, stradella*. Старые здания, как сгоревший оперный театр, здание городской думы, греческая площадь с сохранившимися еще теперь домами с колонами – все это итальянской постройки.

Возвращаясь к жизни бывших студентов Ришельевского лицея и отношению к ним одесского общества, должен сказать, что все студенты составляли одну большую семью, одно товарищество, хотя некоторые жили отдельными кружками. Была значительная группа богатых студентов из Подольской и Киевской губерний, имевших свои отдельные квартиры, поваров и экипажи; но все же у них часто собирались товарищи и пользовались их гостеприимностью. Часть студентов жила в разных семьях и у некоторых профессоров лицея; но большинство – на частных квартирах и большими группами, которые назывались колониями. Такая большая колония, между прочим, известна была на Спиридоновской улице в доме Винтури, вблизи Нежинской улицы, где жило около 15 человек, по одному или по два в комнате. Жизнь была недорога: студент, живший с товарищем, платил в месяц 16 рублей, за что имел чай утром и вечером, обед из двух блюд и ужин из одного, стирка белья, а некоторые и освещение, правда – плохое, состоявшее из сальной свечи. Стеариновых свечей и керосину тогда не было, их заменяли парафиновые свечи, и то у людей со средствами. Роскошью были масляные лампы. В этой колонии между прочими жили студенты: В. Аристов, бывший председатель Одесской и Варшавской судебных палат и сенатор, Г. Перетяткович, бывший профессор Новороссийского университета и другие, которых не вспомню. Сюда часто заходили товарищи по вечерам и различно проводили время: занимались составлением лекций или литературой, проводили группами время в беседах, рассказах и анекдотах, иногда в хоровом пении, а то упражнялись в фехтовании на студентских шпагах, у кого они были. Здесь решались товарищеские вопросы и веселые предприятия. В городе кроме оперы, где была и драма, редких концертов, зимою

балов у негоциантов и скромных вечеров в семейных домах, других развлечений не было. Поэтому небольшие группы студентов вечерами проводили время в больших чайных трактирах, как в доме Маюрова на Греческой площади, или ресторан Алексева в городском саду, где были большие оркестрионы, игравшие разные оперы. Входят бывало студенты к Маюрову и первое, что требуют – это пару чаю и «Фенелу» или другую оперу. Пара чаю стоила 7 или 8 копеек. Так бывало за чаем и закусками проводили время. Популярными были очень у студентов две кондитерские на Дерibasовской улице: Кальгера, против здания старого лицея, и дальше Высочанского, а в особенности первая. Здесь всегда собирались товарищи и пользовались кредитом у хозяина, который записывался в особой книге. Проводили время за шахматами, шашками и домино. Политикой и газетами, которых в то время было очень мало, почти не занимались. Здесь были такие завсегдатаи, которые даже хранили свой мундир, треуголки и шпаги под прилавком; ими пользовался не один товарищ в случаи нужды для визитов.

Любили иногда студенты заходить пообедать или поужинать в небольшие рестораны, пользовавшиеся у них, у учителей и у мелких чиновников популярностью. Такой был в доме Маюрова на Греческой площади в полукруге, против нынешней телефонной станции. Назывался он «Rendog vous des amis» и содержался Долопчевым, бывшим маркитантом на парокладах. Цены на все были небольшие. Тогда крымских вин и лучших шабских было очень мало; пива тоже не было: пили английский портер. Но больше были в употреблении греческие вина «косис» и «сантарина», которые были очень дешевы, а подороже – кипрские и итальянские. Простые бессарабские вина продавались для простого народа в погребах с двумя надписями: винный погреб и «Cantina con diversi vini».

Я сказал выше, что студенты лицея, как представители высшего учебного заведения и с достаточным домашним воспитанием пользовались в обществе особенным вниманием. Избалованные намного таким положением, а частью и некоторой свободой в здании лицея, которая проявилась у студентов при сердечном отношении попечителя Н. И. Пирогова к учащейся молодежи, известные группы из них в частной жизни проявляли молодые порывы и шалости несколько резко. Так, иногда, после веселой попойки в ресторанах,

или у товарищей, возвращались они поздно ночью с пением по плохо освященный улицам^{VI} и бывали задерживаемы обходом. Эти столкновения обыкновенно скоро улаживались мирно, когда к ним в помощь являлись товарищи из колонии Винтури или другой. Так как студенты лицея не подчинялись полиции, а только своей инспекции, то бушевавшая молодежь освобождалась, а полицейские чины в редких случаях доносили на следующий день инспектору лицея о случившемся. Проступки эти иногда оканчивались замечанием или выговором. Хотя в лицее и существовал номинально карцер, но я не помню, чтобы кто-либо в нем из студентов был арестован.

С приближением времени экзаменов в конце мая или начале июня, студенты стали суетиться о заимствовании у товарищей лекций и других пособий. Обыкновенно в течении года занимались записыванием и составлением их немногие, а литографирование еще не было в ходу. Некоторые студенты готовились к экзаменам самостоятельно, но многие обыкновенно присоединялись к какой-нибудь группе и слушали вместе с другими. Это время имело свою прелесть: оно вызывало большую заботу и служило иногда развлечением и весельем. Экзамены проходили серьезно и весьма доброжелательно со стороны профессоров. Редко кто оставался на второй год в том же курсе; но были такие любители веселой, иногда беззаботной студенческой жизни, что оставались без экзаменов в том же курсе по два года; таких стариков было у нас несколько. Экзамены оканчивались во второй половине июня и завершались веселыми пирушками в Дюковском саду или на даче Ланжерона.

В 1858 году, после Н. И. Пирогова, попечителем Одесского учебного округа был назначен Ребиндер. Он пробыл в Одессе недолго и после мягкого и общительного своего предшественника казался неприветливым и формалистом, что вызывало неприязненные к нему отношения некоторых студентов. Кратковременное пребывание его в Одессе ничем выдающимся не ознаменовалось. Он занялся осуществлением проекта преобразования лицея в университет, представленного Пироговым министру народного просвещения Ковалевскому и приступил к удешевлению сметы университета; но это еще более затянуло решение вопроса.

^{VI} Одесса в те годы была мало застроена и мало заселена; жителей было около 120 000.

28 февраля 1859 года Ребиндера сменил попечитель Могилянский. Он хотя был приветливее и мягче предшественника, но все же не мог иметь того авторитета, каким пользовался Н. И. Пирогов. При нем вскоре, к сожалению, произошел диссонанс в жизни студентов лицея. С Ребиндера начались некоторые ограничения и требовалось больше порядка и исполнений у студентов, запрещалось даже иногда случайное курение в коридорах, что вызывало замечание инспектора лицея. Это было причиной столкновения инспектора А. М. Богдановского с нервным и раздражительным студентом Савиным, оскорбившем достойного профессора ударом. Случай этот вскоре сделался известным попечителю Могилянскому, который велел собрать студентов в актовый зал. Явившись туда с инспектором Богдановским, он обратился в небольшом собрании студентов с упреком, что они не уважают профессора и позволяют себе оскорблять его, и требовал извинения. На этот упрек выступил студент Гирчич. Он просил попечителя не смешивать эту неприятную для студентов выходку Савина с общим настроением товарищей и находил, что извиняться студентам в личном, частном столкновении не приходится, иначе они оказались бы солидарными с Савиным в этом поступке, причем выражает сожаление о случившемся факте с уважаемым профессором. Тем дело это и кончилось в этом собрании. Студент же Савин в сентябре 1859 года был уволен из лицея. Но весть о грустном факте распространилась по городу. Отголоском ее явилось письмо к студентам от директора Общества пароходства и торговли Громеки. Он желает быть выразителем общественного мнения и упрекает студентов в неуважении к своим профессорам; он выразился в резкой форме об их поведении, что они стараются доказать свои убеждения палками и кулаками, или что-то в этом роде; подробности письма не вспомню. Это послание заволновало студентов: стали собираться кружки, чтобы решить форму ответа. Редакцию принял на себя Аристов. К сожалению, подробности этого ответа не помню. Знаю, что он был в серьезном тоне и излагал бывшее единение студентов с профессорами и то уважение и отношение, какими студенты пользовались у попечителя Н. И. Пирогова. Приписывать отдельные личные эксцессы, которые везде возможны, целой корпорации – неосновательно. Результатом такого ответа было извинение Громеки

пред студентами; чем и кончилась вся эта история нервного товарища.

Мнистерство народного просвещения отнеслось к этому событие сравнительно довольно пассивно, а в знак доверия и уважения к достойному А. М. Богдановскому через некоторое время наградило его орденом Св. Анны второй степени.

В том же 1859 году прибыл в Одессу государь император Александр II и посетил лицей 28 сентября в 2 часа пополудни. Хотя много студентов еще были в отпуску, но к прибытию Императора собралось несколько десятков человек. Войдя в актовъй зал, государь обратился к студентам приблизительно с такими словами: «Здравствуйте, господа! Мне известно, что у вас произошли небольшие беспорядки; надеюсь, что больше этого не повториться». На эти слова студенты ответили: «Постараемся, ваше Императорское Величество!». Затем Государь пошел осматривать кабинеты и аудитории, и всем виденным остался доволен, причем отнесся весьма сочувственно к вопросу создания университета в Одессе.

1860 год прошел нормально, без всяких особенных событий в жизни лицея. Между тем попечитель Могилянскій продолжал хлопотать о приведении проекта основания в Одессе университета в исполнение. Этому делу содействовал много Новороссійскій генерал-губернатор, граф Строганов. Он добыл от дворян Херсонской и Бессарабской губерний согласие на субсидирование университета, первых в сумме 5935 р., а вторых 2197 р. ежегодно. Таким образом, попечитель Могилянскій, получив эти сведения, в начале 1861 года просил императора Александра II о преобразовании лицея; ходатайство это удостоилось высочайшего одобрения. Но окончательное решение этого вопроса последовало в следующем году, после усиленных стараний графа Строганова, попечителя Могилянскаго и поддержки одесскаго городского купеческаго сословия, дворянства Херсонской и Бессарабской губерний. 10 июня 1862 года император Александр II повелел: «Учредить Новороссійскій университет в Одессе, преобразовавъ для сего в университет тамошнїй Ришельевскїй лицей».

Описав свои воспоминания из жизни Ришельевскаго лицея в мою бытность студентом его, я желал бы сказать несколько слов о

товарищах моего времени, так как многие из них сделались в 60-х годах видными деятелями по земству и судебному ведомству в Бессарабии и Херсонской губернии. Некоторые из них по окончании лицея поступили в Киевский, Московский и Петроградский университеты и по окончании их занимали должности профессоров и другие в высшей иерархии судебного ведомства.

После перенесения Ришельевского лицея в 1857 году в новое здание на Херсонскую улицу и празднования сорокалетия его, с 1817 по 1857 год, описанного инспектором И. Г. Михневичем в его историческом обзоре, лицей существовал в такой форме еще восемь лет, до 1 мая 1865 года. В труде Михневича приложены списки бывших воспитанников лицея по выпускам по 1857 год и бывших в разное время, но неокончивших курса.

Желал бы я дополнить этот обзор списками выпусков студентов за последние восемь лет его существования, хотя бы слабыми воспоминаниями о деятельности товарищей и воспитанников, бывших уже после меня до основания университета. Некоторые из них упомянуты в сборнике, издаваемом бывшими воспитанниками^{VII}. Но сборник этот приостановился и более сведений о студентах Ришельевского лицея последних годов не появлялось.

Из архива Новороссийского университета я имел возможность получить списки бывших студентов Ришельевского лицея по выпускам за следующие года: 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864.

Приводя их и по отделениям, я позволю себе дополнить о многих из них собранные мною сведения о служебной и общественной деятельности.

ВЫПУСК 1858 ГОДА

- I. Юридическое отделение.
 1. Стратонов Виктор..... директор гимназии
 2. Фатуровский Павел.....
 3. Валсамаки Василий.....
 4. Деденкул Федор.....
 5. Науменко Петр.....канцел. Новорос. генер.-губер.
 6. Величковский Дмитрий.....
 7. Гросул-Толстой Иван.....землев. Тирасп. уезда, судья Од.
 8. Розенберг Исаак.....

^{VII} Часть 1. Одесса.1898 года.

9. Кассо Аристид... круп. землевл. Бессар. губ. | от министра нар. прос. |

II. Физико-математическое отделение.

1. Манько Павел.....
2. Калинеску Михаил.....
3. Розенберг Валентин.....
4. Лойдис Платон.....
5. Садовский Виктор.....

III. Камеральное отделение.

1. Люнденгрейн Евгений..... землевладелец Херсонск. губ.
2. Ралли Александр.....землевладелец Бес.губ.
3. Ганский Павел.....директ. Херс. земск. банка
4. Красюк Федор.....
5. Красильников Виктор.....землевлад. Херс. губ.
6. Щербаков Григорий.....землевл. Таврич. губ.
7. Бальтух Бернард.....
8. Вейнберг Николай.....
9. Зиберев Александр.....одесский купец
10. Постоленко Ипполит.....
11. Коллович Дмитрий.....директор гимназий Киш. и Тир.

ВЫПУСК 1859 ГОДА

I. Юридическое отделение.

1. Кречунеско Николай.....землевлад. Бессар. губер.
2. Леонард Кириак...б. уезд. пред. двор. и дир. Хер. зем.

банка

II. Физико-математическое отделение.

1. Никорович Виктор.....
2. Кантакузин Георгий.....
3. Докс Виктор.....б. мировой судья Одессы и член Управы
4. Кассо Николай.....круп. землевл. Бессар. губ.
5. Крусер Александр.....член Одес.окруж. суда
6. Ланге Николай.....судеб. следов.
7. Поплавский Федор.....домовлад. Одессы
8. Сатовский Григорий.....

III. Камеральное отделение.

1. Перестиани Николай.....

2. Славинский Николай.....при Новорос. генер.-губернат.
3. Гоната Степан.....землевл. Бессараб. губ.
4. Близнин Гавриил.....директ. Елисаветгр. реальн. уч.
5. Гинкул Григорий.....
6. Донич Николай.....Оргеевск. уездн. предв. двор.
7. Островский Михаил.....
8. Богданов (Григорий) Георгий.....в Мин. госуд. имуществ.
9. Гангблов Александр..... бывш. нотариус
10. Фатуровский Порфирий.....
11. Крыжановский Николай.....домовл. Одессы
12. Никопольский Лазарь.....Кишиневский купец
13. Ганзен Эрнест.....в Общест. парох. и торг.
14. Иванович Иван.....
15. Томара Дмитрий..... землевл. Тавр. губ.

ВЫПУСК 1860 ГОДА

I. Юридическое отделение.

1. Вергос Николай.....пред. окруж. суда в Царстве Польск.
2. Осинский Грациан.....домовладелец Одессы
3. Романов Николай.....
4. Ревуцкий Иван...пред. окр. суда в Кишинев и член
судеб.палаты
5. Чапенко Николай.....
6. Цислинский Платон.....
7. Остроухов Александров.....
8. Супруненко Георгий.....член судеб. палаты в Одессе.

II. Физико-математическое отделение.

1. Чернов Степан.....землевладелец Херс. губ.
2. Чорбажогло Константин.....канцел. Новорос. генер.-губ.
3. Ярош Николай.....

II. Камеральное отделение.

1. Аристов Владимир.. б. пред. суд. палаты Одессы, Варшавы
и сенатор
2. Буяльский Николай.....учитель Кишинев. гимназии
3. Делакур Павел.....землевл. Херс. губ.
4. Маринкович Николай.....
5. Перетяткович Георгийпроф. Новорос. универс.

6. Серeda Петр.....судебный следователь
7. Супруненко Александр.....

ВЫПУСК 1861 ГОДА

I.Юридическое отделение.

1. Артамонов Василий.....
2. Брусов Ксенофонт.....
3. Гафенко Николай...емлев. Бес.губ., б. секр. Бес.-Тав.зем.
банка
4. Добров Леонард.....
- 5.Значко-Яворский Александр..... землевл. Херс. губ.
6. Леонтьев Андрей.....в канц. Новорос. ген.-губерн.
7. Макаров Петр.....
8. Масалов Владимир..... учитель Одес. ком. учил. и гимн.
9. Павловский Яков.....
10. Пиллер Сергей..... служ. в. Херс. земск. банке
11. Скальковский Александр управ. министр. почты и тел.
12. Соколов Александр.....
13. Стражеско Дмитрий мир. судья Одессы и дир. Херс. зем.
банка.
14. Тиктин Самуил.....присяжный поверенный Одессы
15. Фон-Гойер Виктор.....

II. Физико-математическое отделение.

1. Докс Федор.....
2. Камбиаджи Евгений.....

III. Камеральное отделение.

1. Бржосниовский Александр.. лаборант в Новорос. ун.,
агроном
2. Белецкий Павел.....
3. Вейс Евгений.....
4. Иванов Степан в канцелярии Таврич. губернат.
5. Кармазин Даниил.....
6. Кодрян Николай.....директор Кишиневск. реальн. уч.
7. Лансберг Павел.....в канцел. Бессар. губернат.
8. Максимович Петр.....
9. Малахов Петр..... землевладелец Херсонск. губ.
10. Рашков Николай.....в Государст. банке, Одесса

11. Соколов Александр..... директор Одес. реальн. учил.
12. Синицын Иван..... домовладелец Одессы
13. Спатарев Филипп.....
14. Стреха Николай.....полковник, воинский начальник
15. Хрусталеv Лев.....учитель Одес. инс. благор. девиц

ВЫПУСК 1862 ГОДА

I.Юридическое отделение.

1. Альбранд Александр.....председатель съезда миров. суд. в
Одессе

2. Павловский Болеслав
3. Пересветов Николай.....

II. Физико-математическое отделение.

1. Серебряков Николай.....
2. Юрьевич Мечислав.....землевлад. Подольск. губ.

III. Камеральное отделение.

1. Болгарский Петр.....
2. Белоцерковский Михаил.....
3. Верницкий Франц..... землевлад. Подольск. губ.
4. Виноградов Владимир.....
5. Димо Павел.....мировой судья в Бессар. Ор.уез.
6. Ламзаки Демьян.....управ. акциз. сборами Округа
7. Мышковский Александр.....член уездного суда
8. Стародубов Феодосий.....учитель гимназии в Одессе
9. Угринов Павел.....
10. Хоперский Николай.....полковник Дон. казаков
11. Хрусталеv Николай.....
12. Яковлев Павел.....

ВЫПУСК 1863 ГОДА

I.Юридическое отделение.

1. Бечаснов Григорий.....землевл. Херс. губ. по судеб. вед.
2. Буркгарт Эммануил.....судебный следователь
3. Ганкель Михаил.....
4. Кременецкий Николай.....
5. Логинов Илья.....
6. Мищенко Владимир.....

7. Прилуцкий Антон.....б. мировой судья Одессы.
8. Станилевич Василий.....б. судебный следователь Херс.губ.
9. Теут Константин.....
10. Чикаревский Александр.....
11. Кохно-Кутовый Михаил.....домов. Одессы.

II. Физико-математическое отделение.

1. Белецкий Степан.....
2. Воско Петр.....
3. Дела-Вос Федор.....мировой судья
4. Качулков Иван.....учитель в Кишиневе

III. Камеральное отделение.

1. Аверьянов Михаил.....
2. Брун Карл.....в Одесской городской управе
3. Истомин Павел.....
4. Лагорио Евгений.....инспек. студентов Киевского ун.
5. Липковский Владислав.....землевл. Подольской губ.
6. Лысаковский Лев.....земл. Бессар.губер.
7. Павловский Николай.....
8. Погоронельский Евгений.....
9. Пуришкевич Митрофан.....пред. Аккерман. зем. управы.
10. Райко Павел.....пред. окр. суда на Кавказе
11. Щербаков Николай.....землев. Екатер. губ.
12. Феодосиу Илья.....
13. Верницкий Вацлав.....

ВЫПУСК 1864 года

(окончили студенты II-го и III-го курсов)

I.Юридическое отделение.

а) III-й курс:

1. Бутенев Михаил.....
2. Вициевский Владимир.....нотариус в Одессе
3. Волков Александр.....
4. Горе Александр.....нотариус в Кишиневе
5. Знаменский Сергей.....пред. съезда миров. судей в Одессе
6. Иванов Федор.....сенатор
7. Кациков Дмитрий.....
8. Костенский Николай.....

9. Кривцов Викторсудебный следователь
10. Минаков Леонид.....
11. Невенгловский Владислав.....
12. Пиотух Александр.....
13. Родионов Митрофан.....

б) II курс:

1. Бечаснов Николай.....
2. Грудзинский Николай.....
3. Докс Анатолий.....член Одес. суд. палаты
4. Карпов Владислав.....
5. Коллович Христофор.....
6. Маляревский Василий
7. Мельников Иван.....
8. Полнер Иван.....
9. Родионов Николай.....
10. Сонцев Алексей.....
12. Трясцовский Александр..... прис. повер. в Кишиневе
13. Шляхов Яков.....
14. Шостак Яков.....
15. Окс Моисей.....присяжный поверенный.

II. Физико-математическое отделение.

а) III курс:

- Козаков Николай.....

III. Камеральное отделение.

а) III курс:

1. Брун Людовик..... библиотекарь Новорос. университет.
2. Добровольский Иван.....
3. Гудков Николай..... по акцизу пом. завед. очист. ск.
4. Домбровский Викентий.....
5. Лысаковский Карл..... учитель гимназии в Ромнах.
6. Чубовский Илья..... земелвладелец Херс. губер.
7. Энгестрем Василий.....

В 1865 г. на III курсе юридического отделения:

1. Бондаренко Георгий.....
2. Павловский Яков.....
3. Шапеллон Август.....профессор Новорос. университета
4. Антоневиц Иван.....

Кроме студентов настоящих списков по выпускам в Ришельевском лицее воспитывались в этих годах и нижепоименованные лица, которые не означены потому, что переводились в разные университеты или не окончили курса в лицее. В мое время были:

1. К. И. Писаржевский.....председатель губернской земской управы, в последнее время директор Бес.-Тавр. зем. банка
2. П. Завадский.....председатель Москов. судеб. палаты, директор канц. департ. минист. юстиции.
3. П. Леонард.....землевладелец Бессарабии и видный земский деятель
4. И. А. Оханов.....землев. Бессар. губер. и зем. деят.

Позднейший в 1862 году:

- И. И. Курис.....губернский предводитель дворянства в Херсонской губернии.

А. Кочубинский

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В самом начале текущего года наше Общество лишилось одного из своих ревностных и преданнейших по прямым интересам членов, по возрасту старейшин, но не по времени вступления в его среду – только, так сказать, от вчерашнего дня. Оно лишилось Николая Ив. Ленца², умершего 4-го января, в Одессе, на исходе 76-го года жизни (родился 23 апреля 1830 года), следовательно, уже в преклонной старости. Но эти высокие годы на энергическом и худом лице покойного, на всей его сухой фигуре и движениях, своего тяжелого отпечатка не накладывали, чувствовать себя как бы не давали. Он был почти в каждую минуту одна энергия, – «и на челе его высоком не изменялось ничего». Он был настоящий одесский человек уже потому, что провел в нашей среде почти шесть десятков лет (опускаем разновременные отлучки по нашему Югу, то сюда, то туда), но с преданиями старого, строгого, неприхотливого времени, когда жизнь вырабатывала свои, хоть скромные, духовные силы, жила скромно, но с чистыми и честными руками и с головой немного даже от идеала, поотдаль от наживы и бесстыдства, отворачивалась еще от перспективы четырехгранного туза... Да, одесская глина и приняла его бранные останки на «вечное» успокоение...

Родился Ленц в Херсоне. Отец его был архитектор, немец и родом из Ганновера. И мать была немка¹. Патентованное немецкое происхождение не помешало нимало сыну выработаться в сильного, горячего, убежденного русского человека, воспитывать в этом милом облике поколения за поколениями и остаться с ними до конца своих дней, не смотря на все больший и больший, пред его глазами, подъем смело вздымающейся инородческой волны, под разными флагами, на испытуемом Юге, в этом, отмеренном ему судьбой, земном околке.

Коснувшись немецкого происхождения Ленца, не могу в своей памяти не воскресить второй симпатичный образ также немца, и также деятеля Одессы и уроженца Юга, и также честного, усердного работника на той же учебной ниве, старшего однокашника Ленца, но

¹ За сообщение этих и некоторых других дат из ранних лет приношу глубокую признательность вдове А. И. Ленца.

главным образом – редкого художника живого русского слова. Я говорю о моем когда-то близком сослуживце в Одесской 2-й гимназии (1868 - 71), учителе русского языка, Эмм. Феод. Вобсте (умер 25 февраля 1871 года).

Кто из старых людей мог позабыть эту деликатную, поэтическую фигуру учителя русского языка 2-й гимназии и популярного тогда женского пансиона Матео? Дар художественного чтения литературных произведений, передачи рассказов, особенно в комическом стиле, у Вобста был поражающий: он двигал слушателем как вируоз. Горбунов пред ним был однообразен, а местный Павел Вейнберг только слабо подражал Вобсту и шаржировал. Как преподаватель русского языка и словесности, Вобст был неоценим; как человек, это – был русский до последнего нерва.

Но по рождению этот выдающийся русский человек старой Одессы (из Риш. Лицея) был немец из Саксонии, впрочем, мать – гречанка. Но возвращаемся к Ленцу. Происхождение от немца готово было помешать ему стать русским, лишить его нас, а нас его.

Юный Ленц свое среднее, гимназическое образование получил в губернской, т.е. Херсонской гимназии. Сын, понятно, серьезной немецкой семьи, мальчик шел всегда в голове класса и кончил курс первым учеником; но далее? Как ганноверскому подданому, ему предстояло в перспективе отказаться от возможности идти далее – в Ришельевский лицей. Это после марта 1848 года. По словам его вдовы, многоуважаемой Аделаиды Ивановны (из фамилии Ридигер, московской институтке, в замужестве с 1861 года), только вмешательство в судьбу Херсонского гимназиста княгини Лопухиной в Одессе открыло ему доступ в Ришельевский Лицей, который был тогда и с заслуженным именем, и богат слушателями.

Ленц поступил на юридическое отделение только в 1850 году, вступил в то высшее заведение Юга (даже с восточным отделением), которое немало бросило по Югу и по России преданных и бодрых русских деятелей, о деле думавших, а не об одном для себя куске хлеба, на разных поприщах, от дипломатической карьеры и до серенькой школьной ниши. Наш посол в Берлине сегодня, граф Остен-Сакен, студент Ришельевского лицея и современник Ленца.

В 1853 году Ленц окончил лицей. Хотя юрист, но можно думать, что из профессоров лицея особенно близок к Ленцу был проф. словесности К. П. Зеленецкий, также воспитанник лицея, выпуска

1833 года. Из «Исторического очерка лица» инспектора И. Г. Михневича (стр.121) мы узнаем, что из представляемых, по обычаю того времени, студентами при окончании курса курсовых сочинений на свои темы найдено «отлично хорошим» и сочинение Николая Ленца. К сожалению, тема не указана. Незадолго до смерти Ленц подарил автору этих строк толстый сборник журнальных статей 30-х и 40-х годов из библиотеки проф. Зеленецкого. Но, иожет быть, этот сборник приобретен уже после смерти его учителя (в 1858 году). По крайней мере, такие книги, как сербские песни В. Караджича, первого издания, 40-х годов, и полученные нами как-то от Ленца путем обмена в 80-х годах, вероятнее всего, куплены были последним из библиотеки покойного Зеленецкого.

Автору настоящих строк Ленц был учителем русского языка и словесности в гимназии, состоявшей при Ришельевском Лицее, с 4-го по 7-й класс, в 1859 – 1863 годах, позднее, был сослуживцем там-же и, наконец, совместным деятелем в одинаково дорогом для обоих нашем старом Историческом Обществе.

По окончанию курса, Ленц, в июле 1853 года, был назначен и. д. учителя русского языка в Аккерманское уездное училище на скромную должность с жалованием в 200 рублей в год. Тогда он и принял русское подданство. В те времена подобное назначение было обычным приемом в судьбе ришельевцев, раз они нуждались в службе.

Автор этих воспоминаний поступил в 1-й класс Аккерманского училища в мае 1854 года, но Ленца не застал: он еще в январе был перемещен в Одессу учителем истории в уездное училище. Но автор, окончив курс в училище в 1857 году, помнит целый ряд лиц из того же Лицея: преемника Ленца по предмету – Н. И. Сырба, затем Даневского, Абрамова, Геращеневского. Просмотр академических списков у Михневича, в его «40-летие Ришельевского ицея», говорит о том же служебном приеме. Вознаграждение за труд молодого лицеиста – 200 рублей – было крохотное, с нашей точки зрения – несколько комическое. Но не забудем, что цена николаевской копейки была иная: в Аккермане тогда око (3 фунта) баранины стоило 6 коп., говядины 9 (и даже позже); на базар двугривенный был достаточен. Мой отец за болгарский дом с местом (правда, дом под камыш) заплатил 150 рублей.

Критическое, очистительное, время Севастопольской кампании Ленц прожил в Одессе, на службе по училищу, учителем и смотрителем. Мы еще недавно в своей среде слышали, а в газетах читали, его живые воспоминания об Одессе в те дни, о Щеголеве и его деле. Тогда же мы видели, как рано в покойном нашем сочлене появилась жилка коллекторства, то благородное увлечение, которое не покидало его до последних дней. Предложенные после в юбилейном заседании (по Щеголеве) картинке обстрела Одессы от англо-французского флота, с стихотворным объяснением отдельных моментов его, с удачной подделкой под народный дух, живая память этого коллекторства.

После войны Ленц был переведен в Екатеринослав, в гимназию, как пансионский репетитор, и все с тем же экономическим содержанием – 200 рублей в год. Любопытно, что когда сочтено было справедливым возблагодарить Ленца за труды из специальных сумм в 100 рублей, то для этой выдачи необходимо было разрешение самого министерства. А позже? Давлело одно внимание директора, по зонам. Но уже летом 1857 он опять в Одессе, в качестве учителя русского языка в местном Институте благородных девиц, а в октябре следующего года он был откомандирован к исправлению должности старшего учителя русского языка в гимназию при Ришельевском Лицее.

Я поступил в эту гимназию в сентябре (5-го) 1857 года, когда старшим учителем русского языка был мрачный, в темно-синих очках Синева, сослуживец тогда нашего знаменитого Менделеева, грозного Папкова. Все это была молодежь, из Главного Педагогического Института, а путь на Юг оттуда открыл еще в 1851 году Р. В. Орбинский, известный своим образованием и деловым умом, профессор и педагог. Синева и сменил Ленц, как преподаватель с 4-го класса.

Как отмечено выше, я вошел в число учеников Ленца в 1859 году, с переходом в 4-й класс.

Как окончивший уездное училище, с правом поступления на государственную службу – в 12 лет – я считался грамотеем. Но хорошим знанием русской грамматики я был обязан оригинальному руководству П. Смирнова (позже член окружного суда во Владимире-на-Клязьме), уже в гимназии: в училище царил краткий Востоков, неумело воскрешенный позже Кирпичниковым, чтобы не сказать

сильнее. С 4-го класса начался церковно-славянский язык: сначала по дурной хрестоматии Пепинского, но уже в 5-м классе сменной «Опытом исторической грамматики русского языка» Буслаева, в выборках, а не зубрение подряд, как это практиковалось тогда кое-где по соседству. Признаюсь, с большим трудом доставалось мне знание церковно-славянской грамматики; самая фигура букв как-то останавливала, чтобы не сказать – отталкивала; не без ужаса представлялась самая простая буква (влияние учебника Пепинского, сокращение Добровского, с транскрипцией все). Может быть, отзывалась и страшная книга по Закону Божию еще из 2-го класса – «Чтения из четырех евангелистов» – вся церковным шрифтом... Но Ленц все усилия употреблял, чтобы отбить у нас, юношей, эту неохоту к церковно-славянской грамматике, стараясь, по возможности, отправляться от данных отечественного языка путем сравнений, сопоставлений навести на желанный ответ. Не забудем, что все-же Ленц был юрист.

На уроках Ленц был ровен, не строг, но серьезен, настойчив и требователен. Мы его уважали, но побаивались, именно его усмешки, пронизывающего ухмыления. Сам же он не только никогда не выходил из себя, но никогда не возвышал голоса; всегда ровно говорил, с некоторым растяжением последних слогов, конца. Как сейчас помню страшную минуту в 4-м классе, когда я на доске написал: «ветхий» через е: он взглянул на доску и на меня, ухмыльнулся, и я, желая в ту минуту провалиться – ведь я почитался сведущим: «И с той поры я больше не писал» – чрез е.

Живые пошли занятия по теории словесности (учебники М. Чистякова и К. Зеленецкого), когда я, для выработки языка, стал пописывать стихи и переводить с немецкого из Хрестоматии лицейского профессора В. Топорова^{II}). Размер и рифма давались легко, не так, как моему товарищу – другу Карасевичу (П. Л., позже юрист – профессор Московского университета, рано, в 1875 г. умерший), у которого из тех же стихов выходила одна каша, без различий ямба и хорая.

В 6-м классе Ленц проходил с нами историю иностранной литературы, по киевскому учебнику нежинского профессора

^{II} В памяти сохранился перевод немецкого двустишия, кажется, из Лессинга:

«Жирный кабан и скупой человек
Пользу приносят, проживши свой век»

А. И. Линниченки³. Мы много читали, именно из английской литературы: Шекспира (тогда образованный книгопродавец А. С. Великанов стал издавать в Одессе отдельные трагедии), Вальтер-Скотта, Диккенса и др. В 7-м, последнем тогда, классе Ленц занимался с нами отечественной литературой, по литографированному учебнику того же Линниченки; но он особенное внимание обращал на модное тогда направление – народные былины. Почти каждый из нас, учеников, приобрел для себя по первому тому только что явившегося тогда из Москвы собрания песен Рыбникова. Сам Ленц на одном из так называемых актовых собраний гимназии читал речь о народной русской поэзии.

К сожалению, не могу вспомнить, какого рода литературные упражнения велись с нами у Ленца. Одно помню – они были свободными, без надоедливого приурочивания к четвертям года. Помню по передаче, что в 7-м классе у Синева писали большие разборы Руслана и Людмилы и других поэм Пушкина – целые тетради. Помню также, что сотрудник Ленца, всегда памятный покойный протоиерей Март. Ф. Чемена, тогда законоучитель Ришельевской гимназии, затем также член нашего Исторического общества, время от времени задавал нам писать нечто в роде церковных слов на темы общенравственного или философского характера. От себя мы издавали с 6-го класса рукописный журнал. Название забыл. Редакторами были: крошечный Ревуцкий (позже известный земский деятель в Елисаветградском уезде) и вечный, теперь седой, революционер Ф. В. Волховский, способная, но не уравновешенная голова.

Припоминаю и одну шалость у нас, пансионеров, к которой привлечен был нами Ленц, конечно, пассивно, не подозревая того, что мы с ним проделываем со дня на день. Нало иметь в виду, что в то время в старших классах бывали обыкновенно великовозрастные пансионеры, далеко за 20 лет – едва ли не один я был какой-то жалкой, беззащитной пигалицей между них.

Преподавая у нас в гимназии, Ленц продолжал учить и в Институте. Помню хорошо историческое пальто Ленца – зеленоватого сукна (помимо скромности средств, тогда мехов и в заводе не было – у нас шинельки без подкладки, с черным стоячим воротником, как у моряков), с большими обшлагами у рукавов, как у солдат. В эти обшлага вкладывались нужные записочки для Института (когда

пальто на вешалке), на другой, третий день из того же тайного помещения доставались ответы. Установилась правильная почта.

Да, перебирая в своей, уже старой, дряхлеющей памяти те давно минувшие годы, годы своего гимназического обучения (1857 – 1863), я не могу с полной признательностью не сказать, что если я, по окончании Ришельевской гимназии, направился в далекую Москву, то, помимо указаний и советов моего дорогого, многосторонне образованного отца, хотя и уездного священника, но из кишиневских семинаристов, это я сделал не без косвенного влияния Ленца, рано познакомившего меня с блестящей плеядой московских университетских профессоров того знаменитого времени, учившего нас уважать еще Москву и ее науку. И мои школьные товарищи поплелись за мной в Москву на перекладных, как окончившие (всего нас четверо), так и неугомонный Волховский. Товарищ Поплавский (И. Я., теперь судебный деятель) выписывал на свои деньги «Русский вестник». Не пройду далее и не скажу, что если мои симпатии в университете остановились на филологии, то и тут было косвенное участие Ленца. Но мне много стоило упрямо отстаивать свои симпатии в науке; а в этой моей упрямоности мог отзывать Ленц. Впрочем, одно помню, что рано я стал исподволь знакомиться с польским языком: почти каждое воскресенье после обеда я просиживал час, другой в кондитерской Высочанского (на Дерибасовской, теперь д. Ведде, с вечной громадной пасхой в роде замка за стеклом в окне) с чашкой шоколада и номером «Gazety Warszawskiej». Рано пробуждался филологический вкус..., как-будто...

Разнообразные и сложные административные обязанности, как инспектора Ришельевской гимназии, после закрытия лицея в 1864 году, Одесской 2-й гимназии, директора открытого им реального училища в Николаеве, а затем в 1879 году в Одессе, наконец, директора учительского Института в Феодосии, отымали у Ленца все время. Только урывками Ленц мог обращаться к работам пера, к отставленным интересам мысли. Так, в 1874 году под его редакцией вышел в последний раз столь памятный для целых поколений жителей Юга «Новороссийский календарь» (он непрерывно ежегодно издавался еще от времен гр. Воронцова, с 1834 года, а в 1892 году Одесская городская управа сделала было попытку воскресить издание – традицию, но дело далее одного года не пошло). Здесь заметки Ленца по истории образования в Одессе. В 1888 году, в Феодосии,

издана им обширная записка по истории и состоянию учительского Института («Историко-статистический очерк десятилетия Феодосийского учительского Института, 1874 – 84 г.»). Зато, с выслугой 30 лет и с возвращением в Одессу (1888), открылась новая перспектива – возврат к старине. Причисленный к министерству в распоряжении Одесского учебного округа, со скромной пенсией в 1000 рублей, Ленц (он должен был искать и частных занятий) с юношеской энергией посвятил себя разработкам истории школьного далее в Одессе. Как служившему временами в канцелярии попечителя округа, архив последнего был ему хорошо известен.

Как член городской комиссии 1893 года по составлению описания Одессы ко дню ее столетнего юбилея^{III}, Ленц принял на себя обязанность составить очерк духовной жизни и народного образования, что и исполнил он в обширном трактате юбилейного сборника (стр.569-704), и конечно, без тех ошибок, которыми пестрит издание в других статьях, например, в самом вводном историческом очерке Одессы. Здесь, в этом очерке первых школ Одессы, по чисто архивным материалам, Ленц как бы сделал для себя канву для ученых работ ближайшего будущего – в ряде монографий дать обстоятельное обозрение истории школьного дела в родном, по усвоению, городе. Но вопрос был в помещении, в издании, где бы ему прислониться с своими культурно-историческими работами?

Как раз в это время автор этих строк и предложил Ленцу войти в число членов нашего Исторического общества: в сочувственном приеме старого местного деятеля от однополчан он не сомневался. Это было в 1901 году, в заседании 22 ноября. И что же? Как надо было ожидать, мы сразу увидели нового нашего сочлена, хотя и старика, в роли одного из самых энергичных работников на наше

^{III} К слову, об юбилее, о годе именно нашего города «Одесса», с которого времени оно? Много копий изломано было между членами нашего Общества. Мы помним, например, как покойный протоиерей А. Г. Лебединцев целое дело из архива духовной консистории привлек в заседание, в утверждении 22 августа 1794 года, как термина, от которого идет счет имени «Одесса». Но – раскроем недавно изданный второй том «Архива гр. Мордвиновых», и тут на стр.185 находим официальный рапорт по начальству полкового доктора Беловольского об усиленной смертности летом 1794 года в гарнизоне тогдашней Одессы, о ее причине – пище; дата рапорта одесского доктора – 3 сентября 1794 года, но в нем, в этом официальном документе, город называется «Гаджибей» (турецкая переделка из Кочубей, от XIV столетия, вероятно, от малорусского *коцюба* кочерга: в Подольской губернии есть села с двойными названиями от этого имени: Кочубеев, но вариант – Коцюбиев).

ученое периодическое издание, участником-докладчиком в заседаниях Общества и иных его делах.

Вспомним труды покойного в наших «Записках». Это – объемистая, по архивным документам, историческая монография «Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский лицей (1804 - 1817)», в 24 и 25 томах «Записок», положившая конец всяким розказням поляка Чайковского (попавшим без всякой критики, в русском переводе с польского, даже на страницы «Русской старины»); далее, поминки по герцоге де-Ришелье в лицее в августе 1822 года, с массою архивного материала – всякие речи профессоров, начиная от представителя богословия, прот. Исид. Гербановского в «Протоколах» заседаний Общества № 350, «Бомбардирование Одессы 10 апреля 1854 года», с любопытными приложениями в «Записках», т.26.

Думаем, что осталось кое-что из архивных материалов не обработанным. Деятельность первого директора лицея, лукавого аббата иезуита Николая, всегда занимала Ленца. Он не увлекался ею, а подстерегал.

Положительный, пожалуй, сухой ум Ленца искал материала и, в отличии от иных, стыдился болтовни. Это черта всех его трудов.

Худой, высокий старик от природы был крепкий. Почти никогда не жаловался на недомогания. По обычаю ходил быстро, но в последние годы, при встрече на подъеме, после восхода по лестнице, на обычный вопрос о здоровье, он только указывал на грудь, т.е. трудно дышится. Одышка, порок сердца и свел его в могилу.

Сошел с нашей земной сцены честный, скромный работник, и нескоро мы заместим его в его роли – ответчика на местные исторические запросы, хотя он так недолго работал среди нас. Как незабвенного труженика и занесет наше историческое Общество имя Н. И. Ленца с признательностью на страницы своих летописей второго полувека.

Мир его памяти, этого ганноверца из нашего Юга!

22 октября 1906.

К. Лысаковский¹

**МЕМУАРЫ О РИШЕЛЬЕВСКОМ ЛИЦЕЕ И
РИШЕЛЬЕВСКОЙ ГИМНАЗИИ
конца 50-х – начала 60-х годов**

По случаю предстоящего в будущем году празднования столетия со времени основания Ришельевского лицея как бывший студент онного считаю свои приятным долгом написать несколько слов по этому поводу и изложить мои воспоминания о времени моего пребывания в Ришельевском лицее и Ришельевской гимназии.

Первые мои воспоминания об этих учебных заведениях относятся к началу 50-х годов прошедшего столетия, т. е. ко времени, когда Ришельевский лицей еще помещался между Дерibasовской, Екатериненской и Ланжероновской улицами. Об этом периоде существования лицея у меня сохранились самые краткие и неопределенные воспоминания, так как я был очень маленький в то время. Я только хорошо помню рассказы дяди моего, покойного М. К. Сикора, который много мне говорил о двух известных тогда профессорах Ришельевского лицея: Филиппе Карловиче Бруне, бывшем профессоре всеобщей истории, и его брате, профессоре математики. Сей последний скончался по заявлению и дяди Сикора, и его племянников Людвика и Оскара Брунов, от апоплексического удара. Я знаю также, что товарищами дяди были граф Толстой, отец ныне живущего в Одессе в своем доме по Сабанееву мосту; светлейший князь Семен Михайлович Воронцов, Григорий Григорьевич Маразли, некто Скривано и грек Кашели. Вот приблизительно то, что я могу сказать из эпохи помещения Ришельевского лицея в вышеупомянутом здании. Во время Крымской войны я часто проезжал в нашем экипаже с покойной матерью и умершим братом моим по бывшей Дворянской улице и видел, как строилось здание, где помещается теперь правление, канцелярия и естественный факультет Новороссийского университета. Всякий раз, когда мы проезжали перед строящимся зданием, я с любопытством его рассматривал и останавливался перед ним, осознавая, что скоро Ришельевская гимназия и Ришельевский лицей откроют мне и моим сверстникам двери. И действительно, здание было окончено, кажется,

в 1856 году, а я поступил в Ришельевскую гимназию в августе 1858 года.

До этого времени я обучался в течении двух с половиной лет в пансионе Кнери, пользовавшемся в то время большой известностью и хорошей репутацией. Так как я родился 6 февраля 1845 года, то мне в 1858 году, при поступлении в гимназию, было 13 лет.

Следуя известному порядку при описании времени моего пребывания в Ришельевской гимназии, я начну с указания и перечисления лиц, преподававших и входивших тогда в состав педагогического совета гимназии. Директором Ришельевского лицея и одновременно гимназии был действительный статский советник Павел Васильевич Беккер, известный археолог, значительно прославившийся на этом поприще. Инспектором был Михневич, отец нынешнего начальника Генерального штаба, бывший также одновременно и инспектором Ришельевского лицея, а помощником его был Роберт Васильевич Орбинский, отец известного в Одессе и на всем юге России астронома. Законоучителем был магистр богословия, отец Мартирий Чемена, бывший в последствии ректором Одесской духовной семинарии, преподавателем русского языка был Николай Иванович Ленц, бывший потом директором гимназии в Феодосии и действительным членом Одесского общества истории и древностей. Историю преподавал Василий Филиппович Щерецкий, бывший потом инспектором гимназии в Николаеве, преподавателем географии был Миницкий, скончавшийся вскоре от чахотки, преподавателем математики были Девари и Розенберг, преподавателем естественной истории был Папков, французский язык преподавал Бенуа, немецкий Эртель, хорошо известный педагог, возвратившийся на родину, в саксонию и умерший там на 91 году жизни. Эртель преподавал только в VI и VII классах, в младших же классах преподавал немецкий язык Г. Вальд. Латинский язык преподавал Юлий Иванович Тундерман. В младших классах русский язык преподавал Попов. Когда я поступил в гимназию, в младших классах преподавал математику Соколовский, а в старших классах Ставино, открывший потом вместе с П. Л. Стародубцевым частную классическую гимназию. Некоторое время преподавал немецкий язык в младших классах Шетла, бывший одновременно и надзирателем, кроме того надзирателями были Карасевич, Бед и Де-ля-Росси.

Все или почти все эти труженики, к сожалению, более или менее давно скончались, но память о них останется живой в умах их учеников, столь много им обязанных.

Считаю по этому случаю своей обязанностью сделать краткую характеристику этих лиц и их ученой и учебной деятельности.

Директор Ришельевской гимназии и лицея, П. В. Беккер, был человек очень ученый, ориентирующейся во всех классических науках, знавший прекрасно латинский и греческий языки, и прославившийся как археолог. Его труды были напечатаны за границей во многих изданиях и они были всюду известны. При моем поступлении в гимназию он был вдов, и потом женился, но от второй жены детей не имел. От первой жены он имел сына, сделавшего в 1861 году покушение на жизнь германского императора Вильгельма I, бывшего тогда королем Пруссии, это было в Баден-Баден. В виду того, что в кодексе великого герцогства Баденского смертная казнь не существовала, он был осужден к пожизненной каторге. Это обстоятельство, конечно, привело отца в отчаяние и отравило остаток его дней. Выйдя вскоре после того времени в отставку он поселился в Дрездене, где и скончался в очень преклонном возрасте. Инспектор Михневич оставался при этой должности только год, а вслед за этим был переведен по службе, кажется, в Петербург. Помощник его Р. В. Орбинский был потом назначен инспектором на его место и пребывал в этой должности до окончания мною гимназии. Через некоторое время после этого он был назначен директором Одесского коммерческого училища им. Николая I и должен был подать в отставку по распоряжению генерал-губернатора Тотлебена. Он был человек в высшей степени ученый и строгий, но справедливый. При нем был в учебном заведении всегда полный порядок.

Законоучитель о. Мартирий был человек очень добрый и снисходительный. Он был очень сведущ и прекрасно знал все предметы, прикасающиеся к Закону Божию. Преподаватель русского языка Н. И. Ленц был также человек, отличавшийся основательным знанием русского и славянского языков и русской и иностранных литератур, которые он нам преподавал в VI и VII классах. Он примерно и хорошо излагал нам эти предметы и пользовался у нас глубоким уважением. Он был очень строгим и требовательным, но был вместе с этим и справедлив. Н. И. часто приносил нам в класс произведения лучших русских и иностранных авторов и читал их

нам. Я уже упомянул о последующей деятельности его как директора Николаевского реального училища и Феодосийской гимназии. Под конец его жизни я мог опять оценить его деятельность как члена Одесского общества истории и древностей, в записках которого он поместил много интересных статей научного содержания. Преподаватель истории В. Ф. Щерецкий был человек очень ученый и прекрасно излагал нам и преподавал русскую и всеобщую историю. Он обладал очень большим даром слова и большой начитанностью. Он был всегда очень опрятен и даже любил пощеголять. Преподаватель географии Миницкий прекрасно излагал нам географию всеобщую и, в особенности, русскую. Преподаватель латинского языка Ю. И. Тундерман был хороший знаток древних языков латинского и греческого, но был очень оригинален и вызывал поневоле смех у всех нас, мы сильно над ним подшучивали, вытворяли разные неуместные шутки во время урока и вообще относились к нему с неуважением. Он скончался от тифа, кажется, в 70 годах прошлого столетия. Преподаватели математики и физики Девари и Розенберг были оба очень хорошие преподаватели и прекрасно излагали нам свои предметы, кроме вышеупомянутых предметов Девари прекрасно знал и некоторое время читал у нас географию. Он был мягкого характера и очень хорошо обращался с учениками, мы его охотно слушали и уважали. Преподаватель Розенберг был тогда еще очень молодой человек, он был очень добросовестный и старательно излагал нам математику и физику. До этих преподавателей в младших классах преподавал математику Н. З. Соколовский, при мне он был преподавателем только один год в IV классе, а потом был переведен в другую должность. В старших классах преподавал раньше Девари, при мне он был только в V классе, а потом, кажется, был удален по неизвестной причине; я знаю только, что тогда поговаривали, что это произошло от недоразумения с непосредственным начальством. Он был действительно небрежен, рассеян и вообще исполнял свои обязанности неисправно.

Русский язык в младших классах преподавал Попов, но о нем я ничего не могу сказать, так как я не был его учеником, поговаривали тогда, что он преподавал посредственно. Преподаватель французского языка Бенуа был очень представительным, имел очень красивые черты лица и вообще вся его осанка имела величественный

вид. Он прекрасно владел французским языком и знал прекрасно французскую литературу; читал одно время публичные лекции по французской литературе. Это был истинный парижанин, окончивший курсы науки в училище Сен-Сир. Учитель немецкого язык Эртель был саксонец и родился, кажется, в Дрездене в 1800 году. Он нам с удовольствием рассказывал, что видел Наполеона I во время торжественного прохода его через этот город по пути в Россию. Он очень хорошо владел немецким языком, знал очень хорошо наизусть отрывки из произведений лучших немецких авторов и составил учебник этого языка, равно как и хрестоматию, из которой мы выучивали наизусть многие стихотворения. В младших классах преподавал немецкий язык Вальд; это был человек простоватый и не отличавшейся ничем особенным.

Преподавателем естественной истории был Папков; он не обладал хорошим даром слова, но был человеком знающим по своей специальности. Он нам хорошо объяснял зоологию, ботанику, минералогию и физиологию человека. Он часто приносил нам в класс коллекции растений, которые мы рассматривали и изучали очень старательно и с большим удовольствием. Папков был очень вспыльчив и сердит; в младших классах он обращался с учениками даже грубо и деспотически. Католический Закон Божий преподавал у нас в то время аббат Серье, человек очень красноречивый, говоривший в костеле, находящемся на Екатерининской улице, прекрасные проповеди и славившийся своими церковно – административными способностями. Он очень хорошо излагал нам катехизис, историю церкви и догматическое богословие. Он был уроженец города Каркассона и отличался, подобно всем южанам, пылким и вспыльчивым характером. Он был очень красив собою и крепкого телосложения. Это был вполне светский человек; посещавший тогдашнее лучшее одесское аристократическое общество.

Надзирателями нашими были Карасевич, Де-Росси, Бедо и Шетле. Они были, как и все надзиратели, люди простоватые, но исправные и исполнявшие очень добросовестно свои служебные обязанности. Де-Росси и Бедо были и тогда уже очень пожилые люди, а Карасевич и Шетле были люди средних лет, хорошо исполнявшие свои обязанности.

Таков был состав педагогического совета Ришельевской гимназии во время моего пребывания в ней в 1858-1862 годах. О последующей судьбе этих тружеников, посвятивших себя делу преподавания науки и просвещения молодого поколения, мне известно очень мало. Я уже сказал, что директор Беккер, по выходу в отставку, удалился в Дрезден, где и скончался в глубокой старости. Инспектор Орбинский умер в конце 70 годов прошлого столетия; отец Мартирий умер сравнительно недавно, кажется, в начале нынешнего века. Преподаватель Ленц умер от болезни почек в 1904 году. Преподаватель Щерецкий умер давно, чуть ли не в 80 годах прошлого столетия; преподаватель Миницкий умер также давно, чуть ли не от чахотки; Папков был еще лет 20 тому назад директором какого-то реального училища Харьковского учебного округа; Розенберг был переведен в Петербург и произведен в чин действительного статского советника, Де-Вари был еще лет 10 или 12 тому назад в Одессе и его видел товарищ по гимназии Шапеллон в Петербургской или Лондонской гостинице; он был в то время директором какого-то реального училища на Кавказе. Преподаватель Бенц покончил жизнь самоубийством, перерезав себе вены руки; где случился этот прискорбный факт, мне неизвестно. Эртель, как я уже упомянул, по выходу в отставку удалился в Саксонию и скончался там на 91 году жизни. Аббат Серье выехал в 1864 году из Одессы и, по слухам, удалился в Брюссель, где вышел из духовного звания, перевелся в протестантскую веру и женился. Все эти слухи, конечно, нуждаются в подтверждении. Что касается остальных, то я о них никаких сведений не имею, и они по всему вероятно давно скончались. Мир праху их! Память о них останется навсегда жива в сердцах их бывших воспитанников и учеников.

Что касается программы преподавания, то я ней могу сообщить ниже следующее.

Так как я поступил в IV класс гимназии, то не могу сообщить точных сведений о преподавании языков и предметов в I, II и III классах, а могу только сообщить программу преподавания, начиная с IV-го класса. Как проходили православный Закон Божий я не знаю, ибо я, как католик, его не проходил. Мы, католики известного возраста, проходили Закон Божий без разделения по классам, но все-таки по отделам.

По русскому языку мы проходили в IV классе славянский язык и грамматику и синтаксис Буслаева, кроме того занимались письменными упражнениями и учили наизусть стихи. В V классе мы продолжали проходить грамматику Буслаева, славянский язык, занимались письменными упражнениями и учили наизусть стихи. В VI классе мы продолжали изучать грамматику, русскую и всеобщую литературу западноевропейских народов. В VII классе, кроме письменных упражнений, мы подробно прошли весь курс древней и новой русской литературы. По истории мы прошли в IV классе историю Греции и Рима, в V классе – среднюю историю, в VI классе – новую, всеобщую историю и русскую историю до Петра Великого. В VII классе мы прошли историю России от Петра Великого до Александра II и повторили весь курс всеобщей истории. Преподаватель наш Щерецкий при этом излагал нам гораздо больше, чем требовалось программой и мы его всегда охотно слушали. Программа была очень обширна и гораздо обширнее, чем в последующее время. Географию мы проходили очень подробно: русскую по учебнику Кузнецова в IV-м и V-м классах по очень подробной программе. В младших трех классах мы проходили всеобщую географию. В VI классе географию не проходили, а в VII было повторение всего курса, с физической и математической. Преподаватель Девари читал нам сведения об астрономии.

Алгебру и геометрию мы проходили в IV, V, VI классах, а в VII – аналитическую тригонометрию, физику мы проходили подробно. В VI классе мы проходили всю физику, за исключением труднейшей ее части – теории света, которую мы прошли в VII классе. Учебником, служившим нам для изучения этого предмета, была физика Ленца. Естественную историю мы проходили следующим образом: зоологию 3 года в I, II и III классах по учебнику Симашко и проходили ее очень подробно; ботанику мы проходили по учебнику Шаховского в IV и V классах, минералогию по учебнику Куторги в VI кл., а физиологию в VII кл., и анатомию человека. Предмет этот был необязателен и ученики, срезавшееся из-за него, не оставались из-за этого в том же классе, а только должны были прекратить дальнейшее прохождение оного.

Естественная история преподавалась в виде исключения в Ришельевской гимназии, а в других гимназиях предмет этот не преподавался. Преподавание латинского языка начиналось в IV

классе и продолжалось в V, VI, VII классах. В IV классе мы проходили 1-ую часть учебника Кюнера, 2-ую часть и переводы из Корнелия Непота, в VI мы переводили Юлия Цезаря. В VII классе мы проходили Энеиду Вергилия и речи Цицерона против Катилины. По французскому языку мы проходили в IV классе грамматику, слова и письменные и словесные переводы из Марго. В V классе мы продолжали то же самое, в VI и VII – мы проходили подробную грамматику французскую и кроме того я и товарищ мой Шапеллон декламировали сцены из Британика и Ифигению в Аулиде Жана Росина. По немецкому языку мы проходили в IV и V классах грамматику и делали письменные переводы из немецкого языка на русский и с русского на немецкий, учили стихи наизусть. В VII – в виду моих познаний в немецком языке, преподаватель мой Эртель заставлял меня выучивать наизусть разные стихотворения Шиллера и Гете и даже целые сцены из лучших произведений этих авторов.

Таковы были программы предметов, проходивших нами в гимназии. Что касается дисциплины и порядков, существовавших в то время в гимназии, то они отличались большей систематичностью и строгостью. Наказания были гораздо строже, чем в последующее время. Так, например, за курение, за переправление отметок в журнале, и за другие ученические проступки и шалости нас наказывали карцером на двое или трое суток. За двойку, полученную в течение недели, оставляли нас в субботу на 2 часа взаперти в классе, а за единицу – от 2 до 6 часов. Карцер был на третьем этаже, полутемный и разделенный на четыре части. Сидевшему в карцере давалась всего только шинель под голову в качестве подушки для сна, и хлеб с водой, а также кое какая другая пища для пропитания. В Ришельевской гимназии того времени имелись хорошие научные пособия, хорошая библиотека и прекрасные вспомогательные учреждения как: физический кабинет, кабинет по естественной истории, зоологический, ботанический и минералогический кабинеты. В этих кабинетах хранились прекрасные ботанические, зоологические и минералогические коллекции. Многими предметами мы пользовались из коллекций Ришельевского лицея. Для ознакомления нас с устройством и анатомией тела позвоночных нам разрезали баранов и других животных. Что касается преподавания в Ришельевской гимназии 50 и 60 годов, то могу положительно сказать, что оно велось хорошо; предметы

преподавались подробно, основательно, систематически, так, например, по истории мы проходили очень хорошо хронологию, историю военную и политическую различных государств. Дома мы с Шапеллоном с большим удовольствием и увлечением читали исторические произведения Тьера, Шлоссера и других. Кроме того преподаватель наш В. Ф. Щерецкий рассказывал много фактов, о которых в учебниках не упоминается. Географию мы тоже проходили основательно, должны были учиться рисовать на доске все губернии России, их форму, уметь делить их на уезды, знать реки, которые через них протекают и т. д. Мы подробно изучали протяжение Кавказских, Уральских и других гор, высоту главнейших из них, должны были знать длину, глубину и ширину главных морей, рек и озер, в особенности русских и т. д. Мы должны были знать число жителей главных городов Европы, знать лучшие памятники, их украшающие, дворцы и достопримечательности их. В этнографическом отношении мы также подробно проходили географию всех государств Европы, мы должны были знать сколько в каждом из них жителей, каков состав населения и т. д.

По всеобщей литературе мы подробно проходили литературу греческую и римскую; при этом преподаватель наш Н. И. Ленц подробно нам излагал эту историю и читал отрывки из Аристофана, Демосфена, Плавта, Торенция и др. После древней литературы мы подробно проходили историю литературы средних веков и новых, читали в классе произведения Шекспира, Данте, Ариосто, Тассо, Шиллера, Гете и других. Математику мы, быть может, проходили не столь основательно и подробно, как ее проходили теперь, но все-таки проходили фундаментально. Латинский язык мы проходили, как я уже говорил, только 4 года, но этого было вполне достаточно, потому что древние языки отнимают много времени от прохождения других предметов и изучения современных языков. Древнегреческий язык мы совсем не проходили, не желавшим проходить латинский язык было дано право проходить законоведение.

Из посещений высокопоставленных лиц, мне в особенности памятно посещение Ришельевского лицея и гимназии императором Александром II в августе 1858 года. Нас собрали всех в зале; студентов поставили с левой стороны зала, а нас, гимназистов, по правой. Государь остался доволен всем виденным и слышанным, и только сделал выговор студентам по поводу того, что некоторое время

перед его прибытием один из студентов дал пощечину инспектору лицея, профессору Богдановскому. Нас в этот день продержали в гимназии от 9 утра до 4-х часов вечера. Государь сказал приблизительно следующее: «Я слышал о скверном и предосудительном поступке одного из ваших товарищей; я уверен, что вы все сами порицаете этот его поступок и я надеюсь, что впредь подобные слухи до меня доходить не будут; если же такие факты повторятся, то они будут наказаны по всей строгости законов».

В конце 1858 года объехал для ревизии учебных заведений всю Россию министр народного просвещения Ковалевский. Так как он должен был прибыть в Одессу в конце июня, то нас задержали на часть каникул до последних чисел июня, что, конечно, очень сократило таковые. Это обстоятельство очень печально подействовало на учеников, в особенности на тех, которые должны были отправиться за несколько сот верст к своим родственникам. Министр зашел к нам в гимназию, посетил все классы и проверял познания учеников.

В нашем IV классе он производил испытания по иностранным языкам, по французскому и немецкому. По французскому языку прежде всего вызвали моего лучшего друга, бывшего лектора французского языка в университете А. А. Шапеллона, который, конечно, ответил отлично; затем спросили меня; я также знал с детства хорошо французский язык из домашнего воспитания и ответил вполне хорошо. Из немецкого языка прежде всего спросили меня и между прочим заставили перевести «Die Burgschoft»; я ответил совсем хорошо, ибо знал также немецкий язык из домашнего воспитания и получил похвалу от г. министра; то ж самое было с Шапеллоном и Де-Карьером. Нас учителя нарочно посадили в первый ряд, чтобы министр нас вызвал и чтобы она остался доволен успехами учеников гимназии. Сначала министр действительно вызывал учеников из первых рядов, а потом стал рыться в задних рядах. Первым делом вызвал он некоего Павловского, сына помещика окрестности, кажется, из военного сословия. Тот ничего не знал и министр его побранил. Это вызвало негодование попечителя Одесского округа, сенатора Могилянского, который его выбранил и велел посадить в карцер. Министр остался доволен порядками учебного заведения и, кажется, выразил всем служащим свою благодарность. После отъезда министра нас распустили на каникулы.

Экзамены тогда распределяли совсем иначе, чем теперь. Письменных испытаний, кроме сочинения по русскому языку, мы не писали никаких. Словесные же испытания начинались в седьмом классе в первых числах июня и длились до 15 или 18 июня. Промежутки между экзаменами были большие и продолжались дней 7, 8 или даже 10. Приемные испытания начинались 1 августа, а 7-го уже начиналось учение; так что каникулы продолжались всего семь недель.

Моими главными товарищами по Ришельевской гимназии были: 1) А. А. Шапеллон, бывший лектор французского языка в Новороссийском университете, человек в высшей степени благовоспитанный, светский, хороший товарищ и очень знающий по своему предмету; 2) Кич, бывший председатель коммерческого суда, 3) Эрдели, сын богатейшего помещика окрестностей Елисаветграда, 4) Ингистов, бывший впоследствии председателем какой-то палаты на Кавказе, 5) Ахиллес Цикалисти, бывший потом капитаном в артиллерии, 6) Сергеев, бывший потом врачом в Подольской губернии. Было много и других товарищей, как Ломаковский из Екатеринославской губернии, Де-Карьер из Елисаветграда, Виктор Брун, бывший впоследствии прокурором окружного суда в Кишиневе и состоящий, кажется, теперь на службе в одном из министерств на важном посту, Волохов, Сезеневский, сын доктора, Синицын, сын старшего директора банка в Одессе, Петр Эрдели, сын елисаветградского помещика, братья Бредихины, сыновья помещика Херсонской губернии, Скарлато из окрестностей Тирасполя, Полонкин, Павловский, Прилуцкий, Зорины, два брата Стрейха, Райко, два брата Красильниковы, Цикалиоти Николай, Константин и Степан, заведывающий отделом в городском банке, Акацатов, Ашик и другие. К сожалению, большинство из них уже находятся на том свете, некоторые из них, может быть и живут, но я о них никаких сведений не имею. Лишь только о нескольких я положительно знаю, что они еще живы. С некоторыми из них я встречался еще в течении жизни, но кратковременно.

Ришельевская гимназия помещалась в 50-х годах и начале 60-х в правой части здания Ришельевского лицея, выходящей на Дворянскую и Елисаветинскую улицу. Она занимала все три этажа этой части здания. В нижнем этаже помещалась канцелярия лицея и гимназии, присутствие, в котором происходили занятия совета и

столовая пансиона, состоявшего при гимназии; комната для швейцара и кое-какие другие комнаты; во втором этаже помещались классы от I – VI со стороны Дворянской, а VII, учительская и инспекторская помещались со стороны Елисаветинской. На 3-м этаже помещались дортуары, комнаты для занятий учеников и карцер. Классы были просторные, в них было много света, потолки были высоко расположены над комнатами и все было в них прекрасно устроено. Коридоры, к сожалению, были узки и темны, как и теперь можно видеть в здании университета. Даже помещения для сторожей были хорошо устроены. Воздуха всюду было довольно. Окна и двери были велики и широки. Скамьи в классах были деревянными, окрашенные в желтый цвет, столы также были светложелтоватого цвета и для учителей стулья, стоявшие перед столами, были мягкие и тоже хорошего качества. В инспекторской, учительской была особая мебель. В столовой были длинные столы, за которыми сидели, обедали и завтракали ученики.

Что касается харчей, которыми нас угощали, то они сначала были скудны, ибо нам давали на завтрак только белый хлеб, который лакей приносил в класс, но потом они сделались лучше и нам отпускали в 10 с половиною часов завтрак, состоявший из одного блюда с хлебом. Обед состоял из трех блюд и подавался по тогдашнему обычаю рано, в три часа. Утром и вечером подавали чай с хлебом. Учебные часы были следующие: учение начиналось в 8 часов утра, а кончалось в 1 с половиной. Всего было 4 урока, из которых каждый длился 1 час и 10 минут. Малые перемены между уроками длились 5 минут, а большая перемена длилась $\frac{1}{2}$ часа от 10 $\frac{1}{2}$ до 11-ти.

В заключение, как я, так и мои товарищи вспоминаем и всегда вспоминали с большим удовольствием время, проведенное нами в гимназии, и остаемся благодарными этому научному учреждению за нравственное воспитание, которое мы в нем получили, и за те научные сведения, которые нам в нем сообщили наши вышеупомянутые преподаватели.

В августе 1862 года я и мои товарищи Шапеллон, Цикалиоти, Ингистов, Киц, Петр Эрдели и Сергеев окончили гимназию и разъехались по России для поступления в разные учебные заведения. Сергеев поступил на медицинский факультет Московского университета, Кич в тот же университет на юридический факультет,

Ингистов перевелся, кажется, в Петербург, Цикалиоти поступил на военную службу, а я и Шапеллон поступили в Ришельевский лицей, он на юридический факультет, а я на камеральный. Помню всегда, какое это было радостное для нас явление – очутиться студентами лицея и как мы оба усердно посещали лекции профессоров.

Время, проведенное нами в Ришельевском лицее, как и время, проведенное в гимназии, можно считать одним из лучших периодов моей жизни; любя задушевно науки и занимаясь ими постоянно, мне очень приятно было посещать лекции профессоров и заниматься, кроме того, отдельно дома предметами, входившими в план преподавания.

Ришельевский лицей, к сожалению, доживал тогда последние годы своего существования и, приходил в упадок; действительно, через три года после моего вступления в лицей, вместо него было основано Новороссийский университет. Многие кафедры не были замещены, многие профессора не следили за прогрессом науки и читали лекции, заученные и читанные ним с молодости. Студентов было очень мало, между тем как 20 лет ранее, в 40-х годах, как мне говорил дядя мой, М. К. Сикар, их насчитывалось до 300 и больше. Чтение лекций также поставлено было на дурную ногу. В 40-х годах профессора были лучше, как-то: братья Бруны, Филипп и Генрих Карловичи. Первый из них был человек в высшей степени симпатичный, добродушный, любезный. Второй очень любил шахматную игру и даже скончался от удара во время игры. Ф. К. Был всегда очень снисходительным ко всем. Профессора и студенты его очень любили и усердно посещали его лекции. Что касается его ученой деятельности, то он прославился многими учеными трудами по истории и археологии, из его работ по этому последнему предмету следует упомянуть его описание древнегреческой колонии, находящейся на берегу Черного моря. В этом сочинении с оглавлением «Черноморье» упоминается об Ольвии, о Херсонесе, о Трапезунде, о Тирасе и о других колониях, основанных древними греками.

Почти никаких других сведений о лицее до времени моего поступления я сказать не могу, могу только добавить, что из видных студентов в то время в лицее были: граф Толстой, князь С. М. Воронцов, Г. Г. Маразли и другие. В 1859 году поступил в Ришельевский лицей старший брат мой Л. О. Лысаковский и пробыл в

нем четыре года, т. е. по 1863. Его товарищами были В. Литковский, И. К. Юрьевич, Ф. И В. Верницкие, Мулен, К. Брун, М. В. Пуришкевич и другие. Какая судьба постигла некоторых из них я не знаю, я могу только сказать, что некоторые умерли.

В Ришельевском лицее были тогда три факультета: юридический, физико-математический и камеральный. На физико-математическом факультете преподавались почти все те же предметы, которые преподавались на математическом факультете, на юридическом – юридические науки, а на камеральном читались некоторые предметы историко-филологического факультета, но главным образом естественные и агрономические науки. Курс был трехлетний. На камеральном факультете читались следующие предметы: Закон Божий, физика, химия, зоология, ботаника, минералогия, геология и палеонтология, агрономия, русская история, физическая география, всеобщая история, французский и итальянский языки. На юридическом факультете преподавались: уголовное право, гражданское право, международное право, римское право, римская словесность, государственное право, законы Юстиниана, политическая экономия, догматическое богословие, и философия. На математическом: физика, химия, математика, теория вероятностей, дифференциальное и интегральное вычисления, высшая алгебра и высшая геометрия. Кроме того, на математическом факультете читались лекции и по многим предметам камерального факультета.

На камеральном факультете читали: по всеобщей истории Георгиевский, по русской истории – Смирнов, по физической географии и физике сначала Акимов, а потом 1 год Косенко, по естественной истории и геологии – Байков, православному догматическому богословию, по католическому Закону Божьему – аббат Серье, по химии – Гассгаген, по технологии также Гассгаген, по агрономии Палемпсестов, по французскому языку – Альфонс Шапеллеон и по итальянскому языку Бланди.

На юридическом факультете читали лекции следующие преподаватели: по государственному праву Богдановский, по гражданскому праву и уголовному – Богдановский, по международному – Максимов, по римскому – Юргевич, по политической экономии Максимов, по римской словесности и законы Юстиниана – Юргевич, догматическое богословие и философию – о. Павловский,

католический Закон Божий – аббат Серье, по немецкому языку – Эртель.

По математическому факультету преподавали: математику, дифференциальное, интегральное вычисление, теорию вероятностей и высшую алгебру, высшую геометрию – Шперлинг, физику и физическую географию – Акимов и Косенко, астрономию – Шперлинг, химию – Гассгаген. Директором Ришельевского лицея, как и гимназии был одновременно действительный статский советник П. В. Беккер, инспектором был А. Богдановский. Помощниками инспектора были Данильченко и К. М. Мальский. Швейцаром был заслуживший себе известную репутацию Мартын. Попечителем учебного округа был сенатор М. М. Могилянский. Он был человек способный и много содействовавший преобразованию Ришельевского лицея в Новороссийский университет.

Ришельевский лицей помещался в здании нынешнего Новороссийского университета. Вход в него был, как и теперь в университет, со стороны Дворянской, ныне улицы Петра Великого. Ришельевский лицей помещался по левую сторону здания, от входных дверей, а Ришельевская гимназия – по правую сторону; на нижнем этаже помещались сейчас же около дверей физический и математический кабинеты, а затем зоологический, ботанический и др. Юридический факультет помещался на 2-м этаже, а на 3-м помещались метеорологическая обсерватория и другие научные кабинеты. На 2-м этаже также читались лекции по истории и другим предметам, не нуждающимся в кабинетах. Так, например, читал лекции профессор истории Смирнов, Шапеллон по французскому языку, Вланди по итальянскому, Эртель – по немецкому и Рендель – по английскому языку. Католическое богословие и историю церкви читал нам аббат Серье тоже на 2-м этаже.

Актный зал был тот же, что и теперь в университете; в нем помещался тот же царский портрет и та же мебель. Наверху, на галерее, помещалась библиотека, которая послужила фундаментом библиотеки Новороссийского университета. В ней было несколько десятков тысяч томов. Со стороны двора, по Херсонской улице, был другой вход, который вел на второй и третий этажи. Теперешнего здания химической лаборатории в то время не было, а на его месте была только стена. Церковь была та же, что и теперь, разве только некоторые украшения были другие. Канцелярия помещалась около

входа, со стороны Елизаветинской улицы; там же происходили заседания совета лицея и гимназии. Во втором здании университета были квартиры инспектора, библиотекаря, педелей и профессора догматического богословия, отца Павловского, а в третьем – квартира директора Беккера. Все три двора: главный университетский, 2-й инспекторский и 3-й около квартиры директора, были пусты. Только в первом были кое-какие древесные насаждения, остальные были пусты. Ришельевскому лицее принадлежала та же университетская дача, которая принадлежит теперь университету.

Профессора носили ту же форму, которую носят и теперь, а студенты носили форму, сходную с теперешней формой студентов университета, но отчасти и отличную от нее. Так, пуговицы у них теперь позолоченные, между тем как прежде были серебряные. Была и полная парадная форма, чего теперь нет; студенты при этом носили треуголку и шпагу, воротник был стоячий с серебрянным вышитым позументом, на конце рукавов был кусок синего сукна с тремя пуговицами. Мундир был однобортный, шинель была такая же как и теперь. Студенты при полной форме носили шпагу и треугольную шляпу. Ученых степеней лицей не давал и профессора для получения таковых должны были отправляться в другие города. По выходу из лицея, поступившие на государственную службу утверждались в чине поручика по выслуге шести месяцев на военной службе в особенности во время летнего лагерного сбора. Жизнь студентов в это время была очень весела. Многие студенты были сыновьями зажиточных или занимавших важные должности.

Я забыл упомянуть о том, что при Ришельевской гимназии была больница, в которой ученики пользовались очень хорошим уходом, точно такая же больница была и при лицее. Как в гимназии, так и в лицее при больнице были сиделка и особая прислуга. В обеих больницах был один общий врач – доктор Виллер, немец, уроженец города Мемеля. Доктор Виллер был очень хороший врач и лечил всех очень добросовестно. Кроме больных в вышеупомянутых учебных заведениях, он имел большую практику в городе и к нему очень многие лица, как мужчины, так и женщины, обращались за советами. Умер он 46 лет от роду в ноябре 1863 года от аневризмы аорты. Накануне он почувствовал себя дурно и предсказывал семье свою близкую кончину. На следующее утро он позвал жену в свой кабинет и как только та к нему подошла, он упал замертво у ее ног.

Из профессоров наших последующая жизнь и судьба большинства из них мне неизвестна, я знаю только, что Максимов умер скоропостижно от болезни сердца. П. В. Беккер удалился в Дрезден, про Эртеля я уже сказал, что он умер также в Германии в начале 90 годов прошлого столетия, директор Богдановский перешел в Новороссийский университет и долго там занимал должность проректора. Шапеллон умер внезапно, будучи на обеде у знакомых, у Юрьевича. Значительное большинство профессоров, я думаю, скончалось и перешло в мир лучший. Мир праху их, усердным ревнителям науки, сколько потрудившимся на педагогическом поприще в деле просвещения молодого поколения того времени.

Жизнь студентов того времени протекала очень весело; некоторые весьма усердно посещали лекции, но большинство проводило время в гуляниях, в уходе за барышнями, посещали модные тогда кондитерские Камера, Высочанского и Дурьяна. Единственный тогда в Одессе театр всегда был переполнен студентами и нередко из-за актрис в нем происходили драки между молодыми людьми. Я хорошо помню о какой-то свалке, бывшей между студентами и офицерами из-за какой-то выдающейся актрисы. При этом происходили и избиения полиции. Многие студенты были сыновьями зажиточных и знатных родителей и местных сановников, что способствовало у них развитию лени, праздности, наклонности к кутежам и порочной жизни. Лекции большинство студентов посещало мало и неисправно. Вследствии этого на экзаменах многие из них резались и оставались по два года на одном и том же курсе, или же переходили с тройками и с грехом пополам. Иногда просто лекции не читались из-за отсутствия студентов. Так, например, я помню как-то раз пришел лектор французского языка А. Шапеллон и застав, кроме меня, только своего сына и еще одного студента, заявил нам, что для двух студентов лекции читать не стоит и ушел. То же самое повторялось частенько.

В феврале 1864 г. получено было официальное уведомление о том, что вместо Ришельевского лицея будет основан Новороссийский университет в августе 1864 г. Вследствии этого студентам II-го курса было дозволено держать экзамены весной и летом 1864 г. за 2-й и 3-й курсы, чем мы все почти и воспользовались для окончания курса и для того, чтобы не остаться без аттестата. Экзамены производились довольно легко, так что почти все их выдержали. Один только

Шапеллон не пожелал подвергнуться экзаменационным испытаниям и решил или остаться без аттестата или держать экзамены в следующем 1865 году. И действительно, он не ошибся в расчете, ибо лицей просуществовал еще один год и Новороссийский университет был основан на его месте уже только 1 мая 1865 г.

Как я уже сказал, из студентов Ришельевского лицея уже осталось, к сожалению, очень мало, но все мы, оставшиеся, вспоминаем с удовольствием и умилением время, проведенное в нем; считаем это время, быть может, лучшим временем нашей жизни. И действительно, мы все тогда были молоды, жизнерадостны и полны сил и здоровья, т. е. обладали всем тем, что составляет лучшие условия жизни и что в последующие годы встречается уже очень редко.

Такие краткие сведения о состоянии Ришельевского лицея и Ришельевской гимназии конца 50-х и начала 60-х годов прошлого столетия, каковы сведения я считаю своею обязанностью и приятным долгом сообщить по случаю столетней годовщины основания лицея.

Генрих-Вильгельм Брун

В начале этой статьи я уже упомянул, что двумя замечательнейшими и знатнейшими профессорами Ришельевского лицея были Филипп и Генрих Карлович Бруны, а потому, по случаю столетнего юбилея со времени основания этого высшего учебного заведения следует непременно почтить их память некрологом и указать на труды каждого из них в области науки.

Генрих Карлович Брун родился в Финляндии, в Фридрихсгамме, 25 мая 1806 года, где отец его был одним из зажиточнейших и наиболее уважаемых негоциантов. Потеряв в юном возрасте родителей, он был отвезен своим дядей Веккроотом в Петербург и помещен в 1816 году в пансион Ивана Муральта, реформаторского пастора и преподавателя училища Песталоцци. Пастор этот пригласил в свое училище в качестве преподавателей знаменитых ученых того времени, из которых самыми выдающимися были академики Шерр, Фусс, Арсеньев и Листман. При таких условиях нравственные и умственные качества молодого Генриха Бруна только могли получить быстрое и солидное развитие. По достижении 16 лет он уже был достаточно подготовлен для поступления в Медицинскую академию в Петербурге, из которой он в 1823 году перевелся в Дерпт для

дальнейшего продолжения курса этих наук. Однако в скорости после того, следуя своим естественным наклонностям, он перевелся на философский факультет, в котором тогда читали лекции Паррот, Струве, Энгельгард и Бартелс. Этот гениальный человек до занятия кафедры в Паринсе и Дерпте занял место Людовика Филиппа, будущего короля французов, в школе кантона Гризонов, в Швейцарии, в качестве преподавателя математики и скоро вступил со своим учеником в дружеские отношения. Здесь его товарищами были знаменитые математики: Гелмерсен, Ленц и Хирманн; дружбу эту не могли прервать ни время, ни разлука.

Выдержав блистательным образом экзамен на кандидата философии, Г. Б. отправился в конце 1825 года в Германию, где он прожил более 5 лет. В течении этого времени он слушал лекции самых знаменитых профессоров математики в Берлине, в Гейдельберге и Геттингене, где он выдержал в 1828 году экзамен на степень доктора философии после защиты своей диссертации. По возвращении в Россию попечитель Одесского округа Покровский предложил Генриху Карловичу Бруну занять кафедру физики в Одессе, в лицее, которую молодой доктор принял.

Г. Брун прибыл в Одессу в 1831 году. После смерти своего друга А. Нордмана, он занял кафедру своего любимого предмета – математики. При этом случае следует упомянуть о старательности, рвении и добросовестности, с которыми Г. К. Исполнял свои трудные обязанности, благодаря которым он вполне заслужил внимание начальства, попечителей округа и уважение своих учеников-студентов. За эту отлично-усердную службу Брун был награжден в 1849 г. знаком ордена Св. Анны 3-ей степени и в 1853 году – знаком беспорочной службы за 20 лет. Отличившись таким образом, он был назначен инспектором Института благородных девиц в Одессе, с сохранением должности профессора математики в Ришельевском лицее. Будучи очень занят на этих двух должностях, он вынужден был отказаться от должности учителя математики в училище ботанического сада, которую он занимал с 1844 года. Его официальные занятия не мешали ему заниматься частным образованием и из любви к этому предмету, и следить за их развитием и прогрессом. С этой целью он составил себе специальную библиотеку, которая по выбору и количеству математических книг смело бы могла соперничать с любой частной библиотекой.

Генрих Брун написал много научных произведений и много диссертаций, напечатанных в разных сборниках и других изданиях. Мы упомянем здесь только главнейшие из них: 1) Собрания задач и решений, относящихся к линии второй степени (Одесса, 1838), 2) руководство к политической арифметике (Одесса, 1845), 3) Руководство к вариационному исчислению (Одесса, 1842). Чтобы оценить таковые по достоинству, достаточно сказать, что Академия Наук присудила Г. Бруну за 2-е из них премию Демидова, а за 3-е признала его достойным премии, хотя по непредвиденным обстоятельствам она Бруну не могла быть препровождена.

В последнее время своей жизни расположение духа его, обыкновенно столь равномерное и веселое, сделалось угрюмым и даже меланхолическим, что происходило, по всему вероятно, от состояния его здоровья. Его в особенности мучило опасение умереть, не обеспечив будущее своей семье; будучи нежным и любящим отцом, его тревожила перспектива, что ему не удастся видеть взросление своих детей, из которых 6-му было всего только 3 месяца, и что он не сможет сам заниматься их воспитанием. Будучи на вид совсем здоровым человеком, он умер ночью 30 января 1854 года на 48 году жизни. Студенты Ришельевского лицея пожелали нести на своих плечах на кладбище останки своего любимого профессора и один из них, Рогнетовский, произнес на кладбище надгробную речь, которую мы приводим здесь целиком:

«Десница Всевышнего поразила нас среди наших научных занятий, неожиданная и преждевременная смерть унесла нашего достойного профессора Генриха Карловича Бруна. Вы все, которые еще так недавно слушали его речь с восторгом, скажите, найдется ли хоть один между вами, который не оценил бы то старание и ту ретивость, с которой он вас посвящал в истины, провозглашаемые наукой? Вы все, дорогие товарищи, мы все ответим, что чувствуем глубокое уважение и глубочайшую благодарность в наших сердцах к нашему бывшему покойному профессору. Можем ли мы дать другой ответ на подобный вопрос. Покойный заслужил нашу любовь как человек, как профессор и как великий ученый. Всякий из нас мог бы сказать многое, многое во славу нашего многоуважаемого профессора, но подлежит ли нам высказывать похвалу тому, чья смерть погрузила нас в глубокую и истинную печаль. Нет, не похвалу мы должны произносить над могилой, самое лучшее похвальное слово

покойному – это воспоминание о нем, которое всегда останется живим в наших сердцах. Но мы не должны говорить только слова сожаления и печали в последний час покойного, нет, помолимся за него. Обратимся, дорогие товарищи, с горячей молитвой к престолу всемогущего Бога нашего и вознесем сердца наши к творцу неба и земли. Да дарует Он вечное упокоение душе того, который в течение столь долгого времени просвещал юношество светом науки и внушал нам полное уважение и преданность престолу и любовь к отечеству. Помолимся усердно Господу Богу, чтобы он принял душу усопшего в свое царство небесное, где нет ни печали, ни страданий, а только жизнь вечная».

(Из «Одесского вестника» № 15, 1854 г.)

Людовик Филиппович Брун²

Ф. К. Брун оставил трех сыновей: Карла, Людовика и Оскара. Карл и Оскар пошли по другим поприщам, а Людовик прослужил всю свою жизнь в ведомстве министерства народного просвещения, а именно в библиотеке Новороссийского университета и секретарем по студенческим делам. Вследствии этого я считаю своим долгом дать здесь краткий отчет о жизни и деятельности этого редкого труженика и честнейшего человека, так усердно и так долго потрудившегося в пользу юношества и науки.

Л. Ф. Брун родился в Одессе в 1845 году. Родителями его были Ф. К. Брун и Ю. Ф. Де-рибас, он был внучатым племянником известного основателя г. Одессы адмирала Де-рибаса. Все детство он провел в Одессе, в отцовском доме, где пользовался нежным и прекрасным уходом со стороны родителей. Будучи сыном профессора, он, конечно, получил, под надзором своего отца, прекрасное научное воспитание. В 1858 году отец определил его во 2-ю одесскую гимназию, которую он успешно окончил в 1862 году и поступил в Ришельевский лицей на камеральный факультет. Как в гимназии, так и в лицее Людовик Филиппович усердно занимался науками, был примерным учеником и примерным студентом. Поведения он был безукоризненного, всегда занимался своим делом и никогда не участвовал в студенческих пирушках и шалостях. Характером он был очень мягок, молчалив и в течении все своей жизни не только никому не сделал зла, но сделал много добра. Что касается меня, то я никогда не забуду услуги, которую он мне оказал, когда мне

пришлось держать экзамен на преподавателя истории и географии. Кроме того, он всегда был очень любезен со мною, когда мне приходилось брать книги из библиотеки Новороссийского университета и в других случаях.

По окончании Ришельевского лицея он поступил на должность помощника библиотекаря в Новороссийский университет. Библиотекарем тогда был Шишковский, бывший до этого библиотекарем в Ришельевском лицее. Под руководством столь опытного библиотекаря Л. Ф. скоро основательно изучил библиотечное дело, и впоследствии, когда Шишковский закончил свою служебную деятельность, он стал заведовать библиотекой. По выходе в отставку Шишковского Совет университета предложил Л. Ф. занять должность библиотекаря университета. Л. Ф. с благодарностью принял эту должность и исполнял ее с полным знанием дела до конца своей жизни. В обращении с подчиненными Л. Ф. был очень деликатен и снисходителен, так что пользовался общей любовью. Начальство оценивало его труд, а студенты относились к нему очень уважительно. В течении его многолетней библиотечной службы ему пришлось, между прочим, принять в университетскую библиотеку библиотеку в 35000 томов, завещанную светлейшим князем С. М. Воронцовым университету, и библиотеку графа А. Г. Строганова в 28000 томов. Труд этот, хотя и представлял большие трудности, много забот и хлопот, был выполнен очень скоро и умело Л. Ф. и его помощниками. На должности библиотекаря Л. Ф. Брун оставался до самой своей смерти.

За свои заслуги Л. Ф. Брун был награжден прекрасной на то время пенсией в 1800 рублей в год, чином статского советника и орденом Анны 3-й ст. и Станислава 3-ей ст., Анны 2-ой ст. и Станислава 2-ой ст. Кроме того Л. Ф. пришлось много потрудиться как члену комиссии по постройке нового здания Библиотеки университета при ректоре Шведове.

Кроме заслуг по должности библиотекаря, Брун отличился и как археолог. Его специальность была нумизматика. Он был хорошим знатоком древних и новых монет. Лет 12-13 тому назад великий князь Александр Михайлович в один из своих приездов в Одессу дал одну из монет своей богатейшей коллекции рассмотреть Л. Ф. Бруну. Он сначала не мог определить место чеканки и происхождение монеты, но потом, рассмотрев лучше монету вместе с бывшим кассиром музея

Маврокордато, он доказал, что монета происходит из одного из древнейших малоазиатских греческих городов. Л. Ф. имел богатую коллекцию монет, которую приобрел у него вел. Князь Александр Михайлович.

Л. Ф. был отличным археологом вообще. Он был очень деятельным членом Од. Об. Ист. и Др. и некоторое время занимал должность секретаря этого общества. Он был его действительным членом и пользовался там общим уважением. После его смерти Общество почтило его память некрологом, помещенным вместе с его фото в записках этого Общества. Л. Ф. хотел отправиться в Константинополь и здесь в Русском археологическом институте серьезно заняться нумизматикой, но Бог видно решил иначе, ибо этому благому желанию не суждено было осуществиться. Л. Ф. написал несколько брошюр по нумизматике, которые были очень оценены членами Общества.

С молодых лет Брун страдал пороком сердца и раз даже, имея всего 22 или 23 года от роду, упал в обморок. Болезнь в последние годы его жизни значительно ухудшилась, и он вынужден был отправиться на лечение в Наугейм. Но и это не помогло, ибо болезнь была неизлечима. По возвращению в Одессу он прожил еще три года, но болел. В декабре 1904 года с ним опять случился обморок и он на очень короткое время потерял сознание. Однажды в сентябре 1905 года он вышел под вечер из дома и по выходу из какого-то магазина почувствовал себя дурно и тут же на улице скоропостижно скончался. Л. Ф. не был женат, но смерть его вызвала сильное сожаление и печаль среди братьев и их семей, и сильно взволновала друзей и знакомых. Со смертью Л. Ф. университет лишился преданного своему делу труженика, действительного члена Од. Общества Ист и Др. и ученого нумизматика, а родные, товарищи и друзья – преданного, доброго и любящего брата, товарища и знакомого.

Будем молить Бога, чтобы Он принял его в свое царство небесное и да останется память о нем и заслуги постоянно в наших сердцах. Мир праху твоему усердный труженик, служитель и прекрасный брат и человек!

Филипп Карлович Брун

Мы уже упомянули в биографии Г. К. Бруна, что у Фридрихгаммского негоцианта Карла Бруна было два сына: из них

Филипп был старший, а Генрих – младший. В этой же биографии я упомянул, что братья лишились в детстве родителей и были отданы их дядей в Петербурге в пансион реформаторского пастора Муралта. Вследствие этого о раннем воспитании Ф. К. я здесь больше распространяться не буду, ибо это будет повторение вышесказанного, а перейду прямо к позднему пребыванию Ф. К. в университете.

Ф. К. Брун родился в Финляндии 18 августа 1804 года. В 1821 году он поступил в Дерптский университет и слушал здесь лекции знаменитых профессоров: Эверса, Решбаха, Бартельса и других. Здесь же, в Дерптском университете, он вступил в очень интимные и дружеские отношения с академиками Гельмерсеном, Ленцем и другими бывшими его товарищами. Он сохранил всю жизнь отличное воспоминание о своей альма-матер и отзывался о ней с большим уважением.

По окончании Дерптского университета в 1825 году Брун поступил на службу в канцелярию министерства финансов, но здесь он познал, что к этой карьере он никакого призвания не имеет и решил посвятить себя всецело науке и преподавательской деятельности. Для этого он решился, для усовершенствования себя в науках, отправиться в декабре 1825 года за границу. В Берлине он слушал лекции Гегеля, Раумера, Карла Рихтера и др. Затем он побывал в Лейпциге, Эрланге, Гейдельберге, Бонне и др. В 1826 году он прибыл в Париж, где слушал лекции. Из Парижа он отправился через Италию в Швейцарию. Проезжая обратно в Россию, он в марте 1828 года был в Веймре у Гете, с которым, как видно из его путевых записок, он беседовал о своих путешествиях и о новейшей французской литературе.

Педагогическую карьеру Ф. К. начал в Витебской гимназии, где был преподавателем немецкого языка. Брат его Генрих в 1831 году переселился в Одессу, где получил должность профессора математики в Ришельевском лицее. Туда же переехал адъюнктом и Ф. К. в 1832 году. С 1836 года, уже в качестве профессора, Ф. К. преподавал политическую экономию и статистику. По этой науке появилось в начале 40-х годов несколько брошюр, в которых также были помещены статьи его о внешней торговле Новороссийского края. Постепенно, в течении 30-х и 40-х годов Ф. К. стал все усердней заниматься историей, археологией и исторической географией. Это было вызвано, главным образом, его участием в работах и

исследованиях Од. Об. Ист. и Др. Ф. К. был одним из самых деятельных членов этого общества, часто по поручению общества предпринимал путешествия с ученой целью и некоторое время даже занимал должность казначея общества. Посвятив себя всецело науке, Ф. К. не гонялся за личными выгодами и мало добивался знаков отличия и чинов. В денежном отношении его положение было незавидно, но тем не менее, женившись на девице Де-Рибас и прижив с ней трех сыновей и одну дочь, он дал им прекрасное воспитание. В 1854 Ф. К. решил подать в отставку по выслуге пенсии за 25 лет. Так как жизнь в Одессе была очень дорогой, то он решил переселиться в Кишинев, но обстоятельства здесь ему не благоприятствовали и он вернулся в Одессу. Здесь он вынужден был давать частные уроки и продать небольшой купленный им до того дом. В 1862 году он совершил поездку к устьям Буга и Днепра. В скорости после этого И. Арх. Комиссия поручила ему летом 1864 и 1865 гг. совершить путешествие по Новороссийскому краю и Бессарабии для сличения географических сведений Геродота в Скифии с теперешним состоянием местности, каковое поручение он исполнил вполне удовлетворительно.

В 1865 году был вместо Ришельевского лицея основан в Одессе Новороссийский университет и Ф. К. был назначен в 1866 году исполняющим должность приват-доцента по кафедре всеобщей истории, а в 1869 году сделался экстраординарным профессором. Ф. К. Брун не долго оставался штатным преподавателем в Университете, обстоятельства заставили его, по выслуге пенсии за 30 лет, выйти в отставку. Впрочем Совет университета до самой смерти его, постоянно избирал его сторонним преподавателем с содержанием, соответствующим содержанию экстраординарного профессора. До самой смерти Ф. К. оставался одним из самых свежих, деятельных и сведующих профессоров. В продолжении последних девяти лет своей жизни он написал около 27 статей по исторической географии.

В 1842 году он ездил вместе с германским генеральным консулом в Одессе доктором О. Блау, известным ориенталистом и археологом, в Ольвию для присутствия там при раскопках, производимых И. Г. Тизенгаузенем. Смерть его друга Блау, покончившего с собою, сильно взволновала его.

В 1874 году Ф. К. Брун по поручению Од. Общ. Ист. и Др. совершил путешествие на Кавказ для исследования восточного берега

Черного моря от Анапы до Сухуми, и в августе того же года отправился на третий археологический съезд. В 1876 году он опять отправился за границу, где познакомился с Лепсиусом, Рихтгофеном, Курциусом, Зибелем и др. В том же году он перевел вместе с Палаузовым³ «Историю Болгар». Это огромный труд. Затем Ф. К. занялся переработкой некоторых из своих прежних трудов для нового издания их в сборнике под названием «Черноморье». Рукопись первого тома этого сборника была отправлена в Академию наук, которая присудила автору Уваровскую премию в 500 руб.

Вследствие этих усиленных занятий Ф. К. осенью 1878 года опасно заболел, но скоро оправился, и, несмотря на запрещения докторов, продолжал усиленно работать.

В начале 1878-1880 учебного года, ослабев уже физически, он с прежней энергией продолжал еще трудиться и заниматься приготовлением к печати второго тома сборника «Черноморье». В ноябре 1881 года Ф. К. снова заболел, скоро обнаружился у него бронхит, тем более опасный, что он многие годы до того страдал катаром легких; здоровее его между тем все ухудшалось, наступил упадок сил и Ф. К. наконец, по настоятельному совету доктора, выехал 16 мая из Одессы в местечко Славуты Волынской губ. для лечения лесным воздухом и кумысом. По приезду в Славуты он сначала чувствовал себя гораздо лучше, но потом снова заболел и через неделю скончался. По отдаленности от Одессы при гробе и похоронах никого не было кроме жены, сыновей и дочери. Труп его был погребен в Славуте 6 июня 1880 года.

Сначала литературная деятельность Ф. К. была посвящена политической экономии. Первая его историческая статья «Следы лагеря Карла XII возле Бендер у села Варганицы» была помещена во II-м томе записок Од. Общ. Ист. и Др., а затем последовал целый ряд подобных исторических статей. Специальное изучение исторической топографии составляло одну из главных задач Ф. К. Бруна. С этой целью им был издан ряд статей: «Крымский полуостров около половины XVII века» и т. д. Самым лучшим его произведением следует считать «Черноморье», в котором заключены некоторые весьма интересные статьи: «Остров Тирогетов и греко-латинская надпись, найденная в селе Коротном», «Остров Св. Софии», «Нечто о Добрудже», «Берег Черного моря между Днепром и Днестром», «Обмеление Азовского моря». Второй том «Черноморья» издан сыном

автора Л. Ф. Бруном. Он еще интересней первого. Вот некоторые статьи, в нем помещенные: «Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии», «Черноморские готы и следы их долгого пребывания в южной России», «О резиденции ханов Золотой Орды до времен Джажебека I-го».

Всех брошюр и статей ученого содержания Ф. К. Брун написал 80. Главными из них, кроме «Черноморья», следует считать: 1) О внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии 1864 г. (в Записках Од. Общ. Ист. и Др., т. II), 2) О местопребывании Тираса, 3) Крымский полуостров около половины XVIII ст., 4) Одесское общество истории и древностей, 5) О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древние и средние века и некоторые другие.

Ф. К. Брун пользовался обширной европейской репутацией в ученом мире не только в России, но и за границей. Как видно из предыдущего, он находился в сношениях с такими тузами европейской науки как Курциус, Момзен и др. Он состоял действительным членом многих ученых обществ в России и за границей. С 1853 года он был членом ученого общества близ Анконы.

Таковы были заслуги Ф. К. Бруна.

Да примет Господь его в свое царство небесное! Мир праху твоему, усердный труженик, прекрасный семьянин и человек и замечательный ученый, столько трудившейся на прогресс и на пользу науки!

РИШЕЛЬЕВСКИЙ ЛИЦЕЙ ВОСПОМИНАНИЯ М. В. ШИМАНОВСКОГО¹

Я был в Ришельевском лицее в тот год, когда окончательно уже ждали закрытия лицея и открытия Новороссийского университета. Это переходное время весьма неблагоприятно отразилось на жизни лицея вообще, а в особенности на студентах². Не знаю, что с ними будет в следующем академическом году, так как из начальствующих лиц никто положительно не мог дать нам ясного и определенного ответа, студенты, усвоив себе убеждение, что экзаменов никаких не будет, вели жизнь самую безбедную. Занятия у них были на последнем плане. Посещение лекций не представлялось необходимым. В коридорах собирались студенты для разных сходов, а в аудиториях на лекциях сидело два-три человека. Почти каждый вечер студенты собирались в заранее определенном месте и уже оттуда толпой отправлялись бродить по окраинам города, находя при этом развлечением битые стекла и в учинении скандалов в публичных домах. Я не раз участвовал в этих дебошах и в оскорблении лиц, совершенно ни в чем не повинных.

Так проведенная ночь, само собой понятно, клала на каждого из них известное утомление, но я, хотя и участвовал в этих дебошах, тем не менее считал своим долгом ходить на лекции. От окончательного увлечения этой беспутной жизнью меня, однако, спасла та семейная обстановка, которая была у меня. У меня было два брата, далеко старших меня годами, которым я многим обязан. Они останавливали мои увлечения. Многие же из моих сверстников, благодаря безобразной жизни студенческой, завертели и сбились с правильного пути.

Я был очень молод, когда попал в Ришельевский лицей. Мне не было и 17 лет. Для меня в лицее много после гимназии казалось странным и удивительным. Когда, однажды, один из студентов, окончивший курс в лицее, показал мне свое сочинение, которое он представил на факультете, очень обширного содержания, то я удивился объему его сочинения и невольно высказал ему, как это он мог так много написать. Лекции некоторых профессоров были для меня как и для многих моих товарищей крайне непонятны, в силу своей крайней отвлеченности понятий, ими затрагиваемых, и мне нужно было употребить большие усилия, чтобы в них разобраться.

После гимназического курса слушать энциклопедию права, психологию, философию права, было очень тяжело для молодого, еще не окрепшего ума.

Всех профессоров, которых я слушал, я сейчас не могу вспомнить, но о некоторых и я сейчас, вспоминая, могу сообщить то, что сохранилось в моей памяти как мои юношеские воспоминания.

Начну с протоиерея Михаила Карповича Павловского. Он читал нам богословие. Это был высокий, довольно плотный мужчина, с весьма привлекательной физиономией, хотя один глаз у него был испорчен. Являлся протоирей на лекцию всегда в хорошей рясе, рукава которой имели светло-синюю шелковую прокладку. Отец Павловский на кафедре не сидел, а все лекцию он ходил вдоль первой парты и в таком виде рассказывал свое богословское учение. Часто он увлекался своими выводами и соображениями, а когда увлечение его доходило до высшего подъема, он останавливался, и подымая руки, продолжал говорить, принимая довольно театральную позу. В лекциях отца Павловского было все что угодно, а также и богословие, но в очень малой дозе. По окончании первой половины курса, когда мы обратились к нему с просьбой указать пособия, по которым можно было бы подготовиться к экзамену, отец Павловский дал нам несколько тетрадок на синей бумаге, во многих местах пожелтевших, исписанных мелким почерком. Эти тетради по их внешнему виду доказывали, что им уже много лет, как они находятся в обращении, причем содержание их далеко расходилось с теми, что мы слышали на лекциях. Несмотря на все это, лекции отца Павловского я посещал с большой охотой, находя их очень интересными, тем более, что отец Павловский излагал предмет умно, обладая ораторскими способностями. Этот образ профессора богословия я до сих пор сохранил в памяти. Об отце Павловском среди студентов ходило много анекдотов, к которым студенты относились очень добродушно. Экзаменовал Павловский очень снисходительно. Экзаменуя студента К... и видя, что студент ровно ничего не знает, а между тем все без умолку говорит что-то, Павловский, уловив момент, останавливает его и спрашивает знает ли он молитвы. «Знаю», – смело отвечает студент. «Ну скажите Иже Херувимы». – «Я знаю эту молитву, но привык ее петь. Позвольте, я спою». – «Пойте». И вот студент начинает на всю аудиторию петь, но дальше двух слов «Иже Херувимы» не двигается и тянет их на разные

тоны. – «Ну, а дальше», – говорит Павловский. – «Я еще не закончил всех нот», – отзывается студент К. Отец Павловский, видя, что этому пению конца не будет, прекратил экзамен и поставил все же переходную отметку.

Таков был профессор о. Павловский. Могу еще заявить, что сколько я не слышал от товарищей отзывов об о. Павловском, все они были крайне благожелательны для него. Все его уважали и ценили, как большого знатока своего предмета и замечательного оратора.

Смирнов Михаил Павлович читал русскую историю. Всегда в высшей степени спокойный, одетый всегда изящно, с строго выдержанной физиономией, медленно входил в аудиторию и голосом ровным и приятным читал лекцию. По-моему, он читал очень хорошо. Хотя мы все знали, что в основе лекций профессора лежит «История России» Соловьева, но слушать Михаила Павловича было крайне приятно и поучительно. Он излагал лекцию весьма простым и доступным образом. На меня лично профессор Смирнов своими лекциями произвел такое впечатление, что я полюбил русскую историю, я начал заниматься и читать книги исторического содержания, а историю Соловьева прямо таки изучил, и это влечение к истории отразилось на всей моей дальнейшей деятельности. В Петроградском университете, куда я перевелся не дождавшись открытия Новороссийского университета, где я и окончил курс, я специально занимался историей русского права и эти занятия меня до того выдвинули, что я был оставлен в университете для подготовки на кафедру русского права. Под влиянием этой же любви к истории, уже будучи судебным деятелем, я составил две части: «Первая часть X тома с ее историческими основаниями», где я на основе источников 1 части X тома указываю какие статьи имеют себе основание в наших предшествующих законодательных памятниках и какие статьи явились как результат тех воззрений и знаний, которыми обладали наши составители Свода законов. Такое влияние, которое произвели на меня лекции проф. Смирнова, не могло остаться без надлежащей оценки с моей стороны и о чем я часто в своей жизни выражал глубокую признательность профессору и рад, что могу ее выразить гласно и сейчас, несмотря на то, что мне уже 71 год, а я 17-летним юношей слушал его лекции.

Орбинский Роберт Василевич читал нам психологию. Я не помню, всем ли товарищам, но наверняка знаю, что большинству из нас

Роберт Васильевич вселял какой-то страх. Вообще к профессору студенты питали не особенно симпатичные чувства. Знали его нелюдимость, какое-то затаенное чувство неприязни к студентам, придирчивость на экзаменах, и даже глумление над ответами студентов. Читал г. Орбинский весьма методично, сухо, а предмет, который он нам читал, до того затемнял, что иной раз даже трудно было разобраться в том, что он читал. Р. В. читал не только лекции по разным предметам, но он также был преподавателем русской словесности, географии и др. Он выдавал нам для литографирования подробный конспект своих лекций, но и это не помогало нам разобраться.

В мое время про Р. В. рассказывали следующий эпизод. На лекцию Р. В. является попечитель округа. Орбинский до его прихода читал монотонно и крайне сонно, но вдруг он оживился и начал излагать совершенно о другом, никакой связи с тем, что он ранее излагал, не имевшем. Говорил ясно, увлекательно, с подъемом, так что произвел на студентов и попечителя самое приятное впечатление. Ушел попечитель и профессор продолжил чтение с того места, на котором остановился до его появления. Такой рассказ передавался среди студентов об Орбинском. Вообще для меня профессор Орбинский был крайне несимпатичен, несмотря на то, что я с ним не говорил, а только видел на кафедре. Это мое юношеское впечатление. В мое время в Ришельевском лицее не было такого сближения между студентами и профессорами, которое, в сущности должно было быть и которое тем возвышает студента и приближает одного к другому. Таким наиболее реальным представителем, устраняющимся от студентов, и был профессор Орбинский. Подойти к профессору с просьбой каких-либо разъяснений, указать на пособия, было не в нравах моего времени в лицее. Студенты воздерживались от подобных действий, боясь получить для себя какую-нибудь неприятность или по меньшей мере быть высмеянным, в виду этого совершенно понятно, что отношение профессора к студентам в Петроградском университете произвело на меня чарующее впечатление. Там не студент шел к профессору, а профессор шел на сближение со студентами. У каждого почти профессора были назначены дни для приема у себя студентов. В назначенный день студент мог идти к профессору, говорить с ним о лекциях, просить указать, что следует прочесть, ему давали разъяснения и даже

снабжали книгами; вообще держали профессора себя в отношении студентов крайне благожелательно.

Один из профессоров, а именно Андреевский³, постоянно говорил: «На студента смотрю, как на младшего товарища. Пройдет 4 года и он может быть профессором». Такие взгляды, положенные в основу отношений между профессорами и студентами, крайне сближали одних с другими и весьма благотворно действовали на студентов. Студенты не чувствовали себя отщепенцами и изолированными от профессоров, а, видя в них своих руководителей и наставников, которые искренне стремились быть им полезными, относились к своим наставникам с чувством глубокого уважения. Ничего подобного не было в Ришельевском лицее. Профессора здесь держали себя олимпийцами, людьми без греха и требовали к себе всякого уважения от студентов. Такое отношение, само собою понятно, не могло давать никаких добрых результатов.

Если я в своих воспоминаниях «Мое студенчество и мои профессора», где я излагаю мою жизнь в Петроградском университете, горячо восхваляю то пережитое время и благодарю судьбу, что мне выпало такое счастье, то воспоминания о Ришельевском лицее могут лишь привести на грустное настроение.

Светлой личностью, выделяющейся из ряда других, был в то время профессор Александр Михайлович Богдановский. Я не слушал его лекции, так как уголовное право читалось на третьем курсе, но в мое время я все же знал его лично, так как он занимал административную должность и с ним приходилось сталкиваться и не только слышать о его доброте, но и на самом себе ее испытать.

На сколько Богдановский любил университет и вообще свято о нем отзывался, то я в этом убедился из его слов, далеко после того, когда я окончил всякие расчеты с университетской жизнью и находился на службе по судебному ведомству. Был обед по поводу 25-летия Новороссийского университета. Я получил приглашение участвовать в нем как бывший лицеист. Триумфатором на обеде, как старший, был А. М. Богдановский. В речах, которые произносились, почти во всех слышались благодарственные и благоприятные отзывы по адресу профессора Богдановского. Указывали на его отзывчивость к интересам студентов, на его крайнюю снисходительность на экзаменах и в особенности много говорилось о том, как он старался и

каких он только мер не употреблял, чтобы дать возможность закончить учебу в лицее.

«Да, – сказал А. М. – Это было. Я всегда старался, чтобы студент оканчивал курс. Я понимал, что университет не только своей жизнью облагораживает своих питомцев, но даже одно пребывание в стенах этого храма науки уже действует на него благотворно. Питомец, побывав в университете, каково бы ни было его в нем поведение, выходит все же с окраской этого учреждения и крайне изменившимся». Эти слова произвели на меня сильное впечатление. Я только тогда понял всю глубину доброй души этого профессора и его отношений к студентам. Таких людей редко приходится встречать и в этом заключается причина, почему так резко выделялся А. М. Богдановский среди тех профессоров Ришельевского лицея, которые в его время носили это звание.

КОМЕНТАРІ

А. Сумароков

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОДЕССКОМ РИШЕЛЬЕВСКОМ ЛИЦЕЕ с 1820 по 1828 г.

Друкується за виданням: *Одесский вестник. 1885 рік. 15 листопада, 20 листопада, 29 листопада, 30 листопада, 19 грудня, 31 грудня.*

¹ Сумароков Олександр – надвірний радник, навчався в Рішельєвському лицейі у 1820-1828 роках, після завершення навчання служив в штабі Новоросійського поселення.

² За Статутом Рішельєвського лицейу 1817 р. навчальний рік в лицейі розпочинався у січні.

³ В перші роки існування Рішельєвського лицейу функціонували чотири класи – підготовчий, граматичний, словесний і риторичний, у 1820 р. відкрився найстарший п'ятий клас – філософський. Крім цього, до складу лицейу входило двокласне початкове училище та два середні училища.

⁴ Ніколь Шарль Домінік (1758 - 1835) – абат, французький педагог, найближчий співробітник герцога А.-Е. Рішельє на освітянській ниві в Одесі, автор першої друкованої книги «Начертание правил воспитания в обоих Одесских благородных институтах» (Одеса, 1814), перший директор Рішельєвського лицейу (1817 - 1820 рр.).

⁵ Жилле Ремі Акинфієвич (1766 - 1849) – француз, доктор словесності Харківського університету. Перебував на посадах помічника директора, першого інспектора Рішельєвського лицейу; у 1820-1821 роках – директор лицейу. Після звільнення з лицейу продовжив педагогічну кар'єру в Головному педагогічному інституті в Петербурзі та Царськосельському лицейі.

⁶ Карнеєв Єгор Васильович (1773 - 1849) – генерал-лейтенант, член ради міністерства фінансів, сенатор. Походив із дворянської родини Харківської губернії, навчався в Московському університеті, був директором департаменту мануфактур і внутрішньої торгівлі. У

1822 – 1825 роках займав посаду попечителя Харківського навчального округу.

⁷ *Гейнлет Іосиф-Алоїзій (Іванович)* – німець за походженням, надворний радник. З 1821 р. до 1825 р. перебував на посаді директора Рішельєвського ліцею.

⁸ У 1826 - 1832 роках посаду професора фізико-математичних наук займав ад'юнкт, вихованець Педагогічного інституту Рішельєвського ліцею *Олександр Григорович Тройницький*, згодом – відомий громадський діяч і редактор газети «Одесский вестник».

⁹ *Дудрович Іван Іванович* (1795 - 1843) – вихідець із Закарпаття, кандидат філософії Харківського університету. В Рішельєвському ліцеї у 1818 – 1838 роках викладав філософію; у 1825 - 1826 роках – виконуючий обов'язки директора ліцею.

¹⁰ *Феофіл* (у світському житті *Фініков Петро Іванович*) – архімандрит, випускник Московської слов'яно-греко-латинської академії, викладач законотчення в Петербурзькому кадетському корпусі, за протекцією князя О. М. Голиціна призначений законотчителем в Рішельєвський ліцей, перебував на цій посаді з 1817 до 1825 року, з 1819 р. входив до Правління ліцею.

¹¹ *Віард Анрі Огюст* (1789 - 1863) – навчався в Паризькій політехнічній школі, з 1807 року служив в Інженерному корпусі французької армії, брав участь у наполеонівських війнах в Німеччині та Іспанії. У 1818 році на запрошення абата Ніколя зайняв посаду професора фізико-математичних наук в Рішельєвському ліцеї, в якому викладав до 1827 року.

¹² *Ковалевський Олександр Іванович* – титулярний радник, випускник Харківського університету, вчитель Одеської комерційної гімназії, ад'юнкт ліцею. У 1820 - 1825 роках – професор російської, латинської та грецької словесності і граматики у Рішельєвському ліцеї.

¹³ *Гриневиц Ілля Федорович* – магістр Харківського університету, професор латинської та російської риторики і словесності у 1820 - 1826 роках, в. о. професора законотчення та політичної економії у 1825 році, бібліотекар ліцею та член правління навчальної частини.

¹⁴ *Лепка Михайло Мартинович* – чех за походженням, наглядач, професор французької граматики та географії у 1825 - 1828 роках, згодом викладав римське право (до 1831 року).

¹⁵ *Піципію Яків Григорович* – грек за походженням, ад'юнкт грецької словесності і риторики у 1824 - 1826 роках.

¹⁶ *Лоран Жан Марк (Іван Маркович)* – народився в Швейцарії, навчався в Лозаннській академії. У 1820 – 1830 роках – ад'юнкт-наглядач та професор всевітньої історії і французької словесності в Рішельєвському ліцеї.

¹⁷ *Піллер Антон Андрійович* – статський радник, професор італійської мови та словесності у 1817 – 1838 роках, інспектор та член правління ліцею; викладав італійську мову в Одеському дівочому благородному інституті.

¹⁸ *Голіцин Олександр Миколайович* (1773 - 1844) – державний діяч, дійсний таємний радник, довірена особа Олександра I. У 1816 - 1824 роках – міністр духовних справ і народної освіти.

¹⁹ *Орлай Іван Семенович* (1771 - 1829) – вихідець з Закарпаття; дійсний статський радник, доктор медицини, академік Санкт-Петербурзької медико-хірургічної академії, педагог, письменник. У 1821 - 1826 роках – директор Ніжинської гімназії вищих наук кн. О. Безбородька. У 1826 - 1829 роках – директор Рішельєвського ліцею.

²⁰ *Кеппен Карл Іванович* – надвірний радник, магістр Харківського університету, працював в ліцеї у 1823 - 1827 роках, займав посаду другого інспектора, наглядав за справами в канцелярії, член правління господарської частини ліцея.

²¹ *Пахман Вікентій Пилипович* – статський радник, ад'юнкт та згодом інспектор ліцею, викладач музики, латинської мови і словесності, комерційної бухгалтерії, після запровадження статуту 1837 року викладав історію правознавства, філософію права, енциклопедію законодавства. З 1831 року перебував на посаді цензора Одеського цензурного комітету.

²² *Спада Антоній Франциск* (р.н. невідомий - 1843) – колезький асесор, письменник і педагог, походженням з Ліворно, деякий час проживав у Франції, у 1801 році емігрував до Росії, працював цензором у Санкт-Петербурзі, за протекцією графа В. Кочубея потрапив в Одесу викладачем французької мови і словесності в Рішельєвський ліцей. З 1830 року – бібліотекар Одеської публічної бібліотеки, згодом – цензор іноземної літератури, директор Одеського міського музею старожитностей, дійсний член Одеського товариства історії та старожитностей.

²³ *Стемпковський Іван Олексійович* (1788 - 1832) – археолог, антикознавець, колекціонер старожитностей, член багатьох наукових

товариств. У 1808 - 1815 роках – особистий секретар Херсонського військового губернатора де Рішельє, пізніше служив під командуванням графа М. С. Воронцова, за протекцією якого став Керченікальським градоначальником. Член правління Рішельєвського лицю, ініціатор створення Одеської міської публічної бібліотеки, археологічних музеїв в Одесі та Керчі, проводив археологічні розкопки в Ольвії та Керчі.

К ЧЕСТВОВАНИЮ ПАМЯТИ ПУШКИНА.

Из воспоминаний А. Сумарокова и Н. Тройницкого.

Друкується за виданням: *Ришельевский лицей и Императорский Новороссийский университет. Сборник, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Часть I. Одеса, 1898. С.81-84.*

А. Сумароков. Письмо в редакцию.

¹ *Сумароков Александр* навчався в Рішельєвському лиціє у 1820-1828 роках, залишив докладні спогади про життя лицю, його структуру, директорів, викладачів, повсякденне життя вихованців. Спогади про зустріч в лиціє з видатним поетом О. С. Пушкіним влітку 1824 року вперше опубліковані в 1887 році в газеті «Одесский вестник».

² *Яковлев Володимир Олексійович* (1840 - 1896) – історик, професор Новоросійського університету, секретар Одеського товариства історії та старожитностей, завідувач Одеською міською публічною бібліотекою; більшість наукових праць присвячені історії Одеси.

Из воспоминаний Н. Г. Тройницкого.

³ *Тройницкий Микола Григорович* (1811 - 1892) – колезький радник, управляючий Одеською митницею. Закінчив навчання в лиціє у 1832 році, брат відомого громадського діяча і редактора «Одесского вестника» Олександра Григоровича Тройницкого.

⁴ *Пушкін Лев Сергійович* (1805 - 1852) – молодший брат Олександра Сергійовича Пушкіна, його літературний секретар під час заслання на південь. З 1842 року жив в Одесі, переведений на державну службу в Одеську портову митницю.

⁵ *Зеленецький Костянтин Петрович* (1812 - 1857) – філолог, історик літератури. Випускник Рішельєвського ліцею, згодом професор російської словесності цього ж навчального закладу.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ в 20-х годах XIX века

Друкується за рукописом тексту із особистого архіву професора Новоросійського університету Івана Андрійовича Линниченка (Держархів Одеської області. Ф.153, оп.1, спр.510, арк.2-12а)

¹ *Сливицький Олексій Іванович* – випускник Московського університету, вчитель і віце-директор Одеського дворянського шляхетного інституту, професор російської, латинської та грецької риторики у Рішельєвському ліцеї в 1818 – 1820 рр.

² *Мальчевський Павло Степанович* – кандидат Московського університету, професор російської, латинської та грецької граматики і словесності у Рішельєвському ліцеї в 1818 – 1821 рр.

³ *Дудрович Іван Іванович* у 1818 – 1838 роках викладав філософію; у 1825 – 1826 роках – виконуючий обов'язки директора ліцею.

⁴ *Жилле Ремі Акинфієвич* – перший інспектор Рішельєвського ліцею; у 1820-1821 роках – директор ліцею.

⁵ *Піллер Антон Андрійович* – професор італійської мови та словесності у ліцеї в 1817 - 1838 роках.

⁶ *Жаданов Іван Данилович* – кандидат Харківського університету, титулярний радник, вчитель, а згодом директор Одеської комерційної гімназії (1813 - 1816 рр.), професор комерційних наук (1817 - 1820 рр.) та інспектор (1820 - 1823 рр.) в Рішельєвському ліцеї.

⁷ Перший статут Рішельєвського ліцею був затверджений 2 травня 1817 року і опублікований французькою та російськими мовами: *Etablissement du Lycee Richelieu a Odessa, fonde par oucase de S.M. l'Empereur de toutes les Russies, en date du 2 Mai 1817. P.*, 1817. Див. також: *Образование и устав Ришельевского лицея в Одессе*. СПб., 1818.

⁸ Мова йде про спогади вихованця Рішельєвського ліцею *Олександра Сумарокова*, що були опубліковані в газеті «Одесский вестник» в 1885 році.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКИФОРОВИЧА МУРЗАКЕВИЧА

Друкується за виданням: *Николай Никифорович Мурзакевич. Автобиография / прим. и биографический очерк кн. В. Д. Дабижа. СПб, 1886. С. 70-88, 112-117, 218-219, 230-233.*

¹ *Мурзакевич Микола Никифорович* (1806 - 1883) – історик, археолог, археограф; народився у Смоленську, освіту отримав у Московському університеті. З 1830 року проживав в Одесі: працював на чиновницьких посадах у місцевій митниці, у 1831 році перейшов до Рішельєвського ліцею, де пройшов шлях від помічника вчителя до ад'юнкта (1837 рік), професора на кафедрі російської історії і статистики (1839 рік) та директора Рішельєвського ліцею (1852 - 1857 роки); викладав російську та всесвітню історію, географію. Засновник (1839 рік), секретар (1839 – 1875 роки) та віце-президент (1875 – 1883 роки) Одеського товариства історії і старожитностей. Завідував Одеською публічною бібліотекою, видавав журнал «Новороссийский альманах».

² *Вітт Іван Іосифович (Йосипович)* (1741 - 1840) – граф, генерал від кавалерії, брав участь в Наполеонівських війнах, призначений начальником південних військових поселень, з квітня 1823 р. став управляючим Рішельєвським ліцеєм, фактично звівши нанівець опіку харківського попечителя над ліцеєм.

³ *Покровський Никифор Федорович* (1779 - 1838) – народився в сім'ї священника, навчався в Московському університеті, мав педагогічний досвід, був директором училищ Ярославської губернії, у 1830 – 1836 роках перебував на посаді попечителя Одеського навчального округу.

⁴ *Гербановський Ісидор Миколайович* (1783 - 1854) – випускник Київської академії, викладач Кишинівської семінарії, отримав сан священника і протоієрея, сподвижник митрополита Гавриїла. У 1825 – 1833 роках – законовчитель та член правління ліцея.

⁵ *Симонович Платон Олексійович* – серб за походженням, доктор філософії, статський радник, займав кафедру комерційних наук в лицей з 1822 року, у 1829-1830 роках був наглядачем лицю, з 1832 року – затверджений у званні професора комерційних наук; входив до складу правління лицю.

⁶ *Сініцин Микола Іванович* – статський радник, директор Рішельєвського лицю у 1832 – 1844 роках.

⁷ *Новосильський Павло Михайлович* (1800 - 1862) – офіцер, служив у військовому відомстві, з 1825 року перейшов на службу в міністерство народної освіти, директор канцелярії міністра, член Головного управління училищ.

⁸ За Статутом 1837 р. Рішельєвський лицей реформувався у два відділення – фізико-математичне та юридичне, що за структурою наближало його до університетської установи.

⁹ Автор, очевидно, має на увазі професорів лицю, що мали наукові ступені – професора фізико-математичних наук *Г. К. Бруна*, доктора філософії, професора історії та статистики *П. К. Бруна*, професора римської словесності *П. В. Беккера*, доктора медицини кандидата філософії, професора природничої історії *О. Д. Нордмана*.

¹⁰ *Бугайський Михайло Миколайович* перебував на посаді попечителя Одеського навчального округу у 1846 - 1854 роках.

¹¹ Директором Рішельєвського лицю у 1844 - 1852 році був *Петров Олександр Григор'євич* – статський радник, кандидат Харківського університету, займав посади директора І-ї Київської гімназії, директора Рішельєвського лицю, згодом став помічником попечителя Одеського навчального округу.

Н. И. Греч

ВОСПОМИНАНИЯ О ДМИТРИИ МАКСИМОВИЧЕ КНЯЖЕВИЧЕ

Друкується за виданням: *Греч Николай Иванович. Воспоминания о Дмитриии Максимовиче Княжевиче. Санкт-Петербург, 1860. 24 с.*

¹ *Греч Микола Іванович* (1781 - 1867) – письменник, редактор, публіцист, видавець. Народився в Санкт-Петербурзі у родині дворян,

навчався в Головному педагогічному училищі, викладав в Царскосельському ліцеї, приватних пансіонах. Видавець журналів «Сын Отечества», «Русский вестник»; член-кореспондент Петербурзької академії наук.

² *Княжевич Дмитро Максимович* (1788 - 1844) – освітній та громадський діяч, видавець; дійсний статський радник. Серб за походженням, народився в Санкт-Петербурзі, випускник Казанської гімназії, служив в міністерстві фінансів, видавець літературних листків до журналу «Сын Отечества», один із засновників і перший президент Одеського товариства історії та старожитностей (1839 рік), видавець «Одесских альманахов». У 1837 – 1844 роках – попечитель Одеського навчального округу, здійснив реформування Рішельєвського ліцею.

³ «Новороссийский календарь», «Кавказский календарь» – науково-довідкові неперіодичні видання, що виходили друком з 1840-х років, вміщували інформацію про різноманітні події в регіоні та статті з історії, географії, статистики, етнографії краю.

⁴ Див.: *Минаков И.* Биография Дмитрия Максимовича Княжевича // Новороссийский календарь. 1860. С.464-469.

⁵ Мова йде про Статут Рішельєвського ліцею 1837 року, за яким в ліцеї утворювалося два відділення – фізико-математичне і юридичне, що прирівняло ліцей до університетів.

⁶ Камеральне відділення в Рішельєвському ліцеї було відкрите у 1842 році.

П. Д. Селецкий

ОДЕССА И АДЪЮНКТ-ПРОФЕССОРСТВО

Друкуються за виданням: *Записки Петра Дмитриевича Селецкого. Часть I (1821 - 1846 год) // Киевская старина. 1884. Т.3. С. 443-464.*

¹ *Селецкий Петро Дмитрович* (1821 - 1879) – музикант, композитор, випускник Київського та Берлінського університетів. У 1841 - 1842 роках викладав в Рішельєвському ліцеї. З 1844 року жив у Києві, був співробітником Київської тимчасової комісії для розбору давніх актів, з 1858 року перебував на посаді Київського віце-

губернатора, співзасновник Київського відділу Руського музичного товариства.

² *Селецький Дмитро Петрович* – поміщик з Полтавщини, полковник, учасник війни 1812 року, у власному маєтку створив хор та оркестр, виступав за скасування кріпацтва.

³ У 1838 - 1840-му роках обов'язки викладача кафедри російського законодавства виконував магістр Петербурзького університету *С. Ф. Коробкін*. Після його звільнення на початку 1840-х років викладання предметів по кафедрі було доручено іншим викладачам юридичного відділення – *М. О. Соловійову* та *В. А. Линовському*.

⁴ *Нордман Олександр Давидович* – доктор медицини Берлінського університету, кандидат філософії, статський радник. У 1832 - 1848 роках – професор природознавчої історії в Рішельєвському ліцеї, згодом – завідуючий Одеським ботанічним садом, директор Одеського училища садівництва.

⁵ Ймовірно, мається на увазі ад'юнкт *Пахман Вікентій Пилипович* (1793 - 1878), який у 1838 - 1853 роках читав студентам ліцею курси римського цивільного права та історії римського права з оглядом права візантійського, а з 1846 року – ще й курси міжнародного права.

И. Г. Шершеневич

ИЗ ПАМЯТИ ОДЕССКОГО СТАРОЖИЛА

Друкується за виданням: *Шершеневич И. Г. Из памяти одесского старожила // Из прошлого Одессы : сборник статей / составлен Л. М. Де-Рибасом. Одесса, 1894. С.262-263, 283-292.*

¹ *Шершеневич Йосип Григорович* – народився в Одесі, навчався в Рішельєвському ліцеї, згодом в цьому ж навчальному закладі працював молодшим та старшим вчителем гімназії, у 1851 – 1853 роках був помічником інспектора; член Одеського товариства історії та старожитностей.

² *Деларю Михайло Данилович* – колезький радник, перебував на посаді інспектора ліцею у 1837 - 1841 роках.

³ Очевидно, автор переплутав: *Соколов Григорій Іванович* – кандидат Московського університету, статський радник, перебував на посаді інспектора ліцею у 1845 – 1850-му роках, а ось до 1837 року інспектором ліцею був *Чанов Федір Федорович*.

⁴ Ймовірно, автор розповідає про *Струве Федора Аристовича* (1816 - 1885) – доктора класичної філології, професора римської словесності і старожитностей в Казанському університеті, який у 1865 році був призначений професором по кафедрі грецької філології у щойно відкритий Новоросійський університет.

О. О. Чижевич

ГОРОД ОДЕССА И ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО Воспоминания одесского старожила

Друкується за виданням: *Чижевич О. О. Город Одесса и одесское общество. Воспоминания одесского старожила // Из прошлого Одессы : сборник статей / составлен Л. М. Де-Рибасом. Одесса, 1894. С.1-8.*

¹ *Чижевич Осип Осипович* (1826 - 1898) – громадський діяч, мемуарист. Випускник Рішельєвського ліцею 1846 року, служив в канцелярії генерал-губернатора, був представником дворянства Одеського повіту, гласним думи, членом міської управи, товаришем (заступником) одеського міського голови.

² *Павловський Михайло Карпович* (1810 - 1898) – протоієрей, навчався в Катеринославській гімназії, магістр богослов'я Київської духовної академії, у 1838 – 1865 роках – професор богослов'я в Рішельєвському ліцеї.

³ *Нордман Олександр Давидович* – доктор медицини, кандидат філософії, у 1832 – 1848 роках – професор природознавчої історії в Рішельєвському ліцеї. *Брун Генріх-Вільгельм Карлович* – доктор філософії, з 1832 року професор фізико-математичних наук, до 1835 року викладав в ліцеї фізику з основами хімії. *Гассгаген Християн Генріхович* – магістр хімії і мінералогії Університету св. Володимира, з 1839 року – професор хімії і технології в Рішельєвському ліцеї.

⁴ *Беккер Павло Васильович* (1807 - 1881) – магістр Університету св. Володимира, доктор філософії, в Рішельєвському ліцеї з 1837 року призначений на посаду ад'юнкта грецької і латинської словесності, у 1839 - 1857 роках – професор римської словесності. Був інспектором ліцею, завідувачем бібліотеки, радником правління; дійсний член Одеського товариства історії та старожитностей, директор Другої Одеської гімназії.

⁵ *Левтеропуло Василій Єгорович* – фізик і математик, випускник Рішельєвського ліцею, магістр Університету св. Володимира, у 1836 році затверджений на посаді ад'юнкта ліцею з дозволом викладати фізику і математику, з початком дії Статуту 1837 року очолив кафедру фізики і фізичної географії, професор цієї ж кафедри з 1840 до 1856 року.

М. А. Филиппов

ПРОФЕССОРЫ БРАТЬЯ БРУНЫ

Из воспоминаний

Друкується за виданням: *Профессоры братья Бруны (Из воспоминаний М. А. Филиппова) // Русская старина. 1898. Т.93. №1. С.111-120.*

¹ *Філіппов Михайло Авраамович* (1828 - 1886) – юрист, публіцист. Випускник Петербурзького університету. Роботу в юридичному відомстві сполучав з видавничою та публіцистичною діяльністю.

² *Линівський Володимир Альбертович* (1818 - 1863) – правознавець, історик, статський радник. Навчався в Уманській гімназії та Московському університеті, магістр Університету св. Володимира. У 1839 - 1859 роках – ад'юнкт, згодом професор по кафедрі практичного судочинства, викладав закони державного благоустрою, закони кримінальні, цивільні та межеві, вступ до науки права, а також історію законодавства.

³ *Михайлов Михайло Михайлович* – кандидат Петербурзького університету, у 1846 – 1847 роках виконував обов'язки ад'юнкта по кафедрі енциклопедії та історії права і огляду російських законів.

⁴ *Григор'єв Василь Васильович* (1816 - 1881) – випускник Петербурзького університету та Інституту східних мов при міністерстві закордонних справ. У 1838 - 1844 роках був професором Інституту східних мов при Рішельєвському ліцеї.

⁵ *Михневич Йосип Григорович* (1809 - 1885) – історик освіти, богослов, випускник Київської духовної академії, у 1834 - 1849 році викладав в ліцеї всі філософські дисципліни, потім був інспектором ліцею. Сподвижник реформаторської діяльності М. І. Пирогова. Перший історіограф Рішельєвського ліцею.

⁶ *Брун Пилип Карлович* (1804 - 1880) – випускник Дерптського університету, доктор філософії, з 1832 року переїхав до Одеси – ад'юнкт, завідувач бібліотеки ліцею, з 1834 року викладав історію, через два роки затверджений професором історії та статистики, додатково викладав політичну економію і комерцію. У 1865 - 1871 роках викладав всесвітню історію в Новоросійському університеті.

⁷ *Брун Генріх-Вільгельм Карлович* (1806 - 1854) – доктор філософії, з 1832 року професор фізико-математичних наук, додатково викладав в ліцеї фізику з основами хімії.

А. И. Маркевич

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЕ «ПРОФЕССОРЫ БРАТЬЯ БРУНЫ»

Друкується за виданням: *Маркевич А. Поправки и дополнения к статье «Профессоры братья Бруны» // Русская старина. 1898. Т.94. №4. С.133-136.*

¹ *Маркевич Олексій Іванович* (1847 - 1903) – історик, краєзнавець, випускник Ніжинського ліцею кн. О. Безбородька, магістр Новоросійського університету, з 1880 до 1895 року – приват-доцент, професор по кафедрі російської історії Новоросійського університету, перший історіограф університету.

² *Головкінський Микола Олексійович* (1834 - 1897) – випускник Казанського університету, учасник Кримської військової кампанії, професор Казанського університету. З 1871 року переїздить до Одеси, обраний професором по кафедрі мінералогії Новоросійського

університету, у 1877 – 1881 роках – ректор Новоросійського університету.

³ *Соловійов Михайло Олександрович* (1816 - 1856) – магістр Петербурзького університету, з 1838 року виконував обов'язки ад'юнкта, у 1842-1843 роках професор енциклопедії та історії права.

⁴ *Арцимович Адам Антонович* (1829 - 1893) – випускник Імператорського училища правознавства, працював в Сенаті, дійсний статський радник, губернатор Самари. У 1862 - 1866 роках – попечитель Одеського навчального округу.

К. Скальковський

ПЕРВАЯ ОДЕССКАЯ ГИМНАЗИЯ

Друкується за виданням: *Скальковський К. Первая одесская гимназия // Воспоминания молодости (по морю житейскому), 1843 – 1869. СПб.: Тип-фия А. Суворина, 1906. С.38-50.*

¹ *Скальковський Костянтин Аполлонович* (1843 - 1906) - адміністративний діяч, геолог і гірничий інженер, економіст, публіцист, театрознавець; син відомого історика Аполлона Олександровича Скальковського. Отримав середню освіту в шляхетному пансіоні при Рішельєвському ліцеї, а вищу — в Інституті корпусу гірничих інженерів. Служив на кількох посадах в Гірничому департаменті, а від 1891 до 1896 р. був його директором. Літературну діяльність почав ще в студентські роки.

² *Скальковський Олександр Аполлонович* (1841 - 1893) – адміністративний діяч, старший син відомого історика Аполлона Олександровича Скальковського. Навчався в пансіоні при Рішельєвському ліцеї, у 1861 році закінчив юридичне відділення. Працював в господарському департаменті, з 1881 р. був його директором, з 1884 р. – помічник начальника управління пошти і телеграфу.

³ *Петров Олександр Григор'євич* – випускник Харківського університету, директор училищ Київської губернії, директор 1-ї Київської гмназії, інспектор класів Київського інституту шляхетних дівчат. У 1844 – 1852 роках – директор Рішельєвського ліцею і

помічник попечителя Одеського навчального округу; згодом, у 1860-1880-х роках – голова Санкт-Петербурзького цензурного комітету.

⁴ *Ширинский-Шихматов Платон Олександрович* (1790 - 1853) – міністр народної освіти, академік Імператорської академії наук, письменник. Походив з старовинного князівського роду, з 1824 р. служив в міністерстві народної просвіти – директором канцелярії, директором департаменту, товаришем міністра і міністра (з 1850 р.). Під впливом революційних рухів в Західній Європі його міністерська діяльність мала реакційний характер – з 1850 р. в університетах були закриті факультети і кафедри філософії (у тому числі і в Рішельєвському ліцеї).

⁵ *Норов Авраам Сергійович* (1795 - 1869) – державний діяч, вчений, письменник; дійсний статський радник. З 1827 р. служив в міністерстві внутрішніх справ, був сенатором і помічником попечителя Людинолюбивого товариства, помічником міністра народної освіти, у 1853 – 1856 роках – міністр народної освіти. При ньому зростає кількість студентів у вищих навчальних закладах, була розширена програма викладання з стародавніх мов, відновлена практика відрядження молодих вчених за кордон.

⁶ *Шапеллон Альфонс Карлович* – колезький радник, з 1841 року викладав в ліцеї французьку мову; його син *Август Альфонсович Шапеллон* викладав французьку мову в Новоросійському університеті.

⁷ *Ертель Мориц Генріхович* – колезький радник, учитель німецької мови в ліцейській гімназії (з 1834 р.) та ліцеї (з 1840 р.).

⁸ Автор пише про *Йосипа Григоровича Михневича*, який з 1850 року перебував на посаді інспектора Рішельєвського ліцею.

⁹ *Менделєєв Дмитро Іванович* (1834 - 1907) – видатний хімік, один із авторів періодичної таблиці хімічних елементів. Випускник фізико-математичного факультету Санкт-Петербурзького університету, працював вчителем гімназії спочатку у Сімферополі, у 1855 – 1856 роках викладав в Одеській гімназії при Рішельєвському ліцеї. Тут поряд з педагогічною діяльністю він підготувався до іспитів на вчений ступінь магістра і написав магістерську дисертацію, яку успішно захистив наприкінці 1856 р.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ВОСПОМИНАНИЯ Е. Ф. КЛИМЕНКО

Друкується за рукописом тексту спогадів Е. Ф. Клименка із особистого архіву професора Новоросійського університету Івана Андрійовича Линниченка (Держархів Одеської області. Ф.153, оп.1, спр.510, арк.141-159)

¹ *Клименко Єфим Филимонович* (1839 - 1922) – навчався в Полтавській гімназії, гімназії при Рішельєвському ліцеї, на юридичному відділенні Рішельєвського ліцею, випускник природничого відділення фізико-математичного факультету Московського університету. З 1871 року – магістр, згодом доцент і професор по кафедрі хімії Новоросійського університету, у 1890 році пішов у відставку.

² Малюнки не збереглися.

³ *Орбинський Роберт Васильович* (1834 - 1892) – вихованець Головного педагогічного інституту, з 1851 року перебував в Одесі, викладав російську словесність і географію в гімназії Рішельєвського ліцею, перебував на посаді ад'юнкта, а згодом професора по кафедрі педагогіки в Рішельєвському ліцеї; засновник і перший директор Одеського комерційного училища, в 1865 – 1876 роках – професор кафедри історії філософії Новоросійського університету.

⁴ *Пирогов Микола Іванович* (1810 - 1881) – хірург, доктор медицини, педагог, член-кореспондент Петербурзької академії наук; у 1856 – 1858 роках був попечителем Одеського навчального округу, розпочав процес перетворення Рішельєвського ліцею на університет.

⁵ *Демидов Павло Григорович* (1809 - 1858) – дійсний статський радник, промисловець, попечитель Демидівського ліцею; у 1853 – 1856 роках був попечителем Одеського навчального округу.

⁶ *Лохвицький Олександр Володимирович* (1830 - 1884) – юрист, доктор права, дійсний статський радник, випускник юридичного факультету Московського університету, слухав лекції права в Гельдейберзькому університеті; у 1856 – 1861 роках викладав в Рішельєвському ліцеї – ад'юнкт, згодом професор кафедри історії та енциклопедії права.

⁷ *Смирнов Михайло Павлович* (1833 - 1877) – історик, випускник історико-філологічного факультету Петербурзького головного педагогічного інституту; у 1855 – 1865 роках викладав історію в

Рішельєвському ліцеї, згодом – професор по кафедрі російської історії, декан історико-філологічного факультету, проректор та виконувач обов'язків ректора Новоросійського університету.

ВОСПОМИНАНИЯ О РИШЕЛЬЕВСКОМ ЛИЦЕЕ БЫВШЕГО СТУДЕНТА Н. Е. СЛАВИНСКОГО

Друкується за рукописом тексту спогадів *М. Є. Славинського із особистого архіву професора Новоросійського університету Івана Андрійовича Линниченка (Держархів Одеської області. Ф.153, оп.1, спр.510, арк.47-69)*

¹ *Славинський Микола Євстафійович* (1839 - 1918) – письменник, редактор, засновник та директор поштово-телеграфного музею в Санкт-Петербурзі. Був студентом камерального відділення Рішельєвського ліцею в 1856 – 1859 роках.

² Камеральне відділення в Рішельєвському ліцеї було відкрите в період попечительства Одеським навчальним округом *Д. М. Княжевича* у 1842 році.

³ *Ребіндер Микола Романович* (1813 - 1865) – таємний радник, сенатор, працював в департаменті міністерства юстиції, був віце-директором депатртаменту духовних справ іноземних віросповідань, у 1856 - 1858 роках перебував на посаді попечителя Київського навчального коругу, у 1858 – 1859 роках – Одеського навчального округу.

⁴ *Могилянський Матвій Матвійович* – працював в міністерстві народної освіти, був директором Юридичного ліцею кн. О. Безбородька, у 1859 – 1861 роках перебував на посаді попечителя Одеського навчального округу.

⁵ *Єшевський Степан Васильович* (1829 - 1865) – кандидат Московського університету, у 1853 – 1855 роках виконував обов'язки ад'юнкта по кафедрі російської історії та статистики.

⁶ *Богдановський Олександр Михайлович* (1832 - 1902) – магістр Московського університету, з 1853 року – на службі в Рішельєвському ліцеї: ад'юнкт, згодом професор по кафедрі практичного судочинства, карного і цивільного права і директор Рішельєвського ліцею. Брав

активну участь в процесі перетворення ліцею на університет, займав посади проректора, професора карного права, декана юридичного факультету Новоросійського університету.

⁷ *Георгієвський Олександр Іванович* (1830 - 1911) – випускник історико-філологічного факультету Московського університету, у 1854 – 1862 роках виконував обов'язки ад'юнкта по кафедрі загальної історії та статистики в Рішельєвському ліцеї.

⁸ *Байков Дмитро Олександрович* (1818 - 1870) – магістр Московського університету, статський радник, професор природничої історії в Демидівському ліцеї, з 1850 року – професор Рішельєвського ліцею; перебував також на посаді інспектора Одеського дівочого шляхетного інституту.

⁹ *Сокальський Іван Петрович* (1830 - 1896) – магістр Харківського університету, надворний радник, з 1851 року перебував на посаді ад'юнкта, з 1855 року – професора політичної економії і комерції Рішельєвського ліцею, потім перевівся до Харківського університету.

¹⁰ Автор помиляється: редактором газети «Одесский вестник» у 1859 – 1871 роках був *Микола Петрович Сокальський*, а в 1871 – 1876 роках – *Петро Петрович Сокальський*, рідні брати *Івана Петровича Сокальського*.

¹¹ *Гассгаген Христіян Генріхович* – магістр хімії і мінералогії Університету св. Володимира, з 1839 року – професор хімії і технології в Рішельєвському ліцеї.

¹² *Палімсестов Іван Устинович* (1818 - 1901) – закінчив Саратовську духовну семінарію і Горигорєцьке землеробне училище, з 1851 року – викладач Одеської семінарії, з 1853 року – викладач, згодом професор по кафедрі сільського господарства і лісоведення Рішельєвського ліцею, з 1865 року призначений екстраординарним професором сільського господарства Новоросійського університету.

¹³ *Акімов Сократ Акімович* – магістр Московського університету, викладач Московської 3-ї реальної гімназії, у 1856 році призначений професором фізики і фізичної географії в Рішельєвський ліцей.

В. Ф. Докс

ВОСПОМИНАНИЯ О РИШЕЛЬЕВСКОМ ЛИЦЕЕ

Друкується за рукописом тексту спогадів В. Ф. Докса із особистого архіву професора Новоросійського університету Івана Андрійовича Линниченка (Держархів Одеської області. Ф.153, оп.1, спр.510, арк.15-20, 59-60)

¹ Докс Віктор Федорович (1845 - 1920) – випускник 1861 року фізико-математичного відділу Рішельєвського лицю; дійсний статський радник, гласний Одеської думи, мировий суддя, один з чотирьох директорів Одеського міського кредитного товариства.

² Карастельов Корнелій Іванович (1829 - 1886) – випускник Рішельєвського лицю, кандидат Московського університету, з 1854 року – ад'юнкт, з 1860 року – магістр чистої і прикладної математики Рішельєвського лицю. З 1865 року – у Новоросійському університеті: екстраординарний професор, завідувач кабінета практичної механіки, декан фізико-математичного факультету.

³ Лук'янов Яків Афанасійович (1806 - 1860) – магістр Московського університету, статський радник, викладач Ярославської гімназії, професор математики в Демидівському лицейі, з 1852 року – професор прикладної математики в Рішельєвському лицейі.

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СТУДЕНТА РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ 1857 – 1861 Г. АЛЕКСАНДРА БРЖОСНИОВСКОГО

Друкується за рукописом тексту спогадів О. Бржосніовського із особистого архіву професора Новоросійського університету Івана Андрійовича Линниченка (Держархів Одеської області. Ф.153, оп.1, спр.510, арк.71-100)

¹ Бржосніовський Олександр Павлович – випускник 1861 року камерального відділення Рішельєвського лицю, агроном, лаборант, згодом – завідувач музею в Новоросійському університеті.

² *Юргевич Владислав Норбетович* (1818 - 1898) – випускник Петербурзького головного педагогічного інституту, продовжив навчання в лейпцигському університеті, згодом – викладач грецької і латинської словесності в Харківському університеті. У 1858 – 1865 роках – професор римської словесності в Рішельєвському лиціі, далі – доктор римської словесності і ординарний професор Новоросійського університету, у 1868 – 1871 роках – декан історико-філологічного факультету.

³ *Власьєв Микола Сергійович* (1831 - 1872) – випускник юридичного факультету Московського університету, чиновник канцелярії Московського цивільного губернаторства, у 1854 – 1859 роках виконував обов'язки ад'юнкта по кафедрі державного права, законів державного благоустрою, законів про повинності та фінанси, згодом – професор енциклопедії правознавства та римського права. З 1865 року викладав в Новоросійському університеті міжнародне право, енциклопедію та історію філософії.

⁴ *Максимов Микола Іванович* (1828 - 1865) – магістр Харківського університету, з 1854 року – ад'юнкт, з 1857 року – професор римського та міжнародного права в Рішельєвському лиціі.

⁵ У 1858 році завдяки ініціативі попечителя Одеського навчального округу *М. І. Пирогова* видання газети «Одесский вестник» передано Рішельєвському лицію, редакторами були професори *О. І. Георгієвський* та *О. М. Богдановський*, але після від'їзду *М. І. Пирогова* з Одеси, газета повернулася в підпорядкування генерал-губернатора Новоросійського краю.

⁶ *Комарницький Зіновій Германович* призначений третім інспектором лицію в 1856 році; *Логінов Дем'ян Іванович* перебував на посаді другого інспектора лицію з 1852 року. Після відкриття Новоросійського університету обидва були призначені помічниками проректора.

А. Кочубинский

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Друкується за виданням: *Кочубинский А. Н. И. Ленц, действительный член И.О.О.Истории и Древностей*

(Из личных воспоминаний) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1907. Т.27. С.1-9.

¹ *Кочубинський Олександр Олександрович* (1845 - 1907) – навчався в гімназії при Рішельєвському лицей, випускник історико-філологічного факультету Московського університету, викладач літератури та словесності в одеських гімназіях, з 1871 року – доцент, згодом – професор по кафедрі слов'янської філології в Новоросійському університеті.

² *Ленц Микола Іванович* (1830 - 1906) – випускник юридичного відділення Рішельєвського лицей, викладач та інспектор гімназії при Рішельєвському лицей, згодом – директор реального училища в Миколаєві; відомий краєзнавець, займався літературою, історією освіти, педагогікою.

³ *Линниченко Андрій Іванович* (1822 - 1888) – філолог, історик літератури, батько відомого історика Івана Андрійовича Линниченка. Випускник Київського університету св. Володимира, з 1853 року – професор російської словесності Ніжинського лицей кн. О. Безбородька, з 1855 року – ад'юнкт, згодом доцент історико-філологічного факультету Київського університету по кафедрі історії і загальної літератури, автор підручника «Курс истории русской литературы».

К. Лысаковский

**МЕМУАРИ О РИШЕЛЬЕВСКОМ ЛИЦЕЕ И
РИШЕЛЬЕВСКОЙ ГИМНАЗИИ конца 50-х – начала 60-х
годов**

Друкуються за рукописом тексту спогадів *К. Лисаковського* із особистого архіву професора Новоросійського університету Івана Андрійовича Линниченка (Держархів Одеської області. Ф.153, оп.1, спр.510, арк.23-46, 109-110)

¹ *Лисаковський Карл* – випускник гімназії при Рішельєвському лицей, у 1862 - 1864 роках навчався на камеральному відділенні Рішельєвського лицей, згодом працював викладачем гімназії в Ромнах.

² Брун Людовик Пилипович (1845 - 1905) – син професора Пилипа Карловича Бруна, випускник камерального відділення Рішельєвського ліцею, працював бібліотекарем в Новоросійському університеті; однокурсник та товариш К. Лисаковського.

³ Палаузов Спиридон Миколайович (1818 - 1872) – болгарський громадський діяч, історик. Навчався в Рішельєвському ліцеї, згодом Гейдельберзькому та Мюнхенському університетах, кандидат Московського університету, магістр Санкт-Петербурзького університету; дійсний член Імператорського товариства історії та старожитностей російських в Москві; за дорученням перших засновників болгарського настоятельства в Одесі разом з В. Є. Априловим став організатором першого болгарського училища в Габрово (Болгарія).

РИШЕЛЬЄВСКИЙ ЛИЦЕЙ ВОСПОМИНАНИЯ М. В. ШИМАНОВСКОГО

Друкується за рукописом тексту спогадів *М. В. Шимановського* із особистого архіву професора Новоросійського університету Івана Андрійовича Линниченка (Держархів Одеської області).
Ф.153, оп.1, спр.510, арк.51-56)

¹ Шимановський Митрофан Васильович (1845 - 1898) – навчався у 2-й Одеській гімназії та Рішельєвському ліцеї, кандидат юридичного факультету Петербурзького університету, магістр; працював в міністерстві юстиції, приват-доцент Казанського університету, з 1881 року – член Одеського судової палати, у 1882 - 1884 роках читав лекції по кафедрі громадянського права на юридичному факультеті Новоросійського університету.

² Кількість студентів Рішельєвського ліцею в останні роки його існування суттєво зменшилася: у 1862 році в ліцеї навчалось 104 особи, в 1863 році – 55 осіб, у 1864 році – всього 27 осіб.

³ Андрєєвський Михайло Аркадієвич (1847 - 1879) – кандидат Харківського університету, у 1867 році призначений на посаду приват-доцента Новоросійського університету, з 1871 року – доктор математики і професор Варшавського університету.

І М Е Н Н И Й П О К А Ж Ч И К

- Акімов С. А. – 189, 198, 200, 208, 209, 214, 251, 252, 287
- Андрєєвський М. А. – 269, 291
- Андрієвський І. А. – 16, 101, 103, 105
- Апрілов В. Є. – 291
- Арістов В. – 185, 193, 212, 216, 219
- Архангельський П. В. – 18, 94, 101, 103
- Арцимович А. А. – 32, 33, 155, 283
- Бабичев А. К. – 18, 99
- Байков Д. О. – 188, 198, 208, 209, 214, 251, 287
- Беккер П. В. – 24, 28, 29, 139, 142, 153, 159, 161, 163, 166-169, 174, 186, 199, 200, 207, 208, 221, 239, 240, 243, 252, 277, 281
- Белий М. І. – 144
- Белоусов М. В. – 75
- Богаєвський Г. О. – 18
- Богдановський О. М. – 25, 28-30, 187, 208-213, 219, 251-252, 269-270, 286, 289
- Боффо Ф. К. – 107
- Бржосніовський О. П. – 8, 9, 200, 288
- Брун Г. К. – 9, 20, 24, 25, 105, 110, 112, 139-145, 153-154, 159, 208, 255-258, 277, 280, 282
- Брун К. – 252
- Брун Л. П. – 238, 258-260, 291
- Брун П. (Ф.) К. – 9, 20, 24, 105, 110, 113, 117, 142, 145, 148, 150, 153-156, 159, 208, 239, 260-264, 277, 282
- Буавен Ф. – 14, 49, 95
- Бугайський М. М. – 24-25, 112, 114, 160, 277
- Бутков В. П. – 149
- Буше Ж.-Б. (І.) – 14, 140
- Великанов А. С. – 161
- Віард А. О. – 14, 50, 61, 66, 91, 272
- Вінтер І. І. – 93, 103
- Вітт І. І. (Й.) – 16, 91, 93, 100-103, 276
- Власьєв М. С. – 25, 29, 208-209, 213, 289
- Волковський Г. П. – 24
- Волконський П. М. – 40, 65
- Воронич І. – 38, 87
- Воронцов М. С. – 46-47, 105, 110, 124, 128, 200, 235-238, 250, 258, 274
- Гассгаген (Газгаген) Х. Г. – 24, 112, 139, 159, 189, 198, 208, 214, 251-252, 280, 287
- Гейнлет А. І. – 7, 15-16, 45, 51-53, 58-60, 73, 76, 82, 100, 272
- Гекель Є. Ф. – 15
- Георгієвський О. І. – 25, 29, 187, 191, 198, 208-213, 251, 287, 289
- Гербановський І. М. – 74, 100, 103, 105, 276
- Герцен О. І. – 214
- Глазенап Б. О. – 31
- Гоголь М. І. – 151
- Голіцин О. М. – 67, 93-94, 98, 273

- Головкінський М. О. – 152-153, 156
Головнін О. В. – 31
Готалов-Готліб А. Г. – 6-7
Гревс – 209
Греч М. І. – 9, 117, 277
Гребцова І. С. – 21-22, 29
Грибоедов О. С. – 20
Григор'єв В. В. – 24, 142, 282
Гриневич І. Ф. – 14, 18, 62-63, 92, 99, 272
Грюнс О. Г. – 164
Гур'єв О. Д. – 15, 60
Дабіджи В. Д. – 155
Де-Брюкс – 159, 172
Делавос А. – 172
Деларю М. Д. – 131, 133, 279
Демидов П. Г. – 24, 26, 160, 170, 210, 285
Демінітру Є. – 26
Диттерикс – 76-77
Джунковський В. Я. – 15
Докс В. Ф. – 8, 198, 288
Дондуков-Корсаков П. О. – 108
Дудрович А. І. – 61
Дудрович І. І. – 7, 11, 14, 16, 19, 61, 87, 96, 99-103, 272, 275
Ертель М. Г. – 159, 190, 209, 239, 245, 284
Єшевський С. В. – 187, 286
Жаданов І. Д. – 11, 14, 87, 90, 275
Жиліє Р. А. – 7, 11, 15, 40, 49, 51-52, 67, 87, 95, 98-100, 271, 275
Жуков Д. Ф. – 37, 96, 109
Завадовський А. Ф. – 37
Зеленецький К. П. – 24, 109, 112, 160, 187, 206, 208, 230, 233, 275
Золотов В. А. – 55, 104, 110
Іванов – 161
Іпсиланті О. – 64
Калінеску М. М. – 74, 99
Каліновський – 96
Карастельов К. І. – 25, 198, 208, 288
Карнеєв Є. В. – 15, 272
Кеппен К. І. – 74, 99, 273
Кир'яков М. М. – 94, 104
Клименко Є. Ф. – 8, 162, 285
Кнорре – 138
Княжевич Д. М. – 9, 22-24, 27, 117, 124, 130, 133, 135, 142, 153, 277, 278, 286
Ковалевський Є. П. – 30, 209-210, 247
Ковалевський О. І. – 14, 61-62, 96, 272
Коленко З. В. – 164
Комарницький А. Я. – 25, 112, 161, 208
Комарницький З. Г. – 213, 289
Коробкін С. Ф. – 279
Кохманський В. С. – 194
Кочубей В. П. – 273
Кочубинський О. О. – 9, 279, 289, 290
Крамарев М. А. – 54, 56-58

- Крилов І. А. – 151
- Кузьмін В. Н. – 25, 113
- Кукольник Н. В. – 29
- Курляндцев М. Д. – 18, 20, 101
- Лавровський М. О. – 16
- Ланжерон О. Ф. – 11, 14, 76, 87, 96, 100
- Левтеропуло В. Є. – 24-25, 112, 140, 158, 208, 281
- Лельєвр Ж. – 14, 38, 64
- Ленц М. І. – 6, 9, 229-237, 239-240, 243, 246, 289, 290
- Леонард К. – 194
- Лепка М. М. – 64, 101, 103, 272
- Линниченко А. І. – 234, 290
- Линниченко І. А. – 8, 275, 285-286, 288, 290, 291
- Линовський В. А. – 24-25, 112, 142, 153, 159, 279
- Лисаковський К. О. – 8, 238, 290
- Лисаковський Л. О. – 251
- Логінов Д. І. – 190, 213, 289
- Лоран Ж. (І.) М. – 14, 67, 273
- Лохвицький О. В. – 25, 179, 189, 199, 200, 209, 285
- Лук'янов Я. А. – 198, 208, 288
- Магденко А. – 21
- Максимов М. І. – 25, 209, 213, 251, 289
- Мальський К. М. – 190, 213
- Мальчевський П. С. – 11, 87, 96, 275
- Маразлі Г. Г. – 5, 238, 250
- Маржерен Б. – 14
- Маркевич О. І. – 5, 15, 26-30, 34, 153, 282
- Менделєєв Д. І. – 5, 161, 172, 284
- Михайлов М. М. – 142, 281
- Михневич Й. Г. – 5, 14, 16, 19, 24, 26, 28, 142, 159, 164-168, 186, 190, 200-201, 204-210, 212-213, 220, 231, 239-240, 282, 284
- Мізко Д. Т. – 15
- Мінаков І. – 118, 158, 278
- Міницький – 161, 241
- Могилянський М. М. – 30-32, 179, 186, 219-220, 252, 286
- Муравйов М. Н. – 115, 209, 214
- Муравйов С. С. – 25
- Мурзакевич М. Н. – 7-8, 19, 24-25, 93, 116, 137, 139, 155, 163, 167, 186, 199-200, 207, 276
- Неволін К. О. – 126
- Ніколь Ш. Д. – 7, 11-16, 39-40, 47-50, 55, 72, 82, 87, 91, 94, 98, 99, 102, 157, 182, 203, 205, 271
- Новосильський П. М. – 106, 277
- Нодо Н. Ф. – 14, 38
- Нордман О. Д. – 20, 24, 106, 110, 128, 142, 159, 256, 277, 279, 280
- Норов А. С. – 25, 113-115, 144, 148, 155-157, 161, 191, 284
- Олександр І – 15, 40, 88, 95, 99
- Олександр ІІ – 26, 32-33, 184, 189, 219, 246

- Орбинський Р. В. – 25, 28-29, 161, 164, 178, 187, 206, 208, 239, 240, 267-268, 285
- Орлай І. С. – 7, 16, 18-19, 76-77, 82, 100-102, 273
- Остен-Сакен Д. Є. – 26
- Павловський М. К. – 137, 164, 187, 198, 208, 251, 253, 266-267, 280
- Палаузов С. М. – 263, 291
- Палімсестов І. У. (Ю.) – 189, 208, 251, 287
- Папков – 243
- Пахман В. П. – 53, 77, 273, 279
- Пахман С. – 193
- Перетяткович Г. – 216
- Петров О. Г. – 24-25, 140, 147, 157, 277, 283
- Петровський В. В. – 24-25, 109, 112
- Петш А. В. – 96, 105
- Пирогов М. І. – 8, 27-30, 161, 164-166, 174-178, 182-186, 191, 195-201, 206-214, 217-218, 285, 289
- Піллер А. А. – 11, 67, 87, 92, 96, 139, 273, 275
- Пиципіо Я. Г. – 65, 92, 272
- Покровський Н. Ф. – 7, 19, 93, 102-109, 137, 153, 276
- Поплавський І. Я. – 235
- Попов – 158, 172-173, 241
- Порфирій (Успенський) – 20
- Постоленко І. А. – 195
- Протасов М. А. – 111
- Пушкін Л. С. – 85, 274
- Пушкін О. С. – 5, 20, 83-86, 103, 108
- Рандель – 209
- Ребіндер М. Р. – 30, 185-186, 200, 218, 286
- Рішельє А.-Е. – 11, 13, 36, 77, 82, 87, 94, 110, 205, 271
- Розберг М. П. – 20, 105, 110
- Розенберг В. – 193, 241, 243
- Розумовський П. О. – 108
- Селецький Д. П. – 279
- Селецький П. Д. – 9, 124, 278
- Симонович П. О. – 19, 24, 99-103, 107, 277
- Сирба М. І. – 231
- Сікар М. К. – 238
- Сініцин М. І. – 19, 93, 106, 137, 277
- Скальковський К. А. – 9, 157, 283
- Скальковський О. А. – 157, 283
- Скоробогатий В. – 26
- Славинський М. Є. – 8-9, 182, 194, 286
- Славинський М. Є. – 193
- Сливицький О. І. – 87, 96, 275
- Смирнов М. П. – 25, 28-29, 180, 198, 208, 210, 232, 281, 267, 285
- Сокальський І. П. – 32, 189, 287
- Сокальський М. П. – 287
- Сокальський П. П. – 287
- Соколов Г. І. – 25, 113, 131, 280
- Соловйов М. О. – 24, 153, 279, 283

- Соловійов С. М. – 142, 153
- Спада А. Ф. – 78, 80, 273
- Стемпковський І. О. – 82, 273
- Стражеско Д. Є. – 194
- Стратонов В. – 195
- Строганов О. Г. – 30-31, 184, 191, 205, 219, 258
- Струве Ф. А. – 135, 280
- Стулли Ф. – 195
- Стурдза О. С. – 61, 93
- Сумароков О. – 7, 9, 35, 83, 90-92, 271, 274, 276
- Суходольський А. А. – 16, 93
- Тизенгаузен І. Г. – 262
- Трегубов М. Я. – 14
- Трико Г. – 196
- Тройницький М. Г. – 21, 55, 65, 84, 190, 274
- Тройницький О. Г. – 29, 272
- Тундерман Ю. І. – 239, 241
- Уваров С. С. – 106, 108, 111-112
- Ушаков А. – 21, 86
- Феофіл (Фініков П. І.) – 38, 61, 67, 70, 91, 95, 98-99, 272
- Філіппов М. А. – 9, 142, 153-154, 281
- Фініков С. І. – 16
- Фойгт К. – 32
- Цорн А. – 141, 160
- Чанов Ф. Ф. – 107, 137, 280
- Чижевич О. О. – 9, 137, 280
- Шапеллон А. А. – 243, 247, 248
- Шапеллон А. К. – 190, 158, 209, 251, 284
- Шаховський О. – 16
- Шевченко Т. Г. – 151, 156
- Шершеневич Й. Г. – 9, 130, 279
- Шершеневич К. – 195
- Шимановський М. В. – 8-9, 266, 291
- Ширинський-Шихматов П. О. – 115, 157, 284
- Шишков О. С. – 101, 106
- Шишковський В. І. – 190, 259
- Шкляревич Є. М. – 14, 99
- Шперлінг – 252
- Шостак А. – 97
- Щеголев О. П. – 26, 171
- Щерецький В. Ф. – 241, 244, 246
- Юргевич В. Н. – 208, 213, 261, 289
- Юрченко П. – 14
- Яковлев В. О. – 14, 195, 274
- Якунін В. М. – 180

Наукове видання

**КРИЗЬ ПРИЗМУ ПАМ'ЯТІ І ЧАСУ:
ОДЕСЬКИЙ РІШЕЛЬЄВСЬКИЙ ЛІЦЕЙ
У СПОГАДАХ СУЧАСНИКІВ**

В авторській редакції

Підписано до друку 10.04.2017 р.
Формат 60×84/16. Папір офсетний. Гарнітура TimesNewRoman.
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 00,00. Наклад 100 прим.
Зам. № 1004/2.

Надруковано з готового оригінал-макету у друкарні «Апрель»
ФОП Бондаренко М. О.
65045, м. Одеса, вул. В. Арнаутська, 60
тел.: +38 0482 35 79 76

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців ДК № 4684 від 13.02.2014 р.